

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№4
2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

научный журнал

№ 4/2022

дата публикации: 21.11.2022 г.

Является сетевым СМИ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.

ISSN 2587-7666

Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

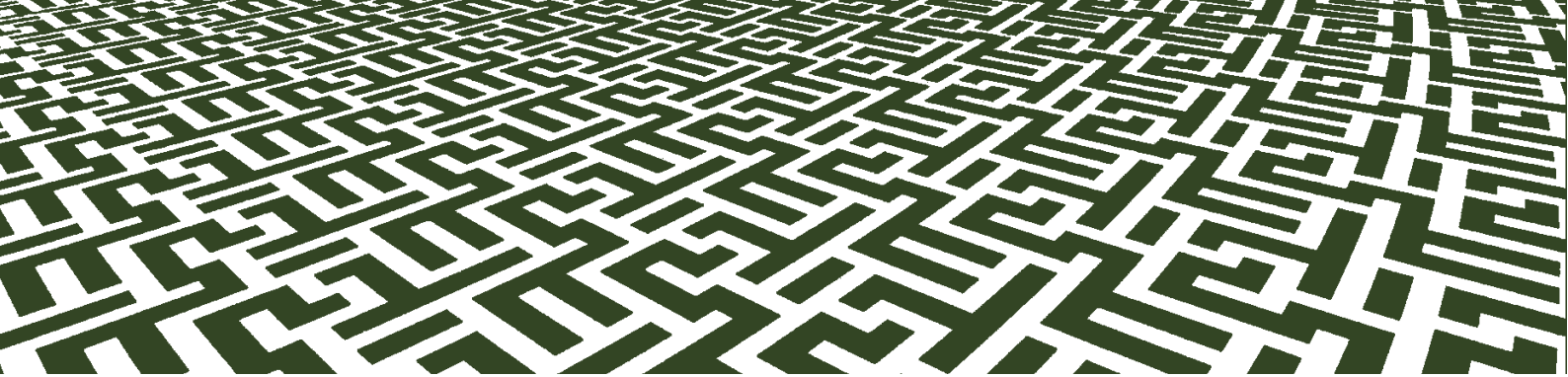
Журнал внесён в перечень ВАК по следующим специальностям:
Экономические: 5.2.1. Экономическая теория
Социологические: 5.4.2. Экономическая социология
Политические: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

Главный редактор П.А. Ореховский
Ответственный секретарь А.И. Волынский

Редакционная коллегия

В.С. Автономов	Н.А. Макашева <i>зам. гл. редактора</i>
О.И. Ананьин	В.С. Мартьянов
М.Р. Байсингер (США)	В.Ю. Музычук
А.Е. Варшавский	Р.М. Нуреев
М.И. Воейков <i>зам. гл. редактора</i>	А.Н. Олейник (Канада)
Г.Д. Гловели	Н.М. Плискевич <i>зам. гл. редактора</i>
Р.С. Гринберг	Л.И. Полищук
В.Е. Дементьев	В.М. Полтерович
А.П. Заостровцев <i>зам. гл. редактора</i>	Т.Ф. Ремингтон (США)
Л.В. Зеленоборская	А.Я. Рубинштейн
Р.И. Капелюшников	М.Е. Симон
С.Г. Кирдина-Чэндлер	Н.Е. Тихонова
О.Б. Кошовец	М.Ю. Урнов
А.М. Либман (ФРГ)	Б.А. Хейфец
В.И. Маевский	Т.В. Чубарова <i>зам. гл. редактора</i>

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.
Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
тел./факс: 8(499) 724-15-41
e-mail (издателя): ieras@inecon.ru
e-mail (для авторов статей): editorqet@gmail.com
© Вопросы теоретической экономики, 2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THEORETICAL ECONOMICS

- **Economic theory**
- **Methodology of economic science**
- **From theory to economic policy**
- **History of thought**
- **Interdisciplinary studies**
- **Economic history**
- **Surveys & reviews**

N^o4
2022

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MOSCOW

VOPROSY TEORETICHESKOY EKONOMIKI
scientific journal

№ 4/2022

publication date: 21.11.2022

Chief Editor Petr Orekhovsky
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov	N.A. Makasheva <i>Deputy Chief Editor</i>
O.I. Anan'in	V.S. Martyanov
M.R. Beissinger (USA)	V.U. Muzychuk
A.E. Varshavskiy	R.M. Nureyev
M.I. Voyeikov <i>Deputy Chief Editor</i>	A.N. Oleinik (Canada)
G.D. Gloveli	N.M. Pliskevich <i>Deputy Chief Editor</i>
R.S. Grinberg	L.I. Polishchuk
V.E. Dementiev	V.M. Polterovich
A.P. Zaostrovtssev <i>Deputy Chief Editor</i>	T.F. Remington (USA)
L.V. Zelenoborskaya	A.Y. Rubinshtein
R.I. Kapelyushnikov	M.E. Simon
S.G. Kirdina-Chandler	N.E. Tikhonova
O.B. Koshovets	M.Y. Urnov
A.M. Libman (FRG)	B.A. Kheyfets
V.I. Mayevskiy	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@gmail.com
© Voprosy teoreticheskoy ekonomiki, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Н.А. Ганичев, О.Б. Кошовец

«Новый цифровой разворот» — от дискурса экономического роста к технологическому расколу мира и принудительной рационализации..... 7

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В.Л. Тамбовцев

Концепт укоренённости в теории и эмпирических исследованиях 25

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А.Е. Шаститко, К.В. Дозмаров

Экономическая экспертиза в административном антимонопольном процессе..... 46

К.Э. Яновский, С.В. Жаворонков

Всеобщее принудительное: что случилось с образованием и можно ли перезапустить мотор экономического роста? 57

Т.В. Чубарова

Универсализм и/или адресность в социальной политике (на примере здравоохранения)..... 77

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

О.Н. Борох

Иностранные экономисты и китайские реформы: вклад Башаньского совещания (1985 г.) в формирование стратегии преобразований..... 93

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

Европейский Союз после Брексита: итоги и перспективы интеграционного проекта 110

А.В. Каравай

Социальный капитал российского общества в условиях внешних шоков разной природы ... 134

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

С.А. Васильев

Аграрные реформы в России в XIX – начале XX вв.: политический контекст и технологии проведения (Часть 2. Второй этап аграрной реформы: С.Ю. Витте и П.А.Столыпин) 149

В.Л. Степанов

Премьер-министр В.С. Павлов и денежная реформа 1991 г.: оценки и суждения..... 164

М.А. Фельдман

Второй пленум Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР: ретроспектива (25-29 июня 1936 г.) 177

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ю.В. Латов

Социология жизненных шансов и рисков как вклад в «экономику счастья» (Размышления над книгой «Общество неравных возможностей: социальная структура современной России») 193

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

N. Ganichev, O. Koshovets

«New Digital U-Turn» — From Economic Growth Discourse to Separated Technological Zones and Forced Rationalisation 7

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

V. Tambovtsev

Embeddedness Concept in the Theory and Empirical Research..... 25

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

A. Shastitko K. Dozmarov

Economic Expertise in the Administrative Antitrust Process..... 46

K. Yanovskiy, S. Zhavoronkov

Universal and Compulsory: What Has Happened to Education and Is It Possible to Restart the Motor of Economic Growth?..... 57

T. Chubarova

Universalism or Targeting in Social Policy: the Case of Healthcare 77

HISTORY OF THOUGHT

O. Borokh

Foreign Economists and Chinese Reforms: the Contribution of the Bashan Conference (1985) to Shaping the Strategy of Transformation 93

INTERDISCIPLINARY STUDIES

A. Medushevskiy

European Union after BREXIT: Results and Prospects of the Integration Project..... 110

A. Karavay

The Social Capital of Russian Society in the Face of External Shocks of Different Nature 134

ECONOMIC HISTORY

S. Vasiliev

Agrarian Reforms in Russia in the XIX - Early XX Centuries: Political Context and Technologies of implementation (Part 2. The Second Stage of Agrarian reform: Witte and Stolypin)..... 149

V. Stepanov

Prime Minister V.S. Pavlov and the Monetary Reform of 1991: Assessments and Judgments 164

M. Feldman

The Second Plenum (Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR): Retrospective (June 25-29, 1936)..... 177

SURVEYS & REVIEWES

Y. Latov

Sociology of Life Chances and Risks as a Contribute to the «Economy of Happiness» (Reflections on «Unequal Opportunity Society: Social Structure of Modern Russia»)..... 193

Н.А. Ганичев

*к.э.н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
(Москва)*

О.Б. Кошовец

*к.филос. наук, Институт экономики РАН,
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва)*

«НОВЫЙ ЦИФРОВОЙ РАЗВОРОТ» — ОТ ДИСКУРСА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ РАСКОЛУ МИРА И ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Больше 13 лет прошло с того момента, как глобальная «цифровая трансформация» была на официальном международном уровне провозглашена в качестве новой парадигмы ускоренного экономического роста, которая спасёт мир от последствий мирового финансового кризиса 2007-2009 гг. За это время цифровые технологии действительно распространились практически повсеместно, а цифровая инфраструктура стала средой функционирования всех сфер экономической деятельности. Однако влияние цифровых технологий непосредственно на экономический рост оказалось намного скромнее ожидаемого. Даже форсированная цифровая трансформация на фоне пандемии COVID-19 не смогла переломить негативных тенденций. В то же время эффект перераспределения добавленной стоимости в пользу цифровых корпораций, передел структуры рынков и их монополизация, а также технологический процесс фрагментации мира на технико-экономические зоны становятся всё более очевидными и ярко проявляющимися следствиями массового применения цифровых технологий. Это официально признано на международном уровне и нашло отражение в последних профильных докладах ООН, посвящённых «цифровой экономике». В данной статье мы показываем, что цифровая экономика завершает период своего первичного становления и вступает на новый этап развития, который ставит под вопрос глобальный характер её развития, так как будет характеризоваться крайне жёсткой борьбой за контроль над рынками, а главное, за контроль над новыми базовыми технологиями, (прежде всего, «искусственным интеллектом»), а также новым «цифровым сырьём» — данными, необходимыми для работы этих технологий. В рамках этой борьбы, которая, возможно, будет происходить на фоне деглобализации, экономические механизмы конкуренции отступят на второй план, уступая место прямому технологическому протекционизму и использованию различных механизмов монополизации рынков.

Ключевые слова: *цифровая экономика, ИКТ, потенциал роста, стратегическое развитие, импорто-замещение, микроэлектроника.*

JEL: A13, E01, L16, L63.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_7_24.

Исчерпание «цифровой парадигмы» ускоренного экономического роста

Поиск путей перезапуска экономического роста после кризиса конца 2000-х гг. привёл к возникновению цифровой парадигмы, в рамках которой ускоренное развитие инфокоммуникационной инфраструктуры и основанных на ней сервисов рассматривалось как единственный путь значительного стимулирования темпов глобального экономического роста. Отправной точкой для становления такой парадигмы можно считать итоговый документ Экономического форума в Давосе в 2009 г., который провозгласил, что именно «цифровая революция может стать основой для последующего устойчивого развития мировой экономики [WEF, 2009]. Повышенное внимание международных организаций к проекту цифровой экономики во многом объяснялось тем, что она, в отличие от несостоявшихся «технологических революций» 2000-2010-х гг., опирается на мощный фундамент в виде уже давно существующего и до недавнего времени бурно развивавшегося сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ-сектора) и радиоэлектронной промышленности, а также на поддержку и огромные финансовые ресурсы крупнейших транснациональных ИТ-корпораций.

В рамках традиционного для западной экономической мысли дискурса технологического прогресса как ключевого драйвера экономического роста ИКТ рассматривается как технология общего назначения (ТОН) [Lipsev, Carlaw 2016], обладающая тремя ключевыми признаками, сформулированными Бреснаханом и Трахтенбергом [Bresnahan, Trajtenberg, 1995]:

- 1) всепроникающий характер — инновации на основе ИКТ охватывают большинство секторов экономики;
- 2) совершенствование — цифровые технологии видоизменяются и совершенствуются со временем;
- 3) поощрение инноваций — ИКТ способствуют массовому созданию вторичных инноваций как в сфере производственного процесса, так и в сфере появления новых продуктов и рынков.

Во второй половине 2010-х годов в западной научной литературе началась дискуссия по поводу того, можно ли считать массовую волну вторичных цифровых инноваций отдельной ТОН. Появился даже специальный термин новой цифровой экономики (НЦЭ) [Van Ark, 2016], под которой понимается сочетание мобильных технологий, повсеместного доступа к интернету и перехода к хранению, анализу и обработке «больших данных в облаке» на основе технологий «искусственного интеллекта» (ИИ). Редакторы выпущенного в 2019 г. Национальным бюро экономических исследований США сборника статей на эту тему [The Economics of Artificial..., 2019] делают вывод о том, что новой ТОН можно считать ИИ, который по аналогии с человеческим интеллектом является "инструментом общего назначения" и имеет потенциал для применения в широком спектре секторов [Ibid. P. 4].

Впрочем большинство авторов сходятся во мнении, что, несмотря на всё более широкое распространение технологии, так называемых НЦЭ не меняют фундаментальной основы развития цифровой экономики, а именно, экспоненциального роста вычислительной мощности микропроцессоров, которые продолжают оставаться главной ТОН с середины XX в. Тем не менее появление и развитие новых вторичных инноваций в рамках НЦЭ, особенно связанных с ИИ, порождает целый каскад качественно новых эффектов во множестве секторов экономики. Однако эти эффекты уже не связаны напрямую с экономическим ростом и ростом производительности труда, но приводят к серьёзным структурным изменениям, меняя сам принцип функционирования многих традиционных рынков.

Практика показала, что сам сектор ИКТ, а также многочисленные новые цифровые услуги, появившиеся после кризиса 2009 г. и демонстрирующие высокую динамику роста в натуральном выражении (количество пользователей соцсетей, объём передаваемого тра-

фика и пр.), обеспечили относительно небольшой вклад в ВВП. Повышая качество, доступность и скорость многих операций, снижая транзакционные издержки, цифровые технологии действительно радикально изменили модели ведения бизнеса во многих отраслях. Но, по сути, они не способствовали радикальному увеличению темпов экономического роста, а лишь перераспределили «на себя» часть мировой добавленной стоимости. На рис. 1, где показана сравнительная динамика роста глобального сектора ИКТ в сравнении с мировым выпуском, хорошо видно, что вслед за бурным ростом цифровых технологий сколько-либо значительного увеличения темпов роста мирового выпуска не наблюдается.

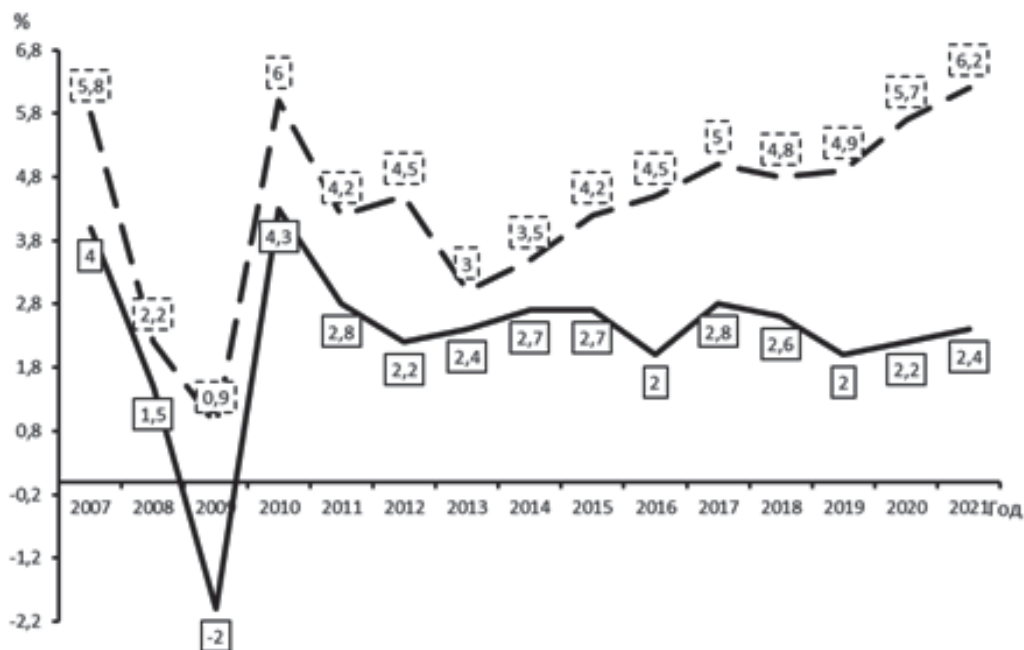

Рис. 1. Сравнительная динамика роста мирового сектора ИКТ с мировым выпуском

Источник: ИТ-отрасль в мире и России // delprof.ru. от 27.01.2022 URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/it-otrasl-v-rossii-i-v-mire-kak-rastet-rynok-informatsionnykh-tehnologiy/> (дата обращения 20.06.2022).

При этом доля цифрового сектора в ВВП развитых стран на протяжении последних 5 лет практически не растет, сохраняясь на стабильном уровне порядка 9% [Statista, 2022b]. Для США достижение этого показателя означает полный охват страны современной цифровой инфраструктурой, необходимой для обеспечения функционирования остальных секторов экономики на основе цифровых технологий.

«Парадокс производительности» и невозможность выхода цифровых технологий из стадии «проб и ошибок»

Рассматривая цифровую экономику в контексте теории ТОН и в рамках дискурса ускоренного экономического роста через цифровизацию, большинство западных исследователей ожидали, что цифровые технологии обеспечат заметный рост производительности труда во всей экономической системе. Однако ожидания, связанные с таким эффектом на практике, также не оправдались. Более того, почти во всех странах ОЭСР в период с 2004–2016 гг. измеримый темп роста производительности труда сократился наполовину или более от уровня десятилетия, предшествовавшего периоду цифровой трансформации [Syverson, 2017]. Всё это заставило многих западных учёных говорить о реинкарнации «парадокса Солоу». Сформулированный нобелевским лауреатом Р. Солоу ещё в 1987 г. этот парадокс состоит в том, что у компаний, активно производивших закупку и внедрение ИКТ, отсут-

ствовали какие-либо значительные увеличения производительности, а иногда наблюдалось и её снижение [Soloy, 1987]. Некоторые исследователи современной, непосредственно наблюдаемой версии данного парадокса объясняли его тем, что не все результаты, связанные с информационно-коммуникационными технологиями, могут быть подвергнуты формальному подсчёту, а такие категории, как качество обслуживания или разнообразие сервисов, вообще не поддаются чёткой количественной оценке [Brynjolfsson, 2010]. Тем не менее они должны быть учтены. Однако ряд других исследований убедительно доказывают, что неправильное измерение не является полным или даже существенным объяснением замедления темпов роста [Cardarelli, Lusinyan, 2015; Byrne, Fernald, Reinsdorf, 2016; Syverson 2017].

Традиционным для западной экономической литературы второй половины 2010-х гг. стало объяснение «парадокса Солоу» через особенности ТОН, которые обычно имеют очень длительный период становления и дают экономическую отдачу далеко не сразу. Главной причиной замедления темпов роста производительности труда в период цифровой трансформации называется тот факт, что базовые цифровые технологии всё ещё находятся на первой стадии своего становления — «пробы и ошибки внедрения», или стадии «установки» (installation phase) по Перес [Perez, 2002], для которой характерны колоссальные издержки на эксперименты и спекуляция на новых схемах монетизации. В этот период наблюдается бурный рост капитализации «новых монополистов», но влияние ИКТ на масштабы экономики в целом и производительность труда остаётся минимальным. Предполагается, что ситуация должна кардинально измениться, только когда цифровые технологии перейдут к стадии «реального массового внедрения», которая позволит реализовать накопленный технологический и финансовый потенциал. Такая точка зрения, например, высказывается в обширном исследовании Национального бюро экономических исследований (NBER) США [Brynjolfsson et al., 2018], а также ряде других работ по этой тематике [Remes et al., 2018].

Подобное объяснение «парадокса производительности» будет справедливо, если мы рассматриваем совокупность вторичных инноваций новой цифровой экономики как самостоятельную ТОН. Если же рассматривать в качестве ТОН традиционное ИКТ, то они давно должны были дать эффект увеличения производительности труда. Между тем серия исследований Генерального директората по экономическим и финансовым вопросам Еврокомиссии [Van Ark, 2016; Van Ark et al., 2019], в рамках которых изучались темпы прироста производительности труда в США и ЕС в 1996–2006 гг. (период активного развития традиционных ИКТ) и в 2007–2017 гг. (эпоха условной «новой цифровой экономики»), свидетельствует о резком снижении производительности труда, как до, так и после 2007 г. Причём снижение производительности труда с 2007 г. наибольшими темпами шло в группе отраслей с наиболее интенсивным использованием цифровых технологий. Особенно ярко этот эффект проявлялся в наиболее развитой с точки зрения внедрения ИКТ стране — США, где замедление темпов роста производительности труда было гораздо более значительным (рост только на 0,6%), чем в ЕС (рост на 0,9%). Авторы доклада Еврокомиссии объясняют такой эффект в рамках традиционной трактовки теории ТОН, для которых характерна задержка эффекта производительности. Исходя из этого, они прогнозируют, что уже во второй половине 2020-х гг. новая технологическая парадигма, основанная на цифровых технологиях, может перейти от стадии внедрения к «стадии развёртывания» («deployment phase») и в полной мере проявить свой потенциал по повышению производительности труда. [Van Ark, 2019].

Подтверждающих эту гипотезу исследований Еврокомиссия в последние годы не публиковала, однако с наступлением масштабного экономического кризиса 2022 г., уже охватившего все развитые страны, стало очевидно, что «стадия развёртывания» технологической парадигмы цифрового развития в том виде, в котором она виделась запад-

ным исследователям, будет погребена кризисом, как это случилось с нанотехнологиями и нанотехнологической революцией, развёртывание которой оборвал финансово-экономический кризис 2007–2009 гг. [Ganichev, Koshovets, 2018]. В лучшем случае «стадия развёртывания» откладывается на неопределённое время потому, что подрывается финансовая база для её возможного роста. Предполагалось, что инвестиционным фундаментом для стадии развёртывания «новой цифровой экономики» должны выступить крупнейшие цифровые корпорации, которые сделали цифровые услуги общедоступными по всему миру. Кроме того, резко ускорить развитие ИЦЭ могла бы принудительная цифровизация на фоне «коронавирусного локдауна» 2020–2021 гг. Для крупнейших интернет-корпораций вынужденная социальная изоляция людей и снятие институциональных барьеров на использование личных данных граждан многих государств в рамках борьбы с пандемией действительно сделали 2020 и 2021 гг. одними из самых успешных за всю историю. Google, Microsoft, AMD, Facebook и другие цифровые гиганты, за которыми в западной научной литературе закрепилось собирательное название Big Tech, не только показали беспрецедентный рост всех основных экономических показателей и капитализации в 2020 г., но и сумели сохранить их высокую динамику в 2021 г. К ноябрю 2021 г. суммарная капитализация шести ключевых компаний Big Tech превысила 12 трлн долл., что составило почти четверть общей рыночной стоимости всех компаний, входящих в биржевой индекс S&P 500 [La Monica, 2021].

Однако есть все основания полагать, что переток инвестиций из реальной сферы в сектор цифровых технологий был вызван во многом институциональными причинами, конъюнктурными обстоятельствами и спекулятивными процессами, нежели объективной целесообразностью. Дело в том, что концепция «цифровой экономики» с самого начала была вынуждена конкурировать за роль глобального проекта «перезапуска» экономического роста с несколькими другими амбициозными мегапроектами межотраслевой интеграции крупного, наукоёмкого, высокотехнологичного бизнеса, а, следовательно, ещё не будучи создана, уже должна была демонстрировать опережающие по отношению к ним темы роста. В условиях фактического насыщения рынков «традиционными» продуктами ИКТ и замедления развития рынков микроэлектроники манипуляции с методами статистического учёта ЦЭ позволяют демонстрировать инвесторам сохраняющуюся высокую привлекательность сектора ИКТ и фактически искусственно наращивать его капитализацию [Ганичев, Кошовец, 2020].

Справедливость этой гипотезы отчасти подтверждает тот факт, что глобальные структурные кризисные явления в мировой экономике, которые стали активно проявляться с конца 2021 г., затронули в первую очередь именно цифровые компании. С середины ноября 2021 г. — май 2022 г. индекс Nasdaq потерял почти треть своей стоимости. А после решения ФРС США поднять базовую ставку до 1% в начале мая 2022 г., он за три дня (5, 6 и 9 мая) потерял сразу 11%, что стало крупнейшим падением на фондовом рынке США с момента начала пандемии COVID-19 в феврале 2020 г. Причём, капитализация Big Tech компаний падала намного быстрее рынка в целом. Фактически на американских фондовых рынках в мае того же года сложилась ситуация во многом аналогичная той, что наблюдалась перед знаменитым «кризисом доткомов» начала 2000-х гг. Тогда интернет-компании также использовали ажиотаж вокруг темы интернет-торговли и на протяжении нескольких лет перед крахом получали огромные инвестиции, в основном расходуя их на рекламу и маркетинговые акции. В 2010–2020 гг. Big Tech компании на волне раскручивания парадигмы «цифровой экономики» пошли ещё дальше, активно наращивая капитализацию за счёт прямого выкупа собственных акций («buy back»). Только Apple начиная с 2010 г. потратил на обратный выкуп почти 470 млрд долл. А всего, начиная с 2010 г., эмитенты США выкупили свои акции почти на 7 трлн долл. [Столяров, 2022].

«Цифровой разворот» в эпоху стагнации: от стимула экономического роста к средству контроля и управления рынками

Весной 2022 г. наметились все признаки схлопывания этого искусственно созданного «пузыря», которое может ознаменовать собой начало нового кризисного этапа развития мировой экономики и переход к затяжной экономической рецессии и массовому сокращению платёжеспособного спроса в США и других развитых странах. Применительно к цифровым технологиям начавшийся экономический кризис может привести к новому «цифровому развороту», в рамках которого ИКТ-инфраструктура и развивающиеся на её базе цифровые технологии будут играть роль уже не столько средства привлечения инвестиций, драйвера экономического роста и формирования новых потребительских рынков, сколько инструмента борьбы за контроль над сужающимися традиционными рынками, средства технологической и экономической экспансии в самых разных областях и инструмент давления на политических противников и экономических конкурентов.

Перераспределение мировой добавленной стоимости в пользу цифровых корпораций, передел структуры и монополизация рынков в интересах владельцев цифровых технологий, а также процесс фрагментации мира на технико-экономические зоны, начался ещё до пандемии коронавируса. Однако именно беспрецедентный рост капитализации и влияния крупнейших цифровых корпораций в период локдауна привлек к проблеме контроля над данными и технологиями ИИ внимание со стороны наднациональных институтов развития.

В 2019 г. доклад Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) (United Nations Conference on Trade and Development) [UNCTAD, 2019] был главным образом посвящён проблемам подсчёта объёмов цифровой экономики и акцентировал внимание на различных способах оценки прямого и косвенного воздействия цифровых технологий на экономический рост. Искусственный интеллект и платформенные технологии упоминались лишь в качестве одного из важных элементов ЦЭ, но не выделялись как центральные.

Однако уже в аналогичном докладе 2021 [UNCTAD, 2021] акценты радикально сместились. Проблема количественной оценки и рассмотрения перспектив развития ЦЭ и ИИ в качестве факторов экономического роста отошла на второй план, уступая место проблеме контроля над потоками данных и обрабатываемыми их технологиями ИИ. Причём акцент делался на рисках, которые несёт в себе концентрация таких данных и технологий в руках ограниченного числа крупных транснациональных корпораций. Главной задачей наднациональных институтов в сфере развития цифровой экономики авторы упомянутого доклада видят в преодолении стремительно растущих технологических разрывов между странами и купировании негативных экономических последствий развития цифровых технологий. Причём делать это предлагается не рыночными методами или методами мягкого регулирования, а путем введения прямого наднационального управления. В докладе 2021 г. ЮНКТАД призывает сформировать новую институциональную базу для предотвращения рисков, связанных с концентрацией цифровых технологий в руках крупных корпораций и создать централизованный международный орган управления потоками данных и технологиями ИИ с самыми широкими полномочиями [UNCTAD, 2021].

Искусственный интеллект как новая технология общего назначения и её роль в новом «цифровом развороте»

Почему же такое пристальное внимание стало вдруг уделяться именно технологиям искусственного интеллекта? Для того чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего нужно разобраться, что именно представляют собой эти технологии. Большинство используемых в популярной и даже научной литературе определений понятия ИИ слишком обобщённые

и создают ложное представление об истинном содержании этого понятия. Например, если обратиться к portalу Statista.com, который аккумулирует наиболее актуальную информацию по всем ключевым статистическим показателям в мировом масштабе, то там под ИИ понимается «возможность алгоритмов имитировать способности человеческого разума, в том числе обучаясь на предыдущем опыте, чтобы понимать язык, решать поставленные задачи и реагировать на них» [Statista, 2022].

В методических рекомендациях Росстата и работающей над оценкой объёмов российской цифровой экономики ВШЭ, под ИИ понимаются «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, как минимум сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека» [Абдрахманова и др., 2022. С. 110].

Эти определения, формирующие понимание ИИ, в том числе в научном экономическом дискурсе, ближе к тому, что в профессиональной среде принято называть «глубоким» или «настоящим» ИИ (trout или General AI), — т.е. синтетический интеллект, работающий в широком диапазоне задач и обладающий хорошей способностью к обобщению в условиях разных контекстов при выполнении разнородных задач. При этом практическое воплощение этого концепта в профессиональной среде считается такой же недостижимой задачей, как и 50 и 100 лет назад.

Между тем технологии, получившие сегодня реально широкое распространение и коммерциализируемые технологии, которые также принято называть искусственным интеллектом, относятся к так называемому «слабому ИИ» (Narrow AI). Это узко специализируемые алгоритмы, которые не подразумевают никакой «разумности» и даже не имитируют человеческое поведение, а предназначены для решения какой-то определённой задачи или выполнения рутинной операции быстрее или точнее, чем человек. Такие технологии чаще всего базируются на методах глубокого обучения и «обучения с подкреплением» на основе нейронных сетей. Принципиальной особенностью этих методов является способность к повышению точности результата (самообучению) путём анализа огромных массивов специальным образом подготовленных человеком данных. Чем больше исходных данных обрабатывает нейросеть при обучении, тем более точно и быстро она сможет решать поставленную задачу [Fujii, Managi, 2017].

Причём необходимо отметить, что теоретическая основа современных методов обучения нейросетей была заложена ещё в середине прошлого века, но их практическое применение упиралось в технические ограничения (вычислительные мощности, хранение данных). Практическая реализация принципов глубокого обучения стала возможной только после массового внедрения достаточно производительных процессоров, которые смогли обрабатывать огромные массивы данных. Формирование же массовых рынков продуктов и услуг, использующих ИИ, стало возможным только с распространением смартфонов и других миниатюрных устройств, обладающих микропроцессором и средством передачи данных (промышленные датчики и пр.). Такие устройства, с одной стороны, стали средством доставки до потребителя конечной услуги, а с другой, что ещё важнее, источником сбора огромного массива данных об активности своих пользователей по всему миру.

Вся надстройка ИКТ-инфраструктуры, получившая мощный импульс развития за счёт «принуждения к цифровизации» в процессе борьбы с пандемией COVID-19, строилась вокруг задачи извлечения регистрации, хранения, и обработки данных с активным использованием ИИ. Нарастивание вычислительных мощностей, развитие ИКТ-инфраструктуры и переход к цифровой коммуникации в последние десять лет сделали регистрацию и сбор данных о действиях людей чрезвычайно простой задачей, в свою очередь, «эпидемиологическое принуждение» периода борьбы с COVID-19 сняло многие социальные, институциональные и юридические барьеры для массивного сбора данных о деятельности

человека. В совокупности эти факторы сделали применение технологий ИИ чрезвычайно доступными и эффективными.

Современное поколение систем машинного обучения особенно хорошо зарекомендовало себя для дополнения или автоматизации задач, которые включают, по крайней мере, некоторые аспекты прогнозирования в широком смысле. Они охватывают широкий спектр задач, профессий и отраслей — от управления автомобилем (предсказание правильного направления поворота руля) и диагностики заболевания (предсказание его причины), до рекомендации товара (предсказание того, что понравится покупателю) и написания песни (предсказание того, какая последовательность нот будет наиболее популярной) [Ajay *et al.*, 2017]. Таким образом формируется целое дерево технологий ИИ, которые в отличие от своих ранних прототипов, стали способны формировать массовые и быстрорастущие рынки.

Проблемы оценки экономической эффективности технологий искусственного интеллекта

Обычно технологии ИИ рассматриваются как главный замыкающий элемент в цепочках создания стоимости, без которых собранные цифровыми платформами данные не могут быть преобразованы в ценную информацию и затем монетизированы. Однако также, как и в случае с другими элементами цифровой экономики, технологии ИИ, несмотря на своё широкое использование, всё ещё находятся на стадии проб и ошибок внедрения, требующей огромных инвестиций и не дающей быстрой экономической отдачи. Если мы обратимся к тому же докладу ООН 2021 г. [UNCTAD, 2021], где показывается сферы монетизации ИИ, мы увидим, что все методы монетизации данных в основном связаны с перераспределением стоимости и не способствуют в своем нынешнем виде прямому росту производительности труда в полном соответствии с описанным выше парадоксом Солоу.

Существующие оценки объёма рынка искусственного интеллекта ввиду крайне обширной области применения соответствующих технологий можно считать фактически несостоятельными, на что указывает сам разброс оценок, которые могут различаться не просто в разы, а на порядки в зависимости от выбранной консалтинговой компанией методики исследования. Так, агентство Tractica оценивает выручку от программного обеспечения, созданного на основе ИИ, в 9,5 млрд долл. в 2018 г. IDC для того же года оценивает расходы на ИИ в 35,8 млрд долл. за тот же год, Gartner оценивает общую коммерческую выручку от global business value, производимого ИИ, в 1,2 трлн долл. за 2018 г. В свою очередь, McKinsey производит оценку ИИ по отраслям и оценивает суммарный потенциал всех отраслей, где он применяется ИИ в 1 трлн долл. [Пестов, 2019]. Наконец, Statista оценивает объём выручки от продажи программных продуктов, использующих ИИ, в 247,6 млрд долл. в 2021 г., а рынок услуг с использованием таких программных продуктов — в 327,5 млрд долл. [Statista, 2022].

Примечательно, что самое раннее исследование мирового рынка искусственного интеллекта было произведено только в 2015 г. При этом известно, что, например, компания Parascript вела коммерческую деятельность по распознаванию текста ещё в 1990-х гг. Яндекс анонсировал систему машинного обучения «Матрикснет» для своей рекламной сети ещё в 2011 г. Но тогда никому не приходило в голову считать объёмы рынка ИИ и выделять его в отдельный класс программного обеспечения. Фактически, начало попыток рассчитать экономический эффект ИИ предпринимаются лишь в конце 2010-х гг., что также, как в случае с нанотехнологиями, а затем и с цифровой экономикой, сопровождается ажиотажем в информационном поле и желанием привлечь в отрасль дополнительные частные инвестиции (hype cycle). С 2015 — 2021 г. общий объём корпоративных инвестиций в проекты, связанные с ИИ, включая частные инвестиции, размещение акций на биржах, слияния и погло-

щения, а также покупку миноритарных пакетов акций увеличился почти в 12 раз (рис. 2). Причём в этот период наблюдалось два чётких скачка капитализации. В 2017 г. общий объём вложений в ИИ вырос почти в 2,5 раза. Затем три года оставался на относительно постоянном уровне и лишь на фоне пандемии COVID-19 снова резко вырос почти на 40% в 2020 г. и на 47% в 2021 г.

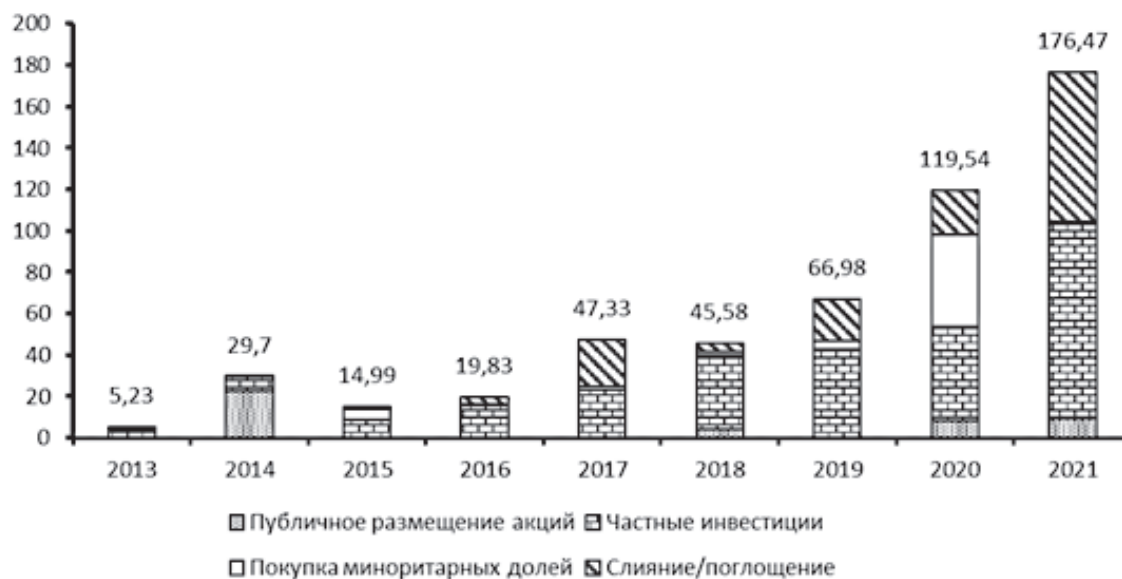

Рис. 2. Общемировой объём корпоративных инвестиций в проекты, связанные с ИИ, по видам вложений, с 2013–2021 г.

Источник: Stanford University (2022). Stanford University AI index report 2022. URL: https://aiindex.stanford.edu/wp-content/uploads/2022/03/2022-AI-Index-Report_Master.pdf (Access date: 20.06.2022).

Необходимо отметить, что последние три года на фоне роста объёмов корпоративных вложений постоянно сокращается количество стартапов и компаний, инвестирующих в ИИ. Это значит, что на рынке технологий ИИ наблюдается ярко выраженный процесс консолидации капиталов, темпы которого резко увеличились на фоне пандемии COVID-19. Также в последние годы наблюдается явный процесс формирования двух научно-технологических и финансовых центров развития искусственного интеллекта. В 2020 г. на США приходилось почти 25% всех корпоративных инвестиций в области ИИ, а в 2021 г. уже больше 56%. На долю КНР в 2020 г. приходилось порядка 15% от общей суммы корпоративных инвестиций в ИИ, а в 2021 г. порядка 18%. При этом КНР значительно опережает США и все остальные страны по объёмам научных публикаций, посвящённых ИИ, — больше 22% в 2020 г. Такая ситуация, очевидно, обусловлена большой долей государственных вложений в проекты искусственного интеллекта в КНР, данные о которых не публикуются в открытых англоязычных источниках. Остальные страны даже близко не могут приблизиться к лидерам как по объёму корпоративных вложений, так и по количеству научных публикаций в этой области [Stanford University, 2022].

Опасность монополизации технологий ИИ и механизмы формирования новой цифровой рыночной власти

Разработка конкурентоспособных программных продуктов на основе ИИ становится все дороже, а накопление крупнейшими корпорациями гигантских цифровых наборов данных, недоступных другим разработчикам, делает конкуренцию с ними практически бесполезной. Наиболее совершенные модели ИИ настолько велики и тре-

буют столько вычислительных ресурсов, что воспроизвести их могут лишь крупные компании, обладающие неограниченными финансовыми возможностями [МФТИ, 2020]. По прогнозу Gartner, это уже к 2025 г. приведёт к тому, что подавляющее большинство качественно обученных моделей ИИ будут сосредоточены в руках 1% поставщиков [Vigliarolo, 2021].

Именно этот эффект монополизации рынка ИИ и данных вызвал такое серьёзное беспокойство на уровне ООН и был подробно рассмотрен в упомянутом нами выше докладе. Причём речь идёт не только об усилении корпоративного влияния на распределение непосредственно на рынке ПО и решений с использованием ИИ, но и о трансформации технологий ИИ в инструмент государственной политики и цифрового протекционизма на самых разных рынках, где применяются эти технологии.

Дело в том, что на фоне пандемии COVID-19 в США и КНР стремительно начали набирать обороты процессы по сути сращивания финансово-технологических возможностей частных ИКТ-компаний с административным ресурсом, репрессивным аппаратом и бюджетными возможностями государств для формирования принципиально новой системы управления, в рамках которой часть, в том числе властных (фискальных, банковских, административных, медицинских), функций будет делегирована автоматизированным системам, принимающим решения на основе глубокого анализа массивов больших данных о всех видах человеческой активности.

Развитие технологий ИИ вошло в число стратегических государственных приоритетов США с 2016 г., когда был создан «Совет по инновациям в области обороны» (Defense Innovation Board), одной из первых рекомендаций которого было создание специальной организации для продвижения прикладных исследований в области искусственного интеллекта и машинного обучения. В том же году был принят стратегический план «The National Artificial Intelligence Research and Development Strategic Plan» [NSTC, 2016], а в 2017 г. национальная программа NITRD «The Networking and Information Technology Research and Development Program» [NSTC, 2018], которая вывела на первое место программу «Artificial Intelligence Research and Development Task Force», в рамках которой координируются R&D исследования в области ИИ, проводимые 16 государственными агентствами США. Учитывая задействованные в программах развития искусственного интеллекта административные и финансовые ресурсы, можно говорить о том, что развитие систем ИИ становится для США главным национальным технологическим проектом, по аналогии с «Манхэттенским проектом», или программой «Аполлон».

При этом создание таких мощных лоббистских институтов, добивающихся увеличения государственных расходов на финансирование разработок в области ЦЭ и строительства соответствующей базовой технологической инфраструктуры (сетей 5G и «интернета вещей»), фактически стало ответом на успехи китайских компаний, которые на протяжении последних лет, пользуясь поддержкой со стороны государства, занимались сбором огромного массива данных обо всех видах активности населения КНР и вплотную подошли к созданию единой национальной цифровой экосистемы.

Развитые страны начиная со второй половины 2010-х гг. также активно принимают государственные программы поддержки и развития цифровых технологий, которые фактически представляют собой комплексные многогранные планы развития всего спектра технологий, составляющих основу новой цифровой экономики, а в ряде случаев напрямую предусматривают поддержку международной экспансии национальных цифровых технологий на развивающиеся рынки. В первую очередь, это относится к США и КНР, которые завершив этап строительства и развития базовой ИКТ-инфраструктуры, перешли к распространению собственных аппаратно-программных платформ в другие страны. Такие платформы берут на себя посреднические функции в отношении любых форм экономического взаимодействия, обмена, сделок, покупок и т.п., а фактически *опосредуют любой доступ*

к рынкам, даже не связанным напрямую с цифровыми технологиями. Использование предоставляемых развитыми странами и транснациональными корпорациями на базе собственных платформ сервисов и инструментов позволяет не имеющим собственных технологий такого типа странам быстро и без усилий создавать готовые решения в любой области онлайн-услуг или в рамках организации нового производственного процесса. И США, и КНР (хотя и за счёт различных механизмов) осуществляют целенаправленную поддержку распространения таких инноваций за пределами своих стран, поскольку в силу монопольного характера самой технологии цифровых платформ масштабы их распространения напрямую влияют на их экономическую эффективность. Во-вторых, страны, куда распространяется такая цифровая экосистема, с неизбежностью входят в соответствующую зону (американскую или китайскую) прямого экономического и технологического влияния [Ganichev, Koshovets, 2019].

Следует также отметить, что такая технологическая экспансия и вытекающая из этого фрагментация мира на технологические зоны происходит во многом за счёт развития системы международной стандартизации, которая в последнее время распространилась не только на аппаратные решения в области ИКТ-инфраструктуры, но и на вторичные организационные и финансовые инновации, созданные на их основе. Особое внимание этому процессу уделяется США. Контроль над системой стандартизации таких технологий уже фактически позволяет США (а по факту ряду крупнейших ТНК, базирующихся в этой стране) стать монополистом в области владения правами на самые важные для строительства цифровой экономики технологии и получать дополнительный рентный доход [Мойсейчик, Фараджов, 2018].

Между тем, помимо общих программ развития цифровой экономики в КНР, США и ещё более чем в 60 развитых странах с 2013–2020 гг. были приняты узконаправленные национальные стратегии и программы масштабного финансирования и поддержки технологий ИИ. Большинство из этих документов прямо или косвенно было нацелено на разработку технологий ИИ, применимых в военных целях. Эта сфера приложения ИИ остаётся за пределами области нашего исследования. Однако принятие таких программ является лишь одним из элементов процесса острой технологической конкуренции в сфере ИИ. В будущем она потенциально может определять не только военное, но и экономическое доминирование тех или иных стран внутри технологических зон, сформированных на основе определённым образом стандартизованных цифровых технологий, не только закрепляющих за их владельцами прямой рентный доход, но и дающих им в перспективе ряд других преимуществ. Последние пока слабо освещены в российской научной литературе, и поэтому далее мы хотели бы обратить на них особое внимание.

В частности, применение определённым образом настроенных систем глубокого обучения в маркетинге, производстве и управлении бизнесом, может создать реальные предпосылки для кардинального передела рынков и трансформации всей экономической системы в глобальном масштабе, либо внутри обособленных технологически зон, где будут действовать определённые технические стандарты. Так, например, новые технологии автоматизированного принятия решений на основе ИИ в маркетинге открывают путь к прямым ценовым манипуляциям и неявному ценовому сговору, который невозможно будет контролировать. Такой эффект, получивший в англоязычной литературе название «*algoritmik collusion*» (сговор алгоритмов), предполагает, что алгоритм ИИ, запрограммированный на максимизацию прибыли, способен на основе анализа огромного массива данных о действиях потребителей и конкурентов автономно научиться достигать цели и без вмешательства человека обнаруживать и использовать новые правила ценообразования [Calvano et al., 2020]. Кроме того, применение современных алгоритмов ИИ в маркетинге создаёт возможности и для иного рода рыночных манипуляций. Например, позволяет проводить персонализированное динамическое ценообразование

и осуществлять ценовую дискриминацию первой¹ или третьей² степени, сегментируя рынки вплоть до отдельных потребителей и устанавливая каждому из них индивидуальную цену в соответствии с их финансовыми возможностями [Rab, 2019].

Кроме того, современные алгоритмы ИИ, при условии доступа к достаточно большим объёмам данных, также способны фактически создавать цифровых двойников потребителей и эффективно предсказывать их реакции на те или иные маркетинговые ходы. Это предоставляет принципиально новые возможности для моделирования и дизайна рынков, а также для прогнозирования последствий конкретных маркетинговых решений. Это лишь некоторые примеры применения технологий ИИ, которые уже сейчас способны формировать условия для установления рыночной власти тех корпораций, которые контролируют большие потоки данных и алгоритмы их обработки.

Принудительная рационализация экономических агентов как конечный пункт нового пути цифровой трансформации

Стремительное развитие технологий ИИ в сочетании с новой цифровой экосистемой глобальных платформ (торговых, промышленных, государственных и пр.) создаёт в перспективе реальную технологическую базу для кардинальной трансформации всей системы экономических отношений. В рамках цифровой среды могут на практике воплотиться в самом буквальном виде некоторые основные положения экономической теории мейнстрима, в частности, о рациональном экономическом агенте.

Получая от платформ огромные массивы данных о поведении потребителей, технологии ИИ способны не просто строить на их основе комплексную картину поведения миллионов людей, но и всё в большей мере управлять их действиями. Пока эти технологии ещё не достигли того уровня развития, при котором способны полностью взять на себя функцию управления поведением человека. Но в предельном варианте развития цифровой экономики, когда абсолютно все транзакции в глобальном масштабе будут проводиться электронными средствами платежей на основе технологии блокчейна (т.е. оставлять надёжный цифровой след), а платформы сосредоточат в себе весь объём информации о человеческой жизнедеятельности, включая социальную, физическую, экономическую активность и даже биомедицинские параметры, функция рационализации поведения человека может быть окончательно делегирована «вовне». Уровень дохода человека будет определяться цифровыми системами контроля за рабочим местом и системами учёта его рабочего времени, которые напрямую влияют на зарплату, а также различными пособиями и выплатами от государства, рассчитываемыми на основе данных единого государственного реестра, содержащего сведения о его семейном положении, собственности, доходах и т.п. В свою очередь, расходы на электроэнергию, ЖКХ и прочие услуги в такой системе будут определяться на основе «умных» систем энергораспределения, а потребительские товары — рекомендоваться торговыми площадками в строгом соответствии с предпочтениями, которые человек отразил в ходе своей регистрируемой цифровыми платформами социальной активности. При этом в распоряжении алгоритмов ИИ будет достаточно информации, чтобы балансировать эту систему и максимизировать функцию полезности как для отдельного индивида, так и для миллионов экономических агентов [Ганичев, 2021]. На рис. 3 мы представили такую цифровую экосистему, которая полностью принудительно рационализирует поведение экономических агентов, а как следствие, является мощным средством контроля и реформирования рынков.

¹ Монополист продаёт различные единицы выпуска по разным ценам, и эти цены могут быть различными для разных индивидов.

² Монополист продаёт товары разным группам покупателей с различной эластичностью спроса по цене.

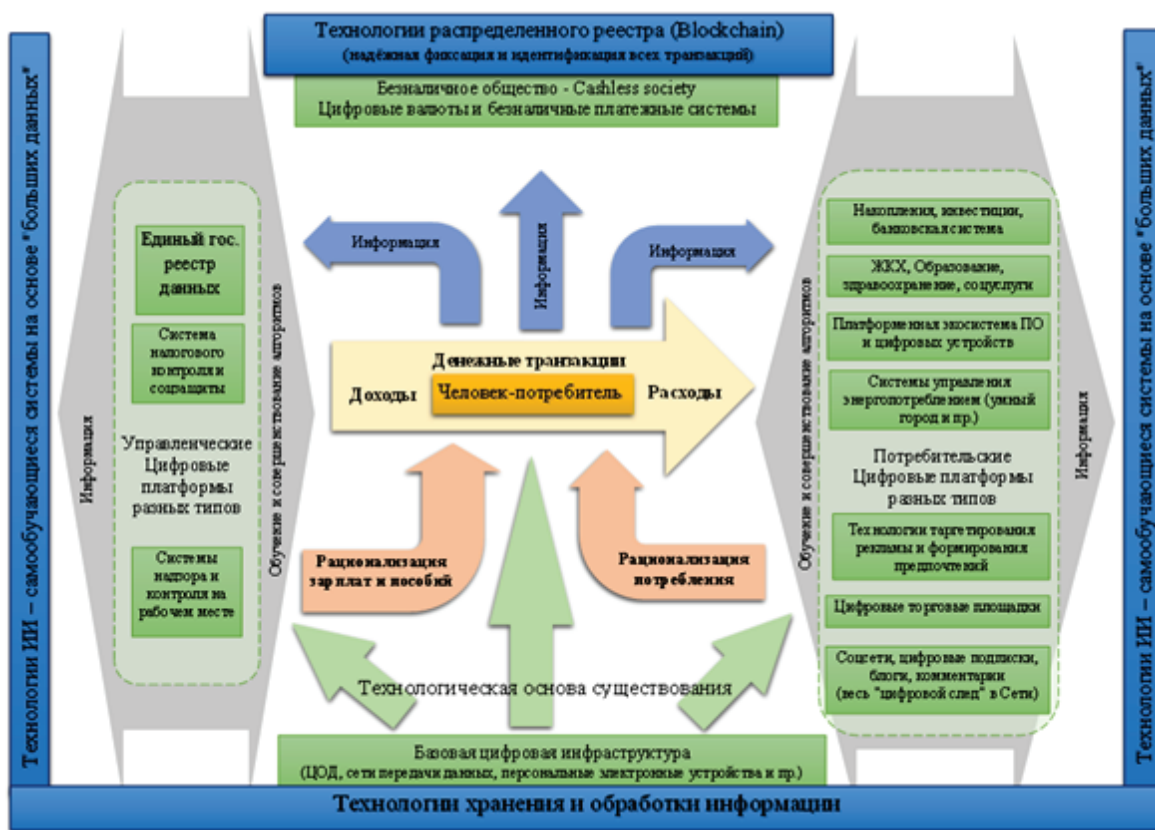

Рис. 3. Схема принудительной рационализации человека в цифровой среде

Источник: разработано авторами

Пока этот прогноз звучит, как футуристический, однако нам интересна сама возможность принудительной рационализации человека, а базовые условия для неё в рамках цифровой экономики созданы: глобальная цифровая инфраструктура, массивные платформенные решения в большинстве экономических и социальных сфер, опосредующие и строго направляющие возможное поведение в цифровой среде, а также постоянный сбор данных об активности (экономических) агентов в этих сферах.

Таким образом, развитие цифровой инфраструктуры в сочетании с технологиями ИИ открывает дорогу к воспроизведению в реальных условиях абсолютно рационального агента в понимании неоклассической экономики. Поведение подобных однородных экономических агентов получило в западной научной литературе название «*machina economicus*», — они располагают полной информацией о своих действиях и действиях других таких же агентов и не имеют ограничений по вычислительной мощности (расчёту полезности) благодаря алгоритмам ИИ. Такое поведение может быть близко описано с помощью аналитического аппарата маржинализма, но уже не в абстрактной модели, а в рамках конкретного рыночного взаимодействия [Parkes, Wellman, 2015. P. 267].

Более того, совокупность предоставляемых цифровой экосистемой возможностей по принудительной рационализации человека открывает дорогу для самого широкого внедрения на практике принципов так называемого «нового патернализма» и концепции «подталкивания», в рамках реализации которой ключевой опекающей и нормирующей инстанцией становятся не государство, а глобальные цифровые корпорации, которые смогут задавать модель поведения индивидов в глобальном масштабе. При этом масштаб подобной опеки и рационализации будет полностью определяться масштабом и уровнем доступа к цифровым данным о поведении людей и технологиям их обработки. В такой среде рациональность поведения фактически перестанет быть элементом индивидуального свободного выбора, а превратится в результат инженерной и корпоративной политики. Дизайнеры цифровых

систем, которые могут программировать поведение агентов любым желаемым образом, получают существенное влияние и власть, а также возможность напрямую создавать и переформатировать рынки. При этом автономная структура самих алгоритмов ИИ может породить новые, не заложенные в них инженерами и не обязательно желаемые или социально приемлемые в обществе правила поведения внутри цифровой среды, которые при этом могут быть строго рациональны с точки зрения внутренней логики ИИ [Mariotti, 2021].

Все описанные эффекты могут осуществляться только в рамках единой цифровой инфраструктуры, границы распространения которой сегодня, по сути, задаются действиями тех или иных технологических стандартов, применением соответствующих цифровых платформ и моделями обучения действующих на этих платформах технологий ИИ. Если первоначально привычный для западной экономической мысли дискурс ускоренного экономического роста за счёт нового витка технологического прогресса (в данном случае на базе цифровой экономики) предполагал формирование бесшовной цифровой экосистемы в глобальном масштабе [WEF, 2009], то сегодняшние кризисные явления в мировой экономике и усиление экономического и геополитического противостояния и конкуренции между странами фактически ставят крест на подобных планах. На данном этапе и при условии, что новый мировой экономический кризис окончательно не подорвёт финансовые возможности для дальнейшего развёртывания цифровой экономики, скорее следует ожидать формирования нескольких цифровых экосистем, а фактически технологических зон (как минимум, зону США и КНР). Присоединение к одной из них будет определять не только и не столько непосредственно экономический эффект от применения цифровых технологий для той или иной страны, но прежде всего жёстко задавать стандарты рационального экономического поведения, включённых в неё экономических агентов, иными словами, напрямую влиять на формирование и архитектуру рынков, их переформатирование, перераспределение денежных потоков между ними и т.п. При этом инструменты такого политического и экономического влияния будут сосредоточены исключительно в руках владельцев цифровых технологий, образующих ту или иную технологическую зону.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдрахманова Г.И., Васильковский С.А., Вишневецкий К.О. и др. (2022). Цифровая экономика: 2022: Краткий стат. сб.. — М.: НИУ ВШЭ.
- Ганичев Н.А. (2021). Принудительная рационализация человека как главный эффект цифровой трансформации // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: Труды III Всероссийской научной конференции. Русское общество истории и философии науки. Москва, 2021. С. 114-117.
- Ганичев Н.А., Кошовец О.Б. (2020). Как посчитать цифровую экономику: между реальностью и конструкцией // ЭКО. № 2. С. 8-36.
- Мойсейчик Г.И., Фараджов Т.И. (2015). Финансово-технологический суверенитет как принцип развития парадигмы мирового социального рыночного хозяйства // Journal of Social Market Economy. № 2(3). С. 47-66.
- МФТИ (2020). Искусственный интеллект (Альманах). №8. Индекс 2020 URL: https://aireport.ru/ai_index_2020 (дата обращения 23.04.2022).
- Пестов И.С. (2019). Почему невозможно оценить рынок искусственного интеллекта? // Альманах МИФИ. Искусственный интеллект: Обработка естественного языка, распознавание и синтез речи. С. 162-165.
- Столяров А. (2022). Он все-таки лопнул // Эксперт. №20. С. 13-16.
- The Economics of Artificial Intelligence (2019). A. Agrawal, J. Gans, A. Goldfarb (eds.). — National Bureau of Economic Research Conference Report.
- Ajay A., Gans J., Goldfarb A. (2017). What to Expect from Artificial Intelligence // IT Sloan Management Review. Cambridge. Vol. 58. No. 3. Pp. 23-27.
- Bresnahan T., Trajtenberg M. (1995). General purpose technologies 'Engines of growth'? // Journal of Econometrics. Vol. 65. No. 1. Pp. 83-108.
- Brynjolfsson E. (2010). Wired for innovation: how information technology is reshaping the economy. — Cambridge, MA, London, UK: MIT Press. DOI:10.7551/mitpress/8484.001.0001.

- Brynjolfsson E., Rock D., Syverson C. (2018). Artificial Intelligence and the Modern Productivity Paradox: A Clash of Expectations and Statistics // *The Economics of Artificial Intelligence: An Agenda*. Pp. 23-57.
- Byrne D. M., Fernald J.G., Marshall B. R. (2016). Does the United States Have a Productivity Slowdown or a Measurement Problem? // *Brookings Papers on Economic Activity*. Spring. Pp. 109-182.
- Calvano, E., Calzolari, G., Denicolò, V., Harrington, J. E., & Pastorello, S. (2020). Protecting consumers from collusive prices due to AI // *Science*. No. 370(6520) Pp. 1040–1042.
- Cardarelli R., Lusine L. (2015). U.S. Total Factor Productivity Slowdown: Evidence from the U.S. States // *IMF Working Paper WP/15/116*.
- Fujii H., S. Managi (2017). Trends and priority shifts in artificial intelligence technology invention: A global patent analysis // *Research Institute of Economy, Trade and Industry*, 17-E-066.
- Ganichev N.A., Koshovets O.B. (2018). Russian nanotechnology market: high-technology industry or statistical phenomenon // *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 29. No. 1. Pp. 12–20.
- Ganichev N.A., Koshovets O.B. (2019). Integrating Russia into the global project of digital transformation: opportunities, problems and risks // *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 30. No. 6. Pp. 627-636.
- La Monica P.R. (2021). Big Tech is booming again, and the bull run appears to be far from over. *CNN Business*. URL: <https://edition.cnn.com/2021/06/29/investing/tech-stocks-faang-microsoft-tesla/index.html> (Access date: 20.06.2022).
- Lipsey R., Carlaw K., Bekar C. (2016). *General purpose technologies in theory, applications and controversy: a review*. — Barnaby, Canada: Simon Fraser University. DOI: 10.13140/RG.2.2.35756.87681.
- Mariotti S. (2021). Forging a new alliance between economics and engineering // *Journal of Industrial and Business Economics*. No. 48. Pp. 551–572. DOI: 10.1007/s40812-021-00187-w.
- NSTC (2016). *The National Artificial Intelligence Research And Development Strategic Plan*. URL: https://www.nitrd.gov/PUBS/national_ai_rd_strategic_plan.pdf (Access date: 23.02.2022).
- NSTC (2018). *The Networking and Information Technology Research and Development Program*. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/2018supplement/FY2018NITRDSupplement.pdf> (Access date: 23.02.2022).
- Parkes, D. C., Wellman, M. P. (2015). Economic reasoning and artificial intelligence // *Science*. No. 349(6245). Pp. 267–272. DOI: 10.1126/science.aaa8403.
- Perez C. (2002) *Technological revolutions and financial capital: the dynamics of bubbles and golden ages*. — Cheltenham: Edward Elgar.
- Rab S. (2019). Artificial intelligence, algorithms and antitrust // *Competition Law Journal*. Vol. 18. No. 4. Pp. 141–150.
- Remes J., Manyika J., Bughin J., Woetzel J., Mischke J. (2018). *Solving the Productivity Puzzle: The Role of Demand and the Promise of Digitization*. McKinsey Global Institute.
- Solow R. (1987). We'd better watch out // *Book Review, New York Times*. July 12. P. 36.
- Stanford University (2022). *Stanford University AI index report 2022*. URL: https://aiindex.stanford.edu/wp-content/uploads/2022/03/2022-AI-Index-Report_Master.pdf (Access date: 20.06.2022).
- Statista (2022a). *Artificial Intelligence (AI) worldwide — Statistics & Facts*. URL: <https://www.statista.com/topics/3104/artificial-intelligence-ai-worldwide/> (Access date: 20.06.2022).
- Statista (2022b). *Digital economy as percentage of the total economy (GDP) in the United States from 2005 to 2018* // *Statista.com*. URL: <https://www.statista.com/statistics/961982/digital-economy-gdp-share-usa/> (Access date: 20.06.2022).
- Syverson C. (2017). Challenges to Mismeasurement Explanations for the US Productivity Slowdown // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 31. No. 2. Pp. 165-86. DOI: 10.1257/jep.31.2.165.
- UNCTAD. (2019). *Digital Economy Report 2019: Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries, 2019*. Available at: <https://unctad.org/webflyer/digital-economy-report-2019/> (Accessed date: 23.02.2022).
- UNCTAD. (2021). *Digital Economy Report 2021: Cross-border data flows and development: For whom the data flow*. Available date: <https://unctad.org/webflyer/digital-economy-report-2021> (Accessed date: 23.02.2022).
- Van Ark B. (2016). *The Productivity Paradox of the New Digital Economy* // *International Productivity Monitor*. No. 31. Pp. 1–15.
- Van Ark B., De Vries K., Erumban A. (2019). *Productivity & Innovation Competencies in the Midst of the Digital Transformation Age: A EU-US Comparison* // *European Commission. Discussion paper 119*. DOI: 10.2765/106835.
- Vigliarolo B. (2021). Gartner: The future of AI is not as rosy as some might think |// *techrepublic.com/* URL: <https://www.techrepublic.com/article/gartner-the-future-of-ai-is-not-as-rosy-as-some-might-think/> (Available date: 20.06.2022).
- WEF (2009). *ICT for Economic Growth: A Dynamic Ecosystem Driving the Global Recovery*. — Davos: World Economic Forum Annual Meeting Report.

Ганичев Николай Александрович

nickgan@yandex.ru

Nikolay Ganichev

Ph.D. (economics), senior research fellow Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

nickgan@yandex.ru

Кошовец Ольга Борисовна

helzerr@yandex.ru

Olga Koshovets

Ph.D. (philosophy), senior research fellow Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

helzerr@yandex.ru

«NEW DIGITAL U-TURN» — FROM ECONOMIC GROWTH DISCOURSE TO SEPARATED TECHNOLOGICAL ZONES AND FORCED RATIONALISATION

Abstract. More than 13 years have passed since the global ‘digital transformation’ was officially heralded internationally as a new paradigm for accelerated economic growth. Digital discourse has established almost everywhere and it declared that digital economy will save the world from the 2007-2009 global financial crash aftermaths. During that time digital technologies have indeed spread almost everywhere, and digital infrastructure has become the operating environment for all areas of economic activity. However, the direct impact of digital technology on economic growth has been much more modest than expected. Even the accelerated digital transformation against the backdrop of the COVID-19 pandemic has failed to reverse the negative trends. At the same time, the effects of value-added redistribution in favor of digital corporations, the re-design and re-shaping of market structures and their monopolization, and the technological process of fragmenting the world into techno-economic zones are becoming increasingly evident. It is the real results of the massive use and spread of digital technology. This problem has been officially recognized internationally and is highlighted in recent UN profile reports on the “digital economy”. We will show that digital economy is finishing its initial formative period and is entering a new phase of development. It questions its current development as a global project as further process of digitalization and AI installation will be marked by extremely fierce struggle for control of markets and most importantly for control on new basic technologies. The most important of them are artificial intelligence and “digital raw materials” — the data necessary for the operation of digital platforms and AI. In this struggle, which will probably take place against the backdrop of de-globalisation economic mechanisms of competition will recede into the background giving way to direct technological protectionism and the use of various mechanisms to monopolize markets.

Keywords: *digital economy, information and computer technologies, growth potential, strategic development, import substitution, microelectronics.*

JEL: A13, E01, L16, L63.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ганичев Н.А., Кошовец О.Б. «Новый цифровой разворот» — от дискурса экономического роста к технологическому расколу мира и принудительной рационализации // Вопросы теоретической экономики. 2022. №4. С. 7–24. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_7_24.

FOR CITATION: Ganichev N., Koshovets O. «New Digital U-Turn» — From Economic Growth Discourse to Separated Technological Zones and Forced Rationalisation // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2022. No. 4. Pp. 7–24. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_7_24.

REFERENCES

- Abdrakhmanova G. I., Vasil'kovskii S.A., Vishnevskii K.O., et. al (2022). *Tsifrovaya ekonomika: 2022: kratkii statisticheskii sbornik*. [The Digital Economy: 2022: A Brief Statistical Compendium]. — Moskva: NIU VShE. (In Russ.).
- Ajay A., Gans J., Goldfarb A. (2017). What to Expect from Artificial Intelligence // *IT Sloan Management Review*. Vol. 58. No. 3. — Cambridge. Pp. 23-27.
- Bresnahan T., Trajtenberg M. (1995). General purpose technologies ‘Engines of growth’? // *Journal of Econometrics*. Vol.65. No.1. Pp. 83-108.
- Brynjolfsson E. (2010). *Wired for innovation: how information technology is reshaping the economy*. — Cambridge, MA, London, UK: MIT Press. DOI:10.7551/mitpress/8484.001.0001.

- Brynjolfsson E., Rock D., Syverson C. (2018). Artificial Intelligence and the Modern Productivity Paradox: A Clash of Expectations and Statistics // *The Economics of Artificial Intelligence: An Agenda*. Pp. 23-57.
- Byrne D. M., Fernald J.G., Marshall B. R. (2016). Does the United States Have a Productivity Slowdown or a Measurement Problem? // *Brookings Papers on Economic Activity*. Spring. Pp. 109-182.
- Calvano, E., Calzolari, G., Denicolò, V., Harrington, J. E., & Pastorello, S. (2020). Protecting consumers from collusive prices due to AI // *Science*. No. 370(6520) Pp. 1040-1042.
- Cardarelli R., Lusine L. (2015). Total Factor Productivity Slowdown: Evidence from the U.S. States. *IMF Working Paper WP/15/116*.
- Fujii H., S. Managi (2017). Trends and priority shifts in artificial intelligence technology invention: A global patent analysis // *Research Institute of Economy, Trade and Industry*, 17- E- 066.
- Ganichev N. (2021). Prinuditel'naya ratsionalizatsiya cheloveka kak glavnyi effekt tsifrovoy transformatsii [Forced human rationalisation as a major effect of digital transformation] // *Revolution and Evolution: Models of Development in Science, Culture, and Society: Proceedings of III All-Russian Scientific Conference*. Pp. 114-117. (In Russ).
- Ganichev N.A., Koshovets O.B. (2018). Russian nanotechnology market: high-technology industry or statistical phenomenon // *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 29. No 1. Pp. 12-20.
- Ganichev N.A., Koshovets O.B. (2019). Integrating Russia into the global project of digital transformation: opportunities, problems and risks // *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 30. No. 6. Pp. 627-636.
- Ganichev N.A., Koshovets O.B. (2020). Kak poschitat' tsifrovuyu ekonomiku: mezhdru real'nost'yu i konstruksiei [Quantifying the Digital Economy: Between Reality and Design] // *ECO*. No. 2. Pp. 8-36.] DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-2-8-36. (In Russ).
- La Monica P.R. (2021). Big Tech is booming again, and the bull run appears to be far from over // *CNN Business*. URL: <https://edition.cnn.com/2021/06/29/investing/tech-stocks-faang-microsoft-tesla/index.html> (Access date: 20.06.2022).
- Lipsey R., Carlaw K., Bekar C. (2016). *General purpose technologies in theory, applications and controversy: a review*. — Barnaby, Canada: Simon Fraser University. DOI: 10.13140/RG.2.2.35756.87681.
- Mariotti S. (2021). Forging a new alliance between economics and engineering // *Journal of Industrial and Business Economics*. No. 48. Pp. 551-572. DOI: 10.1007/s40812-021-00187-w.
- MFTI (2020). *Al'manakh Iskusstvennyi intellekt №8* [Artificial Intelligence Almanac no.8]. URL: https://aireport.ru/ai_index_2020 (Access date: 23.04.2022 (In Russ)).
- Moiseichik G.I., Faradzhov T.I. (2015). Finansovo-tehnologicheskii suverenitet kak printsip razvitiya paradigmy mirovogo sotsial'nogo rynochnogo khozyaistva [Financial and technological sovereignty as a development paradigm principle for the global social market economy] // *Journal of Social Market Economy*. Vol.2. No. 3. Pp. 47-66. (In Russ).
- NSTC (2016). *The National Artificial Intelligence Research And Development Strategic Plan*. URL: https://www.nitrd.gov/PUBS/national_ai_rd_strategic_plan.pdf (Access date: 23.02.2022).
- NSTC (2018). *The Networking and Information Technology Research and Development Program*. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/2018supplement/FY2018NITRDSupplement.pdf> (Access date: 23.02.2022).
- Parkes, D. C., Wellman, M. P. (2015). Economic reasoning and artificial intelligence // *Science*. No. 349(6245). Pp. 267-272. DOI: 10.1126/science.aaa8403.
- Perez C. (2002). *Technological revolutions and financial capital: the dynamics of bubbles and golden ages*. — Cheltenham: Edward Elgar.
- Pestov I.S. (2019). Pochemu nevozmozhno otsenit' rynek iskusstvennogo intellekta? [Why is it impossible to assess the market for artificial intelligence?] // *MIPT Artificial Intelligence Almanac*. Artificial Intelligence: Natural language processing, speech recognition and synthesis. Pp. 162-165. (In Russ.).
- Rab S. (2019). Artificial intelligence, algorithms and antitrust // *Competition Law Journal*. Vol.18. No. 4. Pp. 141-150.
- Remes J., Manyika J., Bughin J., Woetzel J., Mischke J. (2018). *Solving the Productivity Puzzle: The Role of Demand and the Promise of Digitization*. — McKinsey Global Institute.
- Solow R. (1987). We'd better watch out // *New York Times*. Book Review, July 12. P. 36.
- Stanford University (2022). *Stanford University AI index report 2022*. URL: https://aiindex.stanford.edu/wp-content/uploads/2022/03/2022-AI-Index-Report_Master.pdf (Access date: 20.06.2022).
- Statista (2022a). *Artificial Intelligence (AI) worldwide — Statistics & Facts*. URL: <https://www.statista.com/topics/3104/artificial-intelligence-ai-worldwide/> (Access date: 20.06.2022).
- Statista (2022b). *Digital economy as percentage of the total economy (GDP) in the United States from 2005 to 2018* // Statista.com. URL: <https://www.statista.com/statistics/961982/digital-economy-gdp-share-usa/> (Access date: 20.06.2022).
- Stolyarov A. (2022). On vse-taki lopnul [He is bursting after all] // *Expert*. No. 20. Pp. 13-16.
- Syverson C. (2017). Challenges to Mismeasurement Explanations for the US Productivity Slowdown // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 31. No. 2. Pp. 165-86. DOI: 10.1257/jep.31.2.165.
- The Economics of Artificial Intelligence* (2019). A. Agrawal, J. Gans, A. Goldfarb (eds.). — National Bureau of Economic Research Conference Report.
- UNCTAD (2019). *Digital Economy Report 2019: Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries, 2019*. Available at: <https://unctad.org/webflyer/digital-economy-report-2019/> (Access date: 23.02.2022).

- UNCTAD (2021). *Digital Economy Report 2021: Cross-border data flows and development: For whom the data flow*. Available at: <https://unctad.org/webflyer/digital-economy-report-2021> (Access date: 23.02.2022).
- Van Ark B. (2016). The Productivity Paradox of the New Digital Economy // *International Productivity Monitor*. No. 31. Pp. 1-15.
- Van Ark B., De Vries K., Erumban A. (2019). Productivity and Innovation Competencies in the Midst of the Digital Transformation Age: A EU-US Comparison // *European Commission. Discussion paper 119*. DOI: 10.2765/106835.
- Vigliarolo B. (2021). *Gartner: The future of AI is not as rosy as some might think* // techrepublic.com/ URL: <https://www.techrepublic.com/article/gartner-the-future-of-ai-is-not-as-rosy-as-some-might-think/> (Access date: 20.06.2022).
- WEF (2009). *ICT for Economic Growth: A Dynamic Ecosystem Driving the Global Recovery*. — Davos: World Economic Forum Annual Meeting Report.

В.Л. Тамбовцев

д.э.н., профессор, гл.н.с., Московский государственный университет
им. М.В.Ломоносова

КОНЦЕПТ УКОРЕНЁННОСТИ В ТЕОРИИ И ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. Стандартным объектом критики мейнстрима экономической теории со стороны социальных исследователей и гетеродоксальных экономистов выступает имеющий якобы место неучёт (недостаточный или неправильный учёт) в нем социальных факторов экономических решений и действий. В качестве одного из оснований такой критики часто используется концепт укоренённости экономического поведения в социальных структурах. Целью статьи является его анализ, базирующийся на сопоставлении содержания этого концепта с эмпирическими результатами, полученными в рамках психологии, социальной психологии и нейронауке в сфере изучения в них процессов принятия решений. Проведённое исследование показало, что при формировании изучаемого понятия не были учтены результаты, полученные в психологии и социальной психологии до середины 1980-х гг., а при его использовании для критики мейнстрима — результаты исследований в нейронауке за последние два десятилетия. Кроме того, исследование позволяет сделать вывод о том, что «правильная» методика учёта социального в экономике, содержащаяся в статье М. Грановеттера 1985 г., если бы она была практически осуществима, способна была бы приводить лишь к детальным биографическим описаниям конкретных людей, а не к тем или иным научным обобщениям и выявлению регулярностей и закономерностей.

Ключевые слова: экономические решения, социальные факторы, укоренённость.

JEL: B52, D91, Z13.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_25_45.

Введение: двойственность трактовки укоренённости

Понятие укоренённости (*embeddedness*) в сфере социально-экономических исследований было, как известно, впервые использовано К. Поланьи для характеристики взаимодействий в обществе экономического и неэкономического. Анализируя промышленную революцию в Англии XIX в., он пришёл к выводу, что в её результате «вместо того, чтобы экономика была укоренена в социальные отношения, социальные отношения оказались укоренёнными в экономическую систему» [Polanyi, 1944. P. 60]. Изучая исследования Поланьи, К. Джемиси отметил, что, по его мнению, любые экономики всегда укоренены в институтах, которые в данное время функционируют в соответствующих обществах. Вместе с тем относительно рыночной экономики Поланьи полагал, что она является саморегулируемой и потому «разукоренённой» (*disembedded*) [Gemici, 2008. P. 6]. Анализ этого противоречия приводит его к следующим выводам. Фактически, Поланьи понимал укоренённость двояко: с одной стороны, как «аналитический конструкт для распознавания меняющегося места экономики в обществе в ходе истории человечества» [*Ibid.*]; с другой — как «методологический принцип, утверждающий, что экономика и общество могут анализироваться исключительно на основе холистического подхода: экономическая жизнь

может анализироваться только путём изучения того, как она формирует часть социальных отношений и институтов» [Op. cit. P. 7].

С моей точки зрения, в действительности в рассуждениях Поланьи нет подобной двойственности: его аналитический конструкт укоренённости — не что иное, как современное понимание методологического холизма. Это понимание ушло от дюркгеймовских надындивидуальных сущностей, имеющих свои, независимые от индивидов, цели и интересы, и перешло к чисто объяснительной трактовке холизма. Сегодня методологический холизм существует в форме требования включать в объяснения действий людей не только индивидуальные, но и социальные факторы [Тамбовцев, 2020].

Тем самым, укоренённость по Поланьи — это и есть сегодняшний методологический холизм. Что же касается «разукоренённости» рыночной экономики из-за «саморегулирования» рынка, то эта трактовка является *ошибочной*: в рынке без явного воздействия со стороны какого-то субъекта управления действует только *ценовой механизм*, однако лишь при условии, что «работают» институты, препятствующие нарушению функционирования этого механизма, например, возникновению административных монополий производства жизненно важной продукции с нерегулируемыми ценами. В самих же действующих рынках на решения их участников влияет множество различных неэкономических взаимодействий с другими участниками и стейкхолдерами, что чётко фиксируется в рамках теорий маркетинга, менеджмента и, конечно, экономической социологии¹.

Укоренённость в экономической социологии

Хотя создателем термина «укоренённость» является К. Поланьи, в социальных науках, включая экономическую, это понятие приобрело широкое распространение существенно позже, после публикации М. Грановеттера [Granovetter, 1985], став, согласно [Dequech, 2003. P. 462], «центральной концепцией новой экономической социологии». Грановеттер утверждает, что «анализируемое поведение и институты настолько ограничены текущими социальными отношениями, что истолковывать их как независимые является вопиющим (grievous) непониманием» [Granovetter, 1985. P. 482].

«Сила» подобных утверждений заключена, в первую очередь, в полной неопределённости и неоперациональности используемых слов, которые даже трудно назвать «терминами». Как следствие, каждый из читателей понимает эти слова по-своему, связывает с ними *свои* примеры и образы, которые могут быть — *для него лично!* — вполне убедительными. Но если такие «подтверждения», сами по себе совершенно различные, оказываются у многих, если не всех, читателей, то оказывается, что высказывание с неопределёнными словами становится *общепризнанным*, хотя основания признания могут быть (и будут) существенно разными...

Действительно, что значит «анализируемое поведение и институты настолько ограничены текущими социальными отношениями»? Совершенно ясно, что у каждого поведенческого акта того или иного индивида или адресатов и гарантов конкретного института найдутся *какие-то* свои социальные отношения, которые будут ограничивать их выбор. Следует ли отсюда, что для *определённого* конкретного действия для *всех* субъектов, кто его совершал, совершает или будет совершать, ограничивающими выступали, выступают или будут выступать *одни и те же* вполне определённые социальные отношения? Разумеется, не следует: *какие-то* и, скорее всего, для всех *разные* социальные отношения ограничивают

¹ При этом особенностью последней часто оказывается борьба с ветряными мельницами «школьной» неоклассики, т.е. с простейшими моделями работы рыночного механизма ценообразования, в которых индивидуальные решения, принимаемые реальными участниками реальных рынков, просто не анализируются.

действия, но какие именно и для кого – вопрос *эмпирического* исследования, а не абстрактного размышления. Кроме того, величина (масштабы) и жёсткость ограничений могут существенно различаться и зависеть от ситуаций, в которых осуществляются действия, от состояния внешней среды, от содержания отношений, в которых индивид находится с другими, и т.д. По этой причине утверждение об укоренённости поведения и институтов фактически является трюизмом, но никак не новой научной моделью или теорией. Ведь людей, которые ни от кого не зависят, в жизни просто нет (кроме разве что Александра Селькирка, прототипа Робинзона Крузо, да и то в течение нескольких лет, а не всей жизни; при этом нельзя забывать о том, что навыки, знания и предметы, которые Селькирк использовал в период своего одиночества, суть результаты его предшествующих отношений со многими разными людьми).

Безусловно, автор цитируемой статьи имел и имеет полное право быть убеждённым в том, что уровень укоренённости экономических действий «всегда был и продолжает оставаться более фундаментальным (substantial), чем это допускается формалистами и экономистами» [Granovetter, 1985. P. 483], однако в науке личная убеждённость в каком-либо утверждении не является, как известно, доказательством его истинности.

Между тем такие утверждения повторяются и сегодня. Так, А. Городецка пишет: «Преобладание объективных методов в неоклассической экономической теории можно рассматривать как следствие сознательного фокусирования на одном первостепенном мотиве человеческих решений, а именно — максимизации полезности. Рассмотрение большего числа мотивов, эмоций и географического и исторического контекстов в концепте человеческой природы требует применения в экономической теории новых методов» [Horodecka, 2017. P. 131]. Ей вторит М. Цоклинова: «В отличие от ортодоксальной неоклассической, только гетеродоксальная экономическая теория старается включить в анализ социальные и исторические факторы» [Tsoklinova, 2020. P.2]. Исследователи, знакомые с современным мейнстримом, не могут не увидеть, что приведённое утверждение попросту ложно. Ведь ещё до появления статьи М. Грановеттера экономистами, далёкими от гетеродоксального институционализма, были опубликованы результаты, ясно говорящие об ином взгляде на экономические действия [Leibenstein, 1976; Becker, 1974; Becker, 1976]. Наконец, С. Дракопулос пишет: «Несмотря на растущее влияние новой поведенческой экономической теории, представляется, что мейнстрим экономической теории демонстрирует примечательную сопротивляемость отказу от понятия атомистического индивида» [Drakopoulos, 2022. P. 4]. Однако мейнстрим экономической теории — это не некая формальная организация, руководство которой может публично заявить о подобном отказе или же приказать членам организации противоположное. Мейнстрим — это те идеи, объекты, направления и методы анализа экономики, которые признаются большинством экономистов достойными того, чтобы следовать им при выборе и осуществлении их исследований. Содержание мейнстрима меняется в соответствии с тем, как меняется уровень признания экономистами высказываемых в литературе идей, изучаемых объектов и методов их анализа. То, что в цитате названо «сопротивлением отказу», — это результаты многочисленных выборов различных исследователей не писать в своих работах (статьях и книгах) о том, что всякое экономическое решение так или иначе учитывает не только экономические издержки и выгоды, но также и социальные. При этом кто-то не включает такие заявления в силу их банальности, кто-то — потому что в его статье в этом нет необходимости и т.д., хотя в другой статье тот же автор вполне может написать о социальных факторах принятия решений. Как представляется, утверждения типа процитированного говорят о том, что их авторы неадекватно представляют себе, чем является мейнстрим экономической теории.

Нельзя не отметить, разумеется, что некоторые социологи всё же, хотя бы частично, восприняли тот факт, что современная трактовка индивидуальной функции полезности

в экономической теории вполне допускает наличие переменных, отражающих благосостояние других людей: «Индивиды могут заботиться о благосостоянии других *в той мере, в какой оно влияет на их собственное благосостояние*. В соответствии с таким подходом, если кто-то даёт милостыню, это вызвано его желанием почувствовать превосходство быть “положительной личностью” (“good person”) или стремлением предотвратить страдания других, чтобы не чувствовать себя хуже» [Urbina, Ruiz-Villaverde, 2019. P. 66]. Это признание явного учёта экономической теорией социальных факторов является, однако, *частичным и неполным*, поскольку, по мнению его авторов, люди заботятся о благосостоянии других, *только если* это затрагивает их собственное благосостояние. Однако понятие «предпочтений, затрагивающих других» (other-regarding preferences), было введено на основании эмпирических исследований ещё в середине 1980-х гг. и развито в 1990-е гг. [Kahneman, Knetsch, Thaler, 1986; Loewenstein, Thompson, Bazerman, 1989; Rabin, 1993]. Причём анализ показал, что люди готовы разделять свои ресурсы с другими даже тогда, когда последние *не влияют на последствия* их решений [Camerer, Thaler, 1995]. Было выявлено также, что такие предпочтения, равно как и их влияние на принятие решений, отнюдь не постоянны, по-разному распределены в различных группах, их проявления зависят от ситуаций, в которых принимаются решения [Fehr, Schmidt, 2006; Bogaert, Boone, Declerck, 2008]².

Разумеется, такая неоднородность предпочтений индивидов не может никого удивлять: у людей разные интересы и способности, разные процессы и формы образования, получения опыта и т.п. Поэтому на одних индивидов социальные отношения влияют в большей мере, чем на других, причём речь идет о *разных* отношениях. Удивительно другое: почему сделанные М. Грановеттером утверждения о том, что *все* экономические действия фактически *определяются* социальными отношениями, стали столь инновационными и значимыми для социологов?

Основная причина этого, как представляется, — упомянутые выше представления К. Поланьи о «разукоренённости» рынка, который в современных обществах является ведущим и определяющим способом функционирования экономики. Как пишет Грановеттер, «в течение долгого времени большинство среди социологов, антропологов, исследователей политики и историков считали, что в дорыночных обществах [экономическое] поведение было глубоко укоренено в социальных отношениях, но стало гораздо более автономным в ходе модернизации. Такой взгляд видит экономику как всё более сепаратную, отдельную сферу в современном обществе, в которой экономические трансакции определяются уже не социальными или родственными обязательствами, а рациональными расчётами личной выгоды» [Granovetter, 1985. P. 482]. Тем самым, появление обновлённой концепции укоренённости, отрицавшей позицию К. Поланьи относительно автономности рынков от современных обществ, фактически открыло перед представителями упомянутых в цитате социальных наук новое, обширное и перспективное поле деятельности, что не могло не вызвать их энтузиазма. Ведь эта концепция была предложена не «чужим» экономистом, а «своим» социологом, и опиралась не на математические формулы или экспериментальные игры, а на привычный стиль рассуждений с расплывчатыми понятиями, дающими возможность читателям опираться на собственные, привычные для них, трактовки таких понятий.

«Размещая» укоренённость между «сверх-социализацией» индивидов, присущей многим социологам, и их «недо-социализацией», свойственной части экономистов, он связывает её с «сетями межличностных отношений»: «...я утверждаю, что большинство поведенческих актов глубоко укоренено в сети межличностных отношений, и что этот

² Подробные описания вариантов и эволюции функции полезности даны в [Akçay, Van Cleve, Feldman, Roughgarden, 2009; Clavien, Chapuisat, 2016].

аргумент позволяет избежать крайностей недо- и сверх-социализированных взглядов на человеческие действия» [Granovetter, 1985. P. 504]³.

Однако межличностные сети включают индивидов, которые вполне могли иметь совершенно различные, в том числе и социальные, факторы «приобретения» ими тех текущих когнитивных, социальных и экономических состояний, которые обусловили их участие именно в тех сетях, где их застают исследователи. Вместе с тем эти предшествующие факторы обычно получают для последних лишь очень ограниченную и неточную известность, поскольку сами индивиды могут просто *не знать*, что повлияло на эти их состояния в силу *автоматичности* влияния упомянутых факторов [Moors, De Houwer, 2006; Bargh, Schwader, Hailey, Dyer, Boothby, 2012]⁴. Кроме того, не следует забывать и об *изменчивости* межличностных сетей [Rivera, Soderstrom, Uzzi, 2010; Briscoe, Tsai, 2011; Bar-Kalifa, Sened, 2020]. Плотная увязка экономических действий с межличностными сетями, кроме определённой конкретизации такого расплывчатого понятия, как социальные отношения и социальная структура (о том, что именно социальные сети могут служить операционализацией понятия социальной структуры, было отмечено ещё в [Boorman, White, 1976]), ставит, однако, вопрос о том, как соотносится воздействие этих сетей на решения и действия индивидов с воздействием безличностных социальных норм (или социальных институтов)? Грубо говоря, что из них сильнее? Для экономистов ответ вполне очевиден: в случае несоответствия требований норм и сетей предпочтение отдаётся тем из них, чьи санкции в случае нарушения были бы более высокими. Естественно, речь идет не об исключительно денежных потерях, а обо всей ожидаемой индивидом совокупности потерь самого разного характера. Очевидно также, что для разных индивидов в различных ситуациях выбора ответы на этот вопрос могут не совпадать, так что для исследователей эта тема является объектом *эмпирического*, а не теоретического характера.

Интересно отметить, что в обсуждаемой статье М. Грановеттер достаточно большое внимание уделяет критике позиций и подходов тех экономистов, кто в тот период *признавал* влияние социальных факторов на принимаемые экономические решения, таких как С. Боулс и Г. Гинтис, Х. Лейбенштайн, Г. Беккер, О. Уильямсон и др. Основанием для критики служила его оценка их подходов как сочетаний «атомизации» индивидов с их сверх-социализацией. Именно такое сочетание создавала, по его мнению, общая черта критикуемых подходов, заключавшаяся в том, что принадлежность индивида к той или иной социальной группе рассматривалась как социальный фактор принятия решений: «...сверх-социализированные представления о том, как общество влияет на индивидуальное поведение, являются механистичными: если мы знаем социальный класс индивидов или их секторы рынка труда, всё остальное поведение становится автоматическим, поскольку индивиды полностью социализированы... Как только мы узнаём, что является воздействующим на индивида, текущие социальные отношения и структуры становятся иррелевантными. Все социальные отношения оказываются внутри головы индивида, так что в имеющей место ситуации решения он или она могут быть атомизированы как любой *Homo economicus*, хотя, возможно, с разными правилами принятия решений» [Granovetter, 1985. P. 486]. При таком подходе экономисты «неизбежно абстрагируются от истории отношений и позиций индивидов по отношению к другим отношениям, т.е. от того, что может быть названо исторической и структурной укоренённостью отношений. Межличностные связи, описываемые в их суждениях, предельно стилизованы, усреднены, «типичны», избегают специфического контекста, истории или расположения в структуре... Такой подход – это в точности

³ Как писал Дж. Дьюзенберри, «экономическая теория – вся относительно того, как люди принимают решения; социология – вся относительно того, как они не в состоянии делать какой-либо выбор» [Duesenberry, 1960. P. 233].

⁴ Детальнее мы рассмотрим эту тему в следующем разделе статьи.

то, за что социологи-структуралисты критиковали социологию Парсонса, т.е. за изгнание специфики индивидуальных отношений в пользу всеобщей концептуальной схемы, эпифеноменальность в сравнении с долговечными структурами нормативной роли предписаний, следующих из ориентации на высшую ценность (ultimate value)» [Ibid.].

Изучать историю отношений индивидов (или организаций), о чём говорит Грановеттер в приведённых цитатах, в принципе, безусловно, можно. При этом необходимо чётко понимать, что для этого нужно вести наблюдения и измерения, начиная с рождения человека или создания организации. Без такого продолжительного и дорогостоящего анализа⁵ корректность и точность знаний, получаемых об истории их социальных отношений после того, как они стали объектами изучения, ощутимо снижаются (особенно для индивидов), что мы рассмотрим в деталях в следующем разделе статьи.

Здесь же отмечу, что альтернативный подход экономистов, признающих и изучающих влияние социальных факторов на принятие экономических решений, также расценивается Грановеттером как неприемлемый: «Трактовка социальных отношений в экономических моделях имеет парадоксальный характер, оставляя принятие решений атомизированным, даже когда в него вовлечено более одного индивида. Поскольку анализируемое множество индивидов — обычно это пары, иногда более широкие группы — отделено от социального контекста, они атомизированы в своем поведении от других групп, а также от истории своих собственных отношений. Атомизация не элиминируется, она просто переносится на пары или более высокий уровень анализа. Заметим, что применение концепции сверх-социализации, согласно которой акторы ведут себя исключительно в соответствии с предписываемыми им ролями, применяется внутри атомизированного, недо-социализированного подхода» [Granovetter, 1985. Pp. 486-487]. Однако, если как учёт включённости акторов в те или иные социальные категории, так и непосредственное рассмотрение малых групп считать неадекватным изучению влияния социальных структур на экономические действия, остаётся лишь «поштучный» анализ *каждого индивида*, но вместе *со всем разнообразием его межличностных связей* во времени и в пространстве. Нетрудно догадаться, что в силу различий и индивидуальности этих связей выявление каких-либо *регулярностей* и *закономерностей* станет практически невозможным: ведь у каждого своя история и своё окружение, так что результатом подобного подхода станет не более чем множество уникальных биографий самых разных индивидов. Между тем именно такой подход поддерживает Грановеттер: «Плодотворный анализ человеческого действия требует от нас избегать атомизации, скрытой в теоретических крайностях концепций недо- и сверх-социализации. Акторы не ведут себя или не решают, как атомы вне социального контекста, равно как не следуют раболопно предписаниям, вытекающим из пересечения социальных категорий, в которых они оказались. В реальности их стремления к целенаправленным действиям укоренены в конкретных действующих системах социальных отношений» [Op. cit. P. 487]. Тем самым, написание детализированных до уровня единичных решений биографий конкретных индивидов он считает *плодотворным* (fruitful) подходом к изучению человеческих действий в отличие от поиска *регулярностей* и *закономерностей* их совершения, которому и посвящены критикуемые им подходы экономистов. Ведь в исследованиях последних выдвигаются и проверяются гипотезы относительно того, какие социальные факторы оказывают воздействия на решения (поведение) и насколько значимо такое влияние. Последний момент особенно важен: ведь не следует также забывать, что слово *укоренённость* имеет смысл *жёсткой и прочной*, а не *слабой и эфемерной связи*, появляющейся и исчезающей. Но в том-то и дело, что связи, влияющие на принимаемые решения и последующие действия, являются именно *ситуативными и изменчивыми*, но никак не жёсткими и прочными, о чём явственно говорят результаты исследований психологии, социальной психологии и нейронауки [Newell, Shanks, 2014].

⁵ При этом надо заранее предугадать, кто из сегодняшних младенцев станет значимой персоной в будущем.

Экономические и неэкономические факторы и человеческие действия: результаты неэкономических исследований

Никакое влияние внешних факторов (кроме, конечно, чисто физического, силового), в том числе социальных, на поведение индивида не осуществляется без участия личных психологических механизмов последнего. Поэтому анализ действенности такого влияния необходимо начинать с характеристики того, в чём заключаются и как действуют эти механизмы.

Установки. Вероятно, наиболее часто встречающимся концептом, характеризующим такого рода механизмы, выступают *установки*⁶. Среди различных определений этого понятия многими исследователями принимается следующее: «Во избежание путаницы, мы предлагаем использовать термин “установка” по отношению к оценке объекта, понятия или поведения в шкалах благоприятное — неблагоприятное, хорошее — плохое, нравится — не нравится...» [Ajzen, Fishbein, 2000. P. 3]. Схожей является и определение установок как связей объектов и оценок с варьирующей значимостью (*varying strength*) [Fazio, 2007]⁷.

Интуитивно, влияние какой-либо установки на поведение представляется очевидным: мы стремимся к тому, что считаем хорошим, и избегаем того, что полагаем плохим. Именно такая трактовка концепта установки была некоторое время определяющей в психологии [Allport, 1935]. Однако неуспешность многих попыток эмпирического выявления прямого влияния установок на поведение⁸ привела в конце 1960-х гг. к выводу, что «в целом эти исследования означают скорее, что установки, очень похоже, не связаны или очень слабо связаны с наблюдаемым поведением, чем, что установки тесно соотносятся с поведением» [Wicker, 1969. P. 65].

Ответом на этот вывод стал ряд многофакторных психологических моделей выбора, в которых установки были *одним из факторов* критериального характера, влияющим вместе с ограничивающими факторами, такими как наличие или отсутствие устоявшегося (*vested*) интереса к объекту [Sivacek, Crano, 1982], наличие непосредственного опыта взаимодействия с объектом установки либо знание только информации о нем [Fazio, Zanna, 1981], и др. Однако значительное изменение скептического отношения к установкам произошло после того, как исследователи стали искать связи между ними и *поведенческими доменами*, т.е. не с отдельными, произвольно выбранными действиями, а с группами действий, так или иначе отвечающими смыслу оценки [Fishbein, Ajzen, 1974; Weigel, Newman, 1976]. Окончательное «восстановление в правах» концепта установок произошло после включения в состав многофакторной психологической модели действий концепта поведенческого *намерения* (*behavioural intention*): именно его возникновение, происходящее из имеющейся установки и внутреннего *воспринимаемого поведенческого контроля* (*perceived behavioural control*), наиболее непосредственно связано с предпринимаемыми действиями [Fishbein, Ajzen, 1975; Madden, Ellen, Ajzen, 1992]⁹.

Многие эмпирические исследования показали, что связь установок, внутреннего воспринимаемого контроля и намерений с теми или иными действиями из соответствующую

⁶ История возникновения и исследования этого понятия подробно изложена в [Койфман, 2016].

⁷ Однако в [Chaiklin, 2011. P. 32], например, утверждается, что установки — это поведение (*Attitudes are Behavior*). Недавно была также предложена трактовка установок как пропозициональных репрезентаций, представляющая соотношение между объектом и оценкой символами, а не образами [De Houwer, Van Dessel, Moran, 2021].

⁸ Первое экспериментальное свидетельство того, что установки и действия непосредственно практически не связаны, было получено ещё в начале 1930-х гг. [LaPiere, 1934].

⁹ Разумеется, намерения также не являются единственным фактором при принятии решений о действии [Sheeran, Webb, 2016].

щего домена на самом деле действительно существует, что позволяет в значительной мере предсказывать действия [Shepherd, Hartwick, Warsaw, 1988; Randall, Wolff, 1994; Sheeran, 2002; Niemiec, Champine, Vaske, Mertens, 2020].

Заметим, что очерченная здесь вкратце *теория спланированного поведения* (Theory of Planned Behaviour), детально изложенная и обоснованная в [Ajzen, 1991], предполагает, что на применение намерений, т.е. их трансформацию в релевантные действия, влияют также так называемые *ситуационные характеристики* (situational characteristics), которые находятся вне сознательного контроля индивида. При этом то, что именуется так социальными психологами, для экономистов является не чем иным, как обычными, стандартными для любой задачи принятия решений, *ограничениями*: это может быть достаточность времени для осуществления действий, наличие денег или других нужных ресурсов. Необходимо отметить также, что тематика психологических факторов, воздействующих на решения, действия и поведение постоянно развивается [Kruglanski, Jaško, Chernikova, Milyavsky, Babush, Baldner, Pierro, 2015], так что на сегодня с уверенностью можно сказать, что установки *значимы* для поведения, но не являются единственными и решающими факторами.

Выявленная значимость установок для объяснения и предсказания действий ставит, как минимум, два важных вопроса: как формируются установки; изменяются ли они?

Концепция двойственных процессов. Для ответа на эти вопросы целесообразно обратиться к теориям двойственных (двойных, дуальных)¹⁰ процессов (dual-process theories). Вероятно, первой публикацией в этой проблематике была статья [Wason, 1960], в которой автор обсуждал результаты проведённых им экспериментов, где участники демонстрировали ошибки, когнитивные сдвиги (bias) и иррациональность при решении задач выбора. Эта публикация вызвала значительный интерес к такой тематике, породила широкий круг экспериментов, анализ и обобщение которых и привели к понятию двойственных процессов [Wason, Evans, 1975]. Более детально возникновение и динамика данной концепции проанализированы в [Evans, 2016], я же остановлюсь на тех элементах её содержания, которые непосредственно относятся к тематике данной статьи.

Прежде всего, о каких двойственных процессах идет речь? Это разнообразные *когнитивные* процессы, объединяемые в группы, обладающие следующими признаками: «Обычно, один из этих процессов характеризуется как быстрый, не требующий усилий, автоматический, бессознательный, негибкий, глубоко контекстуализированный и не требующий рабочей памяти, в то время как другой — медленный, требующий усилий, управляемый, сознательный, гибкий, внеконтекстуальный и требующий рабочей памяти» [Frankish, Evans, 2009. P. 1]. Кратко говоря, первая группа — это интуитивные процессы, а вторая — различные виды рассуждения. Наличие такого рода пар эмпирически установлено применительно ко многим когнитивным процессам, начиная от восприятия окружающей нас природной и социальной среды и кончая принятием решений [Langer, Blank, Chanowitz, 1978; Dual Process..., 1999]. Для экономистов важно также заметить, что эта концепция является одной и детализацией концепции ограниченной рациональности, что отметил Д. Канеман [Kahneman, 2003].

Возникновение концепции двойственных процессов, опирающейся на эмпирический базис, фактически положило конец бытовавшим ранее представлениям о том, что *любые* действия, базирующиеся на *установках*, одновременно являются плодами *сознательных рассуждений* [Langer, 1978]. Эмпирические исследования показали, что *установки* могут активироваться — переходить из памяти в «рабочее» состояние — *автоматически*, а не в результате сознательного выбора [Shiffrin, Dumais, 1981; Fazio, Sanbonmatsu, Powell, Kardes, 1986]. Широта выявленного действия автоматизмов в когнитивных процессах дала

¹⁰ В отечественной литературе используются все три варианта.

основание для появления статей под названиями «Невыносимая автоматичность бытия» [Bargh, Chartrand, 1999]¹¹ и «Автоматичность социальной жизни» [Bargh, Williams, 2006].

Нужно отметить, что на начальном этапе развития этой концепции исследователи полагали, что автоматические и сознательные когнитивные процессы осуществлялись двумя различными *системами* в человеческом мозге: а) Системой 1, осуществляющей автоматические процессы; б) Системой 2, которая обеспечивает размышления и логические выводы. Эти системы связывают часто с известной книгой Д. Канемана [Kahneman, 2011], хотя соответствующие понятия были введены ранее, в [Stanovich, West, 2000]. Здесь нужно отметить, что Канеман отнюдь не трактовал в своих работах термин «система» как нечто физически целостное: «Мы используем термин “система” только как ярлык для совокупности когнитивных процессов, которые могут различаться по своей скорости, контролируемости и содержанию, которое они обрабатывают» [Kahneman, Frederick, 2005. P. 267]. Разграничение упомянутых систем использовалось достаточно широко [Evans, 2003; De Neys, 2006; Hodgkinson, Sadler-Smith, Burke, Claxton, Sparrow, 2009]. Однако по мере накопления эмпирического материала и теоретических суждений представления о существовании двух различных систем когнитивной деятельности подверглись определённой критике [Keren, Schul, 2009; Kruglanski, Gigerenzer, 2011; Keren, 2013; Gawronski, Sherman, Trope, 2014]. Её предметами выступали не сами по себе быстрый и медленный типы осуществления когнитивных действий, а их *трактовки*, применяемые сторонниками двух систем, в первую очередь — выделение разных систем, сосуществующих в мозге, при отсутствии ясных механизмов, обеспечивающих их разделение. Иными словами, корректнее было говорить не о существовании для каждого типа когнитивного действия процессов двух разных качеств, а о реализации такого действия единым процессом, но на разных уровнях. Критики отмечали также расплывчатость используемых понятий, неоднозначность интерпретации результатов эмпирических экспериментов, неопределённость числа разграничиваемых типов когнитивных действий (так, в [Stanovich, 2009] говорилось уже не о двух, а о трёх их типах), непродуманность некоторых формулировок (например, в [Evans, 2010] заявлялось о существовании в одном мозге двух разумов) и т.д.

В последующий период было предложено несколько вариантов различных механизмов, объясняющих различие двух процессов. Согласно одному из них [Evans, Stanovich, 2013], процессы типа 1 — это «ответы по умолчанию» (default responses), механизмы которых «вшиты» в устройство мозга, в то время как процессы типа 2 тяжело загружают рабочую память, потенциал которой ограничен [Halford, Wilson, Phillips, 1998; Kareev, 2000] и влияет на соотношение этих типов [Rojas-Barahona, Moreno-Ríos, García-Madruga, Förster, 2021]. Согласно другому, различия связаны с ролью отношенческого знания (relational knowledge), характеризуемого наличием связей между стимулами и реакциями [Halford, Wilson, Phillips, 2010; De Houwer, 2019]. Ещё одна точка зрения связывает эти типы с различием используемых алгоритмов обработки данных [Dewey, 2021]. Разумеется, приведёнными подходами развитие тематики двойственных когнитивных процессов отнюдь не исчерпывается, однако её анализ выходит за пределы данной статьи.

Статистическое научение. Автоматичность, наблюдаемая практически во всех когнитивных процессах, получила несколько объяснений своей распространённости [Moors, 2016]. Однако их сопоставление не играет какой-либо роли для нашего анализа. С точки зрения последнего важно отметить другое: человеческий мозг (а также и мозг других животных) осуществляет автоматический *поиск и выявление регулярностей* связей, возникающих между различными компонентами окружающей нас среды. Этот вид авто-

¹¹ Правда, спустя два десятилетия исследования уточнили, что такой автоматизм присущ преимущественно близким отношениям [Hicks, McNulty, 2019].

матичности получил название «статистическое научение» (statistical learning) [Saffran, Aslin, Newport, 1996; Aslin, Saffran, Newport, 1998]. Важно отметить, что статистическое научение может формировать не только частные, локальные зависимости, но и общие правила [Aslin, Newport, 2012]. К разряду последних можно отнести и *субъективные нормы* — представления индивидов о том, какие из их действий будут одобрены, а какие осуждены окружающими их людьми [Ajzen, Driver, 1991]. Формируемые в значительной мере автоматически, субъективные нормы могут отражать реально существующие формальные и неформальные институты, однако могут и не соответствовать последним: ведь автоматичность статистического научения вовсе *не означает* его *точность* и *безошибочность*. Тем не менее субъективные нормы играют значимую роль в возникновении намерений совершить действие [Ajzen, 2002], поскольку именно они содержат для индивидов информацию о социальных выигрышах или издержках, которые будут сопряжены с намеряемыми действиями. Ещё раз подчеркну, что эта информация может быть ложной, однако выступать фактором принятия решений. Подтверждение правильности выявленных регулярностей или их ошибочности может дать только *опыт реализации решений*, принятых на основании той совокупности данных, которыми располагает индивид. Ясно, что неудачный опыт, скорее всего, приведёт к усилению *сознательных* процессов (размышлению о причинах неудачи), в то время как успешный подтвердит корректность результатов автоматических когнитивных процессов. Интересно отметить, что внимание людей автоматически смещается в сторону выявленных регулярностей во внешней среде [Zhao, Al-Aidroos, Turk-Browne, 2013]. Это явно говорит о том, что механизм статистического научения включает в себя также и *потенциал* сознательной корректировки получаемых результатов, хотя сам по себе исправлением получаемых выводов не занимается.

Статистическое научение позволяет также индивидам выявлять (быть может, ошибочно) состав социальных и иных сетевых структур в окружающей их среде [Tompson, Kahn, Falk, Vettel, Bassett, 2019]. Это означает, что тот учёт сетевых связей, к изучению которых призывал М. Грановеттер, на деле оказывается фактически встроенным в человеческий мозг. Разумеется, эта способность проявляется у людей в разной степени, чему, собственно говоря, и посвящена статья С. Томпсона и др., однако само её наличие имеет ясные эмпирические подтверждения. Интересно отметить, что *привычки*, возводимые Дж. Ходжсоном в ранг неотъемлемого компонента *институтов*¹², также являются результатом статистического научения [Neal, Wood, Labrecque, Lally, 2012]. Причём наиболее строгие из привычек проявляются в действиях независимо от целей, которые преследуют индивиды, т.е. как реакции на сигналы, наблюдаемые во внешней среде, которые и вошли в качестве элементов в автоматически выявленные регулярности. В целом, как отмечают исследователи, статистическое научение следует рассматривать как преобладающий и значимый компонент человеческой когнитивной деятельности [Sherman, Graves, Turk-Browne, 2020].

Формирование и изменение установок. Автоматичность присуща не только выявлению регулярностей, она охватывает также формирование *оценок* наблюдаемых (воспринимаемых) объектов различной природы [Chen, Bargh, 1999; Duckworth, Bargh, Garcia, Chaiken, 2002; Ferguson, Zayas, 2009]. Это вполне подтверждает сформулированное ещё в конце 1980-х гг. и затем повторяемое положение о том, что установки включают как автоматически возникшие, так и сознательно управляемые компоненты [Devine, 1989; Ajzen, Fishbein, 2000; Rudman, 2004]. При этом первые пластичны, изменяются вместе с изменениями в воспринимаемой внешней среде [Dasgupta, Greenwald, 2001], что вполне понятно, учитывая постоянство процесса статистического научения. Что же касается вторых, они могут меняться осознаваемо, и прежде всего — под влиянием убеждения, т.е. передачи

¹² «Привычки, кратко говоря, вморожены (are tied up) в социальные институты» [Hodgson, 2004. P. 652].

и восприятия информации со стороны её различных источников — как отдельных индивидов, так и их групп [Petty, Briñol, 2010].

Если установка относительно какого-то объекта изменилась, что происходит со «старой» установкой? Такой вопрос был поставлен в [Wilson, Lindsey, Schooler, 2000]. По их мнению, опирающемуся на ряд экспериментальных исследований, даже если явная установка изменилась, неявная может оставаться прежней. Это означает, что фактически решение и действие зависят от того, какая из этих установок окажется активированной, т.е. в значительной мере от *случайности*, от того *контекста*, в котором принимается решение [Rydell, Gawronski, 2009]. Однако не любая, а лишь наиболее доступная установка будет автоматически извлечена из памяти просто по причине восприятия своего объекта, т.е. та установка, которая уже влияла на поведение и приносила успешные результаты [Fazio, Sanbonmatsu, Powell, Kardes, 1986].

Мы видим, таким образом, что результаты психологических исследований процессов принятия решений, приводящих к тем или иным действиям, явно показывают отсутствие их строгой детерминированности теми или иными факторами — социальными или экономическими. Более того, исследования в области нейронауки свидетельствуют о том, что в мозгах людей эти две группы факторов *не различаются*. Эти эмпирические данные очень важны, поскольку в наше время обсуждать проблематику влияния различных факторов на принятие индивидами решений и их поведение *без учёта* результатов нейронауки можно, но только в том случае, если исследователь стремится любыми способами доказать свою правоту, а не произвести дополнительное научное знание.

Прежде всего ранние исследования показали, что общей областью мозга, где происходит обработка информации о социальных и экономических вознаграждениях, является стриатум (полосатое тело) [Izuma, Saito, Sadato, 2008; Saxe, Haushofer, 2008], из чего был сделан вывод о том, что мозг формирует единую «общую валюту» для оценки и сопоставления вариантов выбора действий [Levy, Glimcher, 2012; Bhanji, Delgado, 2014]. Этот вывод подтвердили и последующие исследования [Wake, Izuma, 2017; Gu, Huang, Camilleri, Xu, Wei, Eickhoff, Feng, 2019], что подтверждает давно известную истину: мир един, а разделение на экономическое и социальное — следствие дисциплинарной структуры науки, которая, в свою очередь, есть следствие ограниченной рациональности людей, не всегда способных использовать в своей исследовательской работе всю релевантную информацию, производимую широким разнообразием других исследователей.

Тем самым «борьба» за включение социальных факторов в модели принятия экономических решений в действительности лишена оснований: стремиться имеет смысл единственно к тому, чтобы сделать эти модели более полными, способными включать широкое разнообразие факторов, при том, что далеко не все из последних действительно включаются в принятие всякого решения. Но существующие *теоретические* модели принятия решений включают *абстрактные* переменные, имеющие произвольный характер. Замена их *конкретными измеримыми* переменными требует для каждого изучаемого случая соответствующей эмпирической работы, которая далеко не всегда возможна, что было отмечено в конце второго раздела этой статьи.

Заключение

Наука делается, оценивается и используется людьми, поэтому без учёта человеческих реакций затруднительно понять, почему одни из различных понятий, концепций и способов их представления имеют, вместе с широким распространением, также и релевантное научное содержание, в то время как у других за распространённостью можно найти преимущественно метафоры.

Например, слоган Д. Норта «Институты имеют значение» столь же чрезмерно обобщён и очевиден, как слоган М. Грановеттера «Поведение укоренено в сетях». В чём состоит разница между ними — не содержательная, а в плане организации научного знания? Основное отличие — операциональность понятия института и расплывчатость понятия укоренённости. Норт определял институт следующим образом: это «множество ограничений поведения в форме правил и регуляций, множество процедур обнаружения отклонений... и, наконец, множество... норм, ограничивающих способы, которыми правила и регуляции специфицируются и принуждаются к исполнению» [North, 1984. P. 8]. Отмечу, что исследователи чаще всего ссылаются не на это чёткое *определение*, а на *образное выражение*, использованное Нортом: институты — это правила игры. Казалось бы, в чём проблема? Она заключается в том, что этот образ не включает такой важный компонент института, как механизм принуждения к исполнению (*enforcement mechanism*), который в явном виде есть в приведённом определении. Что же касается операционального определения укоренённости у Грановеттера, то таковое найти не удалось.

Отсюда следует, что утверждение Норта *можно проверить* эмпирически, поскольку мы можем идентифицировать институты, а столь же общее утверждение Грановеттера эмпирически *проверить нельзя*, поскольку мы не можем идентифицировать свойство укоренённости. Можно ли непроверяемые утверждения считать научными? Вероятно, можно, но это будет какая-то странная наука...

За годы, прошедшие после его применения М. Грановеттером, термин «укоренённость» глубоко вошёл и широко используется в литературе по изучению социальных и социально-экономических процессов. Поэтому было бы наивно предполагать, что представленный здесь анализ, демонстрирующий его скорее метафорический, чем строго научный смысл, может повлиять на распространённость этого термина. Однако надежда на то, что хотя бы часть использующих его исследователей задумается о его строгости и корректности, всё же остаётся. В её пользу говорит тот факт, что в последние годы в области социальных наук имеет место пробуждение интереса к строгости используемого понятийного аппарата [Hodgson, 2019; Wentura, 2019; Elder-Vass, 2020; Fleetwood, 2021]. При этом Дж. Ходжсон в начале упомянутой статьи выразился со всей решительностью: определения являются критическими (*crucial*) для институционального анализа¹³.

В недавней статье Д. Росс представил основания для суждения о том, что экономическая теория сближается с социологией, а не с психологией [Ross, 2022]. Хотя, как он отмечает, с появлением поведенческой экономической теории у экономистов возникла возможность сближения с психологами, но традиционность методологии последних, по его мнению, препятствует включению их результатов в экономические модели¹⁴. Как представляется, из приведённых в этой статье положений следует, что результаты именно психологии (и нейронауки) составляют тот корпус знаний, который может быть включён (и включается) в экономические теории и эмпирический анализ.

¹³ Это суждение решительно отличается от ранее высказанного утверждения о том, что «исследователи, интересующиеся изучением институтов, не должны вести споры (*conduct fights*) о значении терминов “институт”, “организация” и др., используемые в теории институтов. Они должны вместо этого концентрироваться на конструировании теорий, для того чтобы объяснить феномены, которыми они интересуются» [Mantzavinos, 2006. P. 85]. Можно только догадываться, как строить теории, не определив их предмет, но обсуждение этого выходит за рамки данной статьи.

¹⁴ В то же время, по мнению других, «мы все теперь поведенческие экономисты» [Angner, 2019].

ЛИТЕРАТУРА

- Койфман А. Я. (2016). Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены? // *Российский журнал когнитивной науки*. Т. 3. №4. С. 45 — 62.
- Тамбовцев В. Л. (2020). Непродуктивность попыток методологического синтеза // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 7–31.
- Ajzen I. (1991). The theory of planned behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 50. No. 2. Pp. 179-211.
- Ajzen I. (2002). Perceived behavioral control, self-efficacy, locus of control, and the theory of planned behavior // *Journal of Applied Social Psychology*. Vol 32. Is 4. Pp. 665–683.
- Ajzen I., Driver B. L. (1991). Prediction of leisure participation from behavioral, normative, and control beliefs: An application of the theory of planned behavior// *Leisure Sciences*. Vol. 13. No.3. Pp. 185-204.
- Ajzen I., Fishbein M. (2000). Attitudes and the attitude-behavior relation: Reasoned and automatic processes // *European Review of Social Psychology*. Vol 11. Is. 1. Pp. 1-33.
- Akçay E., Van Cleve J., Feldman M. W. & Roughgarden J. (2009). A theory for the evolution of other-regard integrating proximate and ultimate perspectives // *Proceedings of the National Academy of Sciences* . Vol. 106 (45). Pp. 19061-19066.
- Allport G. W. (1935). Attitudes // *Handbook of Social Psychology* / C. Murchison (ed.) — Worcester, MA: Clark University Press. Pp. 798-844.
- Angner E. (2019). We're all behavioral economists now // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 26. No. 3. Pp. 195–207.
- Aslin R. N., Newport E. L. (2012). Statistical learning: From acquiring specific items to forming general rules // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 21. No. 3. Pp. 170–176.
- Aslin R. N., Saffran J. R., Newport E. L. (1998). Computation of conditional probability statistics by 8-month-old infants // *Psychological Science*. Vol. 9. No. 4. Pp. 321–324.
- Bargh J. A., Chartrand T. L. (1999). The unbearable automaticity of being // *American Psychologist*. Vol. 54. No. 7. Pp. 462–479.
- Bargh J. A., Schwader K. L., Hailey S. E., Dyer R. L. and Boothby E. J. (2012). Automaticity in social-cognitive processes // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 16. No. 12. Pp. 593-605.
- Bargh J. A., Williams E. L. (2006). The Automaticity of Social Life // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 15. No. 1. Pp. 1-4.
- Bar-Kalifa E. & Sened H. (2020). Using Network Analysis for Examining Interpersonal Emotion Dynamics // *Multivariate Behavioral Research*. Vol. 55. Is 2. Pp. 211-230.
- Becker G. (1974). A theory of social interactions // *Journal of Political Economy*. Vol. 82. No. 6. Pp. 1063-1093.
- Becker G. (1976). *The Economic Approach to Human Behavior*. — Chicago: University of Chicago Press.
- Bhanji J. P., Delgado M. R. (2014). The social brain and reward: Social information processing in the human striatum // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*. Vol. 5. No. 1. Pp. 61-71.
- Bogaert S., Boone C., Declerck C. (2008). Social value orientation and cooperation in social dilemmas: a review and conceptual model // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 47. Is. 3. Pp. 453–480.
- Boorman S. A., White H. C. (1976). Social Structure from Multiple Networks. II. Role Structures // *American Journal of Sociology*. Vol. 81. No. 6. Pp. 1384-1446.
- Briscoe F., Tsai W. (2011). Overcoming Relational Inertia: How Organizational Members Respond to Acquisition Events in a Law Firm // *Administrative Science Quarterly*. Vol. 56. No. 3. Pp. 408-440.
- Camerer C., Thaler R. (1995). Anomalies: Ultimatums, Dictators and Manners // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 9. No. 2. Pp. 209–219.
- Chaiklin H. (2011). Attitudes, Behavior, and Social Practice // *Journal of Sociology & Social Welfare*. Vol. 38. No. 1. Pp. 31-54.
- Chen M., Bargh J. A. (1999). Consequences of automatic evaluation: Immediate behavioral predispositions to approach and avoid the stimulus // *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 25. No. 2. 215–224.
- Clavien C., Chapuisat M. (2016). The evolution of utility functions and psychological altruism // *Studies in History and Philosophy of Science, Part C: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. Vol. 56. Pp. 24-31.
- Dasgupta N., Greenwald A. G. (2001). On the malleability of automatic attitudes: Combating automatic prejudice with images of admired and disliked individuals // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 81. No. 5. Pp. 800–814.
- De Houwer J. (2019). Moving beyond the distinction between System 1 and System 2: Conditioning, implicit evaluation, and habitual responding might also be mediated by relational knowledge // *Experimental Psychology*. Vol. 66. No. 4. Pp. 257–265.
- De Houwer J., Van Dessel P., Moran T. (2021). Attitudes as propositional representations // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 25. Is. 10. Pp. 870-882.
- De Neys W. (2006). Dual processing in reasoning: Two systems but one reasoned // *Psychological Science*. Vol. 17. No. 5. Pp. 428-433.

- Dequech D.* (2003). Cognitive and Cultural Embeddedness: Combining Institutional Economics and Economic Sociology // *Journal of Economic Issues*. Vol. 37. No. 2. Pp. 461-470.
- Devine P. G.* (1989). Stereotypes and prejudice: Their automatic and controlled components // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 56. No. 1. Pp. 5–18.
- Dewey C.* (2021). Reframing Single- and Dual-Process Theories as Cognitive Models: Commentary on De Neys (2021) // *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 16. No. 6. Pp. 1428-1431.
- Drakopoulos S. A.* (2022). The Conceptual Resilience of the Atomistic Individual in Mainstream Economic Rationality // MPRA Paper No. 112944.
- Dual Process Theories in Social Psychology (1999) / S. Chaiken, Y. Trope (eds.) — New York: Guilford.
- Duckworth K. L., Bargh J. A., Garcia M., Chaiken S.* (2002). The Automatic Evaluation of Novel Stimuli // *Psychological Science*. Vol. 13. No. 6. Pp. 513-519.
- Duesenberry J.* (1960). Comment on «An Economic Analysis of Fertility» // *Demographic and Economic Change in Developed Countries* / G.B. Roberts (ed.) — Cambridge, MA: Columbia University Press. Pp. 231-234.
- Elder-Vass D.* (2020). Defining the gift // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 16. Issue 5. Pp. 675 — 685.
- Evans J.S.B.T.* (2003). In two minds: Dual-process accounts of reasoning // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 7. No. 10. Pp. 454-459.
- Evans J.S.B.T.* (2010). *Thinking Twice: Two Minds in One Brain*. — Oxford and New York: Oxford University Press.
- Evans J.S.B.T.* (2016). Reasoning, biases and dual processes: The lasting impact of Wason (1960) // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. Vol. 69. No. 10. Pp. 2076-2092.
- Evans J.S.B.T., Stanovich K. E.* (2013). Dual-Process Theories of Higher Cognition: Advancing the Debate // *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 8. No. 3. Pp. 223-241.
- Fazio R. H.* (2007). Attitudes as object-evaluation associations of varying strength // *Social Cognition*. Vol. 25. No. 5. Pp. 603–637.
- Fazio R.H., Sanbonmatsu D.M., Powell M.C., Kardes F.R.* (1986). On the automatic activation of attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 50. No. 2. Pp. 229-238.
- Fazio R. H., Zanna M. P.* (1981). Direct experience and attitude-behavior consistency // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol 14. Pp. 161-202.
- Fehr E., Schmidt K. M.* (2006). The Economics of Fairness, Reciprocity and Altruism — Experimental Evidence and New Theories // *Handbook of the Economics of Giving, Altruism and Reciprocity*. Vol. 1 / S.-C. Kolm, J. Mercier Ythier (eds.) — Amsterdam, New York: Elsevier. Pp. 615–691.
- Ferguson M. J., Zayas V.* (2009). Automatic Evaluation // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 18. No. 6. Pp. 362-366.
- Fishbein M., Ajzen I.* (1974). Attitudes toward objects as predictors of single and multiple behavioral criteria // *Psychological Review*. Vol. 81. No.1. Pp. 59-74.
- Fishbein M., Ajzen I.* (1975). *Belief, Attitude, Intention, and Behavior: An introduction to theory and research*. — Reading, MA: Addison-Wesley.
- Fleetwood S.* (2021). A definition of habit for socio-economics // *Review of Social Economy*. Vol. 79. Is 2. Pp. 131-165
- Frankish K., Evans J. S. B. T.* (2009). The duality of mind: An historical perspective // *Two Minds: Dual Processes and Beyond* / J.S.B.T. Evans, K. Frankish (eds.) — Oxford: Oxford University Press. Pp. 1–31.
- Gawronski B., Sherman J. W., Trope Y.* (2014). Two of what? A conceptual analysis of dual-process theories // *Dual-process Theories of the Social Mind*. / J.W. Sherman, B. Gawronski, Y. Trope (eds.) — New York: Guilford Press. Pp. 3–19.
- Gemic K.* (2008). Karl Polanyi and the antinomies of embeddedness // *Socio-Economic Review*. Vol. 6. No. 1. Pp. 5–33.
- Granovetter M.* (1985). Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // *American Journal of Sociology*. Vol. 91. No. 3. Pp. 481-510.
- Gu R., Huang W., Camilleri J., Xu P., Wei P., Eickhoff S. B., Feng C.* (2019). Love is analogous to money in human brain: Coordinate-based and functional connectivity meta-analyses of social and monetary reward anticipation // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. Vol. 100. Pp. 108-128.
- Halford G. S., Wilson W. H., Phillips S.* (2010). Relational Knowledge: The Foundation of Higher Cognition // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 14. No. 11. Pp. 497-505.
- Halford G.S., Wilson W. H., Phillips S.* (1998). Processing capacity defined by relational complexity: Implications for comparative, developmental, and cognitive psychology // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 21. Issue. 6. Pp. 803 — 831.
- Hicks L. L., McNulty J. K.* (2019). The Unbearable Automaticity of Being ... in a Close Relationship // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 28. No. 3. Pp. 254-259.
- Hodgkinson G. P., Sadler-Smith E., Burke L. A., Claxton G. and Sparrow P. R.* (2009). Intuition in Organizations: Implications for Strategic Management // *Long Range Planning*. Vol 42. Issue 3. Pp. 277-297.
- Hodgson G. M.* (2004). Reclaiming habit for institutional economics // *Journal of Economic Psychology*. Vol. 25. Issue. 5. Pp. 651–660.
- Hodgson G. M.* (2019). Taxonomic definitions in social science, with firms, markets and institutions as case studies // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 15. No. 2. Pp. 207–233.

- Horodecka A. (2017). The methodology of evolutionary and neoclassical economics as a consequence of the changes in the concept of human nature // *Argumenta Oeconomica*. Vol. 39. No. 2. Pp. 129-166.
- Izuma K., Saito D. N., Sadato N. (2008). Processing of social and monetary rewards in the human striatum // *Neuron*. Vol. 58. No. 2. Pp. 284-294.
- Kahneman D. (2003). Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // *American Economic Review*. Vol. 93. No. 5. Pp. 1449-1475.
- Kahneman D. (2011). *Thinking, Fast and Slow*. — New York: Farrar, Straus & Giroux.
- Kahneman D., Frederick S. (2005). A model of heuristic judgment // *The Cambridge Handbook of Thinking and Reasoning*. / K.J. Holyoak, R.G. Morrison (eds.) — Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 267–293.
- Kahneman D., Knetsch J. L., Thaler R. H. (1986). Fairness and the Assumptions of Economics // *Journal of Business*. Vol. 59. No. 4. Part 2: The Behavioral Foundations of Economic Theory. Pp. 285-300.
- Kareev Y. (2000). Seven (indeed, plus or minus two) and the detection of correlations // *Psychological Review*. Vol. 107. No. 2. Pp. 397–402.
- Keren G. (2013). A tale of two systems: A scientific advance or a theoretical stone soup? Commentary on Evans & Stanovich // *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 8. No. 3. Pp. 257-262.
- Keren G., Schul Y. (2009). Two is not always better than one: A critical evaluation of two-system theories // *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 4. No. 6. Pp. 533-550.
- Kruglanski A. W., Gigerenzer G. (2011). Intuitive and deliberate judgments are based on common principles // *Psychological Review*. Vol. 118. No. 1. Pp. 97–109.
- Kruglanski A. W., Jaško K., Chernikova M., Milyavsky M., Babush M., Baldner C., Pierro A. (2015). The rocky road from attitudes to behaviors: Charting the goal systemic course of actions // *Psychological Review*. Vol. 122. Issue. 4. Pp. 598-620.
- Langer E. J. (1978). Rethinking the Role of Thought in Social Interaction // *New Directions in Attribution Research*, Vol. 2. / J. H. Harvey, W. Ickes, R. F. Kidd (eds.) — New York: Psychology Press. Pp. 35-58.
- Langer E. J., Blank A., Chanowitz B. (1978). The mindlessness of ostensibly thoughtful action: The role of «placebic» information in interpersonal interaction // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 36. No. 6. Pp. 635–642.
- LaPiere R. T. (1934). Attitudes vs. actions // *Social Forces*. Vol. 13. No. 2. Pp. 230-237.
- Leibenstein H. (1976). *Beyond Economic Man*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Levy D. J., Glimcher P. W. (2012). The root of all value: a neural common currency for choice // *Current Opinion in Neurobiology*. Vol. 22. Issue. 6. Pp. 1027–1038.
- Loewenstein G. F., Thompson L., Bazerman M. H. (1989). Social utility and decision making in interpersonal contexts // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 57. No. 3. Pp. 426–441.
- Madden T. J., Ellen P. S., Ajzen I. (1992). A comparison of the theory of planned behavior and the theory of reasoned action // *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 18. No.1. Pp. 3–9.
- Mantzavinos C. (2006). The Role of Definitions in Institutional Analysis // *Wettbewerb im Gesundheitswesen. Konzeptionen und Felder ordnungsökonomischen Denkens* / F. Daumann, C. Mantzavinos, S. Okruch (eds.) — Budapest: Schriftenreihe Adrassy Universität. Pp. 85-92.
- Moors A. (2016). Automaticity: Componential, causal, and mechanistic explanations // *Annual Review of Psychology*. Vol. 67. No. 1. Pp. 263-287.
- Moors A., De Houwer J. (2006). Automaticity: A Theoretical and Conceptual Analysis // *Psychological Bulletin*. Vol. 132. No. 2. Pp. 297–326.
- Neal D. T., Wood W., Labrecque J. S., Lally P. (2012). How do habits guide behavior? Perceived and actual triggers of habits in daily life // *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol 48. Is 2. Pp. 492-498.
- Newell B. R., Shanks D. R. (2014). Unconscious influences on decision making: A critical review // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 37. No.1. Pp. 1-19.
- Niemiec R. M., Champine V., Vaske J. J., Mertens A. (2020). Does the Impact of Norms Vary by Type of Norm and Type of Conservation Behavior? A Meta-Analysis // *Society & Natural Resources: An International Journal*. Vol. 33. Issue. 8. Pp. 1024-1040.
- North D.C. (1984). Transaction costs, institutions, and economic history // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Vol. 140. No. 1. Pp. 7–17.
- Petty R. E., Briñol P. (2010). Attitude change // *Advanced Social Psychology: The State of the Science*. / R.F. Baumeister, E.J.Finkel (eds.) — Oxford: Oxford University Press. Pp. 217–259.
- Polanyi K. (1944). *Origins of Out Time: The Great Transformation*. 1st Edition. — New York: Farrar & Rinehart.
- Rabin M. (1993). Incorporating fairness into game theory and economics // *American Economic Review*. Vol. 83. No. 5. Pp. 1281-302.
- Randall D.M., Wolff J.A. (1994). The time interval in the intention-behavior relationship: Meta-analysis // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 33. No. 4. Pp. 405-418.
- Rivera M. T., Soderstrom S. B., Uzzi B. (2010). Dynamics of Dyads in Social Networks: Assortative, Relational, and Proximity Mechanisms // *Annual Review of Sociology*. Vol. 36. Pp. 91–115.

- Rojas-Barahona C. A., Moreno-Ríos S., García-Madruga J. A., Förster C. E. (2021). Content of relationship, number of alternatives and working memory capacity in conditional inferences // *Current Psychology*, in press. DOI: 10.1007/s12144-021-01966-3.
- Ross D. (2022). Economics is converging with sociology but not with psychology // *Journal of Economic Methodology*, in press. DOI: 10.1080/1350178X.2022.2049854.
- Rudman L. A. (2004). Sources of Implicit Attitudes // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 13. No. 2. Pp. 79-82.
- Rydell R. J., Gawronski B. (2009). I like you, I like you not: Understanding the formation of context-dependent automatic attitudes // *Cognition and Emotion*. Vol. 23. Is. 6. Pp. 1118-1152.
- Saffran J. R., Aslin R. N., Newport E. L. (1996). Statistical learning by 8-month-old infants // *Science*. Vol. 274 (5294). Pp. 1926-1928.
- Saxe R., Haushofer J. (2008). For Love or Money: A Common Neural Currency for Social and Monetary Reward // *Neuron*. Vol. 58. No. 2. Pp. 164-165.
- Sheeran P., Webb T. L. (2016). The intention — behavior gap // *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 10. No. 9. Pp. 503–518.
- Sheeran P. (2002). Intention-behavior relations: A conceptual and empirical review // *European Review of Social Psychology*. Vol. 12. Pp. 1-36.
- Shepherd B.H., Hartwick J., Warshaw P.R. (1988). The theory of reasoned action: A meta-analysis of past research with recommendations for modifications and future research // *Journal of Consumer Research*. Vol. 15. No 3. Pp. 325-342.
- Sherman B. E., Graves K. N., Turk-Browne N. B. (2020). The prevalence and importance of statistical learning in human cognition and behavior // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. Vol. 32. Pp.15–20.
- Shiffrin R. M., Dumais S. T. (1981). The development of automatism. // *Cognitive skills and their acquisition* / J.R. Anderson (ed.) — Hillsdale, NJ: Erlbaum. Pp. 111 -140.
- Sivacek J., Crano W. D. (1982). Vested interest as a moderator of attitude-behavior consistency // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 43. No. 2. Pp. 210-221.
- Stanovich K. E. (2009). Distinguishing the reflective, algorithmic and autonomous minds: Is it time for a tri-process theory? // *In Two Minds: Dual Processes and Beyond* / J.St.B.T. Evans, K. Frankish (Eds.). — Oxford, England: Oxford University Press. Pp. 55–88.
- Stanovich K. E., West R. F. (2000). Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol 23. Issue 5. Pp. 645–726.
- Tompson S. H., Kahn A. E., Falk E. B., Vettel J. M., Bassett D. S. (2019). Individual differences in learning social and nonsocial network structures // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. Vol. 45. No. 2. Pp. 253–271.
- Tsoklinova M. (2020). The Neoclassical Economics through the Prism of the Heterodoxy Economic Concept // *Çukurova Üniversitesi İİBF Dergisi*. Vol. 24. No.1. Pp.1-13.
- Urbina D. A., Ruiz-Villaverde A. (2019). A Critical Review of Homo Economicus from Five Approaches // *American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 78. No. 1. Pp. 63-93.
- Wake S. J., Izuma K. (2017). A common neural code for social and monetary rewards in the human striatum // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. Vol. 12. No. 10. Pp. 1558-1564.
- Wason P. C., Evans J. S. B. T. (1975). Dual processes in reasoning? // *Cognition*. Vol. 3. Issue 2. Pp. 141–154.
- Wason P. C. (1960). On the failure to eliminate hypotheses in a conceptual task // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. Vol. 12. No. 3. Pp. 129–140.
- Weigel R. H., Newman L. S. (1976). Increasing attitude-behavior correspondence by broadening the scope of the behavioral measure // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 33. No. 6. Pp. 793-802.
- Wentura D. (2019). Cognition and emotion: On paradigms and metaphors // *Cognition and Emotion*. Vol. 33. No. 31. Pp. 1-9.
- Wicker A. W. (1969). Attitudes versus actions: The relationship of verbal and overt behavioral responses to attitude objects // *Journal of Social Issues*. Vol. 25. No. 4. Pp. 41-78.
- Wilson T. D., Lindsey S., Schooler T. Y. (2000). A model of dual attitudes // *Psychological Review*. Vol. 107. No. 1. Pp. 101-126.
- Zhao J., Al-Aidroos N., Turk-Browne N. B. (2013). Attention Is Spontaneously Biased Toward Regularities // *Psychological Science*. Vol. 24. No. 5. Pp. 667-677.

Тамбовцев Виталий Леонидович

tambovtsev @econ.msu.ru

Vitaly Tambovtsev

Doctor of sciences (Economics), professor, chief researcher scientist, faculty of Economics Lomonosov Moscow State University

tambovtsev @econ.msu.ru

EMBEDDEDNESS CONCEPT IN THE THEORY AND EMPIRICAL RESEARCH

Abstract. The standard object of criticism of the economics' mainstream by social researchers and heterodox economists is the supposed lack of account (insufficient or incorrect account) in it of the economic decisions and actions' social factors. The concept of the embeddedness of economic behavior in social structures is often used as one of the grounds for such criticism. The purpose of the article is its analysis, based on a comparison of the content of this concept with empirical results obtained in the framework of psychology, social psychology and neuroscience in the field of studying decision-making processes in them. The study has shown that the psychology and social psychology results that were received before the mid-1980 were not in account during concept of embeddedness formation, and neuroscience results are out of application during mainstream criticism. In addition, the study allows us to conclude that the "correct" method of accounting for the social in the economy, contained in the article by M. Granovetter in 1985, if it were practically feasible, would be able to lead only to detailed biographical descriptions of specific people, and not to certain scientific generalizations and the identification of regularities and patterns.

Keywords: *economic decisions, social factors, embeddedness.*

JEL: B52, D91, Z13.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тамбовцев В.Л. Концепт укоренённости в теории и эмпирических исследованиях // Вопросы теоретической экономики. 2022. №4. С. 25–45. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_25_45.

FOR CITATION: Tambovtsev V. Embeddedness Concept in the Theory and Empirical Research // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2022. No. 4. Pp. 25–45. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_25_45.

REFERENCES

- Ajzen I. (1991). The theory of planned behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 50. No. 2. Pp. 179-211.
- Ajzen I. (2002). Perceived behavioral control, self-efficacy, locus of control, and the theory of planned behavior // *Journal of Applied Social Psychology*. Vol 32. Issue 4. Pp. 665–683.
- Ajzen I., Driver B. L. (1991). Prediction of leisure participation from behavioral, normative, and control beliefs: An application of the theory of planned behavior // *Leisure Sciences*. Vol. 13. No. 3. Pp. 185-204.
- Ajzen I., Fishbein M. (2000). Attitudes and the attitude-behavior relation: Reasoned and automatic processes // *European Review of Social Psychology*. Vol 11. Issue. 1. Pp. 1-33.
- Akçay E., Van Cleve J., Feldman M. W., Roughgarden J. (2009). A theory for the evolution of other-regard integrating proximate and ultimate perspectives // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 106 (45). Pp. 19061-19066.
- Allport G. W. (1935). Attitudes // *Handbook of Social Psychology* / C. Murchison (ed.). — Worcester, MA: Clark University Press. Pp. 798-844.
- Angner E. (2019). We're all behavioral economists now // *Journal of Economic Methodology*. Vol.26. No. 3. Pp. 195–207.
- Aslin R. N., Newport E. L. (2012). Statistical learning: From acquiring specific items to forming general rules // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 21. No. 3. Pp. 170–176.
- Aslin R. N., Saffran J. R., Newport E. L. (1998). Computation of conditional probability statistics by 8-month-old infants // *Psychological Science*. Vol. 9. No. 4. Pp. 321–324.
- Bargh J. A., Chartrand T. L. (1999). The unbearable automaticity of being // *American Psychologist*. Vol. 54. No. 7. Pp. 462–479.
- Bargh J. A., Schwader K. L., Hailey S. E., Dyer R. L. and Boothby E. J. (2012). Automaticity in social-cognitive processes // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 16. No. 12. Pp. 593-605.
- Bargh J. A., Williams E. L. (2006). The Automaticity of Social Life // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 15. No. 1. Pp. 1-4.
- Bar-Kalifa E. & Sened H. (2020). Using Network Analysis for Examining Interpersonal Emotion Dynamics // *Multivariate Behavioral Research*. Vol. 55. Issue 2. Pp. 211-230.
- Becker G. (1974). A theory of social interactions // *Journal of Political Economy*. Vol. 82. No. 6. Pp. 1063-1093.

- Becker G. (1976). *The Economic Approach to Human Behavior*. — Chicago: University of Chicago Press.
- Bhanji J. P., Delgado M. R. (2014). The social brain and reward: Social information processing in the human striatum // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*. Vol. 5. No. 1. Pp. 61-71.
- Bogaert S., Boone C., Declerck C. (2008). Social value orientation and cooperation in social dilemmas: a review and conceptual model // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 47. Issue. 3. Pp. 453-480.
- Boorman S. A., White H. C. (1976). Social Structure from Multiple Networks. II. Role Structures // *American Journal of Sociology*. Vol. 81. No. 6. Pp. 1384-1446.
- Briscoe F., Tsai W. (2011). Overcoming Relational Inertia: How Organizational Members Respond to Acquisition Events in a Law Firm // *Administrative Science Quarterly*. Vol. 56. No. 3. Pp. 408-440.
- Camerer C., Thaler R. (1995). Anomalies: Ultimatums, Dictators and Manners // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 9. No. 2. Pp. 209-219.
- Chaiklin H. (2011). Attitudes, Behavior, and Social Practice // *Journal of Sociology & Social Welfare*. Vol. 38. No. 1. Pp. 31-54.
- Chen M., Bargh J. A. (1999). Consequences of automatic evaluation: Immediate behavioral predispositions to approach and avoid the stimulus // *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 25. No. 2. 215-224.
- Clavien C., Chapuisat M. (2016). The evolution of utility functions and psychological altruism // *Studies in History and Philosophy of Science, Part C: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. Vol. 56. Pp. 24-31.
- Dasgupta N., Greenwald A. G. (2001). On the malleability of automatic attitudes: Combating automatic prejudice with images of admired and disliked individuals // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 81. No. 5. Pp. 800-814.
- De Houwer J. (2019). Moving beyond the distinction between System 1 and System 2: Conditioning, implicit evaluation, and habitual responding might also be mediated by relational knowledge // *Experimental Psychology*. Vol. 66. No. 4. Pp. 257-265.
- De Houwer J., Van Dessel P., Moran T. (2021). Attitudes as propositional representations // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 25. Issue. 10. Pp. 870-882.
- De Neys W. (2006). Dual processing in reasoning: Two systems but one reasoned // *Psychological Science*. Vol. 17. No. 5. Pp. 428-433.
- Dequech D. (2003). Cognitive and Cultural Embeddedness: Combining Institutional Economics and Economic Sociology // *Journal of Economic Issues*. Vol. 37. No. 2. Pp. 461-470.
- Devine P. G. (1989). Stereotypes and prejudice: Their automatic and controlled components // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 56. No. 1. Pp. 5-18.
- Dewey C. (2021). Reframing Single- and Dual-Process Theories as Cognitive Models: Commentary on De Neys (2021) // *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 16. No. 6. Pp. 1428-1431.
- Drakopoulos S. A. (2022). *The Conceptual Resilience of the Atomistic Individual in Mainstream Economic Rationality* // MPRA Paper No. 112944.
- Dual Process Theories in Social Psychology* (1999) / S. Chaiken, Y. Trope (eds.). — New York: Guilford.
- Duckworth K. L., Bargh J. A., Garcia M., Chaiken S. (2002). The Automatic Evaluation of Novel Stimuli // *Psychological Science*. Vol. 13. No. 6. Pp. 513-519.
- Duesenberry J. (1960). Comment on «An Economic Analysis of Fertility» // *Demographic and Economic Change in Developed Countries* / G.B. Roberts (ed.). — Cambridge, MA: Columbia University Press. Pp. 231-234.
- Elder-Vass D. (2020). Defining the gift // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 16. Issue 5. Pp. 675 — 685.
- Evans J. S. B. T. (2003). In two minds: Dual-process accounts of reasoning // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 7. No. 10. Pp. 454-459.
- Evans J. S. B. T. (2010). *Thinking Twice: Two Minds in One Brain*. — Oxford and New York: Oxford University Press.
- Evans J. S. B. T. (2016). Reasoning, biases and dual processes: The lasting impact of Wason (1960) // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. Vol. 69. No. 10. Pp. 2076-2092.
- Evans J. S. B. T., Stanovich K. E. (2013). Dual-Process Theories of Higher Cognition: Advancing the Debate // *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 8. No. 3. Pp. 223-241.
- Fazio R. H. (2007). Attitudes as object-evaluation associations of varying strength // *Social Cognition*. Vol. 25. No. 5. Pp. 603-637.
- Fazio R.H., Sanbonmatsu D.M., Powell M.C. & Kardes F.R. (1986). On the automatic activation of attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 50. No. 2. Pp. 229-238.
- Fazio R. H., Zanna M. P. (1981). Direct experience and attitude-behavior consistency // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 14. Pp. 161-202.
- Fehr E., Schmidt K. M. (2006). The Economics of Fairness, Reciprocity and Altruism — Experimental Evidence and New Theories // *Handbook of the Economics of Giving, Altruism and Reciprocity*. Vol. 1 / S.-C. Kolm, J. Mercier Ythier (eds.) — Amsterdam, New York: Elsevier. Pp. 615-691.
- Ferguson M. J., Zayas V. (2009). Automatic Evaluation // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 18. No. 6. Pp. 362-366.

- Fishbein M., Ajzen I. (1974). Attitudes toward objects as predictors of single and multiple behavioral criteria // *Psychological Review*. Vol. 81. No. 1. Pp. 59-74.
- Fishbein M., Ajzen I. (1975). *Belief, Attitude, Intention, and Behavior: An introduction to theory and research*. — Reading, MA: Addison-Wesley.
- Fleetwood S. (2021). A definition of habit for socio-economics // *Review of Social Economy*. Vol 79. Is 2. Pp. 131-165.
- Frankish K., Evans J. S. B. T. (2009). The duality of mind: An historical perspective // *Two Minds: Dual Processes and Beyond* / J.S.B.T. Evans, K. Frankish (eds.) — Oxford: Oxford University Press. Pp. 1–31.
- Gawronski B., Sherman J. W., Trope Y. (2014). Two of what? A conceptual analysis of dual-process theories // *Dual-process Theories of the Social Mind* / J.W. Sherman, B. Gawronski, Y. Trope (eds.) — New York: Guilford Press. Pp. 3–19.
- Gemici K. (2008). Karl Polanyi and the antinomies of embeddedness // *Socio-Economic Review*. Vol. 6. No. 1. Pp. 5–33.
- Granovetter M. (1985). Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // *American Journal of Sociology*. Vol. 91. No. 3. Pp. 481-510.
- Gu R., Huang W., Camilleri J., Xu P., Wei P., Eickhoff S. B., Feng C. (2019). Love is analogous to money in human brain: Coordinate-based and functional connectivity meta-analyses of social and monetary reward anticipation // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. Vol. 100. Pp. 108-128.
- Halford G. S., Wilson W. H., Phillips S. (2010). Relational Knowledge: The Foundation of Higher Cognition // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 14. No. 11. Pp. 497-505.
- Halford G.S., Wilson W. H., Phillips S. (1998). Processing capacity defined by relational complexity: Implications for comparative, developmental, and cognitive psychology // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 21. Issue. 6. Pp. 803 — 831.
- Hicks L. L., McNulty J. K. (2019). The Unbearable Automaticity of Being ... in a Close Relationship // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 28. No. 3. Pp. 254-259.
- Hodgkinson G. P., Sadler-Smith E., Burke L. A., Claxton G. and Sparrow P. R. (2009). Intuition in Organizations: Implications for Strategic Management // *Long Range Planning*. Vol 42. Issue 3. Pp. 277-297.
- Hodgson G. M. (2004). Reclaiming habit for institutional economics // *Journal of Economic Psychology*. Vol. 25. Issue. 5. Pp. 651–660.
- Hodgson G. M. (2019). Taxonomic definitions in social science, with firms, markets and institutions as case studies // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 15. No. 2. Pp. 207–233.
- Horodecka A. (2017). The methodology of evolutionary and neoclassical economics as a consequence of the changes in the concept of human nature // *Argumenta Oeconomica*. Vol. 39. No. 2. Pp. 129-166.
- Izuma K., Saito D. N., Sadato N. (2008). Processing of social and monetary rewards in the human striatum // *Neuron*. Vol. 58. No. 2. Pp. 284-294.
- Kahneman D. (2003). Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // *American Economic Review*. Vol. 93. No. 5. Pp. 1449-1475.
- Kahneman D. (2011). *Thinking, Fast and Slow*. — New York: Farrar, Straus & Giroux.
- Kahneman D., Frederick S. (2005). A model of heuristic judgment // *The Cambridge Handbook of Thinking and Reasoning*. / K.J. Holyoak, R.G. Morrison (eds.) — Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 267–293.
- Kahneman D., Knetsch J. L., Thaler R. H. (1986). Fairness and the Assumptions of Economics // *Journal of Business*. Vol. 59. No. 4. Part 2: The Behavioral Foundations of Economic Theory. Pp. 285-300.
- Kareev Y. (2000). Seven (indeed, plus or minus two) and the detection of correlations // *Psychological Review*. Vol. 107. No. 2. Pp. 397–402.
- Keren G. (2013). A tale of two systems: A scientific advance or a theoretical stone soup? Commentary on Evans & Stanovich // *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 8. No. 3. Pp. 257-262.
- Keren G., Schul Y. (2009). Two is not always better than one: A critical evaluation of two-system theories // *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 4. No. 6. Pp. 533-550.
- Koifman A. Y. (2016). Ustanovka i neosoznavayemyy semanticheskiy priming: raznyye terminy ili raznyye fenomeny? [Set and Unconscious Semantic Priming: Two Different Labels or Two Distinct Phenomena?] // *Rossiyskiy zhurnal kognitivnoy nauki*. Vol. 3. No. 4. Pp. 45 — 62 (In Russ.).
- Kruglanski A. W., Gigerenzer G. (2011). Intuitive and deliberate judgments are based on common principles // *Psychological Review*. Vol. 118. No.1. Pp. 97–109.
- Kruglanski A. W., Jaško K., Chernikova M., Milyavsky M., Babush M., Baldner C., Pierro A. (2015). The rocky road from attitudes to behaviors: Charting the goal systemic course of actions // *Psychological Review*. Vol. 122. Issue. 4. Pp. 598-620.
- Langer E. J. (1978). Rethinking the Role of Thought in Social Interaction // *New Directions in Attribution Research*, Vol. 2. / J. H. Harvey, W. Ickes, R. F. Kidd (eds.) — New York: Psychology Press. Pp. 35-58.
- Langer E. J., Blank A., Chanowitz B. (1978). The mindlessness of ostensibly thoughtful action: The role of “placebic” information in interpersonal interaction // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 36. No. 6. Pp. 635–642.
- LaPiere R. T. (1934). Attitudes vs. actions // *Social Forces*. Vol. 13. No. 2. Pp. 230-237.
- Leibenstein H. (1976). *Beyond Economic Man*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

- Levy D. J., Glimcher P. W. (2012). The root of all value: a neural common currency for choice // *Current Opinion in Neurobiology*. Vol. 22. Issue. 6. Pp. 1027–1038.
- Loewenstein G. F., Thompson L., Bazerman M. H. (1989). Social utility and decision making in interpersonal contexts // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 57. No. 3. Pp. 426–441.
- Madden T. J., Ellen P. S., Ajzen I. (1992). A comparison of the theory of planned behavior and the theory of reasoned action // *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 18. No. 1. Pp. 3–9.
- Mantzavinos C. (2006). The Role of Definitions in Institutional Analysis // *Wettbewerb im Gesundheitswesen. Konzeptionen und Felder ordnungsökonomischen Denkens* / F. Daumann, C. Mantzavinos, S. Okruch (eds.) — Budapest: Schriftenreihe Adrassy Universität. Pp. 85–92.
- Moors A. (2016). Automaticity: Componential, causal, and mechanistic explanations // *Annual Review of Psychology*. Vol. 67. No. 1. Pp. 263–287.
- Moors A., De Houwer J. (2006). Automaticity: A Theoretical and Conceptual Analysis // *Psychological Bulletin*. Vol. 132. No. 2. Pp. 297–326.
- Neal D. T., Wood W., Labrecque J. S., Lally P. (2012). How do habits guide behavior? Perceived and actual triggers of habits in daily life // *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 48. Issue 2. Pp. 492–498.
- Newell B. R., Shanks D. R. (2014). Unconscious influences on decision making: A critical review // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 37. No. 1. Pp. 1–19.
- Niemiec R. M., Champine V., Vaske J. J., Mertens A. (2020). Does the Impact of Norms Vary by Type of Norm and Type of Conservation Behavior? A Meta-Analysis // *Society & Natural Resources: An International Journal*. Vol. 33. Issue. 8. Pp. 1024–1040.
- North D.C. (1984). Transaction costs, institutions, and economic history // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Vol. 140. No. 1. Pp. 7–17.
- Petty R. E., Briñol P. (2010). Attitude change // *Advanced Social Psychology: The State of the Science*. / R.F. Baumeister, E.J.Finkel (eds.) — Oxford: Oxford University Press. Pp. 217–259.
- Polanyi K. (1944). *Origins of Out Time: The Great Transformation*. 1st Edition. — New York: Farrar & Rinehart.
- Rabin M. (1993). Incorporating fairness into game theory and economics // *American Economic Review*. Vol. 83. No. 5. Pp. 1281–302.
- Randall D.M., Wolff J.A. (1994). The time interval in the intention-behavior relationship: Meta-analysis // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 33. No. 4. Pp. 405–418.
- Rivera M. T., Soderstrom S. B., Uzzi B. (2010). Dynamics of Dyads in Social Networks: Assortative, Relational, and Proximity Mechanisms // *Annual Review of Sociology*. Vol. 36. Pp. 91–115.
- Rojas-Barahona C. A., Moreno-Ríos S., García-Madruga J. A., Förster C. E. (2021). Content of relationship, number of alternatives and working memory capacity in conditional inferences // *Current Psychology*, in press. DOI: 10.1007/s12144-021-01966-3.
- Ross D. (2022). Economics is converging with sociology but not with psychology // *Journal of Economic Methodology*, in press. DOI: 10.1080/1350178X.2022.2049854.
- Rudman L. A. (2004). Sources of Implicit Attitudes // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 13. No.2. Pp.79–82.
- Rydell R. J., Gawronski B. (2009). I like you, I like you not: Understanding the formation of context-dependent automatic attitudes // *Cognition and Emotion*. Vol. 23. Is. 6. Pp. 1118–1152.
- Saffran J. R., Aslin R. N., Newport E. L. (1996). Statistical learning by 8-month-old infants // *Science*. Vol. 274 (5294). Pp. 1926–1928.
- Saxe R., Haushofer J. (2008). For Love or Money: A Common Neural Currency for Social and Monetary Reward // *Neuron*. Vol. 58. No. 2. Pp.164–165.
- Sheeran P., Webb T. L. (2016). The intention — behavior gap // *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 10. No. 9. Pp. 503–518.
- Sheeran P. (2002). Intention-behavior relations: A conceptual and empirical review // *European Review of Social Psychology*. Vol. 12. Pp. 1–36.
- Shepherd B.H., Hartwick J., Warshaw P.R. (1988). The theory of reasoned action: A meta-analysis of past research with recommendations for modifications and future research // *Journal of Consumer Research*. Vol. 15. No. 3. Pp. 325–342.
- Sherman B. E., Graves K. N., Turk-Browne N. B. (2020). The prevalence and importance of statistical learning in human cognition and behavior // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. Vol. 32. Pp. 15–20.
- Shiffrin R. M., Dumais S. T. (1981). The development of automatism // J. R. Anderson (Ed.). *Cognitive skills and their acquisition*. — Hillsdale, NJ: Erlbaum. Pp. 111 –140.
- Sivacek J., Crano W. D. (1982). Vested interest as a moderator of attitude-behavior consistency // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 43. No. 2. Pp. 210–221.
- Stanovich K. E. (2009). Distinguishing the reflective, algorithmic and autonomous minds: Is it time for a tri-process theory? // *In Two Minds: Dual Processes and Beyond* / J.St.B.T. Evans, K. Frankish (Eds.). — Oxford, England: Oxford University Press. Pp. 55–88.

- Stanovich K. E., West R. F. (2000). Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 23. Issue 5. Pp. 645–726.
- Tambovtsev V. (2020). Neproduktivnost' popytok metodologicheskogo sinteza [Unproductivity of the methodological fusion's attempts] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 3. Pp. 7-31. (In Russ.).
- Tompson S. H., Kahn A. E., Falk E. B., Vettel J. M., Bassett D. S. (2019). Individual differences in learning social and nonsocial network structures // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. Vol. 45. No. 2. Pp. 253–271.
- Tsoklinova M. (2020). The Neoclassical Economics through the Prism of the Heterodoxy Economic Concept // *Çukurova Üniversitesi İİBF Dergisi*. Vol. 24. No. 1. Pp. 1-13.
- Urbina D. A., Ruiz-Villaverde A. (2019). A Critical Review of Homo Economicus from Five Approaches // *American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 78. No. 1. Pp. 63-93.
- Wake S. J., Izuma K. (2017). A common neural code for social and monetary rewards in the human striatum // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. Vol. 12. No. 10. Pp. 1558-1564.
- Wason P. C., Evans J. S. B. T. (1975). Dual processes in reasoning? // *Cognition*. Vol 3. Issue 2. Pp. 141–154.
- Wason P. C. (1960). On the failure to eliminate hypotheses in a conceptual task // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. Vol. 12. No. 3. Pp. 129–140.
- Weigel R. H., Newman L. S. (1976). Increasing attitude-behavior correspondence by broadening the scope of the behavioral measure // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 33. No. 6. Pp. 793-802.
- Wentura D. (2019). Cognition and emotion: On paradigms and metaphors // *Cognition and Emotion*. Vol. 33. No. 31. Pp. 1-9.
- Wicker A. W. (1969). Attitudes versus actions: The relationship of verbal and overt behavioral responses to attitude objects // *Journal of Social Issues*. Vol. 25. No. 4. Pp. 41-78.
- Wilson T. D., Lindsey S., Schooler T. Y. (2000). A model of dual attitudes // *Psychological Review*. Vol 107. No. 1. Pp. 101-126.
- Zhao J., Al-Aidroos N., Turk-Browne N. B. (2013). Attention Is Spontaneously Biased Toward Regularities // *Psychological Science*. Vol. 24. No. 5. Pp. 667-677.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А.Е. Шаститко

*д.э.н., проф., Московский государственный университет,
Центр исследований конкуренции и экономического регулирования
РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)*

К.В. Дозмаров

*магистр экономики, адвокат, партнер, консалтинговая компания
Kulik & Partners Law. Economics (Москва)*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В АДМИНИСТРАТИВНОМ АНТИМОНОПОЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. С применением элементов оценки регулирующего воздействия исследованы основные аспекты привлечения экспертов, отраженные в «пятом пакете» поправок в российское антимонопольное законодательство. В случае их принятия они будут регламентировать привлечение экспертов для рассмотрения ходатайств в рамках антимонопольного контроля сделок экономической концентрации, а также рассмотрения дел о нарушении требований антимонопольного законодательства. Раскрыты основания применения и наиболее значимые элементы оценки регулирующего воздействия новых правовых норм. В том числе указаны доступные структурные альтернативы для производства экспертных заключений в целях антимонопольного правоприменения за пределами судебных процедур. Обозначены верифицируемые основания для производства экономического знания, которым может располагать эксперт для подготовки соответствующих аналитических материалов (экспертизы). В их числе — профессиональный опыт, наличие профильного (экономического) образования, наличие опыта прикладных и фундаментальных исследований (по соответствующей тематике), результаты которых нашли отражение в рецензируемых (в первую очередь — периодических) научных изданиях.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, оценка регулирующего воздействия, экономическая экспертиза.

JEL: K21, L22, L40.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_46_56.

Введение

В рамках «пятого пакета»¹ поправок в российское антимонопольное законодательство предлагается ввести комплекс норм, регламентирующих привлечение экспертов для рассмотрения ходатайств в рамках антимонопольного контроля сделок экономической концентрации, а также расследования дел о нарушении требований антимонопольного законодательства. В предлагаемых нормах фиксируется, каким образом и при каких обсто-

¹ Предыдущие пакеты поправок были приняты соответственно в 2006, 2009, 2012 и 2015 гг.

тельствах происходит назначение эксперта, каким требованиям должен удовлетворять субъект, которому присваивается процессуальный статус эксперта в административной процедуре. Отметим, что в рамках судебных процедур уже предусмотрена возможность привлечения эксперта и назначение судебной экспертизы. Предлагаемый институт экспертизы в антимонопольном процессе является, безусловно, прямым заимствованием аналогичного института из судебного процесса, пусть и с некоторыми оговорками. В рамках данной работы мы не изучаем этот вопрос, а лишь обращаем внимание на некоторые важные моменты в сравнительном ключе.

Мы хотели бы остановиться на вопросе об основаниях, способах обеспечения достаточного качества экономической экспертизы — в первую очередь независимости и профессиональности — как необходимого условия сбалансированного, эффективного правоприменения. Разумеется, мы допускаем, что в рамках антимонопольного правоприменения часто требуется привлечение лиц, являющихся носителями экспертного знания в области техники и технологии. Но применение экономических познаний обладает своей спецификой и в подавляющем большинстве случаев составляет ядро рассматриваемых антимонопольными регуляторами вопросов. Потому мы остановимся именно на ней более подробно. Начнём с того, что каждый взрослый человек, особенно с высшим образованием, порой считает себя экономистом, разбирающимся в происходящем и даже готовым определять, какая «картина мира» правильная и что делать, когда обнаружены отклонения от нее... В любом случае создание и использование экспертного знания затратно, поэтому — каковы основания для его получения и использования? Данная статья развивает экономическую часть обозначенной проблемы, правовая компонента которой раскрыта в [Шаститко, Дозмаров, 2022а].

Структурные альтернативы

Оценка регулирующего воздействия (ОРВ) как процесса направлена на то, чтобы на разных стадиях институциональных изменений ответить на вопрос о последствиях (ожидаемых для *ex ante* ОРВ или уже наступивших для *ex post* ОРВ). Оценка регулирующего воздействия на стадии обсуждения нормативного правового акта — важный элемент институционального проектирования, которое предусмотрено в российской правоустанавливающей практике.

В предлагаемых нормах, регламентирующих привлечение экспертов, открытым остаётся вопрос о необходимости их принятия. Между тем любые институциональные изменения предполагают расходы, связанные не только непосредственно с обсуждением и принятием законопроекта, но также и с информированием об этом факте тех, кого касается его применение, настройкой механизма применения указанных норм. Соответственно, необходимо чётко артикулировать, с какой целью они вводятся и на каком основании можно считать, что предлагаемые нормы достигнут цели, позволяя решить проблему, которая, как предполагается, очевидна участникам обсуждения как в плане содержания, так и с точки зрения масштабов.

Постановка такого вопроса, на первый взгляд, может показаться странной. Напрашивающийся ответ — для улучшения правоприменения. Однако если конкретизировать вопрос через возможные альтернативы, то всё оказывается не так просто и однозначно. Не является ли внедрение этих норм способом (причём далеко не самым лучшим из доступных) вытеснить другие способы использования экспертного знания в антимонопольном правоприменении? Не будут ли использованы эти нормы как инструмент экономии усилий со стороны антимонопольного органа за счёт средств компаний — объектов расследования или заинтересованных третьих лиц? Ещё более важный вопрос — не откры-

вает ли регламентируемый порядок привлечения экспертов возможности для манипулирования результатами расследования и, соответственно, программирования решений и предписаний, что в свою очередь скажется не в лучшую сторону на балансе ошибок I и II рода в правоприменении².

В рамках оценки регулирующего воздействия для обсуждения необходимости и вариантов изменения правил в первую очередь необходимо ответить на вопрос: какую проблему мы собираемся решить новыми правилами, исходя из презумпции нецелесообразности умножения сущностей? Иными словами, если существующие правила позволяют решить проблему и надо лишь скорректировать режим их применения, то не факт, что новые правила окажутся улучшающими.

Далее необходимо указать, чьи интересы эта проблема затрагивает (особенно те группы, которые затрагиваются напрямую), каковы варианты её решения; чем эти варианты отличаются друг от друга с точки зрения как содержания, так и ожидаемых выгод, рисков и издержек для разных групп интересов, а также возможных бюджетных последствий — прямых и опосредованных. Более подробно такой подход был изложен в [Использование оценок..., 2006; Шаститко, 2010] с иллюстрациями на конкретных вопросах совершенствования российского корпоративного законодательства.

Более десяти лет назад в России появилась обширная нормативная правовая база, регламентирующая оценку регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, в том числе и в виде поправок в существующее законодательство. Однако, как показывают некоторые исследования, способ проведения ОРВ далёк от стандартов, подразумеваемых и предлагаемых экспертами [Радченко, Паршина, 2014]. Дальнейшее обсуждение позволяет пролить свет на те аспекты дискуссии вокруг привлечения носителей экспертного знания к антимонопольному правоприменению, которые пока остаются без внимания.

Условия получения экспертного знания

Как известно, основные нормы антимонопольного законодательства являются оценочными, что и предполагает в процессе их применения использование специальных знаний. Здесь следует сразу отметить, что ещё в 2018 г. проект «пятого антимонопольного пакета» в этой части подвергся критике Минэкономразвития России, которое в своём отзыве на законопроект указало, что «Согласно проектируемым положениям “экспертом, привлекаемым антимонопольным органом, является лицо, обладающее специальными знаниями по касающимся рассматриваемого ходатайства вопросам”... остаётся неясным, какие “специальные знания” имеются в виду. Представляется, что любые привлекаемые к работе государственного органа эксперты должны соответствовать определённым требованиям (в том числе к образованию, опыту работы в определённой области и пр.). Такие требования должны быть определены в проекте акта»³. Данное замечание Минэкономразвития России так и не было учтено, так как в новой редакции законопроекта по состоянию на 2022 г. обозначен только абстрактный критерий «беспристрастности» (что, впрочем, и так должно быть очевидно по аналогии закона), но каких-либо профессиональных критериев так и не было установлено.

² Напомним, что ошибка первого рода в правоприменении — наказание невиновного (в мягкой форме — чрезмерное наказание), а ошибка второго рода — ненаказание виновного (в мягкой форме — чрезмерно мягкое наказание), о чём более подробно см. [Шаститко, 2013].

³ Заключение Минэкономразвития России от 18 сентября 2018 г. № 26742-СШ/Д26и «Об оценке регулирующего воздействия на проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”» (URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=79428>).

Содержанием профессиональных критериев при выборе эксперта являются специальные знания и навыки. Носители этих знаний — эксперты [Шаститко, Дозмаров, 2022b]. Однако откуда у самих экспертов появились эти знания и почему другие люди ими не обладают? Здесь может быть несколько вариантов ответа, которые не исключают друг друга.

Во-первых, это *наличие профильного высшего экономического образования*⁴, которое сигнализирует не только о способности человека проводить соответствующие исследования, но и о том, что его знания и навыки позволяют ожидать получения обоснованных ответов на поставленные вопросы. Обладатель такого образования, как предполагается, должен знать соответствующий модельный ряд (например, на основе изучения микроэкономики, теории организации рынков, теории игр, теории контрактов) и инструменты для эмпирического анализа (в частности, из курса статистики, эконометрики, эмпирического анализа отраслевых рынков), но и уметь применять эти знания, устанавливая, например, какая из известных моделей рынка или стратегического взаимодействия нескольких компаний лучше всего подходит для описания ситуации, исследуемой в рамках экономической экспертизы; какие инструменты эмпирического анализа и почему применимы в том или ином случае.

Во-вторых, это *накопленный опыт*. Если человек уже неоднократно давал заключения, которые могут быть квалифицированы как экспертные, и если эти заключения действительно использовались регулятором или судом в принятии решения (и, возможно, выработке предписания), то он, по умолчанию, и далее может продолжать их давать. Вместе с тем, большое значение имеет, является ли профиль данного эксперта, который специализировался на исследовании определённой категории рынков (например, в сфере железнодорожного транспорта, фармацевтики или строительства) служить основанием для того, чтобы считать его способным и в дальнейшем давать экспертные заключения только по профилю своей прошлой работы. Прояснить ситуацию позволяет третий вариант ответа.

В-третьих, это *наличие опыта научных исследований — фундаментальных и прикладных* — по тематике, которая соответствует набору вопросов для экспертного заключения. Судить о наличии опыта проведения научных исследований по теме можно и нужно по их результатам, которые представлены в научных публикациях. В первую очередь речь идёт о публикациях в индексируемых профильных журналах, чья редакционная политика соответствует определённым стандартам, в том числе стандарту двойного слепого рецензирования статей (что особенно характерно для работ по общественно научной тематике). В России это могут быть такие журналы, как «Вопросы экономики», «Журнал Новой экономической ассоциации», «Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика», «Управленец» и другие, входящие в список RSCI, представленный на портале Национальной электронной библиотеки (elibrary).

Для того чтобы обеспечить независимое, непредвзятое экспертное мнение, в первую очередь необходимо убедиться, что выбран профессионал. Это связано с тем, что профессионал именно в силу своего статуса с большей вероятностью будет независимым, нежели человек, не имеющий специальных познаний и умений из соответствующей предметной области. Но это ещё не всё. У накопившего значительный опыт исследований в релевантной предметной области специалиста есть важный актив, который может быть использован в качестве залога во взаимодействии с регулятором по поводу создания и передачи специальных знаний. И этот актив — репутация. Трудно себе представить, что человек, не имеющий никакого реноме в академической среде, будет заботиться о качестве производимых исследований и, соответственно, уровне публикаций. Причина проста. Этих публикаций либо нет, либо они есть, но в изданиях, которые сами не соблюдают принципы

⁴ Разумеется, отдельный немаловажный вопрос, где именно это образование получено. Даже если учебные планы ВУЗов, готовящих экономистов, похожи, и каждый из них работает согласно федеральному государственному образовательному стандарту, из этого не следует, что уровень подготовки выпускников будет сопоставимым. Принципиальное значение имеет и то, кто и как преподаёт профильные дисциплины.

издательской этики (не случайно существуют «чёрные списки» журналов, в которых исследователям не рекомендуется публиковаться в целях сохранения своей репутации).

В случае, если регулятор не принимает во внимание указанные обстоятельства, то, как минимум, правоприменение будет происходить в условиях нерешённого вопроса о профессиональной и независимой экономической экспертизе. А в худшем случае такая экспертиза может стать инструментом манипуляции в правоприменении, генерирующим ошибки как первого, так и второго рода. Напомним, что подобные ошибки ведут к ослаблению сдерживающей силы правоприменения и обуславливают более значительные издержки в форме устранения последствий и пресечения правонарушений.

Формат и организационные рамки экономической экспертизы

Отдельно стоит обсудить вопрос о том, в какой форме заказывается экспертиза. Строго говоря, возможны два базовых варианта — услуга или научно-исследовательская работа. Причем, при заказе принципиальное значение имеют не налоговые последствия каждого из вариантов, а собственно процесс экспертирования. К сожалению, тут в нормах, которые закладываются в пятый антимонопольный пакет, не даётся никаких пояснений. Между тем они имеют большое значение с точки зрения как разработки проекта, так и стимулов участников антимонопольного процесса и заинтересованных лиц. Если предоставление услуги вполне совместимо с предопределённостью результата экспертизы, то в рамках НИР предполагается получение нового знания на основе применения методов, принятых в научных исследованиях. И с этой точки зрения в НИР по определению заложена «интрига» — будет ли получен результат, который устроит заказчика работы. Отчасти эта задача решается в рамках разрабатываемого технического задания на исследование, в рамках которого должны быть не только описаны условия, но и задачи обозначены таким образом, чтобы далее была понятна методология исследования и способы сбора и обработки данных, необходимых для проведения эмпирической части исследования. В этой связи, на наш взгляд, полноценный НИР содержит дополнительные механизмы, гарантирующие независимость и профессиональность исследования по сравнению с предоставлением консультационных услуг. В свою очередь, экспертиза в формате услуги такого рода требований в ТЗ не содержит, и, соответственно, репутационные риски эксперта, а также риски заказчика могут и не быть урегулированы надлежащим образом.

Отдельный вопрос — экспертиза на безвозмездной основе (*pro bono*). В самом по себе факте альтруизма ничего предосудительного нет. Однако, если предположить, что эксперт делает заключения на безвозмездной основе не в качестве единичных исключений, а достаточно часто, то естественным образом возникает вопрос о существовании побочных каналов оплаты и наличии признаков конфликта интересов — как прямого, так и опосредованного.

Нужно отметить, что вопрос оплаты работы эксперта, в каком бы виде она ни была, не праздный. Он прямо затрагивает вопрос формата и рамок присутствия эксперта в деле. Как было указано выше, в предлагаемых поправках сделана попытка воспроизвести в антимонопольном административном процессе институт эксперта, как это сделано в процессе судебном. При этом вопрос вознаграждения эксперту решается, в частности, через распределение судебных расходов между сторонами в судебном процессе. Представляется, что в «пятом антимонопольном пакете» этот вопрос не решён, что может в перспективе повлечь и вопросы о заинтересованности эксперта, и проблемы с манипулированием его позицией, несмотря на то, что сами поправки говорят о том, что эксперт должен быть независим по отношению к сторонам.

Наконец, не менее важен вопрос и о том, на основе каких данных будет проводиться экспертиза. Как известно, у экспертов, выполняющих аналитические работы (в том числе

научно-исследовательские), есть определённые ограничения на применение инструментария современной экономической науки, обусловленные в первую очередь доступностью данных, которые необходимы для проверки гипотез. Более того, некоторые из этих данных, если они каким-то образом оказались всё же доступными экспертам и не находятся в свободном доступе, могут указывать на признаки коммуникации, которая при определённых обстоятельствах может использоваться как способ организации коллективных действий, результатом которых является ограничение конкуренции. Кроме того, многие материалы дел могут быть закрыты грифом «коммерческая тайна». Соответственно, необходима процедура, позволяющая в рамках административного процесса раскрыть эксперту, не являющемуся сотрудником антимонопольного органа, всю информацию о деле, в том числе и ту, которая была запрошена регулятором у компаний, в отношении которых проводится расследование, а также тех, которые имеют иной процессуальный статус.

Что касается коммерческой тайны, здесь также необходимо сделать оговорку, которая требует разрешения на законодательном уровне. Лицами, участвующими в деле о нарушении антимонопольного законодательства, являются: заявитель, ответчик по делу и заинтересованные лица. Перечень лиц, участвующих в деле о нарушении антимонопольного законодательства, является закрытым. Потому все иные лица, в том или ином качестве принимающие участие в рассмотрении дела о нарушении антимонопольного законодательства, не относятся к лицам, участвующим в деле о нарушении антимонопольного законодательства, и, соответственно, не обладают их правами и не несут их обязанности⁵. В Законе о защите конкуренции определён порядок доступа к материалам дела, содержащим коммерческую тайну только для лиц, участвующих в деле о нарушении антимонопольного законодательства, с определённым процессуальным статусом. Иным лицам подобное право не предоставлено.

И здесь у «пятого антимонопольного пакета» прослеживается явное противоречие с существующим в Законе о защите конкуренции порядком доступа к документам, содержащим коммерческую тайну. Поправки предлагают дать возможность эксперту знакомиться с материалами «под грифом» с разрешения комиссии и под расписку о неразглашении. Существующий порядок доступа к коммерческой тайне говорит о том, что сведения, которые представлены по запросу или иному требованию антимонопольного органа, в отношении которых установлен режим коммерческой тайны и которые являются материалами дела о нарушении антимонопольного законодательства, могут быть представлены для ознакомления лицам, участвующим в деле, под расписку с согласия обладателя таких сведений. Соответственно, как будет решаться вопрос экспертизы загрифованных материалов, по которым не получено согласие их обладателя, остаётся открытым. Каким образом эксперт будет давать заключение, не имея доступа к документам по причине отсутствия согласия со стороны обладателя прав?

И здесь мы возвращаемся к вопросу об основаниях и ограничениях постановки вопроса об экономической экспертизе в рамках административного правоприменения. Наиболее очевидная альтернатива заказа заключения у внешнего экономического эксперта, которая позволяет полностью снять обозначенные выше ограничения, — привлечение в качестве экспертов сотрудников антимонопольного органа, обладающих для выполнения поставленных задач соответствующей компетенцией. Действительно, если в структуре ФАС России было бы подразделение — назовём его условно «аналитическое управление», — в состав которого входили бы профессиональные экономисты, обладающие не только опытом исследований по вопросам антимонопольной политики, но и публикациями в рецензируемых научных журналах (неотъемлемом элементе научной репутации),

⁵ Разъяснение Президиума ФАС России от 21.02.2018 № 13 «Об информации, составляющей коммерческую тайну, в рамках рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства, проведении проверок соблюдения антимонопольного законодательства, осуществлении государственного контроля за экономической концентрацией».

они могли бы обеспечить внутреннюю экспертизу, независимость и профессиональность которой обеспечивалась задействованием факторов, которые были рассмотрены выше.

Стоит отметить, что в прошлом в структуре ФАС России было аналитическое управление, которое, по идее, и должно было бы выполнять задачи, связанные с экономической экспертизой. И тут необходимо сделать небольшое отступление и затронуть подробнее вопрос «мозгового центра» в антимонопольных органах. Так, почти все национальные антимонопольные органы стран ЕС, а также США, Японии и Великобритании имеют в своём составе специализированные подразделения, в задачи которых входят: методологическая работа по формированию подходов к анализу состояния товарных рынков, а также рыночных эффектов, внедрению и повышению стандартов экономического анализа в практику антимонопольного органа, а также оценки воздействия принимаемых антимонопольным органом актов и решений на товарные рынки и хозяйствующие субъекты (табл. 1).

О чём говорит данный факт? Всё достаточно тривиально. Антитраст — это в первую очередь про экономику и про её законы, а уже потом про воздействие на неё административными методами. Можно придумать любой правовой институт, регламентирующий экспертную деятельность, и записать его в закон, однако, если не будет понимания как и зачем этот институт применять, содержание будет неизбежно выхолащиваться и заменяться формой и бюрократической дисциплиной.

В 2016 г. в ФАС России Аналитическое управление было упразднено. Его функционал не был передан никому.

Разумеется, вопрос об использовании экспертного знания в реализации функций государственного управления — многоаспектный, а вариантов привлечения носителей экспертного знания довольно много. Эти вопросы неоднократно обсуждались и в российской экономической литературе [Иванова, Плаксин, Шаститко, 2009; Шаститко, 2009].

Разумеется, использование собственных экономических экспертов, обладающих необходимой квалификацией и репутацией, требует довольно ощутимых расходов, которые к тому же вполне осязаемы. Однако отсутствие качественной экспертизы и принятие решений без должной экспертной поддержки — источник ошибок с негативными последствиями, которые могут в десятки раз превышать прямые затраты на экспертизу. Данный вопрос не нов. Однако появился новый повод его поставить.

Минэкономразвития России в своём отзыве на законопроект в 2018 г. поднимало вопрос и о процессуальной форме института привлекаемого эксперта, и о форме его вознаграждения. Так, Минэкономразвития России указывало: «Остаётся неясным, чем “эксперт, привлекаемый антимонопольным органом” в новой редакции Закона о защите конкуренции отличается от “экспертов”, деятельность которых урегулирована положениями статьи 42.1 “Иные лица, участвующие в рассмотрении дела о нарушении антимонопольного законодательства”».

Действительно, остаётся не вполне ясным, почему законодатель в «пятом антимонопольном пакете» пошёл по пути не усовершенствования института эксперта, введённого «четвертым антимонопольным пакетом», а решил с нуля переписать весь институт. Но здесь также следует отметить, что вносимые в Закон о защите конкуренции поправки неизбежно потребуют внесения корректировок в Порядок проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке (далее — Порядок 220)⁶, а также иные подзаконные акты, которыми регламентированы процедурные аспекты рассматриваемых ФАС России вопросов. Так, согласно Порядку 220 при анализе состояния конкуренции на товарном рынке в качестве исходной информации о товарных рынках используются, в частности, результаты экономических и товароведческих экспертиз, заключения специализированных

⁶ Приказ ФАС России от 28.04.2010 № 220 «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке».

Таблица 1

Центры компетенций по экономическим исследованиям в структуре антимонопольных органов

№	Страна	Антимонопольный орган	Экономическое подразделение
1	США	Federal Trade Commission, FTC The United States Department of Justice Antitrust Division	Bureau of Economics. Economic analysis group (EAG).
2	Канада	Competition Bureau Canada	Economic Analysis Directorate
3	Япония	Japan Fair Trade Commission (JFTC)	Economic Affairs Bureau
4	Франция	Autorité de la concurrence	Chief Economist's Team
5	Швеция	Konkurrensverket (Swedish Competition Authority)	Chief Economist's Unit
6	Германия	The Bundeskartellamt	General Policy Division (Chief Economist)
7	Бельгия	Belgian Competition Authority	The Board is composed of the President, Competition Prosecutor General, General Counsel and Chief Economist
8	Дания	Danish Competition and Consumer Authority (Konkurrence- og Forbrugerstyrelsen)	Market analysis and Economics Division
9	Норвегия	Norwegian Competition Authority	Support staff — economics
10	Нидерланды	Authority for consumers and Markets	Office of the Chief Economist
11	Испания	Comisión Nacional de los Mercados y la Competencia (CNMC)	Dirección de Competencia - unidad de inteligencia Económica; Dirección de Energía - Subdirección de Regalation Económica Financiera y Precios Regulados
12	Италия	Autorità Garante della Concorrenza e del Mercato (Italian Competition Authority)	Economic evaluation committee
13	Великобритания	Competition & Markets Authority	Office of the Chief Economic Adviser
14	Чехия	The Office for the Protection of Competition	Office of the Chairman — Economic
15	Швейцария	Competition Commission (Comco)	Centers of Competence: Economics

Источник: составлено авторами на основе: США. Federal Trade Commission <https://www.ftc.gov/about-ftc/bureaus-offices>; США. Department of Justice Antitrust Division <https://www.justice.gov/atr/about-division/economic-analysis-group>; Канада: <https://www.competitionbureau.gc.ca/eic/site/cb-bc.nsf/eng/00018.html>; Япония: https://www.jftc.go.jp/en/about_jftc/JFTCOrganizationChart22.04.pdf; Франция: <https://www.autoritedelaconcurrence.fr/en/organisation-chart>; Швеция <https://www.konkurrensverket.se/en/about-us/organisation>; Германия (структура на с. 50) https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Publikation/EN/Brosch%C3%BCren/Brochure_About_%20Bundeskartellamt.pdf?__blob=publicationFile&v=21; Бельгия <https://www.belgiancompetition.be/en/about-us>; Дания <https://www.en.kfst.dk/about-us/organisation/offices-in-the-authority>; Норвегия <https://konkurransetilsynet.no/norwegian-competition-authority/organization-and-management/?lang=en>; Нидерланды <https://www.acm.nl/en/about-acm/our-organization/organizational-structure>; Испания <https://www.cnmc.es/en/sobre-la-cnmc/organigrama>; Италия <https://en.agcm.it/en/about-us/organization/organization-chart>; Великобритания <https://www.gov.uk/government/publications/cma-structure/cma-structure-chart-as-at-march-2019#office-of-the-chief-economic-adviser>; Чехия <https://www.uohs.cz/en/about-the-office/structure-of-the-office.html>; Швейцария: <https://www.weko.admin.ch/weko/en/home/comco/organigramm.html>.

организаций, а также отдельных специалистов и экспертов, в том числе представленных участниками рынка.

Безусловно, предлагаемый новый институт эксперта и экспертиз более нюансирован и детализирован, нежели тот, который есть сейчас. Однако за предлагаемым многословием поправок теряется суть, кардинально не только ничего не меняется, зато добавляются явные пробелы, которые усложняют правоприменение и приведут к дополнительным издержкам бизнеса.

Какой процессуальный статус будут иметь экспертизы, проведённые самостоятельно хозяйствующими субъектами с привлечением «своих» экспертов, и экспертизы, проведённые по инициативе ФАС России? Будет ли различаться их вес с точки зрения доказательной силы? К слову, эти вопросы стояли всегда, и они остаются неразрешёнными поныне. Если новые поправки не вносят ясности в данный вопрос, то зачем менять уже имеющийся в Законе о защите конкуренции институт?

Впрочем, если всё же доказательная сила экспертиз этих двух типов различается и приоритет всегда будет отдаваться экспертному мнению, полученному от назначенного ФАС России эксперта, то мы возвращаемся к вопросам о качестве такой экспертизы и квалификации и независимости такого эксперта.

Учитывая, что предлагаемые поправки в Закон о защите конкуренции оставляют больше вопросов, чем ответов, видится, что решаться эти вопросы должны в подзаконных актах. Но опять же, что они должны решать? Поднять стандарт доказательной силы принимаемых антимонопольным органом актов? Или же просто позволить антимонопольному органу путём использования пробелов в законодательстве и правоприменении формировать для себя доказательство, имеющее заведомо более весомое доказательство, нежели те экспертные заключения, которые в рамках рассмотрения дел обычно приносят стороны?

Выводы

Нормы, регламентирующие привлечение экспертов в антимонопольном правоприменении в рамках административных процедур, требуют применения ОРВ в целях прояснения вопроса о природе и масштабах проблемы, доступных альтернативах и ожидаемых эффектах выбора одной из них.

Процедурные аспекты привлечения экспертов (в данном случае — экономистов) не должны замещать фундаментальные условия качественной экспертизы, основанной на независимости и профессионализме: образование, предшествующий опыт, академическая репутация.

Подход заказчика к экспертизе имеет значение с точки зрения обеспечения качества. Формат научно-исследовательской работы, при прочих равных условиях, позволяет лучше обеспечить как независимость, так и профессиональность заключений, запрашиваемых антимонопольным органом.

В силу информационных ограничений один из ближайших институциональных заменителей (пусть и несовершенных, так как он не гарантирует полную независимость эксперта) внешней экономической экспертизы — создание аналитического подразделения в рамках антимонопольного органа, выполняющего функцию «мозгового центра». Оно сможет как самостоятельно проводить экономические экспертизы, так и формировать необходимый методологический и экспертный стандарт для проводимых независимыми экспертами исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванова О.С., Плаксин С.М., Шаститко А.Е. (2009). Практика исполнения государственных функций (полномочий) с привлечением экспертов и экспертных организаций. — М.: МАКС Пресс.
- Использование оценок регулирующего воздействия для совершенствования корпоративного законодательства (2006). / Под ред. Р.А. Кокорева, А.Е. Шаститко. — М.: ТЕИС.
- Радченко Т.А., Паришина Е.Н. (2014). Оценка регулирующего воздействия в России: практика применения и выводы из теории // Экономическая политика. № 3. С. 36–60.
- Шаститко А.Е. (2009). Проблемы использования экспертного знания в реализации государственных функций // Вопросы государственного и муниципального управления. №1. С.85-107.
- Шаститко А.Е. (2010). Новая институциональная экономическая теория. — М.: Теис.
- Шаститко А. Е. (2013). Экономические эффекты ошибок в правоприменении и правоустановлении. — М.: Дело.
- Шаститко А.Е., Дозмаров Д.В. (2022а). Экономическая экспертиза — что нового предложил «пятый пакет» // Конкуренция и право. №6 (в печати).
- Шаститко А.Е., Дозмаров К.В. (2022б). Пределы изучения экономических доказательств судами в антимонопольных делах: основания, стимулы, ограничения // Современная конкуренция. Т. 16. № 2. С. 113–127.

Шаститко Андрей Евгеньевич

aeshastitko@econ.msu.ru

Andrey Shastitko

Doctor of Economics, Professor, Moscow State University, Center for Competition Research and Economic Regulation of the RANEPa under the President of the Russian Federation (Moscow)
aeshastitko@econ.msu.ru

Дозмаров Кирилл Валерьевич

k.dozmarov@kple.ru

Kirill Dozmarov

Master of Economics, Advocate, partner of the consulting company Kulik & Partners Law. Economics (Moscow)
k.dozmarov@kple.ru

ECONOMIC EXPERTISE IN THE ADMINISTRATIVE ANTITRUST PROCESS

Abstract. Using elements of regulatory impact assessment, the main aspects of engaging experts reflected in the «fifth package» of amendments to the Russian antimonopoly legislation, which, if adopted, will regulate the involvement of experts to consider petitions within the framework of antimonopoly merger control, as well as the consideration of cases of violation of the requirements of antimonopoly legislation, are investigated. The grounds for the application and the most significant elements of the assessment of the regulatory impact of new legal norms are disclosed. In particular, the available structural alternatives for the production of expert opinions for the purposes of antimonopoly enforcement outside of judicial procedures are indicated. The verifiable grounds for the production of economic knowledge, which an expert can have for the preparation of relevant analytical materials (expertise), are indicated. Among them are professional experience, the availability of specialized (economic) education, the availability of experience in applied and fundamental research (on relevant topics), the results of which are reflected in peer-reviewed (primarily periodical) scientific publications.

Keywords: *antimonopoly law, regulatory impact assessment, economic expertise.*

JEL: K21, L22, L40.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шаститко А.Е., Дозмаров К.В. Экономическая экспертиза в административном антимонопольном процессе // Вопросы теоретической экономики. 2022. №4. С. 46–56. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_46_56.

FOR CITATION: Shastitko A., Dozmarov K. (2022). Economic Expertise in the Administrative Antitrust Process // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2022. No. 4. Pp. 46–56. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_46_56.

REFERENCES

- Ispol'zovanie ocenok reguliruyushchego vozdejstviya dlya sovershenstvovaniya korporativnogo zakonodatel'stva* [Using regulatory impact assessments to improve corporate legislation] (2006). / Edited by R.A. Kokorev, A.E. Shastitko. — M.: TEIS. (In Russ.).
- Ivanova O.S., Plaksin S.M., Shastitko A.Y.* (2009). *Praktika ispolneniya gosudarstvennyh funktsij (polnomochij) s privlecheniem ekspertov i ekspertnyh organizatsij* [The practice of performing state functions (powers) with the involvement of experts and expert organizations]. — M.: MAX Press. (In Russ.).
- Radchenko T.A., Parshina E.N.* (2014). *Ocenka reguliruyushchego vozdejstviya v Rossii: praktika primeneniya i vyvody iz teorii* [Regulatory impact assessment in Russia: application practice and conclusions from theory] // *Ekonomicheskaya politika*. No. 3. Pp. 36-60. (In Russ.).
- Shastitko A.Y.* (2009). *Problemy ispol'zovaniya ekspertnogo znaniya v realizatsii gosudarstvennyh funktsij* [Problems of using expert knowledge in the implementation of state functions] // *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya*. No. 1. Pp. 85-107. (In Russ.).
- Shastitko A.Y.* (2010). *Novaya institucional'naya ekonomicheskaya teoriya* [New Institutional Economic theory]. — Moscow: TEIS. (In Russ.).
- Shastitko A. E.* (2013). *Ekonomicheskiye efekty oshibok v pravoprimenenii i pravoustanovlyenii* [Economic effects of errors in law-making and law enforcement] — Moscow: Delo. (In Russ.).
- Shastitko A.Y., Dozmarov K.V.* (2022a). *Ekonomicheskaya ekspertiza — chtonovogo predlozhit "pyatij paket"* [Economic expertise — what's new offered by the "fifth package"] // *Konkurentsija i pravo*. No. 6. (forthcoming). (In Russ.).
- Shastitko A.Y., Dozmarov K.V.* (2022b). *Predely izucheniya ekonomicheskikh dokazatel'stv sudami v antimonopol'nyh delah: osnovaniya, stimuly, ogranicheniya* [Limits of studying economic evidence by courts in antimonopoly cases: grounds, incentives, restrictions] // *Sovremennaya konkurenciya*. Vol. 16. No. 2. Pp. 113-127. (In Russ.).

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

К.Э. Яновский

к.э.н., Шомронский центр изучения экономической политики (Израиль)

С.В. Жаворонков

старший научный сотрудник, Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара (Москва)

ВСЕОБЩЕЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ: ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ОБРАЗОВАНИЕМ И МОЖНО ЛИ ПЕРЕЗАПУСТИТЬ МОТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА?

Аннотация. В течение исторически длительного периода, начиная с эпохи промышленного переворота, успехи народного образования, расширение охвата учащихся, увеличение продолжительности занятий заметно коррелировали с прогрессом в экономике. Однако в последние десятилетия связь между достижениями в образовании и экономическим ростом просматривается с большим трудом. В последние сто лет в организации массового образования доминирует государство. Поэтому мы попытаемся найти объяснения, почему огосударствление долгое время не мешало успехам в образовании. Что стоит за изменением тенденции? Наконец, что можно сделать для того, чтобы образование снова стало давать знания, а не только дипломы и положительно влиять не только на личные карьеры, но и на темпы экономического роста.

Ключевые слова: образование и экономический рост, спрос на образование, интересы чиновников, стимулы родителей, ваучеры, возвращение ответственности.

JEL: I21, I25, I28, D72, D78.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_57_76.

Введение: кому нужны образованные люди?

Ответ, на первый взгляд, прост и очевиден. Образование нужно прежде всего самому человеку. Дать хорошее образование своим детям стремится каждый ответственный родитель. Более сильных стимулов, чем эти, основанные на личном интересе и на любви к своим детям, очевидно, не существует. Эти стимулы, правда, можно ослабить, введя всеобщее принудительное образование и запретив частное (как, к примеру, в нацистской Германии — Имперский Закон об обязательном школьном образовании от 6 июля 1938 г.¹, и этот запрет действует до сих пор). Так снимается ответственность с самого ученика и с его родителей. Забота об образовании — своём и детей — это и ответственность,

¹ Подробнее: [Лисин, Яновский, Жаворонков, Черный и др., 2011. Гл. 2].

и просто тот самый «труд упорный», который многим «тошен». Люди в большинстве своём не любят брать на себя ответственность.

Образованные, т.е. имеющие необходимые знания и навыки работники, нужны фирмам — частному бизнесу. В ведущих развитых странах именно частный бизнес финансирует львиную долю научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР)², и эффективность этих вложений, безусловно, важна для собственников и управляющих.

Определённого уровня образования обычно требует религиозная община. Эти требования на первый взгляд весьма скромны – умение читать и понимать сложные тексты, сравнивать их интерпретации, участвовать в обсуждении. Однако в своё время такие навыки стали трамплином для строительства университетского образования, большинство известных европейских университетов выросло из религиозных школ. Несложно заметить, что в сравнении со многими выпускниками современных школ, с трудом читающими и не способными передать содержание прочитанного [Woods, Park., Hu, Jones, 2019], религиозные ученики, соответствующие «скромным требованиям», выглядят весьма достойно (смотри примеры тестов XIX в. в обзоре [Яновский, Черный, Затковецкий, 2017]).

Наиболее очевидным подтверждением успешности образования, основанного на частном финансировании, на личном выборе и ответственности и обходящегося без заботы чиновников, является история буквально насаждения государственного участия, а затем и контроля в этой сфере в США [Яновский, Черный, Затковецкий, 2017]. При этом следует подчеркнуть, что частная инициатива в образовании до революции была заметна и плодотворна и в России [Глебова, Крушельницкий, Степанский, 2004]. Более того, частное образование, хотя и сильно деформированное, пережило тоталитарный режим — от феномена репетиторства до подпольных баптистских семинарий [Алексеева, 2012].

Образованные солдаты и офицеры нужны государству, армии — это прекрасно понимали ещё в 1860-е гг. немецкие генералы и профессора³. Если армия — самый уважаемый институт в обществе, если об армейской карьере, о славе мечтает множество молодых людей, то требование армии получить сперва основательные знания в математике, физике, технических науках, навыки в иностранных языках могут значимо повлиять на мотивацию учеников.

Как экономисты «потеряли» вклад образования в экономический рост

В общественных науках существует согласие относительно большого потенциала экономического роста, заложенного в образовании. Само это согласие сформировалось ещё в эпоху, когда частное образование было по меньшей мере значимой компонентой всей системы и при этом не подвергалось сколько-нибудь обременительной государственной регуляции.

Последняя может достаточно легко заблокировать создание новых учебных заведений. Так, в штате Южная Дакота в середине 1960-х гг. было пролоббировано законодательство, запрещающее создание учебных заведений, выдающих дипломы и не имеющих федеральной аккредитации. Проблема в том, что процесс федеральной аккредитации не только крайне трудоёмкий, но и занимает 10-15 лет. Кроме того, он требует в качестве условия получение аккредитации сначала в штате. То есть создание новых частных учеб-

² Структура расходов на НИОКР (Research and Development – R&D) по данным OECD http://instecontransit.ru/wp-content/uploads/2022/08/RD_WDIOECD_CoIssrn-14062021.xlsx (дата обращения 25 сентября 2022 г.).

³ Профессор Оскар Пешель из Лейпцига в статье 1866 г. («Die Lehren der jüngsten Kriegsgeschichte», «Ausland» No. 29, 17. Juli 1866, S. 695, Spalte 1) утверждал, что преимущества в преподавании математики в Пруссии по сравнению с Австрией сыграли свою роль в войне 1866 г. (цитируется по [Grawe, 2020]). Позднее этот ставший популярным тезис — о роли прусского учителя — приписывали начальнику генерального штаба Пруссии Х. фон Мольтке.

ных заведений было полностью заблокировано. При этом понятно, что чиновники в штате вряд ли были слишком придирчивы к собственным проектам. Замораживание конкуренции в образовании удалось прекратить там только спустя 44 года [Hübner, 2017]. Свой инструментарий для ограничения конкуренции со стороны частных школ был разработан канадскими чиновниками [Canningham, 2002].

Со времён, когда частное образование свободно конкурировало с государственным, прошло немало лет. И вот на рубеже XX-XXI вв. известные экономисты «потеряли» статистически замеряемое влияние уровня образования на экономический рост в развитых странах. Некоторые находили определённую связь между образовательным уровнем и успехами в личной карьере [Acemoglu, Angrist, 1999] при отсутствии влияния достижений в учёбе на прогресс в экономическом развитии страны [Acemoglu, Angrist, 1999; Krueger, Lindahl, 2001]. Другие предположили, что в наше время связь поменяла направление и многолетнее обучение в школе и в университете превратилось в роскошь, которую может позволить себе богатое общество [Bils, Klenow, 2000]⁴. Мы повторили попытку статистического анализа связи образования и экономического роста на данных по 2010 г. включительно [Yanovskiy, Ginker, 2017] и убедились в её отсутствии. В некоторых спецификациях связь оказывалась слабой, но значимо отрицательной (!). Например, это демонстрируют данные табл. 1. (124 страны, 1970-2011 гг., описание данных и методологии: [Yanovskiy, Ginker, 2017a]).

Таблица 1

Экономический рост и охват образованием. Пример спецификации. Зависимая переменная: темпы роста подушевого ВВП*

Независимые переменные	Коэффициент	Стандартное отклонение	T-статистика
Режим правовой демократии	1.031003	0.5159842	2.00
Годы войны	-4.108207	0.4577087	-8.98
Доля добычи газа и нефти более 20% ВВП	5.187849	1.323886	3.92
Охват средним образованием лиц школьного возраста	-0.0175079	0.0058546	-2.99
Const	2.288808	0.4033976	5.67

* Число наблюдений – 3983. Регрессия с фиксированным эффектом

Источник: [Yanovskiy, Ginker, 2017a]

При подготовке настоящей статьи один из наборов данных для стран – членов OECD плюс Россия был дополнен. В частности, временные ряды были продлены до 2020 г. Пытливый читатель сможет скачать эти данные и убедиться в том, что и при увеличении продолжительности наблюдения связь между образованностью и темпами экономического роста не появляется⁵.

На рис. 1–3 растёт и подушевой ВВП⁶, и доля обладателей дипломов. Однако «невооружённым глазом» сложно разглядеть корреляцию между достижениями в образовании и экономическим ростом. При том, что само наличие сильной корреляции экономического роста и формальных достижений в образовании не означает наличия ожидаемой нами причинно-следственной связи.

⁴ Подробнее – смотри обзор [Яновский, Черный, Затковецкий, 2017].

⁵ <https://www.researchgate.net/publication/363659059>

⁶ Стартовое значение индекса подбиралось из соображения наглядности графика.

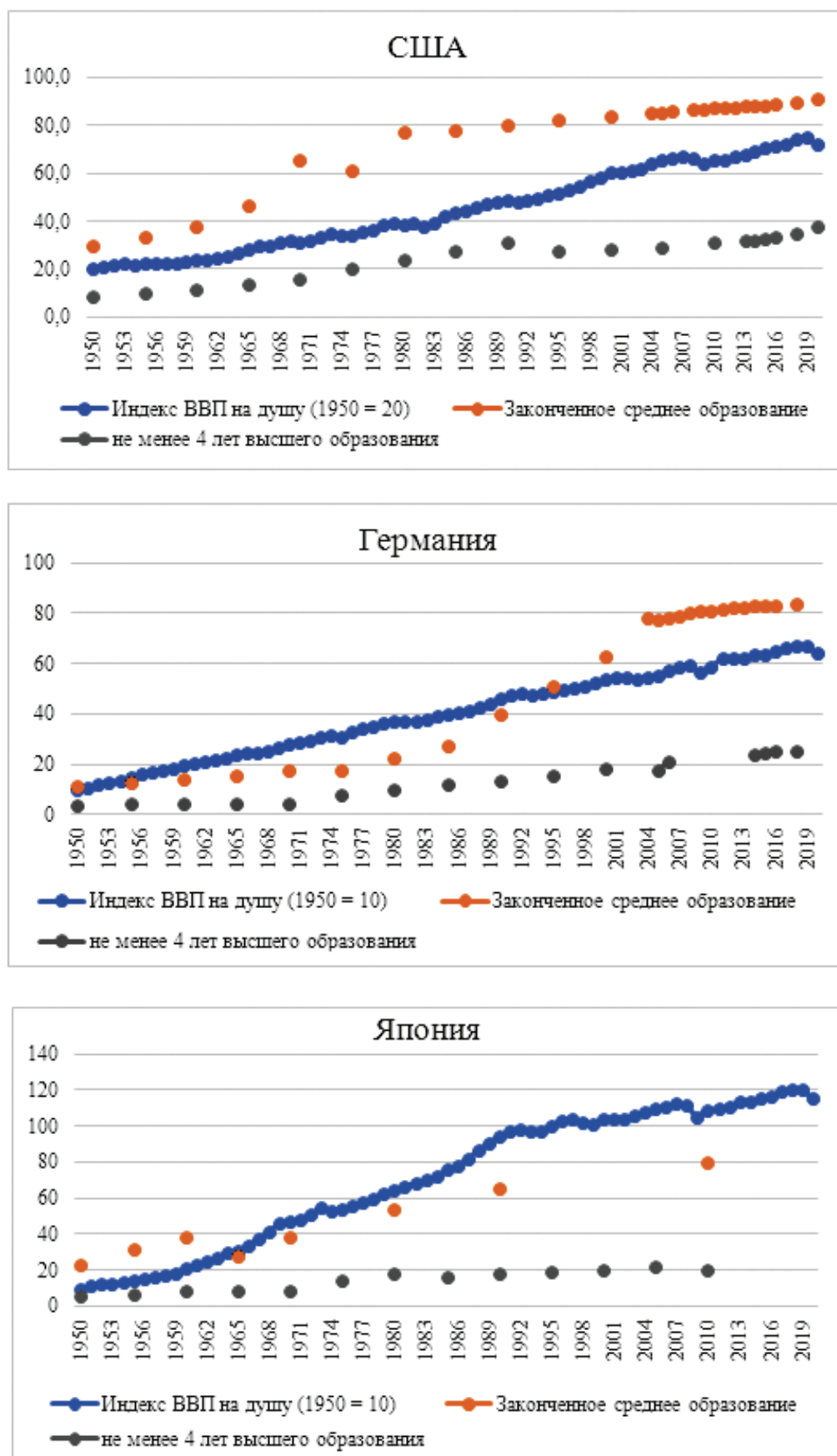

Рис. 1 – 3. Динамика достижений в образовании и индекс ВВП в США, Германии и Японии, соответственно

Источники: World Bank – World Development Indicators <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; Barro& J.W.Lee, v. 2.2, June 2018. Data set: <https://barrolee.github.io/BarroLeeDataSet/>

Между тем в свободных странах, рыночных экономиках исторически частный спрос на образование прекрасно справлялся с задачей собственно образования. Усилия семьи, направленные на то, чтобы помочь, с одной стороны, детям и внукам, и спрос на образованных людей фирм при свободе предпринимательства и надлежащей защите плодов успеха предпринимателей с другой, – создавали реально работавший мощный механизм конвертации роста образованности в ускорение экономического роста. Так, в [Cook, Ehrlich, 2018. P. 18] отмечается, что заинтересованность общества и домохозяйств, фирм, некоммерческих частных организаций в инвестициях в человеческий капитал является предпосылкой, и индикатором благоприятных условий для экономического роста [Albatch, 1999]⁷.

В некоторых развитых странах со старой хорошей статистикой, без резких изменений границ в соответствующий период и без массового притока иммигрантов, можно отследить развитие образования ещё в XIX в. Тогда уже в третьей четверти века, как правило, в школах учились все мальчики и растущее большинство девочек. То есть число учащихся примерно соответствовало доле населения школьного возраста. Среднее образование получало небольшое число учеников. То есть доля учеников средних школ примерно до Второй мировой войны может быть использована как показатель особой заинтересованности семьи в инвестициях в человеческий капитал.

Рис. 4. Страновой пример Нидерландов 1851-1938

Источники: [Mitchell, 2007] – данные по ученикам; Maddison Project Database 2020 <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/data/mpd2020.xlsx> (ВВП).

На рис. 4, по крайней мере, заметна корреляция выбранного показателя с индексом подушевого ВВП. Последняя версия набора данных и большее число графиков доступно в уже упомянутом выше файле⁸.

В [Плискевич, 2012] напоминает о частом игнорировании исследователями качественных аспектов образования. В ситуации, когда при государственном образовании бюрократия заинтересована в «улучшении» количественных показателей, в её власти фактически снизить стандарты образования для всех учащихся или избирательно для привилегированных групп. Такое использование власти для порчи стандарта образования напоминает традиционную «порчу монеты». Испорченный, «неполновесный» диплом предлагается обществу наряду, а то и вместо настоящего, «полновесного».

⁷ «... most importantly, the factors enhancing the incentives that individuals and families have to invest in their own and their offspring's knowledge as well as the ability of the domestic economy to utilize the human capital that it generates».

⁸ <https://www.researchgate.net/publication/363659059> (дата обращения 24 сентября 2022 г.).

Государственное образование: исчерпанный ресурс... в лучшем случае

Почему «раньше было лучше»

Государственная школа, став всеобщей в середине — второй половине XIX в., несколько поколений демонстрировала вполне пристойные результаты. Два объяснения такой относительной успешности были даны во введении — мечты юношей о подвигах в армии, требующие знания математики, и религиозность, требующая чтения и анализа сложных текстов.

Долгое время армия была (и остаётся) одним из обычных «социальных лифтов», институтом, в котором молодой человек, родившийся в бедной, малообразованной, ничем не примечательной (в лучшем случае) семье, имеет шанс добиться признания. Жажда признания вполне может побудить мечтающего о славе юношу к упорному труду в учёбе.

Напомним наблюдение, свидетельствующее о силе этого стимула, которое мы встречаем у Адама Смита: «Достаточно очевидно, что может потерять рядовой солдат <...> несмотря на опасность, юные добровольцы никогда не записываются в армию с такой готовностью, как в начале войны, и, хотя у них нет почти ни малейшего шанса на повышение в чине, они <...> воображают себе тысячу случаев приобрести славу и награды. Эти романтические надежды составляют всю плату за их кровь. Их жалование не достигает платы простого подёнщика» [Смит, 2007. С. 156].

Большинство западных армий не несут ответственности за безопасность своей страны. Армия зачастую становится полигоном для сомнительных социальных экспериментов, когда гендерное и расовое разнообразие становятся приоритетами. Цель армии — воевать до победы, создавать и поддерживать эффект сдерживания давно и прочно забыта [Yanovskiy, Zatskovetsky, 2017; Яновский, Жаворонков, Кокурина, 2021]. То есть стимул «добыть славу в бою за Родину» более не работает. Следует признать, что длинных очередей молодых добровольцев в пунктах вербовки очень давно не наблюдается и в других странах.

Государство может использовать «естественно сложившийся» патриотизм, как промышленность использует запасы нефти и газа. У государства нет инструментов создать «новый запас» патриотизма, достаточный для того, чтобы старый прусский стимул учить математику и физику снова заработал. Пока высокий уровень жизни в сочетании с высокой защищённостью прав и свобод сформируют новые большие запасы патриотизма, пройдёт жизнь нескольких поколений.

То же самое относится и к религиозности. Если она есть — она может способствовать законопослушанию, спросу на справедливые законы и на справедливый суд, может создавать стимулы к определённому рода образовательным достижениям. Но религиозность не может быть создана или даже простимулирована государством (если, конечно, не считать показной веры из страха наказания). Хуже того, как точно заметил американский социолог [Eberstadt, 2013] и экономисты [Iannaccone, Franck, 2009], социальное государство конкурирует с классической церковной благотворительностью и, вытесняя последнюю, объективно способствует снижению религиозности даже там, где не предпринимает против религиозных организаций открыто враждебных действий.

А это значит, что старые стимулы утрачены и надежды на них в обозримом будущем нет.

Куда привели образование стимулы, вырабатываемые чиновниками

К сожалению, утверждение о том, что у чиновников от образования нет сильных стимулов, не вполне точно. У них не осталось сильных стимулов повышать качество образования. Но стимулы портить качество, затруднять родителям осмысленный выбор школы и понимание, чему и как учат ребенка, могут быть и довольно сильные. Похоже, что разнонаправленные усилия родителей и чиновников от образования в США долгосрочно

привели к равновесию. Несмотря на почти трёхкратное увеличение расходов на государственную школу (с 57 до 164 тыс. долл. в долл. 2013 г.) на одного учащегося и почти двукратный рост численности школьного персонала, успехи детей в чтении и понимании текста, в математике и в естественных науках остаются на давно достигнутом уровне (рис. 5).

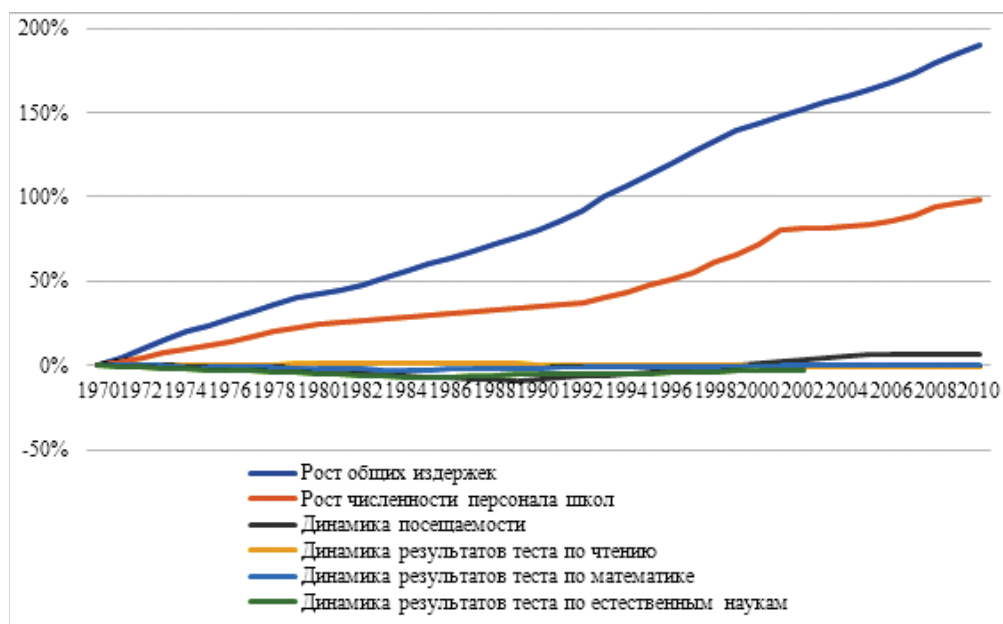

Рис. 5. Динамика показателей американских государственных школ 1970-2010 гг.

Источник: [Coulson, 2013].

Многие ошибочно полагают, что безумные инициативы вроде насаждения в учреждениях образования на Западе расового и гендерного разнообразия, война, объявляемая математике и естественным наукам как «расистским» и «сексистским» — сугубо частные инициативы. Соккрытие информации о деталях программ образования, о состоянии безопасности в школах и даже иногда о результатах экзаменов безусловно выгодно как сильным в Западной Европе и в США профсоюзам, так и усиливающимся бюрократам от образования. Если министерство образования вынуждено отчитываться по результатам экзаменов, международных тестов, международных олимпиад (например, имеющих давнюю историю и заслуженный авторитет математических), любые достижения придётся делить с талантливыми учениками, с родителями, с одержимыми успехами своих учеников редкими педагогами. А вот провалы будут заметны, трудно прогнозируемы, и множества желающих взять на себя ответственность за них не найдётся.

Теперь попробуем добавить в число задач чиновников, да ещё с высшим приоритетом, расовую и гендерную интеграцию. Отчётность по ним будет исключительно в виде внутриминистерской документации с фотографиями улыбающихся детишек разных рас. Добавьте в приоритеты достижение «социального равенства» и усвоение правильной идеологии (как упомянутая в [Grawe, 2020] официальная задача австрийской школы — адаптировать ученика «к абсолютистской форме правления»), и тогда защищённость бюрократа (от учителя до руководителя департамента министерства) от любой ответственности за провалы в собственно образовании (математическом, к примеру) будет почти полной.

Не случайно в деле о злосчастной математической статье «An Evolutionary Theory for the Variability Hypothesis» бюрократы из National Science Foundation встали на сторону маргиналов – радикальных феминисток против настоящих учёных (см. подробнее [Yanovskiy, 2018]). «Многокритериальность», включающая критерии идеологические (вроде «разнообразия» — diversity), действует в лучших интересах бюрократов, распределяющих гранты. Им не обязательно будет изучать работы претендентов, оценивать их научный потенциал.

Можно будет раздавать казённые деньги практически произвольно, объясняя свой выбор тем, что кандидат оптимально сочетает преимущества по бесчисленным формальным и неформальным критериям. Размывание критериев в науке ведёт к размыванию их в университете, а затем и в школе. Ведь традиционно значительная часть лучших школьников поступает в ведущие университеты, а многие из лучших студентов идут в науку.

Наиболее экстремистски настроенные активисты из числа «социально близких» бюрократам провозглашают математику «расистской наукой»⁹ [Яновский, Черный, Затковецкий, 2017]. На полном серьёзе предлагаются курсы «освобождения» математики от «расизма» в государственных университетах¹⁰. Очевидная абсурдность идеи «расистской математики» не должна успокаивать читателя. Напомним о стимулах, анализ которых поясняет глубокую рациональность поддержки идеи расизма, будто бы «укоренённого в математике» интересантами.

Для того, чтобы преподавать математику, получив сначала диплом, а в ряде случаев ещё и учёную степень, требуется много и очень тяжело работать. Для того, чтобы учить только методику преподавания без глубоких знаний предмета, работы требуется уже намного меньше. Но ещё проще «обучить» (соответственно, выучиться на) демагога – разоблачителя «расистской математики» (или вообще неважно чего). То есть в рамках государственной системы образования и к тому же с сильными профсоюзами учителей начинают работать стимулы, приводящие к явно отрицательному отбору, особенно по столь трудоёмким и важным дисциплинам, как математика, естественные науки, родной и иностранные языки.

Следующий этап: избавление от ответственности за безопасность

Для достижения уже по-настоящему полной безответственности чиновников останется только перестать отвечать за безопасность учеников в школе. Для чего целесообразно заблокировать возможности преследуемых учеников и их родителей жаловаться и добиваться справедливости. Характерно, что бывший губернатор Вирджинии и кандидат в губернаторы на выборах 2021 г. работал на юридическую фирму, получавшую от чиновников от образования многомиллионные гонорары за защиту их от ответственности за безопасность учеников¹¹.

Поразителен скандал, связанный с арестом на заседании школьного совета отца изнасилованной прямо в школе ученицы. Сам факт возмущения и ареста мужчины (не применявшего насилия) был использован для того, чтобы объявить группы защиты прав родителей террористами (Domestic terrorists¹²). Барак Обама поспешил объявить проблемы промывки детям мозгов «критической расовой теорией»¹³ и возмущение безответственностью чиновников в вопросах безопасности школьников искусственно раздутым «phony

⁹ <https://www.thecollegefix.com/math-can-be-racist-college-claims/> просто потому, что статистически в математике наиболее преуспевают молодые люди европейского и азиатского происхождения <https://www.nsf.gov/nsb/sei/edTool/data/highschool-06.html>; в США и Западной Европе уже не считается постыдным писать статьи о едва ли не белом заговоре в математике, который почему-то не мешает студентам азиатского происхождения – в «научном» формате – [Joffney, Leonard, Levis, 2021] (дата обращения: 24 сентября 2022 г.).

¹⁰ <https://artsci.calendar.utoronto.ca/course/mat192h1> – объявление о курсе MAT192H1 - Liberating Mathematics в Университете Торонто (Канада). (дата обращения: 11.07.2022). См. также https://artsci.calendar.utoronto.ca/sites/default/files/PDFs/2021-2022_FAS_Calendar.pdf p. 508 (дата обращения: 15.08.2022).

¹¹ <https://www.dailywire.com/news/exclusive-mcauliffe-linked-law-firm-fighting-virginia-student-who-said-she-was-gang-raped> (дата обращения: 30.07.2022).

¹² <https://www.wsj.com/articles/about-those-domestic-terrorists-national-school-boards-association-merrick-garland-memo-fbi-11635285900>; меморандум генерального прокурора, требующий защиты бюрократов от родителей: <https://www.justice.gov/ag/page/file/1438986/download> (дата обращения: 30.07.2022).

¹³ Теория, утверждающая, что все лица с белой кожей несут ответственность за прошлые и нынешние притеснения чернокожих (подробнее см. [Яновский, Черный, Затковецкий, 2017]).

issue», а гнев отца «fake outrage» — наигранным¹⁴. Ведь предполагаемый насильник — это молодой человек, объявивший себя девочкой-трансгендером и атаковавший жертв в туалетах для девочек¹⁵.

Умножение числа детей, дезориентированных гендерной идеологией и неспособных впоследствии создать нормальную семью, размывает основы родственной и гражданской взаимопомощи, умножая число людей, пожизненно зависимых от «заботливого» социального государства [Яновский, Жаворонков, 2019]. Как правило, такой человек является твёрдым сторонником партии «Большого государства» [Mallory, 2019]¹⁶, одним из лидеров которой в США является Барак Обама. То есть насильник, в данном случае оказался «социально близким» для сторонников этой партии персонажем.

Ностальгия по советскому образованию: насколько она обоснована?

Вспоминая о советском образовании, следует учитывать не только лучшие его образцы, но и состояние образования на периферии. Не следует забывать важной (особенно для молодых жителей больших городов) функции обучения — достижение возможности избежать трех (двух)-летней срочной службы в армии.

С первых лет советской власти политика в сфере образования ориентировалась на формальные количественные показатели (грамотности, законченного этапа в образовании). Так, установка на скорейшее достижение полного охвата населения законченным средним образованием (обязательное среднее) с конца 1960-х гг. привела к тому, что попытки учителей объективно оценивать знания слабых учеников приводили к росту административного давления на учителя вместо отсева нерадивых учеников. Оставление слабого ученика на второй год стало скандалом, бьющим по репутации как самой школы, так и властей, которым школа подчинялась. В сфере высшего образования привилегии определённым группам препятствовали отсеву их представителей [Плискевич, 2012. С. 39-41]. Такие практики предвосхитили современные западные попытки искусственно разнообразить состав получателей аттестатов и дипломов.

Но главное — следует помнить, чем и почему завершилось научно-техническое соревнование СССР и США. На первый взгляд, в СССР таланты были весьма востребованы. Но они бывали востребованы и в Древнем Египте (сохранилось наставление чиновника, ярко и убедительно объяснявшего сыну преимущества «офисной работы» образованного человека перед любыми ремеслами — «Поучение Ахтоя...» [Кузищин, 2002. С. 35-38]. То же верно и относительно Древнего Китая, где успешно сданный экзамен открывал дорогу к пожизненному достатку и почёту (Кэцзюй, в англоязычной литературе — civil examination system, imperial exam¹⁷).

Образованные и даже учёные люди в тех обществах встречались и были заметны. Но науки и научно-технического прогресса, сопоставимого с наблюдаемым со времен промышленной революции, там не было. Не было науки и как инструмента поиска истины, подобно тому, как и в древности встречались богатые предприниматели, но не наблюдалось ни капитализма, ни современного экономического роста [Kuznets, 1966].

¹⁴ <https://www.dailywire.com/news/obama-to-virginia-voters-dont-pay-attention-to-trumped-up-culture-wars-its-all-fake-outrage> (дата обращения: 30.07.2022).

¹⁵ <https://www.dailysignal.com/2021/10/13/virginia-school-system-deflects-charges-it-covered-up-rape-of-ninth-grade-girl-by-gender-fluid-boy/> (дата обращения: 30.07.2022). Насильник признан судом виновным, хотя по несовершеннолетию отделался символическим наказанием: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10450515/Teen-convicted-two-assaults-Loudoun-County-schools-not-registered-sex-offender.html> (дата обращения: 30.07.2022).

¹⁶ См. также результаты опроса Pew Research <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/10/25/lesbian-gay-and-bisexual-voters-remain-a-solidly-democratic-bloc/> с оценкой 89% поддержки Демократической партии этой группой (дата обращения: 30.07.2022).

¹⁷ <http://www.sacu.org/examinations.html> (дата обращения: 09.08.2022).

С наблюдаемым откатом — удушением свободной научной дискуссии — и на современном Западе стало естественным то, что статистически зарегистрировали Дарон Аджемоглу и другие упомянутые выше коллеги: образование открывает дорогу к хорошо оплачиваемым должностям, но с подрывом классических институтов свободной конкуренции и в науке, и в экономике образование (по крайней мере формальное) всё менее полезно для экономического роста.

В завершение сюжета подчеркнем, что проблема научно-технического отставания СССР коренилась не только в отсутствии рынка и защищённой частной собственности, дающих стимулы к внедрению научных достижений. Проблема была в ограниченности обмена идеями, конкуренции идей, для которой требуется свобода дискуссий. Отсутствие такой свободы, изоляция от мировой науки дестимулировало, в частности, приобретение навыков в иностранных языках и приводило к воспроизводству отставания. Положение усугублялось неконкурентоспособностью зарплат большинства преподавателей и ученых, которое только отчасти компенсировалось заинтересованностью властей в повышении уровня военных разработок [Плискевич, 2012. С. 61-94]

На проблеме создания «идеологически стерильной» среды в образовании мы остановимся в следующей части статьи.

Прогноз Бастиа

Федерик Бастиа предупреждал об опасности таких стимулов в 1850 г. Он, в частности, писал о высшем государственном образовании: «Государство, а точнее сказать партия, фракция, секта, отдельный человек, оказавшийся на какое-то время и вполне законно у власти, может придать образованию угодное ему направление... формировать по своей прихоти умы <...> Почему партии стремятся управлять образованием? Потому, что они знают и помнят слова Лейбница: “Сделайте меня учителем и я изменю облик мира”». Бастиа не исключает и себя из числа тех, кого он предупреждает: «а тот, кто сейчас возмущается столь глубоким падением человечества, если он займет положение, при котором сможет сказать: “Государство — это я”, — такой человек, наверное, поддастся искушению сделать всех экономистами». То есть промыть мозги молодым людям, используя государственные ресурсы, «единственно верным способом» [Бастиа, 2011. С.171, 225-226].

Пока в ведущих научных державах мира частное образование создавало конкуренцию государственному, казалось, что страхи Бастиа были преувеличены. Однако угроза начала реализовываться после того, как даже в США федеральное правительство нашло повод (запуск спутника СССР в 1957 г.) и политические рычаги начать массированно и на постоянной основе финансировать университетскую науку. Последствия этого решения быстро ужаснули того, кто его принял и несёт за него ответственность, — президента Дуайта Эйзенхауэра, который, уходя, предупреждал не столько о «военно-промышленном комплексе» (2 строки в обращении), сколько об опасности сращивания науки с бюрократией (8 строк) [Eisenhower, 1961]. Он писал о том, что государственные контракты заменили в качестве стимула научную любознательность («a government contract becomes virtually a substitute for intellectual curiosity»). Подчёркивая опасность захвата науки государством, он предупреждал и об опасности захвата политической власти «научно-технологической элитой» («we should, we must also be alert to the equal and opposite danger that public policy could itself become the captive of a scientific-technological elite»).

Хроническая зависимость от федерального финансирования сначала сделала старые консервативные частные университеты удивительно терпимыми к левому радикализму. По воспоминаниям Ричарда Пайпса, это произошло уже к концу 1960-х гг. [Pipes, 2003].

Здесь следует напомнить, что большинство ведущих университетов – исследовательских центров США были основаны в своё время и функционируют по сей день как частные заведения. Старейшие зачастую основывались (как и их «собратья» в Европе) как религиозные школы только для протестантов, а не для католиков [Pierce, 1833; Dexter, 1916]¹⁸.

В 1974 г. Р. Коузу ещё казалось, что готовые сдать социализму рыночную экономику, частную собственность и свободу предпринимательства коллеги готовы твёрдо защищать свободу слова [Coase, 1974]. Предсказанная отчасти в шутку в 1975 г. [Стиглер, 2017. С. 330] тенденция подрыва в результате экспансии государственного финансирования университетских традиций свободомыслия, честного поиска истины была уже тщательно зафиксирована Д. Д'Соузой [D'Souza, 1991]. П. Рубин в 1994 г. отмечал полную капитуляцию студентов, смирившихся с утратой свободы дискуссий, но также заметил, что наиболее воинственно настроенные профессора ещё могут отстоять свою личную свободу высказывания через суд [Rubin, 1994].

В 2000–2010-е гг. положение значительно ухудшилось. Стало ясно, что борьба с дискриминацией не имеет ни конца, ни предела. Она стала бесконечным процессом выбивания привилегий и «чемпионатом» историй и мифов о былых притеснениях. Богатые коллекции примеров атак на свободу слова под предлогом защиты некогда подвергавшихся дискриминации групп собрана на сайтах Campusreform.org и TheCollegefix.com.

Данные об университетских регуляциях, отрицающих свободу слова, собраны в базе данных Фонда за личные права при обучении¹⁹. Последние такие данные показывают, что из внесённых в базу 486 университетов и колледжей внутренние нормы официально ограничивают свободу слова (право Первой поправки) на территории кампуса в 421-м случае. Проект CriticalRace.org²⁰ осуществляет мониторинг идеологической интоксикации «Критической расовой теорией» учеников и студентов в средних и высших учебных заведениях США.

Бывший веками оплотом свободы слова на Западе Университет перестал быть «местом для дискуссий»²¹. Понятно, насколько значительное и опасное воздействие оказал пример старших коллег на школьных учителей и на среднее образование.

Привычка по-настоящему образованных людей к свободной дискуссии и их требования доказательств научности официальной точки зрения могут вызывать изрядное раздражение чиновников. Особенно тех, кто ссылается на науку в обоснование требований дополнительного бюджета и полномочий.

Волшебные палочки: ваучеры и авторское образование

Ваучер — не цель, а переходная мера

Ваучерная система («деньги следуют за учеником») была апробирована во многих экспериментах, в рамках разных, хотя и однотипных государственных систем образования — от отдельных муниципалитетов в США и в некоторых других странах до двух общенациональных экспериментов в Чили [Contreras, 2002] и в Швеции [Björklund, Fredriksson, Gustaffson, Öckert, 2010]. Требование дать возможность родителям выбирать школу для своих детей, достаточно простая организация ваучерной системы делают её принцип при-

¹⁸ См. также краткий обзор истории Йельского университета: <https://www.yale.edu/about-yale/traditions-history> (дата обращения: 30.07.2022).

¹⁹ <https://www.thefire.org/spotlight/using-the-spotlight-database/> (дата обращения 15.08 2022).

²⁰ <https://criticalrace.org/> (дата обращения 15.08 2022).

²¹ Подробнее эту историю см. [Яновский, Черный, Затковецкий, 2017; Яновский, Черный, Затковецкий, Жаворонков, 2014].

влекательным среди несоциалистически ориентированных политиков и часто популярным среди родителей учеников.

Нами подготовлен обзор литературы по проблемам государственного образования и попыток реформ, где, в частности, подробно анализируются основные результаты экспериментов [Яновский, Черный, Затковецкий, 2017]. Обычно наблюдаются существенные улучшения в первые годы после их внедрения со стагнацией в дальнейшем. То есть вреда от ваучеров однозначно нет, но сама по себе реализация принципа «деньги (бюджетные деньги, отметим) следуют за учащимся» явно недостаточна для устойчивого стабильного прогресса и значимых достижений. Большие ожидания от эксперимента, который нигде не заканчивается большим провалом (что, заметим, само по себе немало), не оправдываются. Попробуем разобраться, почему так происходит.

Ваучерная система не исключает принуждения отдавать ребенка в школу, хотя и даёт родителям определённую свободу действий по выбору школы для своего ребёнка. Первоначально она была предложена в 1955 г. Милтоном Фридманом [Friedman, 1955] как мера, призванная остановить наступление правительства на позиции семьи и общества. В книге «Свобода выбирать» Роуз и Фридманы оговаривают принципиальные недостатки ваучерной схемы как компромиссной, переходной (сохранение правительственного контроля, финансирования и принудительного характера образования) [Фридман, Фридман, 2007. С. 186]²².

В дискуссии 1993 г. о ваучерах с экономистом и христианским активистом Гэри Норт²³ (Gary Kilgore North) последний указывает на опасность того, что ваучеры в частной школе дадут правительству прекрасную возможность вмешиваться в программу и диктовать свои условия. На это Фридман отвечает: «У меня та же конечная цель, что и у Гэри Норта, но я не верю в то, что мы можем достичь её без переходной меры. И это то, что должна обеспечить ваучерная система»²⁴. Расстояние до этой цели может быть измерено долей расходов государства (а значит, бремени, возложенного им на общество) в данном случае — расходов на образование.

Сохранение государственного контроля, в частности, над программами и приоритетами в преподавании сразу сказалось, к примеру, в Швеции. Причём случаи, когда школы получали в ходе эксперимента большую свободу в формировании программы (опыт в Нью-Йорке), демонстрировали более устойчивые и долгосрочные улучшения [Green, 1993]. Но, думается, главная проблема состоит в сохранении мощных групп интересов — бюрократии от образования, которая заинтересована в провале эксперимента, союзных ей политиков и профсоюзов учителей (в России, правда, последние не актуальны). Решением этой проблемы могло бы стать упразднение министерства образования уже в первые годы реформ. Функции по финансированию школ на переходный период, естественно, нужно передать министерству финансов. Все те специалисты, эксперты, методисты, занятые в министерстве образования, чья квалификация бесспорна, найдут себе применение на рынке и в некоммерческих структурах, связанных с частным образованием. Так, они смогут наиболее продуктивно заниматься консультированием педагогов, родителей, выдачей частных, но не менее уважаемых, чем министерские, документов (сертификатов) качества преподавания и т.п. При этом реформа должна иметь как можно более жёстко определённые сроки и заранее заявленную цель — приватизацию значительной части учреждений образования с преобразованием большей их части в некоммерческие организации.

²² «Мы рассматриваем ваучерный проект как частичное решение, поскольку он не оказывает воздействия на финансирование обучения и законы об обязательном образовании. Мы хотели бы пойти гораздо дальше».

²³ <https://fee.org/articles/friedman-and-north-on-vouchers/> (дата обращения: 27.07.2022).

²⁴ “My ultimate objective is precisely the same as Gary North’s, but I do not believe that we can get there from here without a transitional measure. That is what the voucher proposal is intended to provide” (там же).

Нельзя не напомнить о весьма вероятном сценарии перехода, когда на него решатся ровно потому, что у правительства просто не будет ресурсов для существенного наполнения ваучеров. Тогда придётся уповать на экономию от демонтажа бюрократии и на способность граждан быстро адаптироваться к новой ситуации.

Авторское образование: «не пытайтесь повторить это дома»

Вторая половина 1980-х – первая половина 1990-х гг. в России стала периодом признания и расцвета «авторской школы». Выдающиеся педагоги, известные ещё с 1970-х гг. (хотя иногда и в узком кругу) — Ш.А. Амонашвили, В.Ф. Шаталов, С.Н. Лысенкова, А.Н. Тубельский, М.П. Щетинин и другие — получили простор для новаторства и творчества. Это произошло после десятилетий подозрительного отношения к их педагогическим новациям со стороны государства, которое, впрочем, терпело педагогов-новаторов за несомненный вклад их учеников в обороноспособность страны.

Опыт последних десятилетий, однако, показал, что само по себе снятие правовых ограничений (в частности, законом РФ от 10 июля 1992 г. №3266-1 «Об образовании») не может обеспечить свободу творчества в государственной школе. Ни закон, ни общественное признание не избавят от зависти менее талантливых коллег и от раздражения начальства. Особенно, когда речь идёт не об уже признанных авторитетах, а о молодых талантливых педагогах. Главной проблемой авторского образования оказалась невозможность тиражировать опыт преподавания, требующий таланта от исполнителя. Как правило, новым школам, основанным талантливыми педагогами, не удалось без качественных потерь пережить их уход [Кушнир, 2016].

Казалось, решением проблемы является частная школа. Однако в первые десятилетия рыночной экономики те, кто могли позволить себе отдать ребенка в такую школу, как правило, сами не обладали культурой и знаниями, достаточными, чтобы оценить не просто роль талантливого учителя, но роль талантливого директора, который собирает вокруг себя талантливых же учителей. Кроме того, с таким директором бывает сложно договориться тому, кто привык отдавать указания и не привык убеждать.

В долгосрочной перспективе частная авторская школа может стать одним из эффективных решений. Это может произойти отчасти благодаря росту уровня образования и культуры платёжеспособных родителей, отчасти за счёт развития гражданского общества и того взаимного доверия, без которого плохо работают некоммерческие проекты. Без достаточно высокого уровня доверия в обществе в целом или хотя бы в той группе, к которой принадлежат родители учеников и спонсоры, не будет возможности обеспечить устойчивый приток средств, позволяющий, в частности, принимать в школу талантливых детей небогатых родителей. Последний фактор важен не столько в качестве «положительного внешнего эффекта». Усиление состава учеников влияет на конкуренцию, мотивацию и учителей (чем сильнее классы, тем она выше). Достижения выпускников школы, которыми она гордится, становятся, в свою очередь, сигналом для спонсоров — о правильном объекте для пожертвований, где они будут работать наилучшим образом. Тем более важен такой сигнал для родителей детей, выбирающих школу своему ребёнку.

Новые технические возможности дистанционного образования дают дополнительные преимущества талантливым педагогам, с одной стороны, и небогатым семьям — с другой. Важно также, чтобы и общество, и сами талантливые педагоги перестали бояться неравенства в образовании, элитного образования. Элитное образование пережило семь десятилетий социализма, на него всегда есть спрос, и оно неистребимо.

Вообще, понимание того, что равенство в образовании не является ни моральным императивом, ни тем более средством повышения эффективности, совершенно необходимо для совершенствования системы образования [Nock, 1932]. Перекрытие возможности для лучших учеников и студентов преуспеть и в будущем продвигать науку, технику

и культуру из-за того, что в школе и в университете, в одном классе и в одной аудитории с ними, отнимая время у педагога, находятся те, кто в лучшем случае способны научиться лишь читать и писать, не имеет никакого морального обоснования.

Возвращение ответственности

Сильные стимулы «дать образование» есть только у частных лиц. Прежде всего у родителей и у интеллектуально зрелых учеников (студентов). Стимулы родителей при принудительном образовании ослабляются — они постепенно перестают воспринимать образование как благо, приносящее дивиденды, и смотрят на него скорее, как на гарантированное государством пособие. Размывается минимально необходимый уровень требований учителей к ученикам во имя перевода в следующий класс, поскольку обязательность образования как таковая требует и надлежащей отчётности об успехах такого образования.

Низкая готовность многих родителей брать на себя ответственность за образование детей хорошо объясняет опасения Милтона Фридмана и его предложение ввести переходный этап с «ваучерами». При этом, если не продвигаться постоянно в направлении возвращения ответственности за образование семье и обществу, ни необходимые навыки воспитания, ни чувство ответственности сами собой не появятся.

Не слишком радостные перспективы пенсионной системы в «стареющей» стране (далеко не только в России) неизбежно повысят спрос на детей и на их образование как на «запасной пенсионный актив» в долгосрочной перспективе. В семьях, где родители сами получили хорошее образование и заняты интеллектуальным трудом, намного выше вероятность того, что и дети будут стремиться, по меньшей мере, повторить достижения родителей в образовании [Gould, Simhon, Weinberg, 2020; Davis-Kean, Tighe, Waters, 2021]. Вероятно, потому, что личный пример — один из наиболее действенных методов воспитания [Sutin, Luchetti, Stephan, Robins, Terracciano, 2017]. Российское общество относительно образованное, а потому имеет в этом отношении неплохую стартовую позицию.

Новая волна рыночных реформ потребует для того, чтобы главным работодателем стал рынок, а не государство. То есть для того, чтобы в жизни были чаще востребованы знания, а не дипломы и связи, достаточные для карьеры на государственной службе.

При относительно благоприятном сценарии, когда на старте реформ бюджет сбалансирован и государство в состоянии выполнять свои обязательства перед образованием, хотя и с напряжением, переход может занять несколько выборных циклов. Возможно — до 20 лет. Как мы уже поясняли, уже на старте потребуются ликвидация министерства образования и преобразование школ в некоммерческие организации, управляемые попечительским советом. Постепенное сворачивание государственного финансирования, стимулируемый рост расходов родителей и спонсоров необходимо будет синхронизировать с сокращением налогового бремени. Среди стимулов очевидно будет, в частности, вычет значительной части расходов родителей из уплачиваемых ими налогов или из налогов, начисляемых «на них» работодателем (к примеру, ЕСН). Кроме стимулов и синхронизации встанут проблемы выбора представителя министерства финансов в попечительском совете [Яновский, Жаворонков, Черный, Затковецкий, 2018. С. 206-212].

Очевидно, что директор школы, кандидатуру которого должен утверждать совет попечителей, не может быть представителем министерства финансов, голосующим «от имени» бюджетного вклада в финансирование школы. Им может быть лицо, отвечающее определённым требованиям и с независимыми интересами — бывший учитель с большим стажем, к примеру.

Формат статьи не позволяет углубляться в те самые детали, которые могут оказаться решающими. Другая причина, почему мы вынуждены остановиться здесь, сценарий посте-

пенного многолетнего перехода, к сожалению, не самый вероятный. Глубокие реформы редко начинаются в благополучной ситуации. Обычно это вынужденная мера «от безысходности». Отчасти шок общего кризиса в экономике и в государственных финансах смягчается падением рыночных ставок заработных плат не только родителей, но и учителей.

Опыт вынужденного же международного эксперимента в массовом дистанционном обучении в период закрытия школ во время пандемии, приобретённый родителями и лучшими из учителей, также может смягчить переход при «аварийном» сценарии [Глазков, Рейнюк, 2020]. Так, использование материалов для дистанционного обучения (курсов лекций), дополненных отчасти усилиями родителей, отчасти учителей в недоукомплектованных преподавателями школах, смягчит шок и сократит разрыв между благополучными и неблагополучными школами, при условии включения сильных частных стимулов. Потому что при их отсутствии, как и было в 2020-2021 гг. в разных странах, прекращение очной работы редко компенсировалось качественными дистанционными занятиями [Christakis, Van Cleve, Zimmerman, 2020]. Прежде всего потому, что подготовка материалов для них — дополнительная нагрузка на учителя, и только меньшинство способно лишь из чувства долга без дополнительных стимулов «работать ещё больше».

Достаточно быстро состоятельные родители поймут, что их ребенку для получения качественного образования полезнее быть средним или даже слабым учеником в сильном классе, группе, чем сильным среди слабых учеников. Это создаст стимулы для приёма на льготных основаниях талантливых учеников в «элитные», дорогие школы и университеты. Сильные стимулы к поиску молодых талантов, поддержка их стипендиями были и есть у частного бизнеса. Это также может облегчить процесс перехода, поскольку фирмы реагируют на рыночные сигналы достаточно быстро (при условии, если нет высокой инфляции, чреватой гиперинфляцией).

Для большого числа родителей переход станет очень тяжёлым испытанием. Прежде всего тяжело будет свыкнуться с мыслью, что образование детей — это не «государственное дело», а по-настоящему важное, т.е. их частное, личное дело; с тем, что не им школа обязана обеспечить времяпрепровождение их ребёнка, а в конце обучения — его аттестат или диплом, а они должны обеспечить дисциплинированное поведение своего чада и поддерживать в этом учителей. Если же школа не справляется (что будет случаться на первых порах ещё чаще, чем в «штатной» ситуации), родителям придётся быстро искать альтернативу: другую школу или организовывать надомное обучение, требующее, прежде всего, значительных усилий и затрат времени.

Такой опыт есть у многих семей уже сегодня, потому катастрофы ожидать не следует, но общие издержки родителей — возможно, не столько денежные, сколько выливающиеся в отказ от свободного времени — будут при «аварийном сценарии» очень значительными. Ситуация отчасти напоминает своего рода «атрофию» навыков работника при свободном выборе места работы и потребителя при неожиданно ставшем богатым выборе на рынке. С такой необходимостью делать выбор на рынке граждане России столкнулись в 1992 г. Не без проблем, но они с этой задачей справились, выработали нужные навыки и приняли на себя ответственность.

Выводы и рекомендации

Доминирующее государственное образование развитых стран – старых демократий дополняет собственный опыт России, демонстрируя дефицит стимулов преподавателей и руководителей, соблазн использовать систему образования для решения политических задач. Как следствие — долгосрочная тенденция к деградации образования. В развитых странах образование само по себе перестало быть мотором экономического роста.

В России конкурентное давление на государственное образование со стороны новых форм образования ещё слабее, чем в большинстве развитых стран. Играющая огромную роль в поддержании стандарта качества высшего образования фундаментальная (университетская) наука сталкивается с вызовами, похожими на проблемы образования. Зачастую перед наукой стоит выбор — работать в условиях конфликта интересов на государство или стараться поддерживать сбалансированное финансирование, отказавшись во имя научного подхода и во избежание множества конфликтов интересов от ряда соблазнительных краткосрочных возможностей привлечения средств в науку.

Единственный способ превратить образование в фактор экономического роста — создание условий для роста новых форм и институтов образования при избегании ошибок, совершённых в развитых странах. Кризис старых образовательных институтов и учреждений нередко открывает окно возможностей для инициативного организатора образования, талантливого учителя и ответственного родителя.

У нас нет приятных новостей и легко исполнимых рекомендаций. По-настоящему качественное образование требует большого напряжения сил родителей. Оно недостижимо без готовности родителей брать на себя львиную долю ответственности, не надеясь ни на государство, ни на волшебные решения от специалистов. Только родители знают своих детей по-настоящему и будут знать намного лучше, если примут на себя (вернут семье) ответственность за них. Только у родителей будет сильный стимул помочь ребёнку учиться и помочь подростку выбрать оптимальный для него маршрут в образовании. Только тогда, когда выбор школы, директора, учителей, ранней специализации, впоследствии факультета, станет привычным делом семьи и самого учащегося, появится обоснованная надежда на то, что частное в основе своей образование и личный ответственный выбор вернут образованию роль мотора экономического роста.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Л. (2012). История инакомыслия в СССР: новейший период. — М.: Московская Хельсинкская группа.
- Бастиа Ф. (2011). Протекционизм и коммунизм. Высшее образование и социализм. — Челябинск: Социум.
- Глазков К., Рейнюк А. (2020). Учителя обычных школ – об опыте дистанционного обучения во время пандемии / Проект «Корона-ФОМ» (Фонд «Общественное мнение»). <https://media.fom.ru/crowdspace/tmp/1e9ofujj9p4E13dcoVBF0lcbXD.pdf>. (дата обращения: 30.07.2022).
- Глебова И., Крушельницкий А., Степанский А (2004). ...Начинание на благо и возрождение России. Создание Университета им. А.Л. Шанявского: Сб. док. / Под. ред. Н. Басовской, А.Д. Степанского; Сост. именных коммент. А.В. Крушельницкий. — М.: РГГУ.
- История Древнего Востока. (2002): Тексты и документы / Кузицин В. (ред.). — М.: Высшая школа.
- Кушир М. (2016). Тупики педагогики сотрудничества. 30 ноября. <https://newtonew.com/school/partnership-pedagogics-fail> (дата обращения: 27.07.2022).
- Лисин В., Яновский К., Жаворонков С. и др. (2011). Институциональные ограничения современного экономического роста. — М.: Дело.
- Плискевич Н.М. (2012). Человеческий капитал в трансформирующейся России. — М.: Институт экономики РАН.
- Смит А. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо.
- Стиглер Дж. (2017). Гражданин и государство. Эссе о регулировании. — М.: Издательство института Е.Т.Гайдара.
- Фридман М., Фридман Р. (2007). Свобода выбирать. — М.: Либеральная миссия, Новое издательство.
- Яновский К., Жаворонков С. (2019). Перспективы вытеснения монотеизма, семьи, гражданского общества и частной собственности: обзор литературы. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3391548> (дата обращения 15.09.2022).
- Яновский К., Жаворонков С., Кокурина А. (2021). Государство победившего масла, или Оборона с ограниченной ответственностью // Вопросы теоретической экономики. №3. С. 7-21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_3_7_21.
- Яновский К., Жаворонков С., Черный Д., Затковецкий И. (2018). Стратегия долгосрочного процветания: в поисках растаявшего ориентира. — М.: Дело.

- Яновский К., Черный Д., Затковецкий И. (2017). Государственное образование: мотор или балласт? Обзор литературы о состоянии и истории государственного образования в США. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2952385> (дата обращения: 15.09.2022).
- Яновский К., Черный Д., Затковецкий И., Жаворонков С. (2014). Из новейшей истории университетов. Как консервативные центры накопления человеческого капитала превратились в гнезда левого радикализма. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2536629> (дата обращения: 15.09.2022).
- Acemoglu D., Angrist J. (1999). How Large are the Social Returns to Education? Evidence from Compulsory Schooling Laws // NBER Macroeconomics Annual, Vol. 15. Pp. 9-59. <http://www.nber.org/papers/w7444> (дата обращения: 28.07.2022).
- Albatch P. (1999). *Private Prometheus: Private Higher Education and Development in the 21st Century*. — Westport, Conn.: Greenwood Press.
- Bils M., Klenow P. (2000). Does Schooling Cause Growth? // *The American Economic Review*. Vol. 90. No. 5. Pp. 1160-1183.
- Björklund A., Fredriksson P., Gustaffson J, Öckert B. (2010). Den svenska utbildningspolitikens arbetsmarknadseffekter vad säger forskningen Rapport 2010:13 (Шведский язык) <https://www.ifau.se/globalassets/pdf/se/2010/r10-13-Den-svenska-utbildningspolitikens-arbetsmarknadseffekter-vad-sager-forskningen.pdf>.²⁵ (дата обращения: 28.07.2022).
- Caningham V. (2002). *Justice Achieved. The Political Struggle of Independent Schools in British Columbia*. — Vancouver, BC, Canada: FISA.
- Coase R. (1974). The Market for Goods and the Market for Ideas. // *The American Economic Review*. Vol. 64. No. 2. Papers and Proceedings of the Eighty-sixth Annual Meeting of the American Economic Association. Pp. 384-391.
- Contreras D. (2002). Vouchers, School Choice and the Access to higher Education Center // Discussion Paper No. 845 Universidad de Chile <https://ageconsearch.umn.edu/bitstream/28442/1/dp020845.pdf> (дата обращения: 30.07.2022).
- Cook A., Ehrlich I. (2018). Was Higher Education a Major Channel through which the US Became an Economic Superpower in the 20th Century? // IZA Institute of Labor Economics Discussion paper series, IZA DP No. 11648 June, 2018. <http://ftp.iza.org/dp11648.pdf>
- Coulson A. (2013). Public School Spending. «Officials» vs. «Some Critics». Cato Institute. <https://www.cato.org/blog/public-school-spending-officials-vs-some-critics> (дата обращения: 14.08.2022).
- Christakis D., Van Cleve W., Zimmerman F. (2020). Estimation of US Children's Educational Attainment and Years of Life Lost Associated with Primary School Closures During the Coronavirus Disease 2019 Pandemic // *JAMA Network Open*. Vol. 3. No 11: e2028786. doi:10.1001/jamanetworkopen.2020.28786.
- Davis-Kean P., Tighe L., Waters N. (2021). The Role of Parent Educational Attainment in Parenting and Children's Development // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 30. No. 2. Pp. 186-192. doi:10.1177/0963721421993116
- Dexter F. (1916). *Documentary History of Yale University*. — New Haven, Connecticut: Yale University Press.
- Eberstadt M. (2013). *How the West really lost God*. — Conshohocken, PA: Templeton Press.
- Eisenhower D. (1961). Farewell Address. January 17, 1961. *Public Papers of the Presidents, 1960*. Pp. 1035-1040. Accessed at: The U.S. National Archives and Records Administration. National archives. <https://www.archives.gov/milestone-documents/president-dwight-d-eisenhowers-farewell-address> (дата обращения: 11.08.2022).
- Friedman M. (1955). *The Role of Government // Education in Economics and the Public Interest*, edited by Robert A. Solo. — New Brunswick, New Jersey: Trustees of Rutgers College.
- Gould E., Simhon A., Weinberg B. (2020). Does Parental Quality Matter? Evidence on the Transmission of Human Capital Using Variation in Parental Influence from Death, Divorce, and Family Size // *Journal of Labor Economics*. Vol. 38. No. 2. <https://doi.org/10.1086/705904>
- Grawe L. (2020). The Influence of Military Considerations on the 1869 Reichsvolksschulgesetz in Imperial Austria // *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*. Vol. 45. No. 2 (172). Special Issue: Conscription, Military Interests, and Western Welfare States in the Age of Industrialized Mass Warfare. Pp. 143-163.
- Green D. (1993). *Reinventing Civil Society. The Rediscovery of Welfare without Politics*. — London: Civitas.
- Hübner J. (2017). The Ugly Truth about College Accreditation. <https://fee.org/articles/the-ugly-truth-about-college-accreditation/>. (дата обращения: 11.08.2022).
- Iannaccone L., Franck R. (2009). Why did religiosity decrease in the Western World during the twentieth century?: Unpublished paper. <https://www.researchgate.net/publication/228359082> (дата обращения: 30.07.2022).
- Joffney I., Leonard J., Lewis C. (2021). I, Too, Am America! Teaching Mathematics for Empowerment // *Journal of Urban Mathematics Education*, Vol. 14. No. 1 (Special Issue). Pp. 12-23. DOI: <https://doi.org/10.21423/jume-v14i1a426>

²⁵ Обзор доклада на английском в «Economist»: A good Choice? What lessons can America learn from Sweden's experiment with vouchers? Oct 6th 2014 <https://www.economist.com/democracy-in-america/2014/10/06/a-good-choice> (дата обращения: 28.07.2022). — Прим. авт.

- Krueger A., Lindahl M. (2001). Education for Growth: Why and For Whom? // *Journal of Economic Literature*, Vol. 39. No. 4. Pp. 1101-1136.
- Kuznets S. (1966). *Modern Economic Growth*. — New Haven, CT: Yale University Press.
- Nock A. (1932). *The Theory of Education in the United States*. — NY: Harcourt, Brace and Co. Accessed at: <https://mises.org/library/theory-education-united-states-0> (дата обращения: 27.07. 2022)
- Mallory C. (2019). The 2020 LGBT Vote. Preferences and Characteristics of LGBT Voters. Williams Institute, University of California Los Angeles School of Law. <https://williamsinstitute.law.ucla.edu/publications/the-2020-lgbt-vote/> (дата обращения: 30.07.2022).
- Mitchell B. (2007). *International Historical Statistics: Europe 1750-2005*. — London: Palgrave Macmillan.
- Pierce B. (1833). *A History of Harvard University, from its Foundation in the Year 1636, to the Period of the American Revolution* — Cambridge, Massachusetts.: Brown, Shattuck.
- Pipes R.. (2003). *Vixi: Memoirs of a Non-Belonger*. — New Haven, CT: Yale University Press²⁶.
- Rubin P. (1994). The Assault on the First Amendment: Public Choice and Political Correctness // *The Cato Journal*. 1994. Vol. 14. No. 1. Pp. 23–36.
- Sutin A., Luchetti M., Stephan Y., Robins R., Terracciano A. (2017). Parental educational attainment and adult offspring personality: An intergenerational life span approach to the origin of adult personality traits. // *Journal of Personal Social Psychology*. Vol. 113. No 1. Pp. 144-166. doi: 10.1037/pspp0000137.
- Woods C., Park T., Hu S., Jones T. (2019). Reading, Writing, and English Course Pathways when Developmental Education is Optional: Course Enrollment and Success for Underprepared First-time-in-College Students // *Community College Journal of Research and Practice*. Vol. 43. No. 1. Pp. 5–25. DOI: 10.1080/10668926.2017.1391144.
- Yanovskiy K. (2018). The Sage's Rule (Plato's Dream Realized). Supplemental Materials. (update October, 22, 2021) <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3271274> (access date: 30.07.2022).
- Yanovskiy M., Ginker T. (2017). A Proposal for a More Objective Measure of De Facto Constitutional Constraints // *Journal of Constitutional Political Economy*. Vol. 28. Issue 4. Pp. 311-320. DOI: 10.1007/s10602-017-9242-1, 2017.
- Yanovskiy M., Ginker T. (2017a). A Proposal for a More Objective Measure of De Facto Constitutional Constraints. Supplemental Materials. <https://ssrn.com/abstract=2993465> (access date: 30.07.2022).
- Yanovskiy M., Zatskovetsky I. (2017). How Butter beats the Guns // *Defence & Strategy*. Vol. 17. No. 1. Pp.141-154 <https://doi.org/10.3849/1802-7199.17.2017.01.143-156>.

Яновский Константин Эдуардович

mocheyan@instecotransit.org

Konstantin Yanovskiy

PhD, head of Shomron Center for Economic Policy Research (Israel)

mocheyan@instecotransit.org

Жаворонков Сергей Владимирович

javoronkov@iep.ru

Sergei Zhavoronkov

senior research fellow, Gaidar Institute (Moscow)

javoronkov@iep.ru

UNIVERSAL AND COMPULSORY: WHAT HAS HAPPENED TO EDUCATION AND IS IT POSSIBLE TO RESTART THE MOTOR OF ECONOMIC GROWTH?

Abstract. Over a historically long period, since the industrial revolution, the success of public education, the expansion of coverage, and the increase in the duration of learning have been markedly correlated with progress in the economy. However, in recent decades, the relationship between educational achievements and economic growth has been more and more difficult to detect. Public education was the dominant form of education in the majority of developed countries during the last hundred years. Therefore, we will try to find explanations for why nationalization did not damage success in education for a long time. What factors are behind the trend change? Finally, what can be done to ensure that education will again provide knowledge, and not just diplomas, will contribute significantly not only to personal careers but also to economic growth rates?

Keywords: *education and economic growth, demand for education, interests of officials, incentives of the parents, vouchers, the return of responsibility.*

JEL: I21, I25, I28, D72, D78.

²⁶ Перевод на русском яз.: Пайпс Р. (2005). Я жил. Мемуары непримкнувшего. М.: Московская школа политических исследований. — Прим. авт.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Яновский К.Э., Жаворонков С.В. Всеобщее принудительное: что случилось с образованием и можно ли перезапустить мотор экономического роста? // Вопросы теоретической экономики. 2022. №4. С. 57–76. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_57_76.

FOR CITATION: Yanovskiy K., Zhavoronkov S. Universal and Compulsory: What Has Happened to Education and Is It Possible to Restart the Motor of Economic Growth? // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2022. No. 4. Pp. 57–76. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_57_76.

REFERENCES

- Acemoglu D., Angrist J. (1999). How Large are the Social Returns to Education? Evidence from Compulsory Schooling Laws // *NBER Macroeconomics Annual*. Vol. 15. Pp. 9-59. <http://www.nber.org/papers/w7444> (access date: 28.07.2022).
- Albacht P. G. (1999). *Private Prometheus: Private Higher Education and Development in the 21st Century*. — Westport, Conn.: Greenwood Press.
- Alexeeva L. (2012). *Istoria inakomyshia v Rossii v SSSR: noveishy period* [Soviet Dissent]. — Moscow: Moscow Helsinki Group (In Russ.).
- Bastiat F. (2011). *Protectionism i kommunizm. Vyshee obrazovanie i socialism* [Protectionism and Communism. Higher Education and Socialism]. — Chelyabinsk, Socium (In Russ.).
- Bils M., Klenow P. (2000) Does Schooling Cause Growth? // *The American Economic Review*. Vol. 90. No. 5. Pp. 1160-1183.
- Björklund A., Fredriksson P., Gustafsson J., Öckert B. (2010). *Den svenska utbildningspolitikens arbetsmarknadseffekter vad säger forskningen*. Rapport 2010:13 (Sweden) <https://www.ifau.se/globalassets/pdf/se/2010/r10-13-Den-svenska-utbildningspolitikens-arbetsmarknadseffekter-vad-sager-forskningen.pdf>. (access date: 28.07.2022).
- Canningham V. (2002). *Justice Achieved. The Political Struggle of Independent Schools in British Columbia*. — Vancouver, BC, Canada: FISA.
- Coase R. (1974). The Market for Goods and the Market for Ideas. // *The American Economic Review*. Vol. 64. No. 2. Papers and Proceedings of the Eighty-sixth Annual Meeting of the American Economic Association. Pp. 384–391.
- Contreras D. (2002). Vouchers, School Choice and the Access to higher Education Center // *Discussion Paper No. 845 Universidad de Chile* <https://ageconsearch.umn.edu/bitstream/28442/1/dp020845.pdf> (access date: 30.07.2022).
- Cook A., Ehrlich I. (2018). Was Higher Education a Major Channel through which the US Became an Economic Superpower in the 20th Century? // *IZA Institute of Labor Economics*. Discussion paper series, IZA DP No. 11648 June, 2018. <http://ftp.iza.org/dp11648.pdf> (access date: 14.08.2022).
- Coulson A. (2013). *Public School Spending. «Officials» vs. «Some Critics»*. Cato Institute. <https://www.cato.org/blog/public-school-spending-officials-vs-some-critics> (access date: 14.08.2022).
- Christakis D., Van Cleve W., Zimmerman F. (2020). Estimation of US Children's Educational Attainment and Years of Life Lost Associated with Primary School Closures During the Coronavirus Disease 2019 Pandemic // *JAMA Network Open*. Vol. 3. No 11: e2028786. doi:10.1001/jamanetworkopen.2020.28786.
- Davis-Kean P., Tighe L., Waters N. (2021). The Role of Parent Educational Attainment in Parenting and Children's Development // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 30. No. 2. Pp. 186-192. doi:10.1177/09637214211993116
- Dexter F. (1916). *Documentary History of Yale University*. — New Haven, Connecticut: Yale University Press.
- Eberstadt M. (2013). *How the West really lost God*. — Conshohocken, PA: Templeton Press.
- Eisenhower D. (1961). *Farewell Address. January 17, 1961. Public Papers of the Presidents, 1960*. Pp. 1035-1040. Accessed at: The U.S. National Archives and Records Administration. National archives. <https://www.archives.gov/milestone-documents/president-dwight-d-eisenhowers-farewell-address> (access date: 11.08.2022).
- Friedman M. (1955). The Role of Government in Education // *Economics and the Public Interest*, edited by Robert A. Solo. — New Brunswick, New Jersey: Trustees of Rutgers College.
- Friedman M., Friedman R. (2007). *Svoboda vybirat* [Free to chose]. — M: Liberalnaya missia, Novoe Izdatelstvo. (In Russ.).
- Glazkov K., Reinuk A. (2020). *Uchitelya obyknovennykh shkol – ob opyte distancionnogo obychenia vo vremya pandemii*. [The teachers of regular schools on their experience of distant teaching during pandemia] / Proekt Corona-FOM. (Fond «Obschestvennoe mnenie»). <https://media.fom.ru/crowdSPACE/tmp/1eqofjuj9p4E13dcoVBFOLcbXD.pdf>. (access date: 30.07.2022). (In Russ.).
- Glebova I., Krushelnitsky A., Stepansky A. (2004). *...Nachinanie na blago I vrozozhdenie Rossii. Sozdanie universiteta A.L.Shanyavskogo*: Sb. dok. N.Basovskaya, A. Stepansky (eds). [... Undertaking for the benefit and for Rebirth of Russia. Foundation of A.Shanyavsky's University: documents collection]. — M: RSUH. (In Russ.).
- Gould E.D., Simhon A., Weinberg B. (2020). Does Parental Quality Matter? Evidence on the Transmission of Human Capital Using Variation in Parental Influence from Death, Divorce, and Family Size // *Journal of Labor Economics*. Vol. 38. No. 2. <https://doi.org/10.1086/705904>
- Grawe L. (2020). The Influence of Military Considerations on the 1869 Reichsvolksschulgesetz in Imperial Austria // *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*, Vol. 45, No. 2 (172), Special Issue: Conscription, Military Interests, and Western Welfare States in the Age of Industrialized Mass Warfare. Pp. 143-163.

- Green D. (1993). *Reinventing Civil Society. The Rediscovery of Welfare without Politics*. — London: Civitas.
- Hübner J. (2017). *The Ugly Truth about College Accreditation*. <https://fee.org/articles/the-ugly-truth-about-college-accreditation/>. (access date: 11.08.2022).
- Iannaccone L. R., Franck R. (2009). *Why did religiosity decrease in the Western World during the twentieth century?*: Unpublished paper. <https://www.researchgate.net/publication/228359082> (access date: 30.07.2022).
- Joffney I., Leonard J., Lewis C. (2021). I, Too, Am America! Teaching Mathematics for Empowerment // *Journal of Urban Mathematics Education*, Vol. 14. No. 1 (Special Issue). Pp. 12–23. DOI: <https://doi.org/10.21423/jume-v14i1a426>
- Krueger A., Lindahl M. (2001). Education for Growth: Why and For Whom? // *Journal of Economic Literature*. Vol. 39. No. 4. Pp. 1101-1136.
- Istoria drevnego vostoka (2002): *Teksty I dokument / Kuzishin V.* (ed.) [History of Ancient East. Texts and Documents]. — Moscow: Vyshaya Shkola. (In Russ.)
- Kushnir M. (2016). *Tupiki pedagogiki sotrudnichestva*. [Dead-ends of Cooperative Learning]. November, 30. <https://newtonew.com/school/partnership-pedagogics-fail> (access date: 27.07.2022). (In Russ.).
- Kuznets S. (1966). *Modern Economic Growth*. — New Haven, CT: Yale University Press.
- Lisin V., Yanovskiy K., Zhavoronkov S., et al. (2011). *Institucionalnye ogranichenia sovremenogo ekonomicheskogo rosta* [Institutional Constraints on Modern Economic Growth]. — Moscow: Delo. (In Russ.).
- Mallory C. (2019). *The 2020 LGBT Vote. Preferences and Characteristics of LGBT Voters*. *Williams Institute, University of California Los Angeles School of Law*. <https://williamsinstitute.law.ucla.edu/publications/the-2020-lgbt-vote/> (access date: 30.07.2022).
- Mitchell B. (2007). *International Historical Statistics: Europe 1750-2005*. — London: Palgrave Macmillan.
- Nock A. (1932). *The Theory of Education in the United States*. — NY: Harcourt, Brace and Co.
- Peirce B. (1833). *A History of Harvard University, from its Foundation, in the Year 1636, to the Period of the American Revolution*. — Cambridge, Massachusetts: Brown, Shattuck.
- Pipes R. (2003). *Vixi: Memoirs of a Non-Belonger*. — New Haven, CT: Yale University Press.
- Pliskevich N. (2012). *Chelovechesky kapital v transformiruyusheysya Rossii* [Human Capital in transforming Russia]. — M.: Institut Ekonomiki RAN. (In Russ.).
- Rubin P. (1994). The Assault on the First Amendment: Public Choice and Political Correctness // *The Cato Journal*. 1994. Vol. 14. No. 1. Pp. 23–36.
- Smith A. (2007). *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov*. [Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. — M.: Eksmo. (In Russ.).
- Stigler G. (2017). *Grahdanin i gosudarstvo. Esse o regulirovani* [The Citizen and the State: Essays on Regulation]. — Moscow: Izdatelstvo instituta E.T.Gaidara. (In Russ.).
- Sutin A., Luchetti M., Stephan Y, Robins R., Terracciano A. (2017). Parental educational attainment and adult offspring personality: An intergenerational life span approach to the origin of adult personality traits // *Journal of Personal Social Psychology*. Vol. 113. No 1. Pp. 144-166. doi: 10.1037/pspp0000137.
- Woods C., Park T., Hu S., Jones T. (2019). Reading, Writing, and English Course Pathways when Developmental Education is Optional: Course Enrollment and Success for Underprepared First-time-in-College Students // *Community College Journal of Research and Practice*. Vol. 43. No. 1. Pp. 5–25. DOI: 10.1080/10668926.2017.1391144.
- Yanovskiy K. (2018). *The Sage's Rule (Plato's Dream Realized)*. Supplemental Materials. (update October, 22, 2021) <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3271274>.
- Yanovskiy K., Cherny D., Zatskovetsky I., Zhavoronkov S. (2014). *Iz noveyshey istorii universitetov. Kak konservativnye centry nakopleniya chelovecheskogo kapitala prevratilis' v gnezda levogo radikalizma*. [Universities' Switch from Conservative Human Capital Establishment Centers to Anti-Capitalist Ideology Strongholds]. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2536629>. (access date: 30.07.2022). (In Russ.).
- Yanovskiy K., Cherny D., Zatskovetsky I., (2017). *Gosudarstvennoe obrazovanie: motor ili ballast? Obzor literatury*. (Public Education and Economic Growth: The Engine or the Burden? Literature Review) <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2952385> . (access date: 30.07.2022). (In Russ.).
- Yanovskiy M., Ginker T. (2017). A Proposal for a More Objective Measure of De Facto Constitutional Constraints // *Journal of Constitutional Political Economy*, Vol. 28. Issue 4. Pp. 311-320. DOI: 10.1007/s10602-017-9242-1.
- Yanovskiy M., Ginker T. (2017a). *A Proposal for a More Objective Measure of De Facto Constitutional Constraints*. Supplemental Materials. <https://ssrn.com/abstract=2993465> (access date: 30.07.2022).
- Yanovskiy M., Zatskovetsky I. (2017). How Butter beats the Guns // *Defence & Strategy*. Vol. 17. No. 1. Pp.141-154 <https://doi.org/10.3849/1802-7199.17.2017.01.143-156>.
- Yanovskiy K., Zhavoronkov S. (2019). *Perspektivy vytesneniya monoteizma, sem'i, grazhdanskogo obshchestva I chastnoy sobstvennosti: obzor literatury*. [The Prospects of Ousting of Monotheism, Family, Civil Society and Private Property: Literature Review] <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3391548>. (access date: 30.07.2022). (In Russ.).
- Yanovskiy K., Zhavoronkov S., Kokurina A. (2021). Gosudarstvo pobedivshego masla, ili oborona s ogranichennoy otvetstvennost'u [The State of victorious “butter” or the Defence with limited liability] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No.3. Pp. 7-21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_3_7_21 (In Russ.).
- Yanovskiy K., Zhavoronkov S., Cherny D., Zatskovetsky I. (2018). *Strategia dolgosrochnogo procvetaniya: v poiskah rastayavshego orientira* [The Strategy of Lasting Prosperity: In Search for the Lost Constellation]. — M.: Delo. (In Russ.).

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Т.В. Чубарова

д.э.н., главный научный сотрудник, заведующая Центром экономической теории социального сектора, Институт экономики РАН (Москва)

УНИВЕРСАЛИЗМ И/ИЛИ АДРЕСНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ (на примере здравоохранения)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с трактовкой и использованием таких базовых принципов организации социальной политики, как универсальность и адресность. На основе анализа как преимуществ, так и проблем, возникающих в ходе их практического применения показано, что выбор между ними может меняться в зависимости от поставленных задач, а также ресурсов, выделяемых обществом на социальные цели. Более того, современные исследователи ставят вопрос о возможности комбинирования адресности и универсализма на основе более углублённого понимания сущности и задач обеспечения благосостояния граждан. Поскольку традиционно данные проблемы рассматриваются на примере денежных выплат, особое внимание уделено здравоохранению как отрасли социальной сферы, для которой данные принципы также актуальны, но имеют свою специфику. В здравоохранении универсализм провозглашается как важнейший принцип, однако здесь отчётливо проявляется противоречие между ценностным (непререкаемая ценность здоровья) и финансовым (рост расходов) аспектами. В условиях ограничений объединения общественных ресурсов возможно сокращение предоставляемого пакета услуг и увеличение личных платежей. В перспективе это может привести к расширению финансовых барьеров для универсального доступа к здравоохранению и, соответственно, повышению роли адресных механизмов распределения общественных средств с учётом фактора дохода отдельных групп населения.

Ключевые слова: универсализм, адресность, социальная политика, социальная сфера, человеческий потенциал, здравоохранение, личные платежи.

JEL: H51, I13, I18, J18, O15.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_77_92.

Вопросы социальной защиты традиционно находятся в центре политической повестки социального государства. В период пандемии они особенно обострились, прежде всего потому, что расширился контингент граждан, нуждающихся в социальной поддержке [Weisstanne, 2022]. Это объективно требует от государства как увеличения организационных и финансовых ресурсов, выделяемых на социальные цели, так и поиска механизмов повышения эффективности их использования. При этом речь идёт не просто об управлении социальными рисками, а скорее, о возможности социальной политики адаптироваться к системным шокам.

Социальная защита населения в широком смысле этого слова может быть построена на различных принципах. Среди наиболее важных с точки зрения влияния на разработку и реализацию социальной политики следует выделить универсализм и адресность. Они прежде всего используются для определения круга лиц, которые попадают в сферу

внимания той или иной социальной программы, а также объёма и форм оказываемой им помощи. В самом общем понимании универсализм исходит из необходимости воздействовать на каждого человека в стране, в то время как адресность подразумевает отбор претендентов на социальную поддержку на основе учёта прежде всего их материального статуса. Хотелось бы отметить, что при переводе на русский язык слово «универсальный» можно заменить на «всеобщий», а вместо «адресного» часто используются такие его коннотации, как «целевой», «селективный» или «таргетированный».

В последнее время в мире на фоне доминирования в экономическом дискурсе идеи эффективности в социальной политике превалировали адресные программы. Вместе с тем современная Россия получила в наследие от советских времён довольно развитую социальную инфраструктуру, включающую систему как социальных выплат, так и отраслей социальной сферы, которая развивалась в направлении универсальности. В настоящей статье на основании анализа литературы и эмпирических данных проанализированы преимущества и недостатки вышеупомянутых подходов с тем, чтобы определить возможности их использования для решения той или иной социальной проблемы. В качестве конкретного примера рассмотрено здравоохранение — отрасль социальной сферы, где принципы универсальности и адресности имеют свою специфику, что ясно прослеживается в экономическом дискурсе и социальной практике¹.

Универсализм или адресность: основные дискуссионные вопросы

Универсальность и адресность являются базовыми принципами, которые определяют формы организации и уровень финансирования социальной политики. Поэтому представляется важным понять преимущества и недостатки, возникающие при их применении, и, соответственно, возможности их использования для решения тех задач, которые в настоящее время стоят перед социальной сферой. Анализ литературы показывает, что эти принципы в основном используются применительно к денежным пособиям (трансферам), например, для снижения бедности, особенно детской, так как даже в развитых странах доля детей, проживающих в бедности, значительно выше, чем среди других категорий граждан, в том числе пенсионеров [Van Lancker, Van Mechelen, 2015; Morissens, 2018]. Активно обсуждаемый практический пример в этом контексте — организация питания в школах. Ставится вопрос о том, должно ли оно предоставляться бесплатно, и если да — то всем ученикам или только детям из малоимущих семей, ресурсы которых ограничены [Morelli, Seaman, 2005]. Однако следует помнить, что, помимо денежных пособий, принципы адресности и универсализма применяются в таких базовых отраслях социальной сферы, как образование и здравоохранение, где универсальность связывается с всеобщим доступом граждан к их услугам.

В дискуссиях эксплицитно фигурирует вопрос о доходе как критерии адресности. Фактор дохода можно рассматривать как главный критерий адресности, так как универсальные пособия тоже могут иметь «ограничители», но это обычно такие категориальные аспекты, как возраст или место проживания, которые не связаны напрямую с уровнем материального положения граждан. Поэтому среди преимуществ адресности отмечается, что основанные на этом подходе социальные программы направлены на тех, кто реально нуждается в поддержке [Coady, Grosh, Hoddinott, 2004].

¹ В данной статье я рассматриваю общетеоретические подходы к проблемам универсальности и адресности в мировой научной литературе и практике. В России на эти общие проблемы наложился целый комплекс своих проблем, а потому анализ темы применительно к российским условиям требует дополнительного специального исследования.

Адресность неразрывно связана с такими понятиями, как эффективность и рационализация ресурсов. Безусловно, её следует рассматривать как механизм установления приоритетов, т.е. критериев распределения ограниченных средств, которые общество готово выделить на решение социальных вопросов. Поэтому периоды усиления внимания к адресности обычно связаны с активизацией дискуссии об эффективности социальной политики — адресные программы в таком контексте рассматриваются как более эффективные, так как ограниченные общественные ресурсы достаются именно тем гражданам, которым необходима помощь.

Возникающие при использовании адресности проблемы исследователи подразделяют на проблемы предложения и проблемы спроса [Vadapalli, 2009]. На стороне спроса обычно рассматривают вопросы, связанные с определением оснований и круга лиц, которые должны получать помощь, а со стороны предложения — финансовые, административные и институциональные возможности государства в социальной сфере.

На первый взгляд адресность представляется довольно привлекательной — перераспределение общественного богатства в интересах нуждающихся. Однако возникает вопрос о том, кто эти нуждающиеся, как их определить, каким критериям они должны соответствовать. Необходимо понять, кто является потенциальным бенефициаром программы, выбрать соответствующий метод определения тех, кто входит в выбранную группу. В связи с этим исследователи отмечают так называемое «несовершенное таргетирование» (*imperfect targeting*), которое приводит к ошибкам двоякого рода. Это, во-первых, ошибки включения (*inclusion errors*), когда пособия получают те, кто не являются бедными, и, во-вторых, ошибки исключения (*exclusion errors*), когда, наоборот, административные системы отсекают реально нуждающихся, которые по тем или иным причинам не удовлетворяют формальным критериям отбора [Rema, Olken, 2018].

Важная проблема для реализации адресного подхода — критерий (уровень, порог) «отсечения», т.е. какой именно уровень материального благосостояния является «необходимым и достаточным» для назначения помощи. Обычно в качестве порога принимают размер прожиточного минимума или медианного дохода в стране. Но если доход гражданина даже на одну денежную единицу выше, то он уже не имеет право на пособие. При этом очевидно, что нельзя говорить о существенном улучшении его материального благосостояния. Особенно остро проблема определения уровня материального благополучия стоит в странах, где высока доля неформального сектора, что вызывает объективные сложности при учёте доходов населения. Более того, нужно иметь в виду, что при оценке нуждаемости можно учитывать только доходы (*income tested*) или общий экономический статус претендента, включая наличие собственности и другого ценного имущества (*means tested*).

В этом контексте уместно рассмотреть такой хорошо описанный в литературе и связанный с влиянием адресных пособий феномен, как ловушка бедности — это ситуация, когда гражданин, получая поддержку от государства, оказывается не заинтересован в изменении своего положения. Ему это просто невыгодно. Например, если при отказе от пособия он будет получать примерно такую же заработную плату, а возможно и меньшую, то стимула выходить на работу нет [Barrett, Garg, McBride, 2016]. В итоге это приводит к воспроизведению бедности, а не к её преодолению — и отсюда разговоры об иждивенчестве, о необходимости встраивать в адресные программы какие-то механизмы с тем, чтобы граждане стремились изменить свой статус, а не «сидели на шее» общества. Таким образом, обсуждается важность создания для получателей пособий стимулов к большей активности на рынке труда, что связывается с более строгими критериями предоставления пособий и сдерживанием операционных расходов [de Neubourg, Castonguay, Roelen, 2007].

При финансировании адресных программ возникает перекрёстное субсидирование, когда пополняют бюджет одни граждане, а пособия получают другие, которые либо не платят налоги вовсе, либо их вклад минимален. В этой связи возникает политический

аргумент для одобрения или наоборот противостояния адресным программам, так как состоятельные граждане, которые платят высокие налоги, могут не поддержать адресные программы поддержки малоимущих. Согласно знаменитому высказыванию А. Сена, «пособия, предназначенные исключительно для бедных, часто становятся бедными пособиями»² [Sen, 1995. P 14]. Поэтому формирование сильных гражданских движений, поддерживающих адресные программы, облегчает их реализацию.

В связи с адресностью возникает имеющий глубокие исторические корни вопрос о том, заслуживают ли получатели предоставляемую им помощь или нет. Возникает деление на «заслуживающих» и «незаслуживающих» бедных, которое связано с пониманием причин, по которым граждане оказались в сложной жизненной ситуации, насколько они сами в этом виноваты или всё же решающую роль играют системные социально-экономические факторы [Zatz, 2012]. В этих условиях граждане, получающие помощь, могут столкнуться со стигматизацией не только реальной, но и связанной с их собственным восприятием ситуации [Тихонова, 2014].

Оценивая эффективность адресности в преодолении бедности, исследователи отмечают, что отдача от социальной программы тем выше, чем меньше целевая группа, на которую она направлена, но тогда меньше её общее влияние в масштабе всего общества [Гришина, Цацура, 2019]. Поэтому простое использование критерия «отдачи от инвестиций» при формировании той или иной социальной программы может оказаться обманчивым с точки зрения её реального вклада в решение более значимых общественных проблем. Поскольку программы социальной защиты обычно разрабатываются на краткосрочную перспективу для сокращения текущей бедности, последующим усилиям по обеспечению долгосрочного сокращения бедности уделяется недостаточно внимания.

Среди недостатков адресности отмечаются административные издержки, так как нужно создавать систему отбора получателей, что требует более сложных административных процедур. Кроме того, необходима система контроля за выполнением соответствующих критериев, чтобы предотвратить злоупотребления в системе. Возможна ситуация, когда пособие назначается «по требованию», т.е. нуждающийся должен сам подать заявление и доказать, что оно ему положено. Проблемой является плохое информирование, когда потенциальные бенефициары плохо осведомлены о наличии самой возможности получить поддержку, что может привести к ошибке исключения [Александрова, Ярашева, 2018]. Следует отметить, что в настоящее время преодоление этой проблемы связывается с активным внедрением цифровых технологий и искусственного интеллекта, однако их использование, в свою очередь, требует существенных вложений [Формирование цифровой..., 2020].

Эффективность адресных программ зависит от того, насколько они правильно разработаны и реализованы [Devereux, Masse, Sabates-Wheeler, Samson, Rivas, te Lintelo, 2017]. Для определения этого Р. Слейтер и Д. Фаррингтон предложили использовать два показателя: результативность как меру того, насколько успешно адресные трансферты достигают предполагаемых бенефициаров, и эффективность, которая сочетает результативность с оценкой затрат на реализацию программы [Slater, Farrington, 2009].

В случае применения универсального подхода социальная поддержка предоставляется всем, хотя и в этом случае возможно выделение крупных категорий граждан, например по возрасту или степени инвалидности. Но в этом случае фактор дохода не применяется,

² Отмечу, что А. Сен, признавая как «вполне здравую» точку зрения, «согласно которой низкий доход — основная причина бедности», всё же в своих исследованиях акцентировал внимание на важности в искоренении состояния бедности «исходить из потенциальных возможностей, т.е. тех фундаментальных свобод, которыми человек может пользоваться, чтобы вести такую жизнь, какую он небезосновательно ценит». В то же время при анализе сложного комплекса компонентов, формирующих состояние бедности, Сен признавал фактор низкого дохода важнейшим, «поскольку недостаточный доход зачастую становится причиной недостатка возможностей» [Сен, 2004. С.107]. Но рассмотрение этого комплекса возможностей выходит за рамки статьи.

отсутствует проверка нуждаемости, и на первый план выходят соображения гражданства. Универсализм можно рассматривать как реализацию справедливости и равенства — все граждане являются налогоплательщиками и имеют право на поддержку со стороны общества. В этом смысле показателен пример пособия по материнству — универсальное пособие выплачивается всем женщинам потому, что они стали матерями, внесли свой вклад в решение демографической проблемы независимо от их дохода и социального статуса. Адресное же пособие связывается с уровнем благосостояния женщины и её семьи [Brady, Burroway, 2012; Bishnoi, Bishnoi, 2022].

При универсальности снимается или упрощается ряд административных вопросов, таких как отбор претендентов, необходимость жёсткого контроля за работой системы. В пользу универсального подхода выдвигается также аргумент, основанный на политической целесообразности: универсальные трансферты будут более популярны потому, что они воспринимаются как более справедливые, прозрачные в управлении, а выгоду от них получают все граждане. Такие пособия исключают кросс-субсидирование и скорее всего получат более широкую политическую поддержку в обществе [Jacques, Noël, 2018].

Вместе с тем актуален вопрос об уровне финансирования социальной политики — универсальные пособия требуют больше средств, так как основаны на более широком охвате населения. Обсуждается и проблема распыления средств, причём отмечается, что часто в универсальных системах реальную помощь получает прежде всего средний класс, как более образованный и осведомлённый о своих правах [Bergh, 2007].

Таким образом, применение принципов универсальности и адресности при разработке социальной политики имеет как преимущества, так и недостатки. И часто возникает вопрос однозначного выбора между ними. Однако голландские исследователи на примере анализа социальных программ пришли к выводу, что нужно изменить подход — возможно использование универсальности в рамках адресности и, наоборот, адресности в рамках универсальности [Leseman, Slot, 2020]. По существу, это предполагает применение ситуационного подхода к формированию социальной политики.

Дискуссии об универсализме и адресности ведутся давно и они, безусловно, трансформируются в зависимости от ситуации. Новый всплеск обсуждений произошёл в 2021 г. после выхода доклада Мирового банка под названием «Revisiting Targeting in Social Assistance: A New Look at Old Dilemmas» [Revisiting Targeting..., 2022]. Очевидно, что выбор зависит от конкретных задач социальной политики в той или иной стране, а они могут существенно различаться. Причём и для достижения традиционных целей — поддержания доходов или преодоления бедности и неравенства — также возможно использование разных мер. Следует отметить, что целью социального государства может стать поддержка не только бедных, но и других групп общества, например, того же среднего класса.

При анализе социальной политики довольно часто рассматриваемые принципы привязываются к типологиям государства благосостояния. Универсальность чаще связывается с социал-демократическими моделями, основанными на социальных правах граждан, тогда как адресность — скорее с либеральными, когда речь идет о так называемой «сетке безопасности». Однако социальная практика показывает, что жизнь гораздо богаче теоретических схем, и в рамках любых моделей социального государства можно использовать и адресность, и универсализм в различных комбинациях в зависимости от возможностей и ограничений [Чубарова, 2015].

Следует отметить, что до недавнего времени адресные подходы получали широкую поддержку и исследователей, и практиков [Карпенко, Павловская, 2018]. Выбор между адресностью и универсализмом как способами социального распределения обсуждался в терминах эффективности, подразумевая, что социальная отдача того или иного трансферта выше для тех граждан или домохозяйств, которые находятся на более низком уровне распределения дохода. На этом фоне речь шла об индивидуальной ответственности граждан за свое

благополучие и снижению роли государства в социальной сфере, когда социальной политике отводилась второстепенная роль по отношению к экономике. Однако в последнее время наметился разворот в сторону универсализма, хотя и в новых формах [World Social..., 2021].

Необходимо отметить такую идею, как безусловный базовый доход (БД), который можно рассматривать в качестве проявления нового универсализма [Чубарова, 2017; Чубарова, Шестакова, 2018]. Одна из тем для дискуссии — как изменится в случае его введения не просто система социальной защиты, но и рынок труда. Следует отметить, что практические эксперименты по его локальному внедрению в отдельных странах не были успешными, но это не ослабило теоретические изыскания в пользу его введения. Возможно потому, что в последнее время именно базовый доход стал практически единственной принципиально новой инициативой в социальной политике [Experimenting with Unconditional Basic Income..., 2021].

Более того, под прикрытием базового дохода в настоящее время просматривается и другой разворот — адресность рассматривается как механизм, который позволяет достигать универсальных целей. Именно об этом говорится в недавнем докладе Мирового банка применительно к системе социальной защиты. В этом контексте с БД происходит довольно интересная метаморфоза. Если изначально БД подразумевает, что все граждане получают одну и ту же сумму, то в интерпретации Мирового банка речь идёт уже о другом — всем гражданам должен быть обеспечен необходимый доход, и поэтому только тем, кто до этого размера не дотягивает, нужно доплачивать, соответственно, разные суммы [Бобков, 2019, Raitano, Jessoula, Gallo, Pagnini, 2021]

Некоторые исследователи приходят к парадоксальному выводу, что адресность может быть атрибутом благополучного общества. Такая постановка проблемы обращает внимание на различия в социальной политике, которые существуют между странами, особенно развитыми и развивающимися, и, соответственно, различных целях и результатах применения адресности или универсализма. В развитых странах — в отличие от развивающихся — сложились развитые отрасли социальной сферы. В значительной мере они построены на принципе универсальности или декларируют стремление к его реализации, а потому не привязаны к критерию дохода, тем самым способствуя сглаживанию неравенства в обществе.

Страны с лучшими возможностями для реализации программ, измеряемыми ВВП на душу населения, могут добиться большего успеха в таргетировании выгод для малоимущих слоёв населения. Поэтому борьба с бедностью будет более эффективной в условиях сильного правительства с высоким административным потенциалом, низким уровнем бедности, сильной социальной солидарностью и формальной экономикой. Эти условия неприменимы в ряде развивающихся стран, например в странах Африки к югу от Сахары, где более эффективными и результативными будут программы, основанные если не на универсальности, то на категориальном выделении получателей. При этом отмечается, что экспериментальные адресные программы, особенно на региональном уровне, не обязательно пригодны для масштабирования, особенно на регулярной основе.

Некоторые эксперты утверждают, что адресность, как правило, обеспечивает лучшие результаты в странах, где неравенство более очевидно и поэтому легче выявить различия в экономическом благополучии граждан. Исследователи пришли к выводу, что наиболее эффективные программы перераспределения доходов осуществляются в странах с высоким уровнем неравенства доходов, таких как Бразилия и Южная Африка [Samson, MacQuene, van Niekerk, 2006], в то время как, например, в Индонезии оказалось трудно ориентироваться на бедных, поскольку неравенство в стране было относительно низким [Sumarto, Bazzi, 2011].

Следует отметить довольно много эмпирических исследований по вопросу влияния адресных программ на перераспределение и реальное положение малообеспеченных граждан, причём они приводят к противоречивым результатам. Например, «парадокс перераспределения» В. Корпи и Й. Пальме в самом общем виде говорит о том, что чем больше

пособия нацелены только на бедных, тем меньше вероятность того, что они реально обеспечат перераспределение и сократят бедность и неравенство [Korpi, Palme, 1998]. Они предположили, что хотя в денежном выражении целевые программы действительно могут обеспечивать большее перераспределение, очевидно действие и других факторов, которые усиливают перераспределительный эффект универсальных программ, например формирование политических коалиций, в конечном итоге определяющих масштаб и характер перераспределения национального бюджета. Вместе с тем такие парадоксы, установленные на основе эмпирических данных, по прошествии времени подвергаются критике и пересмотру, связанному, в частности, с проблемой выборки стран и показателей для анализа [Marx, Salanauskaitė, Verbist, 2013].

Наконец, не следует забывать о важной роли в реализации целей социальной политики отраслей социальной сферы. Интересно отметить, что если вопросы адресности активно обсуждаются применительно к денежным выплатам, в области образования и здравоохранения акцент скорее делается на универсализме, обеспечение всеобщего доступа к образованию и здравоохранению ставится как цель.

В конечном счёте, выбор между адресностью и универсализмом зависит от социальной, культурной и политической среды. Цели и механизмы решения социальных задач многовариантны, они погружены в условия и контексты конкретной страны, могут быть и адресными, и универсальными одновременно как в разных областях социальной сферы, так и внутри каждого направления социальной политики. Вместе с тем влияние на принятие решений оказывает общий идеологический фон, доминирующий в обсуждениях, в том числе позиция международных организаций. Так, усиление идей о возможности и необходимости платности в социальной сфере, независимо от выдвигаемых в её защиту аргументов, неизбежно ведёт к введению адресных программ для тех, кто не может заплатить.

Универсализм и/или адресность в здравоохранении: современные тенденции

Проблема соотношения универсализма и адресности хорошо иллюстрируется на примере развития систем здравоохранения. Во многих странах, как развитых, так и развивающихся, идет процесс расширения доступности медицинской помощи для населения [Preker, Cotlear, Kwon, Atun, Avila, 2021]. Высшей точкой можно считать открытую артикуляцию цели Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) как обеспечение универсального (читай — всеобщего) доступа к здравоохранению (*universal access*). Задача была связана в том числе с развитием первичной медицинской помощи как более дешёвой и приближённой к населению. Она открыто прозвучала и была закреплена ВОЗ в 1978 г. в Алма-атинской декларации [Bryant, Richmond, 2008]. Следует отметить, что здравоохранение как отрасль социальной сферы включает предоставление услуг, а не просто финансовые выплаты, что подразумевает наличие соответствующей инфраструктуры.

Среди целей устойчивого развития ООН важное место занимает «обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте» (цель 3). Одна из задач по её реализации (цель 3.8) состоит в том, чтобы обеспечить всеобщий охват услугами здравоохранения, в том числе защиту от финансовых рисков, доступ к качественным основным медико-санитарным услугам и к безопасным, эффективным, качественным и недорогим основным лекарственным средствам и вакцинам для всех³. Размах такого охвата зависит от страны, но обычно включает первичную медицинскую помощь, диагностику и стационарное лечение.

³ <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/health/> (дата обращения 22.09.2022).

Для оценки прогресса в реализации данной цели предложено два основных индикатора. Охват основными медико-санитарными услугами (3.8.1.) включает репродуктивное, материнское здоровье, здоровье новорождённых и детей, инфекционные и неинфекционные заболевания и мощность инфраструктуры в обеспечении доступности для всех граждан, а также наиболее уязвимых групп населения. Финансовое бремя (3.8.2.) определяется как доля населения, проживающего в домохозяйствах, имеющих большие расходы на здравоохранение. Соответствующий показатель рассчитывается как соотношение расходов домохозяйств на здравоохранение и на потребление. В качестве пороговых значений используются два — расходы на здравоохранение превышают 10 и 25%. В России данный показатель рассчитан по итогам Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, охватившего 0,9% домохозяйств в 2020 г.⁴

Страны в зависимости от уровня развития здравоохранения могут корректировать общие показатели. Так, например, в России для цели 3.8.1 предусмотрен такой показатель, как доля населённых пунктов с числом жителей до 2 000 человек, населению которых доступна первичная медико-санитарная помощь по месту их проживания.

Таким образом, обсуждение перспектив развития здравоохранения идёт по линии универсализма, если точнее — обеспечения всеобщего доступа, который подразумевает оказание услуг по всему спектру системы, включая лечение, реабилитацию и профилактику, прежде всего медицинскую, всем гражданам без исключения [Evans, Hsu, Boerma, 2013].

Вместе с тем универсализм в здравоохранении имеет свою специфику. Он не означает предоставление всем медицинской помощи «в равных долях». Речь идёт об оказании помощи тем, кому она нужна, т.е. по потребности. Практически это означает требование равного отношения к равным потребностям. Поэтому на практике кто-то получает больше медицинской помощи, а кто-то — меньше. Главное, чтобы при возникновении потребности гражданам независимо от дохода была оказана своевременная качественная помощь. Остаётся вопрос о том, почему применительно к охране здоровья населения цель ставится именно в терминах всеобщего доступа? С этой точки зрения можно выделить две особенности системы здравоохранения.

Во-первых, это ценностно-этический аспект, так как речь идёт о жизни человека. Поэтому здоровье рассматривается как высшая гуманитарная цель, невозможность (несправедливость) потери жизни, если её можно спасти, из-за наличия любых барьеров, в том числе финансовых, признаётся недопустимой, по крайней мере на уровне общественного сознания и деклараций государства. Во-вторых, это финансовый аспект — счёт здравоохранения растёт, обостряя проблему того, кто будет его оплачивать. Принципиальная задача состоит в том, как сделать так, чтобы людям не было отказано в медицинской помощи только потому, что у них нет средств на её оплату. То есть универсализм в здравоохранении прежде всего подразумевает если не полное устранение, то ослабление влияния фактора дохода на получение медицинской помощи.

В связи с последним обращается внимание на так называемые катастрофические расходы, т.е. одномоментные крупные наличные выплаты граждан на медицинское обслуживание. За период 2000-2015 гг. их распространённость увеличилась. Доля населения, выплачивавшего из своего кармана деньги на здравоохранение, превышающие 10% бюджета их домохозяйств, выросла с 9,4 до 12,7%, а превышающие 25% — с 1,7% до 2,9%. Таким образом, в 2015 г. около 930 млн человек потратили на здравоохранение более 10% дохода своего домохозяйства, а около 210 млн человек — более 25%. Исходя из относительной черты бедности, определяемой как 60% медианного дневного потребления или дохода на душу населения, доля населения, обедневшего в результате личных расходов на здравоохранение, увеличилась с 1,8% в 2000 г. до 2,5% в 2015 г. [WHO, World Bank, 2019].

⁴ <https://fedstat.ru/indicator/62022> (дата обращения 22.09.2022).

Всемирная ассамблея здравоохранения ещё в 2005 г. призвала все системы здравоохранения перейти к всеобщему охвату, определяемому как «доступ к надлежащему медицинскому обслуживанию для всех по доступной цене» [WHO, 2005]. Всеобщий охват услугами здравоохранения достигается, когда люди не только получают необходимые им медицинские услуги по всему спектру системы здравоохранения, как отмечалось выше, но и пользуются защитой от возможных при этом финансовых рисков, чтобы использование этих услуг не создавало для них финансовых трудностей [WHO, 2010]. Таким образом, финансовый аспект в дискуссиях о доступности здравоохранения подразумевает как отсутствие финансовых барьеров для получения, так и предотвращение каких-либо финансовых последствий для граждан, если им приходится оплачивать медицинскую помощь.

Однако возникает проблема того, как обеспечить реализацию такой задачи, и вот в этом вопросе гораздо больше мнений, предлагающих различные механизмы, как универсальные, так и адресные. В целом общий тон дискуссий говорит о необходимости сочетания универсальных и адресных механизмов в обеспечении всеобщего доступа к здравоохранению, который понимается прежде всего в терминах равенства [Fisher, Harris, Freeman, Mackean, George, Baum, 2021]. Интересно отметить, что появились исследования, которые специально изучают влияние адресных и универсальных программ на состояние здоровья, прежде всего через социальные детерминанты здоровья [Green, Buckner, 2017]. Вместе с тем справедливой представляется точка зрения исследователей, которые отмечают, что влияние адресных механизмов во многом будет определяться тем, встроены ли они в системы общественного финансирования или в системы, где развиты рыночные отношения и, соответственно, важную роль играет принцип способности платить [Carey, Crammond, 2017].

В странах существуют различные финансовые механизмы и системы оплаты медицинских услуг, в которых участвуют различные акторы. Источники финансирования подразделяются на общественные (государственный бюджет, счёт общего налогообложения, и социальное (обязательное) медицинское страхование, оплачиваемое за счёт взносов на заработную плату и налогов) и частные (частное медицинское страхование как групповое, так и индивидуальное и личные выплаты в момент получения услуги).

Большинство стран ОЭСР добились практически всеобщего охвата основным набором медицинских услуг на пути расширения общественного финансирования. В 2019 г. он оставался ниже 95% только в семи странах ОЭСР и ниже 90% в двух — Мексике и США. В основном это произошло в рамках общественных программ, однако Нидерланды и Швейцария добились универсальности благодаря обязательному частному медицинскому страхованию, поддерживаемому государственными субсидиями. В Германии граждане с доходами выше определённого порога не подлежат обязательному медицинскому страхованию и используют частные программы.

Основная мера, которая обеспечивает реализацию универсализма в развитых странах, — высокий уровень объединения ресурсов граждан. Это позволяет облегчить финансовое бремя для тех, кто нуждается в медицинской помощи [Mathauer, Vinyals Torres, Kutzin, Jakob, Hanson, 2020]. ВОЗ подчеркивает, что для обеспечения всеобщего охвата необходимо объединение рисков, так как создаётся возможность определения финансовых взносов граждан их платёжеспособностью, а получаемых услуг — потребностью. Таким образом, высокий уровень объединения рисков позволяет разорвать прямую связь между оплатой здравоохранения и потребностью, привязать финансовые затраты граждан к их возможности платить. Этого можно добиться за счёт налогового финансирования и/или введения обязательного (социального) медицинского страхования. Важное условие объединения общественных ресурсов — обязательность, т.е. все граждане платят налоги или выплачивают взносы в систему социального медицинского страхования, что обеспечивает увеличение объёма пула ресурсов.

При этом если граждане пользуются услугами частнопрактикующего врача, оплачиваемого напрямую пациентом, благотворителем или работодателем, такого объединения практически не происходит, а наибольшее объединение достигается в национальной системе здравоохранения, финансируемой из бюджета. Таким образом, личные платежи ассоциируются с адресностью, в то время как общественные системы — с универсальностью. Закономерно возникает вопрос о месте страховых систем. Ответ на него осложняется тем, что в здравоохранении используются две базовые модели страхования — частная и социальная, которые существенно различаются по своим характеристикам. При этом частная, обычно добровольная по своей сути, приближается к личным выплатам, т.е. адресности, а социальное, обязательное, является одним из видов общественного финансирования, т.е. разновидностью универсальности. Поэтому, на мой взгляд, отнесение той или иной страховой системы к адресным или универсальным механизмам определяется её конкретными параметрами, которые могут существенно различаться.

Следует отметить, что обязательное социальное страхование, на первый взгляд, похоже на государственную систему, однако существенная разница состоит в источниках финансирования, так как при страховании появляются специальные взносы работодателей и работников, напрямую связывая их с функционированием рынка труда. Кроме того, объединение ресурсов в страховых системах может происходить на уровне различных социально-экономических групп, которые, соответственно, могут получать различные пакеты услуг в разных медицинских организациях, т.е. объём предоставляемых услуг и их качество могут различаться. Это приводит к фрагментации и, соответственно, снижению возможности объединения рисков в системе здравоохранения в целом, и возрастанию роли не только дохода, но и социального положения таких групп в обществе. В этом случае государство может использовать специальные механизмы для выравнивания ситуации, например, путём регулирования основных параметров страховых планов.

Таким образом, для достижения универсальности системы здравоохранения до недавнего времени развивалась в сторону большего объединения финансовых рисков и расширения доступных услуг. Однако в настоящее время здравоохранение сталкивается с серьёзными финансовыми вызовами в плане поддержания и развития универсализма. Одна из основных проблем — постоянный рост расходов на фоне роста спроса и ожиданий населения. Получается, что нужно собирать больше средств на здравоохранение и повышать уровень налогообложения или страховых взносов. Но возникает вопрос: готово ли общество к этому? В таких условиях ограниченный бюджет оставляет мало выбора для манёвра в рамках налоговых и страховых систем, а именно — возможно сокращение набора услуг, предоставляемых за счёт общественных схем, и расширение сферы применения платности.

В этой ситуации возникают идеи о том, что универсальность гарантии права на здоровье не означает, что государство само должно предоставлять медицинские услуги населению, если рынок способен предоставить достаточное количество услуг, а программы социального обеспечения доступны для тех, кто не может позволить себе оплатить медицинские услуги. Эта подразумевает изменение парадигмы в отношении как проектирования самой системы общественного здравоохранения, так и обеспечения предоставления услуг гражданам [Santos, 2015]. В этом контексте, например, возможен другой путь обеспечения доступа — личная оплата (частное страхование или прямое перечисление производителю услуги) и субсидирование определённых категорий граждан с помощью адресных механизмов, с тем, чтобы снизить их финансовые риски.

Одно из возможных решений, компромиссное, — это предоставление определённого пакета помощи всем гражданам при самостоятельной оплате ими услуг сверх установленного набора. Однако реализация такого подхода на практике сталкивается с рядом проблем. Прежде всего необходимо определить, какие именно услуги войдут в универсальный пакет. Возникают опасения, что он может включить базовые более дешёвые услуги, а вот

за более дорогостоящее лечение по индивидуальной потребности гражданам придётся платить из своего кармана. Кроме того, необходимо определить, где будут оказаны дополнительные услуги за плату — в тех же медицинских учреждениях, что и бесплатные, или для этого потребуется отдельная сеть. И наконец, самое важное в рассматриваемом контексте — очевидно, что потребуются специальные механизмы финансовой поддержки населения, что создаёт дополнительную финансовую и административную нагрузку и может в итоге снизить экономию от ограничения общественного финансирования. Она может быть реализована, например, через государственную поддержку программ дополнительного страхования или предоставление прямых субсидий или налоговых вычетов. При этом нужно иметь в виду, что если гражданам необходимо оплачивать услугу непосредственно тем, у кого они её получают, у них для этого должны быть необходимые средства на момент оплаты. В этой ситуации также важны и политические последствия, чтобы в обществе не возникло ощущение, что государство заботится только о минимизации общественных расходов, в то время как дополнительные финансовые риски остаются на усмотрение граждан.

В этой связи необходимо рассмотреть несколько моментов, которые, на мой взгляд, свидетельствуют о расширении косвенно или прямо адресности в системах здравоохранения. Рост «выплат из кармана», т.е. ситуации, когда гражданин платит сам в момент получения медицинской помощи, отмечается даже в странах, где существуют общественные системы объединения рисков. Это рассматривается как свидетельство ухудшения финансовой защиты. Более того, возникает закономерный вопрос о том, не произошло ли отмечаемое расширение охвата услугами именно за счёт их оплаты отдельными лицами и их семьями.

Как представляется, «выплаты из кармана» в принципе можно рассматривать как проявление адресности, так как они прямо связаны с доходом человека, т.е. он не удовлетворяет свою потребность, если не заплатит за медицинскую услугу. Интересен пример России, где, с одной стороны, действует система ОМС, в сферу которой попадает каждый гражданин в силу факта своего рождения на территории страны, но развита и платная медицина с оплатой «из своего кармана». Более того, можно получить медицинскую помощь за плату и в государственных медицинских учреждениях, в том числе и в больницах, от полностью платной операции до доплаты за лучшее качество лечения и обслуживания.

На практике распространение платежей «из своего кармана» в общественных системах финансирования приводит к двойной оплате, так как граждане уже внесли предоплату за все виды услуг в виде налога или страхового взноса и, по существу, второй раз оплачивают услугу, которая должна быть им предоставлена бесплатно. В данном случае возможно использовать механизм выхода из общественных систем, но это снижает масштабы объединения ресурсов и, соответственно, возможности общественных программ.

Таким образом, можно предположить, что выплаты «из своего кармана» есть косвенное проявление адресности в здравоохранении, когда получение медицинской помощи обусловлено способностью платить, т.е. уровнем материального благосостояния граждан. Вместе с тем существуют механизмы смягчения их влияния, например введение соплатежей населения за отдельные медицинские услуги, скажем, визит к врачу или поощрение программ частного медицинского страхования, прежде всего с помощью налоговых льгот. В первом случае малообеспеченные категории населения могут освободиться от таких выплат.

Прямым проявлением адресности в здравоохранении можно считать отношение в системе к гражданам с особыми потребностями в охране здоровья, нуждающимся в дорогостоящем и продолжительном лечении, например в случае инвалидности или наличия редких заболеваний. Здесь возникает и гуманитарный аспект — они нуждаются в помощи со стороны общества, но так как эта помощь очень затратна для системы здравоохранения, необходим высокий уровень солидарности в обществе. Такие категории граждан часто выделяются в отдельные программы с дополнительным целевым финансированием, на них делают акцент в интересах обеспечения здоровья населения в целом. Предполагается,

что в этом случае универсальные подходы могут не сработать для удовлетворения специфических потребностей отдельных групп населения, особенно в условиях, когда на практике сохраняется неравенство в доступе. Адресность в этом случае реализуется через программно-целевые механизмы. В этом контексте важно отметить и неравенство в состоянии здоровья разных категорий населения, которое часто носит структурный характер и сохраняется даже в развитых странах, где обеспечен широкий охват населения. Однако преодоление этого типа неравенства требует принятия адресных мер.

Заключение

Универсализм и адресность являются основополагающими принципами построения систем социальной защиты населения в широком смысле. Более того, по отношению к различным социальным программам могут применяться различные подходы. Вместе с тем их использование должно рассматриваться в более широком контексте как национальных условий, так и роли и задач социальной политики в обществе, часто определяемыми в том числе и идеологическими факторами. Выбор между адресностью и универсальностью нельзя рассматривать как техническую проблему. Это прежде всего вопрос социально-экономического и политического развития страны. Более того, в последнее время в дискуссиях всё чаще отмечается, что нет необходимости противопоставлять эти принципы и они могут быть использованы параллельно [Hultqvist, Hollertz, 2021]. На этом фоне в риторике речь всё чаще идёт о расширении универсализма, однако следует отметить, что при его практическом применении выставляются границы, так или иначе связанные с финансовыми факторами. В этом смысле интересны дискуссии вокруг базового дохода (безусловный базовый доход как разновидность), который может пониматься по-разному и решать разные задачи.

Системы здравоохранения в силу ценностных аспектов развиваются скорее по пути универсализма. Если точнее, универсализм открыто провозглашается в этой области как цель, однако она может быть достигнута различными методами, в том числе и с помощью адресных механизмов. Именно в здравоохранении отчётливо проявляется противоречие между «социальным» и «экономическим», принизывающее всю социальную сферу, а именно — между, с одной стороны, непререкаемой ценностью здоровья, а с другой — постоянным ростом расходов на здравоохранение, меры по сдерживанию которого редко приносят ожидаемый эффект. В результате на практике уровень перераспределения, на котором основан универсализм, имеет тенденцию к сокращению за счёт увеличения личных платежей. В этой ситуации возможно, что граждане окажутся не в состоянии позволить себе необходимую медицинскую помощь. В перспективе это может привести к усилению финансовых барьеров доступности медицинской помощи и, соответственно, необходимости использования адресных механизмов для их преодоления. Вопрос о том, как это в итоге повлияет на универсализм в здравоохранении, нуждается в дальнейшем анализе.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова О.А., Ярашева А.В. (2018). Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности // Народонаселение. Т. 21. № 1. С. 4-21.
- Бобков В.Н. (2019). Повышение адресности социальной поддержки малоимущих семей с детьми: Вологодский пилотный проект // Народонаселение. Т. 22. № 1. С. 106-120.
- Гришина Е.Е., Цацура Е.А. (2019). Влияние выплаты пособий при рождении 1-го и 2-го ребенка на уровень бедности семьи // Дискуссия. Вып. 93. С. 52—62.
- Карпенко О.И., Павловская О.Ю. (2018). Адресная социальная помощь: история, современность, перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 78–91.
- Сен А. (2004). Развитие как свобода. — М.: Новое издательство.

- Тихонова Н.Е. (2014). Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. № 1. С. 7-19.
- Формирование цифровой экономики в России: вызовы, перспективы, риски (2020) / Под ред. Е.Б. Ленчук. — СПб.: Алетейя.
- Чубарова Т.В. (2015). Политэкономическое введение в социальную политику. — М.: ИЭ РАН.
- Чубарова Т.В. (2017). Патернализм в современном обществе: от продуктовых карточек до безусловного дохода // Общественные науки и современность. № 6. С. 43-54.
- Чубарова Т.В., Шестакова Е.Е. (2018). Структурные социальные риски как последствия социальной политики современного государства: методологические аспекты // Вопросы теоретической экономики. № 1 (2). С. 89-101.
- Barrett C.B., Garg T., McBride L. (2016). Well-being dynamics and poverty traps // Annual Review Resource Economics. No.8. Pp. 303–327.
- Bergh A. (2007). The Middle Class and the Swedish Welfare State: How Not to Measure Redistribution // The Independent Review. Vol. 11. No. 4. Pp. 533–546.
- Bishnoi, N., Bishnoi V.K. (2022). Maternity Benefit Programs: An Investment in Human Resource // Population Review. Vol. 61. No. 1. Project MUSE.
- Brady D., Burroway R. (2012). Targeting, Universalism, and Single-Mother Poverty: A Multilevel Analysis Across 18 Affluent Democracies // Demography. Vol. 49. No. 2. Pp. 719–746.
- Bryant J.H., Richmond J.B. (2008). Alma-Ata and primary health care: an evolving story // International encyclopedia of public health. Academic Press. — Cambridge, MA: Elsevier. Pp. 152-174.
- Carey G, Crammond B. (2017). A glossary of policy frameworks: the many forms of ‘universalism’ and policy ‘targeting // Journal Epidemiol Community Health. Vol. 71. No. 3. Pp. 303-307.
- Coady D., Grosh M., Hoddinott J. (2004). Targeting of Transfers in Developing Countries: Review of Lessons and Experience. — Washington, DC: World Bank.
- de Neubourg Ch., Castonguay J., Roelen K. (2007). Social safety nets and targeted social assistance: lessons from the European experience. — Maastrich: Maastricht Graduate School of Governance, University of Maastrich.
- Devereux S., Masse E., Sabates-Wheeler R., Samson M., Rivas A-M, te Lintelo D. (2017). The targeting effectiveness of social transfers // Journal of Development Effectiveness. Vol. 9. No. 2. Pp. 1-50.
- Evans D.B., Hsu J., Boerma T. (2013). Universal health coverage and universal access// Bulletin World Health Organization. Aug 1. Vol. 91. No. 8. Pp. 546–546A.
- Experimenting with Unconditional Basic Income: Lessons from the Finnish BI Experiment 2017-2018 (2021) / O. Kangas (ed.) — Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing.
- Fisher M., Harris P., Freeman T., Mackean T., George E., Friel S., Baum F. (2021). Implementing Universal and Targeted Policies for Health Equity: Lessons From Australia // International journal of health policy and management. Pp.1-11. DOI: 10.34172/ijhpm.2021.157 Advance online publication.
- Green J., Buckner S. (2017). A model of how targeted and universal welfare entitlements impact on material, psychosocial and structural determinants of health in older adults // Social Science and Medicine. Vol.187. Pp.20-28
- Hultqvist S, Hollertz K. (2021). Individual need and societal claims: Challenging the understanding of universalism versus selectivism in social policy // Social Policy Administration. Vol. 5. Pp. 940–953.
- Jacques O., Noël A. (2018). The case for welfare state universalism, or the lasting relevance of the paradox of redistribution// Journal of European Social Policy. Vol. 28. No. 1. Pp. 70-85.
- Korpi W., Palme J. (1998). The paradox of redistribution and strategies of equality: Welfare state institutions, inequality, and poverty in the western countries // American Sociological Review. Vol. 63. No. 5. Pp. 661-687.
- Leseman P. P. M., Slot P. L. (2020). Universal versus targeted approaches to prevent early education gaps. The Netherlands as case in point // Zeitschrift für Erziehungswissenschaft. Vol 23. Issue. 3. Pp. 485–507.
- Marx I., Salanauskaitė L., Verbist G. (2013). The Paradox of Redistribution Revisited: And That It May Rest in Peace? – Bonn: IZA Discussion Papers.
- Mathauer I., Vinyals Torres L., Kutzin, J., Jakab M., Hanson K. (2020). Pooling financial resources for universal health coverage: options for reform// Bulletin of the World Health Organization. Vol. 98. No. 2. Pp. 132–139.
- Morelli C.J., Seaman P.T. (2005). Universal versus Targeted Benefits: The Distributional Effects of Free School Meals // Environment and Planning C: Government and Policy. Vol. 23. Issue: 4. Pp. 583-598.
- Morissens A. (2018). Sixteen: The role of universal and targeted family benefits in reducing poverty in single-parent families in different employment situations // The Triple Bind of Single-Parent Families. — Bristol, UK: Policy Press. <https://doi.org/10.51952/9781447333654.ch016> (Accessed 29 August 2022).
- Preker A. S., Cotlear D., Kwon S., Atun R., Avila C. (2021). Universal health care in middle-income countries: Lessons from four countries // Journal of global health. 11. 16004. DOI:10.7189/jogn.11.16004.
- Raitano M., Jessoula M., Gallo G., Pagnini C. (2021). Fighting poverty and social exclusion. — Luxembourg: Publication for the committee on Employment and Social Affairs, Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, European Parliament.
- Rema H., Olken B. A. (2018). Universal Basic Incomes versus Targeted Transfers: Anti-Poverty Programs in Developing Countries // Journal of Economic Perspectives. Vol. 32. No. 4. Pp. 201-26.

- Revisiting Targeting in Social Assistance: A New Look at Old Dilemmas. (2022) / Gros M., Leite Ph., Wai-Poi M., Tesliuc E. (eds). — Washington, DC: World Bank.
- Samson M., MacQuene K., Van Niekerk I. (2006). Designing and Implementing Social Transfer Programmes. — Cape Town: EPRI.
- Santos L. (2015). Universal Health Care Systems: Universal Access or Universal Coverage? // Journal of Business & Financial Affairs. Vol. 4. Issue. 3. P. 158.
- Sen A.K. (1995). The political economy of targeting // Public spending and the poor: theory and evidence/ D. Van de Walle, K. Nead (eds). — Washington: World Bank. Pp. 350-386.
- Slater R., Farrington J. (2009). Targeting of Social Transfers: A review for DFID. — London: ODI.
- Sumarto S., Bazzi S. (2011). Social Protection in Indonesia: Past Experiences and Lessons for the Future // MPRA Paper 57893, University Library of Munich, Germany.
- Vadapalli D.K. (2009). Barriers and challenges in accessing social transfers and role of social welfare services in improving targeting efficiency: A study of conditional cash transfers// Vulnerable Children and Youth Studies. Vol. 4. Supl. Pp. 41-54.
- Van Lancker W., Van Mechelen N. (2015). Universalism under siege? Exploring the association between targeting, child benefits and child poverty across 26 countries // Social Science Research. Vol. 50. Pp. 60-75.
- Weisstanne D. (2022). COVID-19 and welfare state support: the case of universal basic income // Policy and Society. Vol. 41. Issue 1. Pp. 96–110.
- WHO (2005). Sustainable health financing, universal coverage and social health insurance. World Health Assembly Resolution WHA58.33. — Geneva: WHO.
- WHO (2010). The World Health Report 2010. Health Systems Financing: The Path to Universal Coverage. — Geneva: WHO.
- WHO, World Bank (2019). Global monitoring report on financial protection in health 2019. World Health Organization and International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank.
- World Social Protection Report 2020–22: Social Protection at the Crossroads — in Pursuit of a Better Future (2021) / International Labour Office. — Geneva: ILO.
- Zatz N. (2012). Poverty Unmodified?: Critical Reflections on the Deserving/Undeserving Distinction// UCLA: School of Law. Retrieved from <https://escholarship.org/uc/item/7n7422x1> (Accessed 9 August 2022).

Чубарова Татьяна Владимировна

t_chubarova@mail.ru

Tatiana Chubarova

doctor habilitatus in economics, PhD (Social Policy, LSE), chief research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

t_chubarova@mail.ru

UNIVERSALISM OR TARGETING IN SOCIAL POLICY: THE CASE OF HEALTHCARE

Abstract. The article deals with issues related to the interpretation and use of such basic principles of social policy as universality and targeting. Based on the analysis of both advantages and problems arising in the course of their practical application, it is shown that the choice between them may vary depending on the tasks set, as well as the resources allocated by society for social purposes. Moreover, modern researchers raise the question of the possibility of combining targeting and universalism based on a deeper understanding of their essence and tasks in ensuring the welfare of citizens. Since these problems are traditionally discussed in relation to cash payments, special attention is paid to healthcare as a branch of social policy, where these principles are also relevant, but have their own specifics. In health care, universalism is proclaimed as the most important aim, but the contradiction between the value (indisputable value of health) and financial (increase in costs) aspects is clearly manifested. In the context of restrictions on the pooling of public resources, the possible solution might be to reduce the package of services provided and increase personal out of pocket payments. In the future, this may lead to an expansion of financial barriers to universal access to healthcare, and, accordingly, an increase in the role of targeted mechanisms for distributing public funds, taking into account the income factor of certain groups of the population.

Keywords: *universalism, targeting, social policy, social sphere, human potential, healthcare, out of pocket payments.*

JEL:H51, I13, I18, J18, O15.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чубарова Т.В. Универсализм и/или адресность в социальной политике (на примере здравоохранения) // Вопросы теоретической экономики. 2022. №4. С. 77–92. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_77_92.

FOR CITATION: Chubarova T. Universalism or Targeting in Social Policy: the Case of Healthcare // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2022. No. 4. Pp. 77–92. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_77_92.

REFERENCES

- Alexandrova O.A., Yarasheva A.V. (2018). Usileniye izbiratel'nosti sotsial'noy politiki i perspektivy krasivoy bednosti [Strengthening the selectivity of social policy and poverty reduction prospects] // *Narodonaselenie*. Vol. 21. No. 1. Pp. 4–21. (In Russ.).
- Barrett C.B., Garg T., McBride L. (2016). Well-being dynamics and poverty traps // *Annual Review Resource Economics*. No. 8. Pp. 303–327.
- Bergh A. (2007). The Middle Class and the Swedish Welfare State: How Not to Measure Redistribution // *The Independent Review*. Vol. 11. No. 4. Pp. 533–546.
- Bishnoi, N., Bishnoi V.K. (2022). Maternity Benefit Programs: An Investment in Human Resource // *Population Review*. Vol. 61. No. 1. Project MUSE.
- Bobkov V.N. (2019). Povysheniye adresnosti sotsial'noy podderzhki maloimushchikh semey s det'mi: Vologodskiy pilotnyy proyekt [Improvement of the targeted social support of low-income families with children: Vologda Pilot Project] // *Narodonaselenie*. Vol. 22. No. 1. Pp. 106–120 (In Russ.).
- Brady D., Burroway R. (2012). Targeting, Universalism, and Single-Mother Poverty: A Multilevel Analysis Across 18 Affluent Democracies // *Demography*. Vol. 49. No. 2. Pp. 719–746.
- Bryant J.H., Richmond J.B. (2008). *Alma-Ata and primary health care: an evolving story* // *International encyclopedia of public health*. Academic Press. — Cambridge, MA: Elsevier. Pp. 152–174.
- Carey G., Crammond B. (2017). A glossary of policy frameworks: the many forms of «universalism» and policy «targeting» // *Journal Epidemiol Community Health*. Vol. 71. No. 3. Pp. 303–307.
- Chubarova T.V. (2015). *Politekonomicheskoye vvedeniye v sotsial'nuyu politiku*. [Political economy introduction to social policy] — Moskva, IE RAN. (In Russ.)
- Chubarova T.V. (2017). Paternalizm v sovremennom obshchestve: ot produktovykh kartochek do bezuslovnogo dokhoda [Paternalism in Modern Society: From Food Stamps to Unconditional Income] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. № 6. Pp. 43–54. (In Russ.).
- Chubarova T.V., Shestakova Ye.Ye. (2018). Strukturnyye sotsial'nyye riski kak posledstviya sotsial'noy politiki sovremennogo gosudarstva: metodologicheskiye aspekty. [Structural social risks as consequences of the social policy of the modern state: methodological aspects] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. № 1 (2). Pp. 89–101. (In Russ.).
- Coady D., Grosh M., Hoddinott J. (2004). *Targeting of Transfers in Developing Countries: Review of Lessons and Experience*. — Washington, DC: World Bank.
- Crishina Ye.Ye., Tsatsura Ye.A. (2019). Vliyaniye vyplaty posobiy pri rozhdenii 1-go i 2-go rebenka na uroven' bednosti sem'i [The impact of the payment of benefits at the birth of the 1st and 2nd child on the level of family poverty] // *Diskussiya*. Issue 93. Pp. 52–62. (In Russ.).
- de Neubourg Ch., Castonguay J., Roelen K. (2007). *Social safety nets and targeted social assistance: lessons from the European experience*. — Maastrich: Maastricht Graduate School of Governance, University of Maastrich.
- Devereux S., Masse E., Sabates-Wheeler R., Samson M., Rivas A-M, te Lintelo D. (2017). The targeting effectiveness of social transfers // *Journal of Development Effectiveness*. Vol. 9. No. 2. Pp. 1–50.
- Evans D.B., Hsu J., Boerma T. (2013). Universal health coverage and universal access // *Bulletin World Health Organization*. Aug 1. Vol. 91. No. 8. Pp. 546–546A.
- Experimenting with Unconditional Basic Income: Lessons from the Finnish BI Experiment 2017–2018* (2021) / O. Kangas (ed.) — Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing.
- Fisher M., Harris P., Freeman T., Mackean T., George E., Friel S., Baum F. (2021). Implementing Universal and Targeted Policies for Health Equity: Lessons From Australia // *International journal of health policy and management*. Pp.1–11. DOI: 10.34172/ijhpm.2021.157 Advance online publication.
- Formirovaniye tsifrovoy ekonomiki v Rossii: vyzovy, perspektivy, riski* (2020) / / Pod red. Ye.B. Lenchuk [Formation of the digital economy in Russia: challenges, prospects, risks] — SPb.: Aletyya (In Russ.).
- Green J., Buckner S. (2017). A model of how targeted and universal welfare entitlements impact on material, psychosocial and structural determinants of health in older adults // *Social Science and Medicine*. Vol. 187. Pp. 20–28.
- Hultqvist S, Hollertz K. (2021). Individual need and societal claims: Challenging the understanding of universalism versus selectivism in social policy // *Social Policy Administration*. Vol. 5. Pp. 940–953.
- Jacques O., Noël A. (2018). The case for welfare state universalism, or the lasting relevance of the paradox of redistribution // *Journal of European Social Policy*. Vol. 28. No. 1. Pp. 70–85.
- Karpenko O.I., Pavlovskaya O.Yu. (2018). Adresnaya sotsial'naya pomoshch': istoriya, sovremennost', perspektivy [Targeted social assistance: history, modernity, prospects] // *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. № 1. Pp. 78–91. (In Russ.).

- Korpi W., Palme J. (1998). The paradox of redistribution and strategies of equality: Welfare state institutions, inequality, and poverty in the western countries // *American Sociological Review*. Vol. 63. No. 5. Pp. 661-687.
- Leseman P. P. M., Slot P. L. (2020). Universal versus targeted approaches to prevent early education gaps. The Netherlands as case in point // *Zeitschrift für Erziehungswissenschaft*. Vol 23. Issue. 3. Pp. 485-507.
- Marx I., Salanauskaitė L., Verbist G. (2013). *The Paradox of Redistribution Revisited: And That It May Rest in Peace?* — Bonn: IZA Discussion Papers.
- Mathauer I., Vinyals Torres L., Kutzin J., Jakab M., Hanson K. (2020). Pooling financial resources for universal health coverage: options for reform // *Bulletin of the World Health Organization*. Vol. 98. No. 2. Pp. 132-139.
- Morelli C.J., Seaman P.T. (2005). Universal versus Targeted Benefits: The Distributional Effects of Free School Meals // *Environment and Planning C: Government and Policy*. Vol. 23. Issue: 4. Pp. 583-598.
- Morissens A. (2018). Sixteen: The role of universal and targeted family benefits in reducing poverty in single-parent families in different employment situations // *The Triple Bind of Single-Parent Families*. — Bristol, UK: Policy Press. <https://doi.org/10.51952/9781447333654.ch016> (Accessed 29 August 2022).
- Preker A. S., Cotlear D., Kwon S., Atun R., Avila C. (2021). Universal health care in middle-income countries: Lessons from four countries. // *Journal of global health*. 11. 16004. DOI:10.7189/jogh.11.16004.
- Raitano M., Jessoula M., Gallo G., Pagnini C. (2021). *Fighting poverty and social exclusion*. — Luxembourg: Publication for the committee on Employment and Social Affairs, Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, European Parliament.
- Rema H., Olken B. A. (2018). Universal Basic Incomes versus Targeted Transfers: Anti-Poverty Programs in Developing Countries // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 32. No. 4. Pp. 201-226.
- Revisiting Targeting in Social Assistance: A New Look at Old Dilemmas*. (2022). / Gros M., Leite Ph., Wai-Poi M., Tesliuc E. (eds). — Washington, DC: World Bank.
- Samson M., MacQuene K., Van Niekerk I. (2006). *Designing and Implementing Social Transfer Programmes*. — Cape Town: EPRI.
- Santos L. (2015). Universal Health Care Systems: Universal Access or Universal Coverage? // *Journal of Business & Financial Affairs*. Vol.4. Issue 3. P. 158.
- Sen A. (2004). *Razvitie kak svoboda* [Development as Freedom]. — M.: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.).
- Sen A. K. (1995). The political economy of targeting // *Public spending and the poor: theory and evidence* / D. Van de Walle, K. Nead (Eds). — Washington: World Bank. Pp. 350-386.
- Slater R., Farrington J. (2009). *Targeting of Social Transfers: A review for DFID*. — London: ODI.
- Sumarto S., Bazzi S. (2011). *Social Protection in Indonesia: Past Experiences and Lessons for the Future* / MPRA Paper 57893, University Library of Munich, Germany.
- Tikhonova N.Ye. (2014). Fenomen bednosti v sovremennoy Rossii [The phenomenon of poverty in modern Russia] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. № 1. Pp. 7-19. (In Russ.).
- Vadapalli D.K. (2009) Barriers and challenges in accessing social transfers and role of social welfare services in improving targeting efficiency: A study of conditional cash transfers // *Vulnerable Children and Youth Studies*. Vol. 4. Sup1. Pp. 41-54.
- Van Lancker W., Van Mechelen N. (2015). Universalism under siege? Exploring the association between targeting, child benefits and child poverty across 26 countries // *Social Science Research*. Vol. 50. Pp. 60-75.
- Weisstanne D. (2022). COVID-19 and welfare state support: the case of universal basic income // *Policy and Society*. Vol. 41. Issue 1. Pp. 96-110.
- WHO (2005). *Sustainable health financing, universal coverage and social health insurance*. World Health Assembly Resolution WHA58.33. — Geneva: WHO.
- WHO (2010). *The World Health Report 2010 .Health Systems Financing: The Path to Universal Coverage*. — Geneva: WHO.
- WHO, World Bank (2019). *Global monitoring report on financial protection in health 2019*. World Health Organization and International Bank for Reconstruction and Development/The World Bank.
- World Social Protection Report 2020-22: Social Protection at the Crossroads — in Pursuit of a Better Future* (2021). / International Labour Office. — Geneva: ILO.
- Zatz N. (2012). Poverty Unmodified?: Critical Reflections on the Deserving/Undeserving Distinction // *UCLA: School of Law*. Retrieved from <https://escholarship.org/uc/item/7n7422x1> (Accessed 9 August 2022).

О.Н. Борох

*к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт Китая
и современной Азии РАН (Москва)*

ИНОСТРАННЫЕ ЭКОНОМИСТЫ И КИТАЙСКИЕ РЕФОРМЫ: ВКЛАД БАШАНЬСКОГО СОВЕЩАНИЯ (1985 г.) В ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. В статье рассмотрено влияние общения китайских и зарубежных экономистов на формирование стратегии экономических преобразований в КНР. Башаньское международное совещание по вопросам макроэкономики (1985 г.) было организовано при содействии Всемирного Банка, однако китайская сторона самостоятельно, исходя из собственных интересов определила тематику дискуссии и круг приглашённых специалистов. Совещание состоялось на фоне переноса центра тяжести китайских реформ из деревни в город, официального провозглашения лозунга строительства «плановой товарной экономики», а также заметного экономического перегрева и роста инфляции. Китайские реформаторы стремились познакомиться с зарубежными знаниями в сфере теории и практики управления рыночной экономикой на макроуровне, чтобы адаптировать их к специфике Китая и восполнить пробелы традиционной парадигмы социалистической плановой экономики. Для обсуждения проблем макроэкономического контроля и соотношения плана и рынка на совещание позвали ведущих экономистов из развитых стран (Дж. Тобин, А. Кернкросс, О. Эммингер) и социалистических государств Восточной Европы (В. Брус, О.Шик, Я. Корнаи). Важной темой стала целевая модель реформ. Китайская сторона с большим интересом откликнулась на предложенную Корнаи типологию моделей государственной политики экономического регулирования, согласно которой реформы в социалистических странах должны быть нацелены на переход через стадию косвенного административного регулирования к рыночной координации с макроэкономическим контролем. Одним из важных итогов Башаньского совещания стало формирование в Китае реформаторского консенсуса в пользу проведения частичных постепенных преобразований вместо осуществления предложенных иностранными специалистами ускоренных «пакетных» реформ. Таким образом, уже в середине 1980-х гг. китайские экономические круги обрели уверенность в своей способности самостоятельно разработать стратегию реформ.

Ключевые слова: *Китай, экономическая реформа, макроконтроль, западная экономическая наука, постепенные преобразования.*

JEL: B22, B24, P11, P21, P51.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_93_109.

Проблемы экономического развития Китая 1980-х годов

Башаньское совещание состоялось на фоне переноса центра тяжести китайских реформ из деревни в город. Китайские исследователи отмечают, что в первые годы реформ произошло экономическое оживление на микроуровне. После введения подрядной системы в деревне крестьяне превратились в самостоятельных производителей и хозяйствующих субъектов. В городах власти разрешили развитие негосударственной экономики. Рост рыночной конкуренции сопровождался разбуханием инвестиций и потребления, чрезмерная эмиссия привела к инфляции. В изменившихся условиях использование методов директивного планирования более не приносило желаемых результатов.

Встал вопрос о том, как в новой ситуации научиться эффективно управлять экономикой на макроуровне. Ознакомившись с зарубежной научной литературой, китайские экономисты поняли, что рыночное размещение ресурсов имеет не только преимущества, но и слабые места. Развитые страны с рыночной экономикой уже научились использовать методы косвенного управления, дополняя их административными методами. Так возникла идея пригласить в Китай зарубежных специалистов, чтобы получить от них знания о теории и практике макроэкономического управления для их последующей адаптации к китайской специфике [Чжан Чжоюань, 2012. С. 199–200].

Политическим фоном проведения Башаньского совещания стало Постановление о реформе экономической системы, принятое в 1984 г. на III-м Пленуме ЦК КПК 12-го созыва. В документе было утверждено направление движения к плановой товарной экономике, поставлена задача усиления жизнеспособности предприятий и расширения их прав. Однако даже после принятия этого Постановления понимание рыночной экономики в КНР осталось ограниченным. Получили распространение опасения в отношении свободной конкуренции — экономисты предостерегали, что вслед за периодом быстрого экономического роста в стране может наступить депрессия. Эти колебания подчёркивали особую актуальность осмысления проблем макроэкономического контроля [Линь Чжунгэн, 2018. С. 48].

На повестку дня Башаньского совещания повлияло появление в конце 1984 — первой половине 1985 гг. признаков перегрева экономики КНР, сопровождавшегося высокой инфляцией. В начале 1985 г. на уровне китайского руководства укрепилось понимание необходимости ликвидировать перегрев и стабилизировать экономику. На этом фоне главной темой совещания стал макроконтроль [Линь Чжунгэн, 2018. С. 48].

В те годы споры по вопросам инфляции в Китае продемонстрировали наличие в профессиональном сообществе противоположных мнений. Часть молодых экономистов полагала, что умеренная инфляция помогает экономическому росту и потому у неё больше достоинств, чем недостатков. Иная точка зрения призывала сдерживать инфляцию, сокращать не только разбухшее потребление, но и инвестиции [Чжан Ци, 2021. С. 181].

Китайские экономисты были заинтересованы в том, чтобы обсудить с иностранными учёными важнейшие проблемы макроэкономики, дабы восполнить теоретические пробелы плановой парадигмы советского образца. В то время в Китае управление экономикой на макроуровне называли «плановым управлением», в его основе лежала теория «комплексного баланса», указывавшая на баланс финансов, кредитов, материальных ресурсов, внешней торговли. Ключевым элементом «комплексного баланса» была «пропорциональность», важнейшая задача состояла в поддержании пропорций между двумя подразделениями — накоплением и потреблением, сельским хозяйством, легкой и тяжёлой промышленностью. После образования КНР эту тему обсуждали дважды в периоды урегулирования: в 1961–1965 гг. после провала «большого скачка» и в 1979–1981 гг. после неудачной попытки ускорить темпы модернизации. В обоих случаях стремление к высоким темпам роста приводило к нарушению пропорциональности [Чжан Ци, 2021. С. 178].

В начальный период китайских реформ — в конце 1970-х — середине 1980-х гг. — важную роль в формировании политики преобразований играли экономические совещания. Современные исследователи особо выделяют «высокое качество» нескольких обсуждений. Это совещание о распределении по труду (1977–1978 гг.), второе обсуждение закона стоимости (конференция в Уси, 1979 г.), конференция с участием учёных молодого и среднего возраста, известная как Моганьшаньское совещание (1984 г.). В их число также входит Башаньское международное совещание по макроэкономике и управлению (1985 г.). Эти мероприятия способствовали восприятию китайским научным сообществом новых экономических идей в ходе состоявшихся на них острых споров. Выводы совещаний влияли на принимаемые на высоком уровне решения [Чжан Ци, 2021. С. 176].

Состоявшаяся в Уси в апреле 1979 г. Вторая конференция по закону стоимости имела важное символическое значение. Это была очевидная заявка на унаследование и развитие научной традиции, которую прервала «культурная революция». Первое академическое обсуждение закона стоимости состоялось двумя десятилетиями раньше — в апреле 1959 г. в Шанхае. Конференция в Уси, собравшая около 400 участников, ознаменовала возвращение к исследовательской работе экономистов старшего поколения. Они пришли к выводу, что для осуществления реформ необходимо выйти за рамки советской версии политэкономии социализма, что в Китае следует сочетать плановую и товарную экономику на основе признания регулирующей роли закона стоимости.

Моганьшаньское совещание (сентябрь 1984 г.) стало поворотным событием прежде всего потому, что его организаторами и участниками были экономисты молодого и среднего возраста, впервые получившие возможность представить свои подходы к осуществлению реформ. У них не было опыта участия в экономических обсуждениях 1950-х и начала 1960-х гг., это поколение вернулось в города в конце 1970-х гг. после завершения «культурной революции» и делало первые шаги в профессиональной сфере. Форма организации мероприятия была необычной — в июне 1984 г. «Цзинцзи жибао» («Экономическая газета») анонсировала проведение «семинара по экономике для молодёжи и людей среднего возраста» со сбором докладов и приглашением избранных кандидатов для официального участия в мероприятии. После получения свыше 1,3 тыс. заявок были отобраны 124 участника.

Обсуждения на конференции в Моганьшань охватывали проблему самокупаемости предприятий, систему управления промышленностью, открытость прибрежных городов, финансовый рынок и акционерную экономику, вопросы зернового рынка и структуры сельского хозяйства. Самый важный спор касался проблемы ценообразования. К этому времени китайские власти разрешили предприятиям продавать часть произведённой сверх плана продукции по рыночным ценам, что повысило их экономическую активность, но при этом породило заметные колебания и несбалансированность ценовой системы, основу которой составляли низкие плановые цены. Вопрос заключался в том, насколько быстрыми темпами следует продвигаться к рыночным ценам. Только что получивший экономическое образование Чжан Вэйин призвал к ускоренному отказу от контроля над ценами. Группа исследователей во главе с Хуа Шэном (Хэ Цзячэн, Цзян Юэ и др.) предложила сочетание урегулирования и отпуска цен: доля рыночного сбыта продукции предприятий должна расширяться, а централизованное плановое распределение — сокращаться, что постепенно приведёт к выравниванию двух видов цен.

Обоснованная молодыми учёными беспрецедентная для мировой экономической науки модель «двухколейных цен» соответствовала специфике развития Китая. Эта идея была замечена и поддержана китайским руководством. «Двухколейная» модель, при которой один товар имел две цены — рыночную и плановую — создала условия для постепенного выращивания рыночных сил в китайской экономике и закончила свое существование в середине 1990-х гг. Важным последствием конференции в Моганьшань стало широкое признание властями и общественностью роли экономистов молодого и среднего возраста в разработке политики реформ — на них обратили внимание, начали приглашать в качестве советников местных органов власти и экспертов при обсуждении региональных стратегий развития [Мяо Дэган, 2020].

Башаньское совещание: основные темы и участники

Макро- и микроэкономику в начальный период реформ в КНР рассматривали как понятия западной экономической науки [Чжан Ци, 2021. С. 179]. После нескольких десятилетий закрытости в первые годы преобразований освоение новых идей началось

с изучения советских и восточноевропейских экономических теорий. В 1979 г. и в начале 1980-х гг. были возобновлены научные обмены с СССР и Восточной Европой, особенно активную роль здесь играл Институт экономики Китайской академии общественных наук (КАОН). Влиятельные китайские экономисты отправились в зарубежные поездки. Сунь Ефан в 1978 г. побывал в Югославии и Румынии, в 1979 г. делегация, в которую входили Юй Гуанъюань и Лю Гогуан, совершила визит в Венгрию, Лю Гогуан и Лю Суйнянь в 1982 г. посетили СССР [*Линь Чжунгэн*, 2018. С. 44; *Gewirtz*, 2017. Рр. 61–62].

Интерес китайской стороны к преобразованиям в Восточной Европе стал стимулом для приглашения иностранных экономистов. В 1979 г. в КНР приехал югослав И. Максимович. В 1979–1980 гг. Китай посетил поляк В. Брус, в 1981 — чех О. Шик, оба исследователя в то время находились в эмиграции. Они читали лекции в КАОН, беседовали с экономистами, посещали руководителей [*Линь Чжунгэн*, 2018. С. 44; *Вэй Чжун*, 2019. С. 148, 154–155]. Теория «рыночного социализма» жившего в Великобритании Бруса заинтересовала китайских реформаторов. Лю Гогуан предложил руководству КАОН пригласить его в Китай, приглашение лично передал участвовавший в конференции в Оксфорде Дун Фужэн [*Gewirtz*, 2017. Р. 66]. В июле 1982 г. в курортном месте в горах Моганьшань провинции Чжэцзян при содействии Всемирного Банка состоялся международный семинар, посвящённый изучению опыта экономических реформ в СССР и странах Восточной Европы. Главой зарубежной делегации был В.Брус, в нём участвовали О.Шик, венгр П.Кенде и др.

Интерес к опыту экономического развития социалистических стран Восточной Европы оказал значительное воздействие на пожелания китайской стороны при подготовке Башаньского совещания. Важную посредническую роль в организации мероприятия сыграл Э.Лим (Линь Чжунгэн, Edwin Lim) — первый представитель Всемирного Банка в Китае, занимавший этот пост в 1985 — 1990 гг. Лю Гогуан и У Цзинлянь первоначально обратились к нему с предложением пригласить в Китай экономистов из Восточной Европы, которые разбирались в теории реформ и имели практический опыт преобразований. Лим поддерживал этот замысел, исходя из того, что в то время восточноевропейские учёные были не так сильно отделены от зарубежной экономической науки, как их китайские коллеги. Однако изучение реформ в Восточной Европе постепенно привело к усилению пессимизма китайской стороны в оценках модели преобразований в этих странах. Восточноевропейские учёные также поняли, что их опыт не слишком подходит для Китая [*Линь Чжунгэн*, 2018. С. 44].

Лим отмечал, что в середине 1980-х гг. китайские лидеры были полны решимости преодолеть ограничения системы централизованного планирования, но им мешало недостаточное понимание того, как рыночная экономика будет работать в Китае. Китайская сторона хотела ознакомиться с более широким спектром научных идей, включая не только восточноевропейские подходы к реформированию социалистической экономики, но также осмысление опыта развитых стран. Возникла потребность привлечь к обсуждению авторитетных западных исследователей. В начале 1985 г. Ляо Цзили из Государственного комитета по реформе экономической системы предложил Всемирному Банку провести международную конференцию, чтобы обсудить три темы — как государство управляет рыночной экономикой; проблемы перехода от плана к рынку; международный опыт соединения плана и рынка. Зарубежные участники должны были обладать знаниями и опытом в этих вопросах. С китайской стороны наметили участие занимающихся разработкой государственной политики экономических работников, теоретиков из исследовательских организаций.

Башаньское совещание организовали Китайское общество изучения реформы экономической системы, КАОН и Всемирный Банк. Лим отмечал, что проведение совещания было вызвано китайским запросом на изучение поставленных проблем. Принявший участие в работе совещания венгерский экономист Я.Корнаи высоко оценил роль главы представительства Всемирного Банка в Китае: «Его работа была хорошим примером того,

как западный консультант может лучше всего служить переходному периоду в социалистической стране. Он не выработывал свой собственный рецепт для его принятия местными жителями во что бы то ни стало. Вместо этого он попытался представить множество альтернативных путей» [Kornai, 2006. P. 322].

Из развитых стран для участия в Башаньском совещании были приглашены профессор Йельского университета Дж.Тобин, известный американский специалист по макроэкономике, лауреат Нобелевской премии по экономике за 1981 год; О.Эммингер, бывший президент западногерманского Бундесбанка; М.Альбер, бывший президент Генерального комиссариата по планированию Французской комиссии по планированию; сэр А.Кернкросс, профессор Оксфорда, который был одним из главных экономических советников британского правительства и Лейбористской партии в 1960-х гг.; Л.Джонс, американский профессор, написавший книгу о южнокорейском планировании. Экономистов из стран с переходной экономикой представляли Корнаи, Брус и известный югославский специалист по экономической модели «самоуправления» А.Байт. Всего на совещание позвали 11 иностранцев — к мероприятию присоединились второй представитель Всемирного Банка и приглашённый китайской стороной японец Минору Кобаяси.

С китайской стороны в совещании участвовали около двух десятков человек. Основную роль играли представители Китайского общества изучения реформы экономической системы — Ань Чживэнь, Сюэ Муцяо, Ма Хун, Тун Далинь, Гао Шанцюань, и учёные КАОН — Лю Гогуан, Чжао Жэньвэй, У Цзинлянь, Чжоу Шулянь, Чжан Чжоюань, Дай Юаньчэн.

Ань Чживэнь, Сюэ Муцяо (ему тогда был 81 год), Ма Хун и Тун Далинь представляли старшее поколение китайских экономистов. Лю Гогуан, У Цзинлянь, Гао Шанцюань, Чжао Жэньвэй, Сян Хуайчэн принадлежали к среднему поколению. Возможность присутствовать на совещании также получили аспиранты — Го Шуцин, Лоу Цзивэй (обоим тогда было 23 года), Хэ Ляньчэн. Это совещание повлияло на их будущее: впоследствии присутствовавшие на совещании молодые экономисты сыграли важную роль в продвижении реформ.

31 августа 1985 г. в преддверии совещания премьер Госсовета КНР Чжао Цзяян встретился с иностранными и главными китайскими участниками (среди них были Ань Чживэнь, Сюэ Муцяо, Ма Хун, Тун Далинь, Лю Гогуан и др.). Глава правительства подтвердил приверженность реформам. Он выделил остроту задач преобразований в городах, подчеркнув, что после расширения прав предприятий необходимо найти соответствующую форму макроуправления. Чжао Цзяян указал, что управление государственными предприятиями в Китае должно постепенно переходить от прямого к косвенному, следует использовать экономические и правовые инструменты, а также необходимые административные методы для регулирования и контроля над экономикой [Гао Шанцюань, 2018. С. 6].

Экономическое совещание длилось со 2 по 7 сентября, пока речное круизное судно «Башань» плыло по Янцзы от Чунцина до Уханя. Лим напомнил, что целью мероприятия было не только пригласить иностранных экспертов для чтения лекций, но и предоставить возможность для углублённого обмена между китайскими и зарубежными экономистами. Проведение совещания в замкнутом пространстве круизного судна создало условия для непрерывных и интенсивных дискуссий. На судне проходили пленарные заседания и обсуждения в малых группах, частные беседы длились до ночи.

Каждый день пара зарубежных экономистов выступала с лекциями на заранее согласованные темы, после чего начиналось подробное обсуждение. О том, как развитое государство управляет рыночной экономикой, китайским слушателям рассказали Тобин, Кернкросс и Эммингер. Их участие в конференции Лим считал большим успехом организаторов мероприятия. Тобин прославился как теоретик, когда получил Нобелевскую премию за исследования финансовых рынков в связи с решениями о потреблении и инвестициях, производстве, занятости и ценах. Занимавшиеся осуществлением практической экономической политики Кернкросс и Эммингер сумели отменить контроль над ценами и либера-

лизовать рынки в Великобритании и Германии сразу после Второй мировой войны. Они имели непосредственный опыт принятия мер по борьбе с инфляцией и отмены контроля над ценами в условиях дефицита.

Тобин познакомил китайских участников совещания с теорией макроэкономического управления, институциональными условиями, необходимыми для макроэкономической политики, и высказал свои предложения для Китая. Учёный впервые побывал в Китае в годы «культурной революции» в сентябре 1972 г. в составе делегации Американской экономической ассоциации вместе с В. Леонтьевым и Дж.К. Гэлбрейтом после возобновления научных контактов КНР и США вслед за встречей Р. Никсона и Мао Цзэдуна.

По совету Лима на Башаньском совещании Тобин рассказал об основных принципах разработки макроэкономической политики в США, изложил идею управления совокупным спросом, описал инструменты фискальной и денежно-кредитной политики, косвенные средства макроэкономического контроля. Слушатели ожидали, что гость будет выступать с кейнсианских позиций. Однако Тобин с опорой на данные китайской экономической статистики заявил, что экономика КНР перегрета и рекомендовал удерживать инфляцию на уровне ниже 7%. Он указал, что быстрый рост и высокая инфляция плохо сказываются на экономике, поэтому Китаю следует применить сдерживающую денежно-кредитную политику. Эти рассуждения напрямую коснулись содержания споров китайских экономистов о приемлемости высокой инфляции в период ускоренного развития. Взгляды Тобина оказались созвучны позиции У Цзинляня и Го Шуцина, призывавших к сдерживанию темпов роста экономики КНР [Gewirtz, 2017. P. 145].

Реакция китайской аудитории на выступление Тобина обогатила язык китайской экономической науки. Изложение проблем макроэкономического управления вне рамок марксистской парадигмы было непонятно многим слушателям, не знакомым с западной научной терминологией. Усилия переводчиков не помогли преодолеть барьер из-за отсутствия устоявшегося китайского терминологического аппарата. Прямо на совещании У Цзинлянь и Лим начали искать подходящий китайский эквивалент термину «макроэкономическое управление». Перевод с помощью сочетания «хунгуань тяочжэн» («макроэкономическая корректировка») Лим счел слишком слабым, тогда как У Цзинлянь отверг использование варианта «хунгуань кунчжи» («макроэкономический контроль»), напоминая о понятийном аппарате централизованной плановой экономики. Совместными усилиями два экономиста изобрели новый китайский термин «тяокун», сочетающий «регулирование» (*тяо*) и «контроль» (*кун*). После его использования переводчиками на Башаньском совещании, термин «хунгуань тяокун» прочно вошёл в язык современной китайской экономической науки [Линь Чжунгэн, 2008. С. 39].

Кернкросс рассказал о переходе Великобритании от жёсткого контроля к мягкому, сосредоточив внимание на опыте борьбы с инфляцией во время отмены контроля над ценами после Второй мировой войны. Эммингер поделился опытом послевоенного восстановления Германии, сделав акцент на использовании монетарной политики для макроэкономического контроля. Альберт сделал сообщение о макроэкономической политике Франции.

Наряду с вопросами макроэкономического контроля на совещании особое внимание было уделено теме целевой модели реформы. Хотя Постановление пленума ЦК КПК 1984 г. дало политическую установку по вопросу целевой модели реформы, принципы, провозглашенные властями, нуждались в конкретизации. Даже после принятия Постановления часть китайских экспертов по-прежнему делала акцент на плановой экономике, другие подчёркивали необходимость товарной экономики [Лю Гогуан, 1985. С. 3; Чжан Ци, 2021. С. 183]. Постановка вопроса о цели реформы была крайне важной, поскольку прежде для характеристики преобразований использовали метафору «перехода через реку, нащупывая камни», когда направление следующего шага определяют эмпирически, исходя из сложившейся ситуации.

Восточноевропейский ракурс китайских преобразований

Важную роль в продвижении китайских научных поисков сыграли участники совещания из Восточной Европы, поделившиеся своими взглядами на переход от плановой экономики к рыночной. Брус призвал к созданию в Китае фондового рынка, предложил развивать многообразные формы собственности. Он отметил, что необходимо с помощью политики доходов контролировать фонд потребления, и выступил за контроль над внешнеэкономической деятельностью [Чжан Ци, 2021. С. 189]. Байт познакомил китайских слушателей с югославским опытом реформ. Однако контекст изложения не оставлял сомнений в том, что заимствование этого опыта в Китае невозможно, он пригоден лишь для понимания того, чего делать не стоит.

Самый значительный отклик у китайских слушателей вызвал доклад Корнаи, обобщившего опыт венгерских реформ начиная с 1950-х гг. Этот резонанс не был случайным. Сходство научных интересов стало заметным за несколько лет до Башаньского совещания, когда в 1981 г. Корнаи впервые познакомился с китайским коллегой У Цзинлянем на конференции Международной экономической ассоциации «Экономика относительных цен» в Афинах. В то время китайские исследователи не были известны за рубежом и не могли рассчитывать на приглашение от организаторов заграничного научного форума. У Цзинлянь отправился в Афины по рекомендации видного китайского учёного Юй Гуаньюаня [Gewirtz, 2017. P. 98].

В Афинах Корнаи изложил основные идеи вышедшей в 1980 г. книги «Экономика дефицита» [Корнаи, 1990], подчеркнув, что «дефицит есть системная беда социалистического планового хозяйства» [Kornai, 1984; Kornai, 2006. P. 250]. Развернувшийся после его выступления спор наглядно проиллюстрировал различия в подходах к реформам со стороны советских и китайских экономистов.

Председатель Советской экономической ассоциации В. Хачатуров выступил в Афинах с критикой тезиса Корнаи о типичности дефицита для социалистической экономики, лишённой направляющих капиталистическую экономику «количественных сигналов избытка». Он назвал эту картину «искажённой». Хачатуров указал, что в СССР за предыдущие 15 лет было построено 33 млн новых квартир, 120 млн человек получили квартиры в новых домах и ещё 40 млн получили квартиры в старых домах. Хотя ещё есть нуждающиеся в новых квартирах и их строительство нужно наращивать, нет оснований говорить о дефиците в социалистических странах по сравнению с избытком при капитализме. Советский экономист настаивал на том, что дефицит в социалистических странах обычно возникает в связи с прогрессивными изменениями в экономическом развитии, появлением новых отраслей экономики, внедрением новой техники. Характерной особенностью социалистической экономики дефицит не является, он возникает в результате составления несбалансированного плана или в ходе его осуществления. Ошибки в планировании способны порождать не только дефицит, но и излишки, поэтому диспропорции нужно устранять для того, чтобы через экономическое планирование осуществлять рациональное распределение ресурсов. Хотя предприятие как часть социалистической экономики не может обанкротиться, это не означает «мягкого» отношения к деятельности предприятий. Если у предприятия плохое управление, то имеется достаточно средств для смены руководства, наказания плохих руководителей, повышения производительности и улучшения работы предприятия. Хачатуров не согласился с Корнаи по поводу патерналистского характера отношений между государством и предприятиями в социалистических странах [Csikós-Nagy, 1984. P. 81–82].

У Цзинлянь, напротив, активно поддержал позицию Корнаи. Зарубежные исследователи отмечают, что другие участники конференции, включая самого Корнаи, никогда прежде не встречавшиеся с китайскими экономистами, «были поражены этим неожиданным вмешательством» [Gewirtz, 2017. P. 100]. Благодаря развернувшемуся в КНР, начи-

ная с 1977 г., активным спорам о недостатках централизованной командной экономики, У Цзинлянь смог провести параллели между концепциями Корнаи и китайской реальностью. Опыт критического осмысления планового хозяйства в КНР сделал проведённый Корнаи анализ функционирования социалистической экономики понятным и узнаваемым для китайского исследователя [Csikós-Nagy, 1984. P. 82].

У Цзинлянь рассказал, что в конце 1950-х гг. в Китае сформировалась высокоцентрализованная экономическая система, в которой функции товара и денег были сведены к минимуму. В китайских условиях «патерналистские отношения» указывали на отсутствие внутренней мотивации деятельности предприятий, зависевших от административных импульсов и не заинтересованных в удовлетворении запросов потребителей, экономии средств и увеличении прибыли. Поскольку предприятия отдавали административным органам все доходы, получая компенсацию расходов за счёт государства, «бюджетное ограничение» ослабло до крайне низкого уровня, что вело к значительному разбазариванию ресурсов. «Питание из одного котла» государственной казны позволило китайским предприятиям не заботиться о ценах, которые они платят как покупатели. У Цзинлянь отметил, что на фоне возникновения обозначенной Корнаи «низкой чувствительности к ценам» предприятия стремились всеми силами запастись дефицитное сырьё и капитальные товары, что делало проблему их нехватки ещё более острой. Китайский учёный подчеркнул, что экономисты КНР пришли к согласию в том, что эти негативные явления связаны с системой, тормозившей развитие рыночных отношений. Он похвалил венгерского коллегу за описание и анализ понятий «бюджетное ограничение» и «ценовая чувствительность» и постановку вопросов «фундаментально и в более конкретной форме» [Csikós-Nagy, 1984. P. 83].

У Цзинлянь отметил, что исследования Корнаи полезны для проходившей в то время в КНР острой дискуссии об использовании рыночного механизма в управлении экономикой. Венгерский экономист сосредоточил внимание на анализе недостатков функционирования централизованной экономики с точки зрения деятельности предприятий на уровне микроэкономики, не вдаваясь в проблемы на макроуровне. Для восполнения этого пробела У Цзинлянь рассказал о китайском опыте реформы цен в интересах расширения инициативы предприятий и установления связи между их доходами и расходами. Он отметил, что нормальное функционирование экономики зависит не только от реакции предприятий на цены, но и от той роли, которую рынок играет во всей экономике. Китайский учёный выразил сожаление, что ещё не прочёл «Экономику дефицита», предположив, что в этой оригинальной книге о функционировании социалистического хозяйства можно найти ответы на возникшие вопросы [Csikós-Nagy, 1984. Pp. 82–85].

Отвечая на комментарии участников обсуждения, Корнаи заявил, что очереди на жилье не являются необходимой платой за улучшение жилищных условий. Он призвал восточноевропейских экономистов не бояться изучать слабости своей системы. Поскольку дефицит в социалистических странах существует десятилетиями и в разных сферах, у него должна быть глубинная причина, которая не сводится к ошибкам планирования. Корнаи указал на необходимость научного исследования устойчивых факторов, систематически порождающих дефицит [Csikós-Nagy, 1984. Pp. 85–86].

Позднее Корнаи отметил, что критика со стороны Хачатурова подтвердила его уверенность в том, что «у послания “Экономики дефицита” был сильный политический подтекст» [Kornai, 2006. P. 250]. Однако для У Цзинляня этот подтекст оказался вполне приемлемым, что засвидетельствовал в своих воспоминаниях Корнаи: «Он сказал, что нашёл мой аргумент убедительным. Он надеялся, что люди в Китае познакомятся с моими идеями и повлияют на развитие его страны. С тех пор мы встречались несколько раз. Он был движущей силой китайских изданий моих книг» [Kornai, 2006. P. 250].

У Цзинлянь также надолго сохранил память об участии в споре о взглядах Корнаи на конференции в Афинах. Он признал, что в 1981 г. Корнаи «достаточно тонко» выражал

свои подлинные взгляды в условиях самоцензуры, тогда как сам У Цзинлянь в то время ещё не освободился от «ограничений политической экономии советского образца» и только начал осваивать принципы современной экономической науки [Wu Jinglian, 2018. P. 1].

Личная дружба двух экономистов проложила путь к проникновению взглядов Корнаи в китайскую научную среду. Через несколько лет после встречи в Афинах У Цзинлянь рекомендовал пригласить Корнаи для участия в Башаньском совещании, в преддверии мероприятия он раздал китайским участникам переведённые на китайский язык фрагменты «Экономики дефицита». За несколько дней до совещания, 28 августа 1985 г., У Цзинлянь рассказал в КАОН о недавно написанном Корнаи для Всемирного Банка докладе «Двойная зависимость государственной фирмы: венгерский опыт». Исследователь истории китайской экономической реформы Гевирц полагает, что перед Башаньским совещанием У Цзинлянь «настойчиво пытался позиционировать Корнаи как ведущего международного мыслителя, идеи которого имеют непосредственное отношение к проблемам Китая» [Gewirtz, 2017. P. 142].

Весной 1985 г. аспиранты КАОН Го Шуцин, Лю Цзижуй и Цю Шуфан, тщательно изучившие работы Корнаи, предложили правительству КНР провести всесторонний анализ программы китайских реформ. После того, как их предложение было одобрено Госсоветом КНР, группа, включавшая инициировавших это предложение трех аспирантов и ещё одного аспиранта Лоу Цзивэя, разработала первый в Китае комплексный и скоординированный план рыночных реформ. По словам У Цзинляня, «этот пакет реформ содержал сильный отпечаток идей Корнаи» [Wu Jinglian, 2018. P. 2].

Обсуждение целевой модели реформ

Сходство экономических проблем социалистических стран помогало взаимному пониманию, однако различия были очевидны. Корнаи вспоминал, что к 1985 г. Китай заметно опередил Венгрию по смелости преобразований сельского хозяйства [Kornai, 2006. P. 323]. Встал вопрос о том, что следует делать после этого успеха с остальной экономикой Китая.

Корнаи исходил из того, что после отмены в 1968 г. в Венгрии командной плановой экономики при сохранении господства государственной собственности и власти ВСРП «бюрократический и рыночный механизмы могли сосуществовать, хотя трения между ними были велики» [Kornai, 2006. P. 324]. Он считал венгерские реформы незавершёнными, стараясь убедить китайскую аудиторию в том, что отмена командной экономики продвинет преобразования далеко вперед. Корнаи рассказывал китайским слушателям о трудностях и опасностях, связанных с непоследовательностью венгерской реформы, «мягким бюджетным ограничением» и перекосами в системе цен. Он предупреждал, что стремление Китая к быстрому росту порождает риски инфляции и пренебрежения некоторыми секторами экономики, рекомендуя «гармоничное развитие вместо спешки и форсированного роста» [Kornai, 2006. P. 324].

На Башаньском совещании Корнаи рассказал о четырёх способах координации — административной, рыночной, этической и насильственной. В современной социалистической системе моральная координация не играет ведущей роли, а насильственная носит временный характер. Поэтому главными способами координации остаются административный и рыночный [Чжоу Шулянь, 1986. С. 10]. Корнаи подчеркнул, что Китаю нужно сделать выбор среди четырёх вариантов государственной политики экономического регулирования:

- IA — прямое административное регулирование;
- IB — косвенное административное регулирование;
- IIA — невмешательство в рыночную координацию;
- IIB — рыночная координация с макроэкономическим контролем.

Корнаи заявил, что модель ПВ рыночной координации с макроэкономическим контролем является единственным разумным выбором в качестве целевой модели для реформ в Китае [Лю Гогуан, 1985. С. 3–6; Чжао Жэньвэй, Хэ Цзячэн, 1985а. С. 35–36; Gewirtz, 2017. P. 148].

Венгерский экономист допускал координацию с помощью косвенных административных методов или рыночную координацию при макроэкономическом контроле. Оба варианта не требуют директивного планового управления, деятельность предприятий контролируется экономическими методами. В первом случае источником координации выступает государство, разрабатывающее единые методы контроля и принимающее экономическое законодательство, в соответствии с которым должны действовать предприятия. Этот путь не всегда эффективен, так как у предприятий остаются возможности для торга с государственными органами управления, их процветание или упадок по-прежнему зависят от защиты и заботы со стороны государства [Чжан Чжоюань, 2012. С. 201].

В качестве долгосрочного ориентира реформ Корнаи считал наиболее эффективной модель ПВ, допуская временное использование модели ИВ. Он объяснял, что Венгрия перешла от модели IA к модели ИВ, поэтому реформа была непоследовательной, остались «нежёсткие бюджетные ограничения», руководители предприятий отвечали перед вышестоящими начальниками, а не перед рынком. Корнаи указывал, что передача прав от центра на места не означает, что правительство не контролирует предприятия, поэтому надо соединить разделение прав между центром и местами и предоставление правительством прав предприятиям. Чтобы продвигаться в сторону модели ПВ, страна должна непрерывно проводить реформу цен, чтобы обеспечить их правильное соотношение, строго соблюдать экономическое законодательство, открывать фондовый рынок [Чжан Чжоюань, 2012. С. 201–202].

Предложенная Корнаи типология моделей экономического регулирования некоторым китайским участникам показалась спорной. Они указывали, что это была теоретическая абстракция, в которой Корнаи учёл только способ координации, не принимая во внимание важный вопрос собственности. Противопоставление административной и рыночной координации не в полной мере соответствовало реальности, поскольку в истории экономики любые модели включают оба типа координации. Между косвенной административной моделью ИВ и контролируемой на макроуровне рыночной ПВ не было чёткой границы, равно как между прямой административной моделью IA и косвенной административной ИВ [Чжоу Шулянь, 1986. С. 11].

Особенностью венгерской модели социалистической экономики, относившейся по классификации Корнаи к косвенной административной модели ИВ, учёный назвал двойную зависимость государственных предприятий — от рынка (по горизонтали) и от вышестоящих органов (по вертикали), когда предприятия одним глазом смотрят на рынок, другим — на вышестоящие инстанции. Китайские экономисты отмечали, что хотя эта модель не может рассматриваться как целевая модель для Китая, она неизбежно станет одним из переходных этапов реформы и будет более прогрессивной по сравнению с традиционной плановой системой [Чжоу Шулянь, 1986. С. 12].

В середине 1980-х китайские научные круги интересовались не только венгерской, но и югославской моделью, основные особенности которой Корнаи обобщил как модель ПА. Однако отсутствие должного макроконтроля в рыночной модели югославского образца породило серьёзные негативные последствия. О них на Башаньском совещании рассказал Байт — это высокая безработица, двузначная инфляция, циклические колебания, внешняя задолженность [Чжоу Шулянь, 1986. С. 12].

Чжоу Шулянь пришёл к выводу, что модель ПА не подходит для социалистических стран. Корнаи показал, что после отказа от директивного планирования социалистическая экономика может функционировать, но не может окончательно изменить системные осо-

бенности поведения предприятий. Многие участники Башаньского совещания согласились с предложением Корнаи относительно необходимости продвижения в сторону модели ПВ – контролируемого на макроуровне рынка. Однако Чжоу Шулянь заметил, что «в полной мере она не внушает доверия» [Чжоу Шулянь, 1986. С. 12]. По его мнению, содержание этой модели сформулировано нечётко. Не ясно, что имеется в виду под рыночным регулированием в качестве основы и каким образом государство осуществляет контроль над экономикой. Кроме того, такая модель не обязательно соответствует требованиям, предъявляемым к социалистической модели. Альбер на совещании отмечал, что такая модель действует во Франции, т.е. в капиталистическом государстве, тогда как китайская реформа представляет собой совершенствование социалистической системы. Чжоу Шулянь также подчеркнул, что логика рассуждений Корнаи не безупречна. Корнаи заявил о несоответствующем характере традиционной модели и указал, что две другие модели не могут служить целевым ориентиром, поэтому следует выбрать четвёртую. Однако набор возможных вариантов может быть более многообразным, чем эти четыре модели. В связи с этим китайский экономист предостерёг от легковесного подхода к предложенной Корнаи классификации, посоветовав при конкретизации целевой модели китайской реформы впитать уроки Башаньского совещания и продолжить изучение проблемы [Чжоу Шулянь, 1986. С. 12–13].

По итогам Башаньского совещания Лю Гогун предостерёг от того, чтобы легкомысленно рассматривать модель ПВ как целевую [Лю Гогун, 1985. С. 6]. Через два десятилетия Чжао Жэньвэй признал, что участники совещания в принципе согласились рассматривать модель ПВ в качестве цели китайской реформы, однако до сих пор она не достигнута в Китае в полной мере [Чжан Ци, 2021. С. 188; Чжао Жэньвэй, 2008. С. 25].

Корнаи также рассказал о доле частной экономики в Венгрии и о поведении предприятий в социалистической экономике — как они торгуются с вышестоящими органами по поводу цен и субсидий, о «мягком бюджетном ограничении предприятий». «Жёсткое бюджетное ограничение», о котором он говорил, совпадало с китайским пониманием самокупаемости (*цзы фу ин куй*) как собственной ответственности предприятия за прибыли и убытки [Чжоу Шулянь, 1986. С. 19].

При обсуждении исходного пункта реформ участники совещания признавали, что в КНР он был ниже, чем в странах Восточной Европы. Китайская экономика была намного более централизованной и закрытой, Брус назвал её «половиной модели IA» [Чжоу Шулянь, 1986. С. 16].

Многие участники Башаньского совещания исходили из того, что перегрев экономики КНР требует использования косвенного макрорегулирования для экономической стабилизации. Начатая реформа цен создавала условия для ужесточения «бюджетных ограничений». Следующим после реформы цен этапом преобразований должна была стать реформа финансовой системы [Чжоу Шулянь, 1986. С. 20].

В ходе обсуждений на совещании китайские экономисты настойчиво добивались от иностранных коллег ответа на вопрос о соотношении радикального и постепенного путей преобразований, о достоинствах и недостатках этих стратегий. Попытки зарубежных собеседников рекомендовать Китаю быстрые всеобъемлющие реформы не находили позитивного отклика даже в тех случаях, когда эти доводы предлагали известные экономисты, способные представить глубокую аргументацию в пользу своей позиции. Напротив, китайские исследователи всё больше убеждались в правильности собственного подхода. В итоге настрой аудитории повлиял на мнение иностранных гостей, многие из которых с разными оговорками признали, что на том этапе постепенный подход лучше всего отвечал потребностям китайских реформ.

«Старшему поколению китайских экономистов, у которых никогда не было возможности учиться за границей в Йеле или Оксфорде, но которым была поручена масштабная задача разработки экономических реформ в Китае, конференция предложила интенсив-

ное интерактивное обучение у ведущих международных экономистов методам решения политических проблем» [Gewirtz, 2017. P. 151]. Большим достижением совещания стало расширение китайской стороной понимания того, как теория и практика макроуправления перешли от подхода невмешательства 1920-х и 1930-х гг. к управлению совокупным спросом и активной макроэкономической политике 1980-х гг. Большинство дискуссий касалось косвенного контроля над рыночной экономикой посредством управления совокупным спросом путем комбинированного использования фискальной, денежно-кредитной политики и политики доходов [Lim, 2021. P. 34].

Влияние Башаньского совещания на реформы в КНР

В октябре 1985 г. Китайское общество изучения реформы экономической системы и КАОН подготовили для Госсовета КНР доклад о Башаньском совещании. По итогам совещания Общество опубликовало сборник «Управление макроэкономикой и реформа — избранные выступления на международном совещании по макроэкономическому управлению». Книга вышла в издательстве Цзинцзи жибао чубаньшэ («Экономическая газета») в июле 1986 г. тиражом 20 тыс. экземпляров.

О содержании совещания можно было узнать и из книг «Макроэкономическое управление и изменения — избранные выступления на международном совещании по макроэкономическому управлению» (июнь 1986 г.) и «Реформа экономической системы в Китае — сборник статей международного совещания по макроэкономике на судне “Башань”» (февраль 1987 г.). В основном их содержание было сходным, однако в первый сборник вошли первоначальные варианты статей, поэтому, по словам китайских авторов, он обладал более «натуральным вкусом» [Чжан Чжоюань, 2012. С. 200].

После Башаньского совещания в Китае продолжились дискуссии об инфляции и макроконтроле. По мнению современных китайских авторов, проходящая через весь процесс реформ дискуссия об «обеспечении темпов роста» и «борьбе с инфляцией» по сути была продолжением спора дореформенного периода о «высоких темпах» и «пропорциональности» [Чжан Ци, 2021. С. 193–194]. Проведённый иностранными участниками совещания анализ макроэкономической ситуации в КНР подтвердил уверенность реформаторского течения в китайском экспертном сообществе в необходимости проведения стабильной экономической политики [Чжан Ци, 2021. С. 190].

Обсуждение способствовало не только смене политики и инструментов макроконтроля, но и изменению парадигмы исследования макроэкономики, постепенному переходу от политической экономии советского образца к современной макроэкономике [Чжан Ци, 2021. С. 176]. В китайских публикациях наиболее важным итогом совещания называли распространение в Китае западной макроэкономики. После того, как в 1980-е гг. в китайских учебных заведениях возобновилось преподавание западной экономической науки, первая партия экономистов, получивших профессиональное образование, стала использовать понятия и методы западной экономической науки для изучения проблем экономики КНР. «В этом смысле Башаньское совещание стало водоразделом в смене старой парадигмы китайских макроэкономических исследований на новую» [Чжан Ци, 2021. С. 193].

Поставленная задача быстрого и прямого освоения современных иностранных идей была решена. Башаньское совещание стало «веховым» событием, поскольку привлекло в Китай теорию и опыт западного макроэкономического управления [Чжан Чжоюань, 2012. С. 211]. Как обобщил Сюэ Муцяо, чтобы оживить микроэкономiku, нужно усиливать контроль над макроэкономикой. По итогам мероприятия был сделан вывод, что после оживления микроэкономики правительство при макроконтроле должно переходить от прямого планового управления к косвенному, т.е. использовать экономические и правовые методы.

Экономические методы должны включать финансовую и монетарную политику. Рыночная координация способствует оптимальному размещению ресурсов, она эффективна, поэтому можно рассмотреть вопрос о возможности принять её как среднесрочную и долгосрочную цель. Также был сделан вывод о необходимости углублять реформу предприятий, развивать негосударственную экономику. Для этого следовало ужесточить бюджетные ограничения, чтобы предприятия перестали смотреть одним глазом на рынок, а другим — на правительство [Чжан Чжоюань, 2012. С. 211–212].

Гао Шанцюань отметил, что на Башаньском совещании состоялось обсуждение сосуществования двух видов цен в Китае и других социалистических экономиках. Корнаи считал, что цены на товары опираются друг на друга. Если в одном звене цена нерациональна, это сразу же передастся на другие звенья: частью это будут рыночные цены, частью — административные, цены не смогут давать правильный сигнал, трудно будет решить проблему «нежестких бюджетных ограничений». Брус допускал, что китайские двухколейные цены могли быть полезным изобретением как переходная мера, однако период их сосуществования не может быть длительным [Гао Шанцюань, 2018. С. 11].

По прошествии тридцати лет Гао Шанцюань заключил, что Башаньское совещание стало важным событием для реформ и для практики развития Китая. Даже с точки зрения сегодняшнего дня многие обсуждавшиеся тогда базовые концепции не утратили справочного значения. В то время у Китая не было опыта рыночных преобразований, и проведение реформы в такой большой стране не имело прецедента, поэтому выслушать большое количество рекомендаций было очень полезно [Гао Шанцюань, 2018. С. 12].

После участия в Башаньском совещании Корнаи до конца жизни сохранил интерес к китайскому опыту реформ. Кернкросс создал в Оксфордском университете Центр исследований современного Китая, где начали готовить молодых экономистов. В 1986–1994 гг. по пять–семь человек по рекомендации Государственного комитета по реформе экономической системы, Государственного планового комитета, КАОН и Центра исследований развития Госсовета КНР направлялись туда учиться современной экономической науке [Линь Чжунгэн, 2018. С. 48–49].

В китайских публикациях о Башаньском совещании второй половины 1980-х гг. на первый план были вынесены проблемы содержания реформы экономической системы, на второй — макроэкономическое управление. Это прослеживается в обобщающих итогах совещания статьях Лю Гогуана, Чжао Жэньвэй и Хэ Цзячэна [Лю Гогуан, 1985; Чжао Жэньвэй, Хэ Цзячэн, 1985а; Чжао Жэньвэй, Хэ Цзячэн, 1985b]. Возможно, китайские учёные считали вопросы реформы системы важной теоретической проблемой, видя в макроэкономическом управлении лишь опыт управления. С точки зрения традиционной китайской научной мысли первое относится к возвышенным принципам Пути-дао, второе образует приземлённое практическое искусство (*шу*). Однако иностранные участники мероприятия рассказывали не об опыте управления, а о макроэкономическом контроле [Чжан Ци, 2021. С. 184].

Особое внимание привлекли идеи Корнаи. У Цзинлянь утверждал, что представленный венгерским учёным анализ целевых моделей реформы стал выдающимся событием, получившим высокую оценку со стороны участников Башаньского совещания, любые достижения этого мероприятия невозможно отделить от воздействия идей Корнаи. Вскоре после проведения совещания в сентябре 1985 г. на IV-м Пленуме ЦК КПК 12-го созыва были обнародованы «Предложения ЦК КПК по седьмому пятилетнему плану», включавшие проекты проведения скоординированных рыночных реформ. Организатор Башаньского совещания — Лим — указывал, что анализ участниками мероприятия социалистической плановой экономической системы с использованием современных методов экономического анализа достиг новой высоты благодаря работе Корнаи [Wu Jinglian, 2018. P. 3].

Среди многочисленных китайских откликов на сообщение о кончине Корнаи (2021 г.) появился парафраз строки известного стихотворения поэта эпохи Тан Ли Шаньиня

(813–858 гг.) «В дождливую ночь посылаю на север». Он описал полночный ливень в горах Башань, по имени которых было названо вошедшее в историю современной китайской экономической мысли речное круизное судно. В изменённом виде строчка из стихотворения гласила: «В дождливую ночь в горах Башань вспоминаю, как с ушедшим Корнаи обсуждаю дефицит»¹. Изящное соединение формы традиционной китайской литературы с содержанием стратегии рыночных реформ стало указанием на превращение совещания на судне «Башань» в неотъемлемую часть истории научных контактов Китая и Запада. «С точки зрения сегодняшнего дня, Башаньское совещание является ключевым событием в истории реформы экономической системы Китая и вехой в растущей уверенности Китая в своей способности управлять рыночной экономикой» [Lim, 2021. P. 34].

Самым важным последствием споров на Башаньском совещании стал осознанный выбор китайских реформаторов в пользу постепенного продвижения преобразований умеренными темпами и с разбивкой на этапы. Проблема выбора между градуализмом и радикальным «пакетным» (*иланьцзы*) подходом возникла в китайских научных кругах за несколько лет до совещания. Уже тогда большинство исследователей высказывались в пользу постепенности и «малых комплектов» (*сяо пэйтао*) реформ. Коллеги из Восточной Европы относились к этому выбору скептически: Брус уверял, что во всём мире не найти примера успешных градуалистских реформ, а Корнаи предостерегал, что этот путь приведёт к разнобою в «правилах движения». Однако дискуссии на Башаньском совещании показали, что аргументы иностранцев в пользу быстрых всеобъемлющих реформ не опираются на китайскую реальность. Не было оснований опасаться, что китайское руководство, подобно властям стран Восточной Европы, откажется от преобразований на полпути. Более того, процесс отказа от жёсткого государственного регулирования в ряде стран Западной Европы после завершения Второй мировой войны происходил постепенно. Башаньское совещание убедило китайскую сторону в том, что выбор между «пакетным» решением и градуализмом следует делать исходя из практической специфики своей страны, а не на основе «метода логических умозаключений» или копирования чужого опыта [Лю Гогуан, 1985. С. 7].

Эти выводы сыграли ключевую роль при выборе пути реформ во второй половине 1980-х и 1990-е гг. Китай отверг «шоковые» стратегии преобразований до того, как они обрели популярность в постсоциалистических странах. Подчёркнутый акцент на собственной специфике, включая огромный масштаб страны, большое население и экономическую отсталость, давал возможность обосновать отказ от копирования чужого опыта и подкрепить выбор в пользу постепенности в осуществлении «малых наборов» реформ. Проведённое при поддержке Всемирного Банка совещание с ведущими западными экономистами побудило китайских реформаторов сделать собственные выводы, кардинально отличавшиеся от рекомендаций зарубежных экспертов.

Со времени Башаньского совещания минуло более трех десятилетий, однако китайская экономическая система так и не встала на рельсы полной либерализации и маркизации. Государство сохранило значительное присутствие в экономике, проблема расширения роли рынка в распределении ресурсов остается важной и поныне, появляются новые формы «мягких бюджетных ограничений». Многие насущные вопросы, которые были поставлены в 1985 г., не получили окончательного решения. И это означает, что темы споров на Башаньском совещании сохраняют актуальность даже на нынешнем, гораздо более продвинутом, этапе осуществления китайских реформ.

¹ Башань еюй юй сы гужэнь Кээрнай чанлунь дуаньцзюэ [В дождливую ночь в горах Башань вспоминаю, как с ушедшим Корнаи обсуждаю дефицит]. <https://www.master-insight.com/%E5%B7%B4%E5%B1%B1%E5%A4%9C%E9%9B%A8%E6%80%9D%E6%95%85%E4%BA%BA-%E7%A7%91%E7%88%BE%E5%A5%88%E6%9A%A2%E8%AB%96%E7%9F%AD%E7%BC%BA/> (дата обращения — 10.04.2022) (На кит. яз.).

ЛИТЕРАТУРА

- Корнаи Я. (1990). Дефицит. — М.: Наука.
- Вэй Чжун (2019). Чжунго гайгэ чу ци дэ сысян цзефан, Чжун вай цзяолю хэ лилунь чуансинь [Освобождение сознания, обмен между Китаем и границей и теоретические инновации начального периода реформ в Китае] // Чжунго цзинцзи ши яньцзю. № 6. С. 146–159. (На кит. яз.).
- Гао Шаньюань (2018). Циньли «Башань лунь хуэйи» [Собственное участие в «Башаньском совещании»] // Цюаньццюхуа. № 8. С. 5–11. (На кит. яз.).
- Линь Чжунгэн [Лим Э.] (2008). Чжунго гайгэ кайфан гочэн чжун дэ дуйвай сысян кайфан [Идейная открытость Китая внешнему миру в процессе реформ и открытости] // Чжунго цзинцзи: 50 жэнь кань саньши нянь — хуэйгу юй фэнъси [Китайская экономика: 50 человек о тридцати годах — обзор и анализ] / У Цзинлянь и др. (ред.). — Пекин: Чжунго цзинцзи чубаньшэ. С. 26–42. (На кит. яз.).
- Линь Чжунгэн [Лим Э.] (2018). Циньли Чжунго цзинцзи сысян дэ дуйвай кайфан [Собственное участие в открытии внешнему миру китайской экономической мысли] // Чжунгун данши яньцзю. № 4. С. 42–52. (На кит. яз.).
- Лю Гогуан (1985). Цинцзи тичжи гайгэ юй хунгуань цзинцзи гуаньли — «Хунгуань цзинцзи гуаньли гоцзи яньтаохуэй» пиншу [Реформа экономической системы и макроэкономическое управление — Комментарий к «Международному симпозиуму по макроэкономическому управлению»] // Цинцзи яньцзю. № 12. С. 3–19. (На кит. яз.).
- Лю Хун (2019). Чжунго цзинцзисюэ жэнь дэ гуанжун юй мэньсян [Слава и мечты китайских экономистов]. — Чэндун: Сычуань жэньминь чубаньшэ (На кит. яз.).
- Мяо Дэган (2020). 20 шицзи 80 няньдай Чжунго цзягэ гайгэ сылу дэ синчэн — и 1984 нянь чжунциннянь цинцзи кэсюэ гунцзочжэ сюэшу таолуньхуэй вэй чжунсинь [Формирование идеи реформы цен в 80-е годы XX в. — В центре внимания — академический семинар 1984 г. для экономистов молодого и среднего возраста] // Чжунго цзинцзи сысянши юй даолу цзысинь [История китайской экономической мысли и уверенность в пути развития]. — Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ. С. 191–202. (На кит. яз.).
- Синь Чжунго цзинцзисюэ шиган (2012). [Основные линии исторического развития китайской экономической науки (1949–2011)] / Чжан Чжоюань (ред.). — Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ (На кит. яз.).
- Чжан Ци (2021). «Башань лунь хуэйи» юй Чжунго цинцзи яньцзю фаньши чжуаньхуань [«Башаньское совещание» и смена парадигмы экономических исследований в Китае] // Чжунго цинцзи ши яньцзю. № 6. С. 176–194. (На кит. яз.).
- Чжан Шугуан (2016). Чжунго цинцзи фэнъюнь ши [История ситуации в китайской экономической науке]. Т. 1. — Сингапур: Бафан вэньхуа чуанцзоши. (На кит. яз.).
- Чжао Жэньвэй, Хэ Цзячэн (1985a). Цзячэн хунгуань тунчжи, туйцзинь цинцзи гайгэ (шан) — цзи хунгуань цинцзи гуаньли гоцзи таолуньхуэй [Усиление макроэкономического контроля и продвижение экономических реформ (Часть 1) — Международный симпозиум по макроэкономическому управлению] // Цинцзисюэ дунтай. № 11. С. 35–40. (На кит. яз.).
- Чжао Жэньвэй, Хэ Цзячэн (1985b). Цзячэн хунгуань тунчжи, туйцзинь цинцзи гайгэ (ся) — цзи хунгуань цинцзи гуаньли гоцзи таолуньхуэй [Усиление макроэкономического контроля и продвижение экономических реформ (Часть 2) — Международный симпозиум по макроэкономическому управлению] // Цинцзисюэ дунтай. № 12. С. 33–37, 65. (На кит. яз.).
- Чжао Жэньвэй (2008). 1985 нянь «Башань лунь хуэйи» дэ хуэйгу юй сыкао [Воспоминания и размышления о «Башаньском совещании» 1985 г.] // Цинцзи яньцзю. № 12. С. 17–28. (На кит. яз.).
- Чжао Жэньвэй (2009). Игэ цинцзисюэцзя дэ сюэшу таньсо чжи люй — ду Кээрнай дэ цзы чжуань «Сысян дэ лилян» ю гань [Путь научного поиска одного экономиста — впечатления после прочтения автобиографии Корнаи «Силой мысли»] // Цинцзи шэхуэй тичжи бицзю. № 6. С. 178–186. (На кит. яз.).
- Чжоу Шулянь (1986). Цун Башань лунь хуэйи кань Чжунго цинцзи тичжи гайгэ [Реформа экономической системы в Китае с точки зрения Башаньского совещания] // Дандай шицзе шэхуэйчжуи вэньти. № 1. С. 10–21. (На кит. яз.).
- Gewirtz J. (2017). *Unlikely Partners: Chinese Reformers, Western Economists, and the Making of Global China*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kornai J. (1984). Adjustment to Price and Quantity Signals in a Socialist Economy // *The Economics of Relative Prices: Proceedings of a Conference held by the International Economic Association in Athens, Greece* / B. Csikós-Nagy, D. Hague, G. Hall (eds.). — London; Basingstoke: Macmillan. Pp. 60–77.
- Kornai J. (2006). *By Force of Thought: Irregular Memoirs of an Intellectual Journey*. — Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press.
- Lim E. (2021). *From Plan to Market: Collaborative Economic Work at the Start of the Partnership* // *At the Front Line: Reflections on the Bank's Work with China over Forty Years, 1980-2020*. — Washington, DC: International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank Pp. 28–34.
- The Economics of Relative Prices* (1984): *Proceedings of a Conference held by the International Economic Association in Athens, Greece* / B. Csikós-Nagy, D. Hague, G. Hall (eds.). — London; Basingstoke: Macmillan.
- Weber I.M. (2021). *How China Escaped Shock Therapy: The Market Reform Debate*. — London and New York: Routledge.
- Wu Jinglian (2018). *Speech in Honor of János Kornai on the Occasion of the Celebration of his 90th Birthday* (February, 2018). <https://www.kornai-janos.hu/WU-Jinglian-speech-in-honor-of-Janos-Kornai.pdf> (Дата обращения: 10.04.2022).

Борох Ольга Николаевна*borokh@hotmail.com***Olga Borokh***Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (Moscow)**borokh@hotmail.com***FOREIGN ECONOMISTS AND CHINESE REFORMS: THE CONTRIBUTION OF THE BASHAN CONFERENCE (1985) TO SHAPING THE STRATEGY OF TRANSFORMATION**

Abstract. The article examines the influence of communications between Chinese and foreign economists on the formation of the strategy of economic transformation in China. The Bashan International Conference on Macroeconomics (1985) was organized with the assistance of the World Bank, but the Chinese side independently set the scope of problems for discussion and the list of invited experts through the prism of its own interests. The conference took place against the background of the shift of focus of Chinese reforms from the countryside to the cities, the official proclamation of the slogan of building a “planned commodity economy”, as well as of noticeable economic “overheating” and rising inflation. The Chinese reformers sought to get acquainted with foreign knowledge of the theory and practice of market economy management at the macro level in order to adapt them to the specifics of China and fill in the gaps of the traditional paradigm of the socialist planned economy. Leading economists from developed countries (Tobin, Cairncross, Emminger) and socialist states of Eastern Europe (Brus, Kornai) were invited to the conference to discuss the problems of macroeconomic control and the relations between plan and market. The target model of reforms became a prominent topic of discussions. The Chinese side responded with interest to the typology of models of state policy of economic regulation proposed by Kornai, according to which reforms in socialist countries should proceed through the intermediate stage of indirect administrative regulation towards the target of market coordination with macroeconomic control. One of the important consequences of the Bashan conference was the formation of Chinese reform consensus that favoured of partial gradual transformations instead of the implementation of accelerated “package” reforms advocated by foreign experts. Since the mid-1980s Chinese economic circles gained confidence in their ability to independently develop a reform strategy.

Keywords: *China, economic reform, macro-control, Western economics, gradual transformation.*

JEL: B22, B24, P11, P21, P51.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Борох О.Н. Иностранные экономисты и китайские реформы: вклад Башаньского совещания (1985 г.) в формирование стратегии преобразований // Вопросы теоретической экономики. 2022. №4. С. 93–109. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_93_109.

FOR CITATION: Borokh O. Foreign Economists and Chinese Reforms: the Contribution of the Bashan Conference (1985) to Shaping the Strategy of Transformation // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2022. No. 4. Pp. 93–109. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_93_109.

REFERENCES

- Gao Shangquan (2018). Qinli «Bashan lun huiyi» [Personal Experience of “Bashan Boat Conference”] // *Quanqiuhua [Globalization]*. No. 8. Pp. 5–11. (In Chinese).
- Gewirtz J. (2017). *Unlikely Partners: Chinese Reformers, Western Economists, and the Making of Global China*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kornai J. (1984). Adjustment to Price and Quantity Signals in a Socialist Economy // *The Economics of Relative Prices: Proceedings of a Conference held by the International Economic Association in Athens, Greece* / B. Csikós-Nagy, D. Hague, G. Hall (eds.). — London; Basingstoke: Macmillan. Pp. 60–77.
- Kornai J. (1990). *Deficit [Shortage]*. — M.: Nauka. (In Russ.).
- Kornai J. (2006). *By Force of Thought: Irregular Memoirs of an Intellectual Journey*. — Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press.
- Lim E. (2021). From Plan to Market: Collaborative Economic Work at the Start of the Partnership // *At the Front Line: Reflections on the Bank's Work with China over Forty Years, 1980-2020*. — Washington, DC: International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank Pp. 28–34.
- Lin Zhonggeng [Lim E.] (2008). Zhongguo gaige kaifang guochengzhong de duiwai sixiang kaifang [The Opening of Thinking to the Outside World in the Process of China's Reform and Opening] // *Zhongguo jingji: Wushi ren kan sanshinian — huigu yu fenxi [China's Economy: Fifty People on Thirty Years — Reflections and Analysis]* / Wu Jinglian et al. (eds.). — Beijing: Zhongguo jingji chubanshe [Economic Press China]. Pp. 26–42. (In Chinese).

- Lin Zhonggeng [Lim E.] (2018). Qinli Zhongguo jingji sixiang de duiwai kaifang [Personal Experience of the Opening up of Chinese Economic Thought] // *Zhonggong dangshi yanjiu* [CPC History Studies]. No. 4. Pp. 42–52. (In Chinese).
- Liu Guoguang (1985). Jingji tizhi gaige yu hongguan guanli — «Hongguan jingji guanli guoji yantaohui» pingshu [Economic System Reform and Macroeconomic Management — Commentary on «International Symposium on Macroeconomic Management»] // *Jingji yanjiu* [Economic Research Journal]. No. 12. Pp. 3–19. (In Chinese).
- Liu Hong (2019). *Zhongguo jingjixue ren de guangrong yu mengxiang* [The 1980s and Chinese Economists]. — Chengdu: Sichuan renmin chubanshe [Sichuan People's Publishing House]. (In Chinese).
- Miao Degang (2020). 20 shiji 80 niandai Zhongguo jiage gaige silu xingcheng — yi 1984 nian zhongqingnian jingjixue gongzuozhe xueshu taolunhui wei zhongxin [The Formation of the Idea of Price Reform in the 80s of the XX Century — Focus on the 1984 Academic Seminar for Young and Middle-aged Economists] // *Zhongguo jingji sixiangshi yu daolu zixin* [The History of Chinese Economic Thought and Confidence in the Road]. — Shanghai: Fudan daxue chubanshe [Fudan University Press]. Pp. 191–202. (In Chinese).
- The Economics of Relative Prices* (1984). Proceedings of a Conference held by the International Economic Association in Athens, Greece / B. Csikós-Nagy, D. Hague, G. Hall (eds.). — London; Basingstoke: Macmillan.
- Weber I.M. (2021). *How China Escaped Shock Therapy: The Market Reform Debate*. — London and New York: Routledge.
- Wei Zhong (2019). Zhongguo gaige chu qi de sixiang jiefang, Zhong wai jiaoliu he lilun chuangxin [Ideological Emancipation, International Communication and the Theoretical Innovation in the Early Stage of China Economic Reform] // *Zhongguo jingjishi yanjiu* [Researches in Chinese Economic History]. No. 6. Pp. 146–159 (In Chinese).
- Wu Jinglian (2018). *Speech in Honor of János Kornai on the Occasion of the Celebration of his 90th Birthday* (February, 2018). <https://www.kornai-janos.hu/WU-Jinglian-speech-in-honor-of-Janos-Kornai.pdf> (Access date: 10.04.2022).
- Zhang Shuguang (2016). *Zhongguo jingjixue fengyun shi* [The History of Chinese Economic Studies]. Vol. 1. — Singapore: Bafang wenhua chuanguoshu [Global Publishing]. (In Chinese).
- Zhao Renwei, He Jiacheng (1985a). Jiaqiang hongguan tongzhi, tuijin jingji gaige (shang) — ji hongguan jingji guanli guoji taolunhui [Strengthening Macro-control and Promoting Economic Reform (Part 1) — The International Symposium on Macro-economic Management] // *Jingjixue dongtai* [Economic Perspectives]. No. 11. Pp. 35–40. (In Chinese).
- Zhao Renwei, He Jiacheng (1985b). Jiaqiang hongguan tongzhi, tuijin jingji gaige (xia) — ji hongguan jingji guanli guoji taolunhui [Strengthening Macro-control and Promoting Economic Reform (Part 2) — The International Symposium on Macro-economic Management] // *Jingjixue dongtai* [Economic Perspectives]. No. 12. Pp. 33–37, 65. (In Chinese).
- Zhao Renwei (2008). 1985 nian «Bashan lun huiyi» de huigu yu sikao [Retrospect and Reflection on the «Bashan Boat Conference» in 1985] // *Jingji yanjiu* [Economic Research Journal]. No. 12. Pp. 17–28. (In Chinese).
- Zhao Renwei (2009). Yige jingjixuejia de xueshu tansuo zhi lu — du Keernai de zizhuan «Sixiang de lilian» yougan [An Economist's Journey of Academic Exploration — Reading Kornai's Autobiography «By Force of Thought»] // *Jingji shehui tizhi bijiao* [Comparative Economic and Social Systems]. No. 6. Pp. 178–186. (In Chinese).
- Zhang Qi (2021). «Bashan lun huiyi» yu Zhongguo jingji yanjiu fanshi zhuanhuan [«The Bashan Boat Conference» and the Change of China's Economic Research Paradigm] // *Zhongguo jingjishi yanjiu* [Researches in Chinese Economic History]. No. 6. Pp. 176–194 (In Chinese).
- Zhang Zhuoyuan (ed.) (2012). *Xin Zhongguo jingjixue shigang (1949–2011)* [Historical Perspectives of Chinese Economics (1949–2011)]. — Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe [China Social Sciences Press]. (In Chinese).
- Zhou Shulian (1986). Cong Bashan lun huiyi kan Zhongguo jingji tizhi gaige [Looking at China's Economic System Reform from the Bashan Boat Conference] // *Dangdai shijie shehuizhuyi wenti* [Issues of Contemporary World Socialism]. No. 1. Pp. 10–21. (In Chinese).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

д.филос.н., ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ ПОСЛЕ БРЕКСИТА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА

Аннотация. Решение Великобритании покинуть Европейский Союз после референдума 2016 г. ознаменовало начало нового периода в развитии Европейского интеграционного проекта. Начавшись 70 лет назад, данный проект до последнего времени казался очень успешным в качестве формы наднационального правового, экономического и политического регулирования, демонстрируя большую жизненную силу и потенциал гибкого реагирования на новые вызовы. Брексит продемонстрировал другую сторону медали: Европейской идентичности был противопоставлен национализм; кооперации и солидарности — самоизоляция в критический момент миграционного кризиса; транснациональному европейскому конституционализму — восстановление принципа государственного суверенитета, и, что более важно, самим фактом выхода страны из Европейских политических институтов была поставлена под сомнение принципиальная идея неуклонного сближения стран Союза. Следует ли рассматривать это решение как результат стечения внутренних обстоятельств Соединённого Королевства, неблагоприятного для ЕС, или, напротив, оно безоговорочно свидетельствует о несовершенстве самого интеграционного проекта Европы? Какова реакция на это событие в различных частях Европы и как европейские власти осмысливают пространственный негативный эффект Брексита? Как обстоит дело с долговременными следствиями Брексита для континентальной и британской политической идентичности? Автор представляет свои варианты ответов на эти вопросы.

Ключевые слова: *Брексит, Европейский Союз, интеграционный проект, Европейская идентичность, легитимность, референдум, транснациональный конституционализм, национальный суверенитет, Британский конституционный кризис, европейские элиты, процесс принятия решений.*

JEL: F02? F15, F20, F52, F55, K00, K33.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_110_133.

Выход Великобритании из Европейского Союза — Brexit — сыграл роль детонатора тех деструктивных тенденций, которые в скрытом виде формировались в ЕС в течение всего периода его развития: основополагающей идее единой европейской идентичности он противопоставил её отрицание; общей европейской гражданственности — национализм; кооперации в решении значимых общих задач — отказ от неё (в критический момент миграционного кризиса); транснациональному европейскому конституционализму — восстановление принципа государственного суверенитета в полном объёме; наконец, представлению о неуклонном сближении стран Союза — разрыв с ним и выход из европейских структур власти¹.

¹ Первое обсуждение доклада автора по данной проблеме состоялось в Фонде «Либеральная миссия». См. доклад и дискуссию: Медушевский А.Н. Европейский Союз после Брексита: итоги и перспективы интеграционного проекта // Фонд «Либеральная миссия». 8.12.2021. URL: <https://liberal.ru/constitution/evropejskij-soyuz-posle-breksita-itogi-i-perspektivy-integracziionnogo-proekta> (дата обращения 26.06.2022).

31 января 2020 г. Соединённое Королевство формально покинуло Европейский Союз, а в январе 2021 г. завершился период перехода и имплементации соглашения о выходе. Так закончился процесс переговоров Королевства с ЕС об условиях выхода страны из Союза, мучительно проходивший после референдума 23 июня 2016 г., когда 51,9% голосовавших выбрали Брексит. Данное событие оказало мощное влияние как на Великобританию, где вызвало драматический раскол общества и элиты, так и на сам ЕС, поставив под вопрос всю конструкцию европейской интеграции, казавшуюся неизбежной в течение 70 лет её реализации. Философия основателей ЕС — К. Аденауэра, Ж. Монне, Р. Шумана — опиралась на концепцию коммунитаризма — эволюционное развитие Европейского Сообщества в сторону большего единства, вплоть до образования в перспективе нового сверхгосударства — Соединённых Штатов Европы. Её высшим выражением с окончанием холодной войны и распадом СССР стало создание ЕС Маастрихтским договором 1992 г. Однако в настоящее время Проект ЕС оказался под стрессом со стороны растущего популизма и евроскептицизма, увидевших в Брексите реальную альтернативу курсу на дальнейшее сближение стран Европы под руководством транснациональных структур Брюсселя.

Осмысление итогов Брексита (и череды ряда других кризисов ЕС: конституционного, экономического и еврозоны, миграционного и пандемии) привело к запуску (в 2017 г.) дискуссии о будущем Европы, параметрах необходимой корректировки учредительных договоров ЕС и его институциональной структуры [Медушевский, 2021]. Констатируя «кризис ЕС» на высшем уровне уже в 2018 г. [State of the Union, 2018], официальные европейские структуры — Европейские Парламент, Совет и Комиссия — не смогли выработать консолидированную позицию по вопросу о масштабах трансформации и перспективах интеграционного проекта, ограничившись обсуждением пяти взаимоисключающих сценариев его развития [White Paper on the Future of Europe, 2017], а созыв общеевропейской Конференции о будущем Европы, которая должна завершить свою работу в текущем году, едва ли приведёт к позитивному результату уже в силу ограниченности её мандата [Медушевский, 2022]. Данная ситуация ЕС определяется в категориях «кризиса легитимности», «дефицита демократии», «вакуума власти» и «утраты динамизма» Союза как самостоятельного актора мировой политики, позволяя констатировать наступление «макиавеллистического момента» — необходимости для европейских элит быстрого принятия политических решений в свете растущей угрозы самому существованию Союза [Медушевский, 2022].

Брексит, бросивший вызов теории транснационального конституционализма, оказался тестом на прочность для ЕС, позволив практически сформулировать ряд вопросов, ранее находившихся преимущественно в сфере абстрактных размышлений — содержание понятия конституционализма в европейском контексте; причины провала конституции ЕС; перспективы общего рынка и свободы торговли; актуальный смысл таких традиционно используемых классических понятий, как государство, суверенитет, конституция, демократия, демос, парламентаризм, разделение властей, национализм, гражданство, гражданское общество и публичная сфера. По мере того, как проходил шок европейских элит от Брексита, настало время общих аналитических размышлений о значении этого события.

Очевидно, что Брексит стал настоящим моментом истины для политических мыслителей, конституционалистов и экономистов, заставив переосмыслить содержание всего Европейского проекта и перспектив его развития. Является ли он доказательством несовершенства интеграционного проекта ЕС, свидетельствует ли о необходимости его корректировки в новых условиях мирового развития или стал результатом простого стечения неблагоприятных для ЕС обстоятельств внутренней политики Великобритании? Наконец, каковы долговременные следствия Брексита для Европы и всего мира?

Брексит как выражение кризиса демократической легитимности ЕС и попытка его преодоления

Брексит выступает как выражение кризиса легитимности ЕС и одновременно попытка выхода из него. Брексит для многих стал подтверждением того, что ЕС переживает «глубокий кризис легитимности». Этот кризис часто осмысливается в категориях идентичности, с учётом роста числа граждан ЕС, которые более не чувствуют себя «европейцами» или не идентифицируют себя с целями европейской интеграции. Однако, хотя публичная идентификация с Европой важна, корни кризиса легитимности ЕС, по признанию многих экспертов, коренятся в институтах ЕС и их всё более ощущаемой удалённости от граждан. Дискуссии по Брекситу ведутся в повышенно эмоциональном тоне — говорится о «предательстве Европы» и её идентичности в трудный момент внешних вызовов. Дебаты имеют «почти истерический характер». Brexit характеризуется как акт «самовредительства» (an act of «self-harm») или политическое «должностное преступление» («political malfeasance»), осуществлённое в эмоциональной обстановке, затрагивающей саму «душу и сердце» Европейского проекта (the «heart and soul» of the European project) [Wood, 2017]. Предлагается переформатировать дебаты о ЕС в контексте транснациональных и национальных угроз интеграционному проекту ЕС.

Кризисы ЕС последнего десятилетия подтверждают реальность этих вызовов: 1) продолжение кризиса еврозоны (начавшегося, фактически, с финансового кризиса 2008 г.); 2) кризис беженцев (с 2015); 3) усиление популистских антиевропейских партий в большинстве стран ЕС в ходе и после Брексита. Их средняя электоральная поддержка на национальных и европейских выборах более чем удвоилась с 1960-х гг. — возросла с 5,1 до 13,2%, а число их мест в парламенте — утроилось. Популисты вошли в правящие коалиции 11 стран — западных демократий, включая некоторые страны — члены ЕС. Они оказывают давление на мейнстрим, усиливая правый поворот в нем (в основном из-за миграции); 4) нелиберальный поворот в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) — Венгрии, Польше, Румынии — бросил вызов верховенству права, приведя к серьёзным уступкам авторитарным тенденциям. Они критичны в отношении некоторых направлений политики ЕС и вступают в конфликт с институтами ЕС; 5) кризис легитимности выступает выражением этих вызовов, демонстрируя падение доверия к правящим элитам и интеграции. Недостатки в публичном участии и подотчётности в ЕС наложились на отсутствие европейского «демоса», о котором ранее много говорили сторонники интеграции, произвели «демократический дефицит» в сердце Союза (максимум евроскептических настроений приходится уже на 2013 г.), что делает трудным достижение консенсуса между правительствами на уровне ЕС [Raines, Goodwin, Cutts, 2017].

В ряду этих кризисов Брексит (референдум 23 июня 2016 г.) может рассматриваться как итог и катализатор разрушительных процессов, имеющий принципиальное значение для европейского проекта. Если постанова вопроса о членстве государства в ЕС имела место и ранее (в случае Греции — потенциальный Grexit), то тогда речь шла не о добровольном выходе, а об исключении (за нарушение финансовой дисциплины), до которого дело так и не дошло [Terzi, 2020]. В результате Соединённое Королевство стало первой страной — членом ЕС (причём одним из государств — основателей Союза), решившей добровольно покинуть его (не в последнюю очередь из-за страха иммиграции из Восточной Европы). В первый раз ЕС столкнулся с вопросом не о включении новых государств (иногда целыми группами), а о выходе своего члена с неясными последствиями для будущего европейской интеграции. И при этом речь идёт об одной из ключевых экономик и наиболее динамичных стран, последовательно выступавшей за структурные реформы ЕС и усиление его конкурентоспособности. Но исход Брексита остается дискуссионным — его долгосрочным результатом может стать как ослабление, так и усиление ЕС.

Приверженность ЕС различным формам легитимности менялась с течением времени, а современная институциональная динамика угрожает демократии на уровне ЕС. Здесь, считает профессор Университета в Шеффилде М. Вуд, коренится истинная причина кризиса легитимности, равно как сила и потенциальная область развития [Wood, 2017]. С одной стороны, ЕС имеет удивительно высокий уровень транспарентности по международным стандартам. Это публично доступные веб-сайты; встречи европейских комиссаров с группами интересов — корпоративными представителями и медиа-организациями, которые вполне ясно отражают место Европейского Парламента, Совета, Комиссии, других представительных институтов на уровне ЕС. Для столь сложной системы институтов это впечатляющий уровень кооперативности и подотчётности, которого нет в Соединённом Королевстве. Действует система комитетов или, во фразеологии ЕС, «комитология» («comitology» in EU-speak), проверок и перепроверок со стороны различных агентств Комиссии, департаментов и проектов, выстраиваемых в соответствии со стандартами «хорошего управления», с жёстким контролем за расходованием средств и требованиями постоянной отчётности по бюджетным документам.

Однако, с другой стороны, как полагает Вуд, Брекситом выявлены институциональные противоречия ЕС. Главная из них — процедуры принятия решений европейскими структурами власти: зонтичные объединения для представительства групповых интересов по всему континенту имеют тенденцию к захвату хорошо обеспеченных и активных организаций «маленькими кликами» (a small clique), способными «оседлать процессы навигации сложных процессов отчётности». Когда парламент требует доказательств от «гражданского общества», те же группы оказываются в фокусе внимания. Данная игра происходит и в случае научного обеспечения проектов — те же университеты, аналитические центры и корпорации оказываются вновь и вновь приглашёнными экспертами. Всё это начинает напоминать «порочный круг», в котором вращаются одни и те же люди. Несмотря на меры по привлечению гражданского общества, Парламент и Комиссия (в гораздо большей степени, чем национальные правительства) выглядят «удалённо и замкнуто». Такова, резюмирует автор, ирония судьбы: ЕС с 2000-х гг. выглядит вполне уважаемой сетью подотчётных и транспарентных институтов. Но на деле ЕС оказался чрезвычайно сложным и громоздким образованием, парадоксальным образом демонстрируя растущий демократический дефицит и всё большее отчуждение публики. Возможно, это и сделало Брексит более предпочтительным решением? Иначе, в конце концов, трудно понять, почему демократическая повестка не помогла Союзу в этом кризисе [Wood, 2017].

Противоречия механизма принятия решений в ЕС, выявленные Брекситом

Брексит действительно стал концентрированным выражением институциональных противоречий ЕС. У ЕС, считает профессор Университета Дж. Хопкинса Я. Мунк, есть, конечно, более глубокие проблемы, чем Брексит. Это то, что он определяет как «двойной кризис легитимности». Один — это кризис легитимности на уровне ЕС, другой — на уровне отдельных стран. Первый кризис определяется как всё большее отчуждение общества от транснациональных структур управления в Брюсселе. Такие структуры ЕС, как Европейский парламент, Европейский Совет, Европейский Суд, ЕЦБ, имеют гораздо больше власти, чем ранее, регулируя финансы, сельское хозяйство и даже претендуя на право пересмотра национального законодательства государств-членов. Как полагает Мунк, после этого трудно поддерживать фикцию, что обычные граждане могут осмысленно высказываться о происходящем в Брюсселе. В доказательство он проводит интересное сравнение ЕС с управлением в конституционных монархиях XVIII и XIX вв., подчёркивая,

что в обоих случаях механизм выражения взглядов людей в публичной политике остается окольным. В принципе предполагается, что Европейский парламент обеспечивает демократический противовес представителям национальных правительств, которые доминируют в Европейском Совете, и бюрократам, которые заправляют Европейской комиссией. Но проблема в том, что избиратели только наблюдают за происходящим в этих структурах. Если значительное число избирателей не верят даже в возможность контроля своих национальных правительств, то их чувство бессилия многократно возрастает в отношении структур Брюсселя [Mounk, 2020].

Второй кризис легитимности определяется механизмом принятия решений в ЕС, основанном на «разделении суверенитета» и равных правах всех государств-членов при необходимости консолидированного голосования в европейских структурах власти. Союз предлагает формат отношений, позволяющий отдельным небольшим государствам более веско заявлять свои позиции в мировой политике. Но это единство должно опираться на консолидированную политику по важнейшим вопросам. Если решения в ЕС принимаются коллективно, а голос каждой страны имеет равный вес, то оказывается, что представители демократических стран (например, Германии и Италии) должны разделить свой суверенитет и бремя ответственности с представителями авторитарных режимов (скажем, Польши и Венгрии). Это описывается как самостоятельный «кризис легитимности» — дополнительный фактор утраты доверия к структурам ЕС. В реальности ЕС снова и снова подтверждает индифферентность или неэффективность в противостоянии авторитарным лидерам, которые приходят к власти в государствах-членах. Более того, членство в ЕС даже способствует консервации этих режимов «сильной руки», позволяя им оставаться у власти, перераспределяя финансовые ресурсы Союза в свою пользу [Mounk, 2020].

Обе стороны кризиса легитимности связаны с механизмом принятия решений, который, по мнению критиков, утратил динамизм, страдает иммобилизмом — разрывом идеалов и реальности. Механизм принятия решений в ЕС по ключевым вопросам основан на принципе единогласного голосования всех 27 государств, что делает его медленным и неэффективным по наиболее острым вопросам интеграционной повестки. Не существует серьёзных планов по исключению из ЕС стран, которые более не управляются демократически, а приостановление их способности голосовать в ключевых институтах маловероятно. Во всяком случае оно потребовало бы пересмотра Договора о ЕС. Эта тенденция, идущая вразрез с идеями отцов-основателей ЕС, представляет фундаментальную угрозу демократической природе Союза. Отсутствие воображения и приверженность иммобилизму со стороны еврократии ставит проблему доверия к ЕС как интеграционному проекту, и трудно предсказать, как долго европейские граждане будут терпеть данный status quo. Эти проблемы прояснились в ходе Брексита и были одной из его причин — восстановление легитимности Британского государства в этой интерпретации стало реакцией на кризис легитимности ЕС.

Брексит, далее, выявил проблему соотношения общества и элит в ЕС. Общество никогда не было прямо вовлечено в обсуждение интеграционного проекта. Констатация этого факта прямо влияет на динамику евроскептицизма в странах Союза. Специальное исследование Chatham House, проведённое во время и сразу после Брексита (2017 г.) и посвящённое представлениям о будущем ЕС в обществе и элитах, недвусмысленно свидетельствует об этом. «Заразный эффект» Брексита отражён в вопросе: «В следующие 10 лет другие государства-члены примут решение покинуть ЕС?». Большинство публики (55%) в девяти странах согласилось с этим заключением, хотя уверенно согласилось не столь большое число респондентов (15%), столько же, сколько не согласилось (18%). Внутри элиты картина более сбалансирована: большинство (43%) сказали, что ожидают сокращения размеров ЕС, хотя 40% не согласились. При этом вопрос не относился к оценке того, будет ли дальнейшая фрагментация позитивным или негативным процессом или насколько респонденты поддерживают выход своей страны из ЕС. Но в целом это выражает настроение общей «неопределён-

ности и пессимизма» (a sense of uncertainty and pessimism), которое многие европейцы чувствуют в отношении будущего ЕС. Это позволило оценить официальные прогнозы развития ЕС в будущем как выражение скорее раскола, чем согласия общества и элит о перспективах европейского интеграционного проекта [Raines, Goodwin, Cutts, 2017].

Следует признать, что продвижение Европейского интеграционного проекта действительно зависело главным образом от согласия элит национальных государств, прежде всего ведущих стран: Германии и Франции. Европейская интеграция часто характеризуется как предприятие, направляемое элитами, и предстаёт как «аккумулированная конструктивная работа нескольких поколений европейских элит в меняющихся условиях, следующих различным стандартам и строительным планам» [The Europe of Elites..., 2012. P. 3]. Как меняет эту конфигурацию Брексит? В Европейском Совете, констатирует доклад Чатем-хауса, вес избирателей сместится таким образом, что позиции группы стран, традиционно выступавших за свободный рыночный либерализм и скептически относящихся к государственному вмешательству, ослабеют: они более не будут составлять блокирующего меньшинства при принятии решений квалифицированным большинством даже при участии Германии. Хотя Брексит усилит позиции Германии как наиболее влиятельной державы ЕС, также вероятно усиление влияния стран, более приверженных протекционизму. В Европейском парламенте уход 71 британского члена (из 751) окажет воздействие на баланс парламентских групп, усилив энергию праворадикальной группы «Европа свободы и прямой демократии» и сократит влияние левоцентристских групп социалистов и демократов [Raines, Goodwin, Cutts, 2017]. Данный тренд потенциально способен изменить содержание интеграционной повестки ЕС.

Итак, Брексит не стал началом крушения ЕС, о чём говорили некоторые эксперты, опасавшиеся «эффекта домино»: даже самые проблематичные страны, как Греция или Италия, до сих пор не поставили вопроса о выходе (что, впрочем, неочевидно в будущем, в свете победы консервативного блока в Италии). Однако Брексит остро поставил проблему легитимности ЕС, выявив отсутствие в нём единой гражданской идентичности, несовершенство механизма принятия решений, разрыв представлений общества и элит о перспективах интеграционного проекта.

Поляризация общественных настроений в ЕС: экспресс-реакция регионов Европы на Брексит в 2016 г.

Выход из транснациональной правовой системы и восстановление национального суверенитета — ключевой мотив Брексита. Как отреагировали на него в Европе и насколько едина была эта реакция? Непосредственная реакция на Брексит в ЕС — значимый показатель его собственного единства. В целом она определяется многими как шок европейских элит от раскола — переломный момент в развитии интеграционного проекта ЕС. Брексит поставил под сомнение состоятельность всего проекта или, как минимум, выявил необходимость его существенной корректировки под угрозой новых глобальных вызовов. При кажущемся единстве этой реакции она, однако, не была таковой, демонстрируя существование трёх основных позиций: стран — основателей ЕС (прежде всего Франции, выступившей от их имени); стран Центральной Европы (Венгрия) и Польши, традиционно поддерживавшей скептические позиции Соединённого Королевства в отношении перспектив евроинтеграции. Дифференциация позиций чётко представлена в аналитических материалах Фонда Бёлля, суммирующих различные отношения к Брекситу в разных регионах Европы.

Французская реакция на Брексит (артикулирующая также менее громкую немецкую позицию) суммирована следующими четырьмя пунктами — потрясение, неопределённость, опасение за судьбу европейского интеграционного проекта и постановка вопроса о целесообразности его реформирования. *Потрясение* связано с осознанием уязвимости

интеграционного проекта — пониманием того, что он впервые не только застопорился, но, в сущности, поворачивает вспять. Причём, как полагали комментаторы, преимущественно из-за тактической ошибки — безрассудного решения английского премьер-министра Д.Кэмерона о проведении столь важного референдума при отсутствии сколько-нибудь состоятельного альтернативного плана и при постоянном использовании фактора ЕС во внутренней политике в качестве «козла отпущения». *Неопределённость* связана с проблемой стабильности финансовых рынков, необходимостью выстраивания новых отношений между странами, а также растущей тревогой в отношении дальнейшей фрагментации. Представление о том, что неопределённость сложившейся ситуации деструктивна для перспектив ЕС, — один из ключевых мотивов жёсткой реакции. Именно это (а не желание мести, как считали некоторые) побудило французское правительство выступить за контролируемый, но определённый и быстрый процесс выхода Соединённого Королевства из ЕС (в рамках ст. 50 Лиссабонского договора, которую Кэмерон стремился отложить). Причём провести всё без проволочек и переходных юридических форм под лозунгом «уйти — значит уйти» (“Leave means Leave”). *Опасения* Брексита во Франции связываются с внутривнутриполитическими причинами: быстрым ростом правого популизма и евроскептицизма во Франции (стоящей в это время на втором месте после Греции по уровню евроскептицизма). Там это событие стимулировало у республиканской оппозиции идею референдума по пересмотру Европейского проекта. А крайне правым (Национальный фронт) дало дополнительные аргументы в пользу “Brexit” с целью продвижения британской модели референдума в условиях приближения президентских выборов 2017 г. Брексит для Франции продемонстрировал важность новых идей, политических нарративов и усилий по отвоёванию общественного мнения сторонниками единства ЕС [Rapnoiuil, 2016].

Иная реакция на Брексит представлена в Центральной Европе странами так называемой *Вышеградской группы*, где возникшая неопределённость была использована для попытки выстраивания новых отношений с центральными европейскими структурами власти. Брексит имел неоднозначные последствия для стран Вышеградской группы. С одной стороны, после Брексита вес стран — основателей ЕС существенно возрос, позволяя им продвигать более глубокую концепцию экономической кооперации и многоскоростной Европы, и, напротив, вес стран, не входящих в Еврозону, и их способность защищать собственные интересы от определяющей воли ЕС уменьшились, позволяя европейским структурам расколоть их оппозиционное единство. С другой стороны, Брексит создал политические возможности для стран Вышеградской группы заполнить вакуум, оставленный традиционно евроскептическим британским правительством, и значительно эффективнее защищать более сильный национальный суверенитет и предоставление меньших компетенций для Европейской Комиссии. Дебаты о будущем ЕС, запущенные после Брексита, предоставляют легитимную платформу для критики курса и полномочий Еврокомиссии. Её критика в связи с Брекситом позволила ряду лидеров настаивать на ограничении её полномочий и их передаче национальным государствам.

Обращает на себя внимание прежде всего *позитивная оценка Брексита в Венгрии*, где он интерпретируется с позиций правого популизма. Пересмотрев свою предшествующую позицию о том, что Британия должна остаться в ЕС, В. Орбан определил британское решение как национальную реакцию на «поучения и паралич», идущие из Брюсселя. Он ссылаясь на провал Брюссельской миграционной политики как главную причину Брексита, а одно из наиболее важных заключений состояло в том, что Брюссель, наконец, «должен услышать голос народа» [Business as Usual, 2016].

Особый вид реакции на Брексит представлен Польшей. Он стал шоком для поляков по ряду специфических причин: они потеряли одного из важнейших союзников по политике безопасности, и миллионы польских мигрантов в Соединённом Королевстве столкнулись с неопределённым будущим (до 1 млн польских мигрантов угрожает выселение). Несмотря

на то, что поляки поддерживали британскую критику брюссельской бюрократии, их большинство на 2016 г. (81%) выступали за то, чтобы остаться в ЕС и только меньшинство (13%) — за выход. Партия Право и справедливость (ПиС) рассматривала Соединённое Королевство как главного союзника, а Германию ставила на второе место, сотрудничала с британскими консерваторами в Европарламенте (в группе *European Conservatives and Reformists*). Решение о выходе стало большой проблемой для правящей партии. С уходом Соединённого Королевства из европейских структур, констатировали эксперты, позиции Польши ослабевают: ряд институциональных и политических реформ не смогут пройти в присутствии Великобритании, а теперь возможны. Великобритания была противовесом интересам и взглядам Германии и Франции в отношениях ЕС-Россия. Перспективы ЕС с польской точки зрения заключаются в выборе между новым договором о ЕС и продолжением напряжённости этого государства в отношениях с Брюсселем. Польша (особенно в свете Брексита) прилагает усилия для создания «Европы суверенных национальных государств» с ограничением до жёсткого минимума полномочий, делегированных Брюсселю. Польская критика руководства ЕС носит предельно острый характер. Создаётся впечатление, констатирует эксперт, что «на европейской танцевальной площадке возникает всё больше пустого пространства вокруг Польши» [*Brexit — a Polish Perspective*, 2016].

Насколько сопоставимы оценки Брексита в Континентальной Европе и Соединённом Королевстве?

Магистральным направлением *оценки Брексита в прессе европейского мейнстрима* стала едва ли не идея предательства западных ценностей под влиянием противоречий глобализации, популизма и правого национализма, способная подорвать интеграционный проект и требующая поэтому адекватной и быстрой реакции ЕС. «Каковы реальные проблемы, поставленные Брекситом для Запада?» — спрашивает Ralf Fücks в статье «*After the Brexit: Quo vadis, EU?*». Британский референдум по «Брекситу» был столь же голосованием против нынешних форм глобализации, сколь голосованием против проекта ЕС по созданию «более тесного союза» (the project of «ever closer union»). Значительная часть западных обществ ищет ответа на вызовы глобального соревнования и массовой иммиграции с позиций уступок национализму. Запад страдает от своего рода «агрессивной ностальгии» под девизом «вперёд в прошлое» (forward into the past), а совокупность этих вызовов способна поставить под вопрос существование Запада как «политического проекта». Ставя вопрос о том, как ЕС может двигаться вперёд после Брексита, автор предостерегает от крайней позиции в пользу решительного создания Европейской Федерации, способной, по его мнению, внести ещё больший раскол в ЕС и стимулировать популистский бунт. Поскольку обсуждение конституционных преобразований ЕС не стоит в данный период на повестке дня, он предлагает сосредоточиться на концепции «малых дел»: реализации конкретных проектов, способных повысить уровень сотрудничества государств — членов ЕС. Сохранение Европейского проекта зависит от веры в него. Несмотря на все кризисы и повороты назад, считает автор, Европа в конечном счёте более едина, чем популистское безумие: «У нас нет будущего за пределами Европейского Союза — по крайней мере, блестящего будущего» [*Fücks*, 2016].

Оценки Брексита в самой Великобритании, независимо от позиции в отношении данного события, не столь радикальны. В нём усматривают разрыв слабого звена Европейского интеграционного проекта под влиянием как процессов глобализации, так и внутренних проблем. Референдум о членстве Соединённого Королевства в ЕС был голосованием против ЕС, но также против британской элиты. Протестное голосование должно расцениваться как серьёзная, но не обязательно логичная форма общественной реакции. Оно отразило историческую дистанцию Великобритании по отношению к Континенту.

В то же время поставленные Брекситом проблемы те же, с которыми сталкивается большинство европейских стран. Подтверждением тому стал подъём популистских движений и партий. Европейцы находятся на передовой линии глобализации: они успешно организовали свободные рынки, где торговля товарами и услугами не ограничена барьерами. Однако глобализация производит не только победителей, но и побеждённых. Те, кто чувствуют себя отброшенными в сторону, избирают протестное голосование против тех, кого они считают собравшими урожай глобального бизнеса. Популизм, приведший к Брекситу (в этой интерпретации), есть главное зло: он становится частью политического ландшафта почти во всех европейских странах, где вербует своих сторонников из слоёв, потерявших от глобализации. Популистские группировки отрицают плюрализм, который является ключевым элементом современной демократии. Тот факт, что они используют процедуры прямой демократии, позволяет им выглядеть привлекательно для большей части электората [*Brexit: United Kingdom is Divided*, 2016].

Оценки Брексита в контексте общеевропейских изменений сторонниками выхода из ЕС представляют Брексит как вполне логичный ответ на провал Европейского проекта, оказавшегося во власти идеологического утопизма и политических противоречий. Жёсткие инвективы европейцев по отношению к Британии, считает профессор Университета Кента Ф.Канлифф (Philip Cunliffe), следует адресовать самому ЕС. Идеализм, наивность и утопическое мышление — вот то, что мешает рациональной дискуссии о ЕС и особенно о Еврозоне ничуть не менее, чем о Брексите. Говоря о кризисе либерального международного порядка, автор подчёркивает особенно вредную роль того, что он определяет, как «магическое мышление», связанное с «евроутопизмом» ЕС. Это мышление, настаивает он, гораздо важнее для поддержания единства ЕС, чем любая идеология. Без евроутопической веры в гармоничное будущее, где интересы всех государств-членов находят магическое объединение, ЕС есть «деформированная и угасающая конструкция». Как ещё можно объяснить иррациональную веру в монетарный союз без фискального союза, если только не обратиться к поддержке магических сил? Евроутопическое мышление основано на вере преимущества наднационального конструирования (supranationalism) — этого быстро тускнеющего отсвета эры либеральной глобализации, уход которой ускоряется с пандемией Ковид-19. Но обращаться сегодня к образу экономической глобализации образца 1990-х гг. с её постнациональными суперструктурами — всё равно, что взывать к мечте. С этих позиций автор отвечает критикам Брексита их собственными аргументами в отношении ЕС. Евроутописты, говорит он, часто осмеивали Брексит как пустой процесс, в котором отсутствуют политические цели и содержательное видение в сочетании с тщеславными надеждами о «Глобальной Британии». Однако тот же вопрос может быть обращён и к ЕС: каков конечный пункт, цель всего движения? Обеспечение политического суверенитета и поиск автономии через Брексит — то же самое: поиск возможности открытого процесса национального самоуправления, который гарантирует гражданам страны способность делать и переделывать политическую и социальную жизнь по их выбору, а не оставлять её в окостеневших наднациональных структурах [*Cunliffe*, 2019].

Столкновение позиций сторонников Брексита и интеграционного проекта отражено в переговорах по выходу из ЕС. Официальная позиция Британии: в качестве главного элемента сделки выдвигалось требование достижения «всеобъемлющего соглашения по свободе торговли» (Free Trade Agreement, или FTA), по образцу аналогичных договоров ЕС с Канадой, Японией и Южной Кореей. В то же время в ключевом документе Британского правительства — «Будущие отношения с ЕС» — красной линией проходит идея суверенитета в его традиционном международно-правовом понимании: «Наш подход основан на дружественной кооперации между равными суверенами (cooperation between sovereign equals). Наше предложение представляет нашу ясную и неизменную позицию, что Соединённое Королевство будет всегда осуществлять контроль над своими собствен-

ными законами, политической жизнью и правилами. Обе стороны будут уважать правовую автономию каждой и право управлять нашими собственными границами, политикой иммиграции и налогами. Мы верим, что наши предложения справедливы и разумны. Это правительство привержено установлению будущих отношений на путях общего благоденствия Соединённого Королевства и усиления Союза. Опубликовано 27 февраля 2020» [*The Future Relationship with the EU*, 2020]. С этих позиций осуществлялась работа парламентской комиссии Британии об отношениях с ЕС — Committee on the Future Relationships with the European Union, — которая была назначена Палатой Общин для изучения вопросов переговоров о будущих отношениях с ЕС [*Committee...*, 2020] и инициирование переговорного процесса, письмо Форса М. Барнье [*Latter to Michel Barnier*, 2020].

Позиция ЕС на этих переговорах, напротив, не ставила целью урегулировать будущие отношения с Великобританией на основе абстрактных принципов, но преследовала прагматическую цель: демонтировать прежнюю кооперацию в максимально контролируемой манере на базе переговорных директив от 25 февраля 2020 г. [*Future Relationship between the EU and the UK*, 2020]. Это не предполагало решение вопроса о предпочтении мягкого (Soft Brexit) или жёсткого (Hard Brexit) вариантов в отношении принципиальных тем интеграционного проекта (сохранение достижений интеграционной политики в области общего рынка, гарантий прав человека, в частности, социальных прав, защиты окружающей среды, свободы перемещения и общей политики безопасности и обороны). В центре внимания ЕС оказывались три темы: избегание «эффекта домино»; пересмотр бюджета ЕС (из-за потери значительных финансовых поступлений из Великобритании); возможная разобщённость действий силовых структур по борьбе с терроризмом. В обращении о положении ЕС Европейскому Парламенту Председателя Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера (2018 г.) тема Брексита включает три руководящие позиции: 1) уважение решения Британии покинуть Союз при глубоком сожалении об этом; 2) констатация, что покидающий ЕС не может более входить в общий рынок и тем более выбирать, в каких его частях оставаться; 3) лояльность и солидарность ЕС с Ирландией в решении вопроса о границе. В возникновении проблем — вина не ЕС, а Британии [*State of the Union*, 2018. P. 9]. В результате достигнутого в последний момент соглашения была избрана компромиссная позиция — выход с соглашением, однако принципы и условия секторальных договоренностей остаются предметом споров и требуют значительного дополнительного времени для их урегулирования.

Брексит, в конечном счёте, получил прагматическую оценку в виде формулы Good bye Britannia. Британцы проголосовали, и как констатируется в сводном обзоре: «Соединённое Королевство стало разделённым». Что бы критически ни говорили о референдуме в целом и кампании в частности, голосование было демократическим и должно быть принято всеми европейцами. В результате мы утрачиваем тот прагматический, либеральный и космополитический элемент, который британцы вносили в ЕС. Другие страны, как Германия и Франция, принуждены отныне нести бремя лидерства в ЕС. В лучших интересах всех европейцев будет организовать справедливый и прагматичный развод (a fair and pragmatic divorce). Соединённое Королевство покинет ЕС, но не Европу [*Brexit: United Kingdom is Divided*, 2016].

Брексит как кризис легитимности Британской конституционной и политической системы

Если для ЕС выход Великобритании стал одним из проявлений кризиса легитимности интеграционного проекта, то чем он стал для самого Соединённого Королевства? Констатируя поворотный характер данного события в истории Великобритании, современная английская литература отражает полярность его оценок — от крайне негативных до позитивных, которые сходны лишь в одном — Британская политическая система не может

оставаться прежней. Брексит — разрушение британской политической и правовой традиции, складывавшейся веками. На это указывается в книге с характерным названием — «Правь Британия: Брексит и конец Империи». Когда распадаются империи, заявляет её автор, дела идут плохо. На этот раз происходит то же самое. Нам говорят, что мы будем великими снова — «мы не будем». Решение покинуть ЕС на референдуме было «последним вздохом старой империи, вырвавшимся из души Британии». Питаемое ложно понятой ностальгией (a misplaced nostalgia), это решение проистекает из отсутствия понимания имперской истории Британии, глубокой встревоженности населения статусом Британии сегодня и глубоко нереалистичного видения будущего». Это «глубоко нереалистичное представление о будущем» (a deeply unrealistic vision of our future), основанное на необоснованной ностальгии по прошлому, — ключевое психологическое понятие, подчёркивающее завышенный характер ожиданий, приведших к финальному исходу: идее покинуть ЕС [Dorling, 2019].

Критики данного решения из стана его противников обращают внимание на три значимых следствия для перспектив страны. Во-первых, отмечается шокирующий характер Брексита для мирового сообщества и национальной элиты — разрыва, который, при всей неожиданности, подвёл итоги длительного процесса взаимоотношений с ЕС. Неожиданное голосование по выходу из ЕС 23 июня 2016 г. стало кульминацией тенденций во внутренней политике в отношении Соединённого Королевства с ЕС — тенденций, которые складывались много лет. Подтверждением этого становится анализ голосований на главных референдумах в Европе предшествующего периода, изменения в партийной системе Соединённого Королевства, которые отразили повестку и результат голосования на референдуме по выходу из ЕС, включая подъем Партии Независимости — UK Independence Party (UKIP), динамику общественного мнения во время кампании, факторы, повлиявшие на народное голосование, политическое значение события [Clarke, Goodwin, Whiteley, 2017].

Во-вторых, это полное нарушение равновесия в британской политике. Брексит изменил всё: правительство, экономику, торговые отношения, организацию государства. Это «момент водораздела», который удивил и мобилизовал прежде апатичные части электората и глубоко изменил Британскую политику. Объяснение того, что произошло на референдуме 23 июня 2016 г., сводится к формуле о «нарушении баланса» — дестабилизации, способной в длительной перспективе «представлять реальную опасность для здоровья Британской демократии, если правительству не удастся отреагировать на обещания, данные в связи с Брекситом» [Evans, Menon, 2017].

В-третьих, оценка этого события как очевидного «крушения». Брексит — «героическое поражение» (Heroic Failure) и «политика боли» (Politics of Pain). Великая демократическая страна, считает один из аналитиков (F. O'Toole), отодвинула себя в сторону, придавшись «опасному удовольствию национального мазохизма» (national masochism). Смысл данной позиции парадоксальным образом смещает традиционно принятые оценки на противоположные. «Страна, которая некогда была колониальной империей, неожиданно представила себя как угнетённую нацию, требующую освобождения». Этот отказ от культа чрезвычайно успешной империи, который всё более подвергается разоблачению, означает «фатальное влечение к героической гибели», результатом которого может стать «вполне реальное бедствие». Однако это поражение вовсе не героическое — это «просто поражение», и его страшная цена будет заплачена наиболее яркими сторонниками Брексита. Если Соединённое Королевство хочет сохранить демократическое будущее и отношения с соседями — партнёрами, необходимы реформы политической системы [O'Toole, 2018].

Всё это поразительно напоминает риторику эпохи распада СССР, когда Россия, в условиях кризиса союзных структур власти, пошла на принятие Декларации независимости, выйдя из созданного ею имперского государства, и испытав симптомы сходной болезни — национального мазохизма, закончившейся впечатляющим «героическим поражением» — коллапсом Союзного государства. Сходство признаков позволяет

предположить сходство причин: распад больших сложноорганизованных (и многонациональных) политических союзов под влиянием кризиса их легитимности в ответ на противоречия глобализации. Аргументы сторонников выхода также демонстрируют значительное сходство в обоих случаях — смесь ложной ностальгии и нереалистичного видения будущего. В роли основного противника «партии независимости» в обоих случаях выступает транснациональная надстройка — Союзный центр или Еврократия, а Брюссель в Восточной Европе начинают сравнивать с Москвой [*Warum in Osteuropa Brüssel das neue Moskau ist*, 2016].

Сторонники Брексита (как ранее независимой России), в свою очередь, оценивали этот шаг как историческое решение, мотивируя его необходимостью простым фактом — восстановлением утраченного суверенитета страны. В центре аргументации сторонников выхода из ЕС понятие суверенитета в его классическом понимании. Эта позиция доминирует в официальных заявлениях партии консерваторов и её лидеров, сделанных по результатам референдума 2016 г. Британия после Брексита, по заявлению Т.Мэй, стала «полностью независимой суверенной страной» и «более не является частью сверхнациональных конституций, которые могут принимать решения поверх национальных парламентов и судов», суверенной страной, способной самостоятельно решать, как контролировать иммиграцию. Национализм, действительно, стал растущим трендом как в ЕС, так и в Соединённом Королевстве: Брексит, по мнению аналитиков, это националистическое движение, отрицающее сам принцип ЕС как наднациональной системы регулирования в целях достижения поставленной идеологической цели [*Cengiz*, 2017. Pp. 565-566].

Другими словами, Брексит включает формулирование «правил, по которым Великобритания должна стать самой Великобританией и её институтами», отстаивая интересы «британского населения без иностранцев», прямой территориальный контроль с закрытыми границами, и «национальную власть без Брюсселя» [*Michels*, 2016. P 51-62]. Мей как будто цитирует Б. Ельцина в его инвективах против Союзного центра периода подписания Беловежских соглашений: сходство риторики в сопоставимой ситуации? Опасение вызывал лишь один факт — неконтролируемое распространение национализма внутри самой Великобритании — эффект «домино» на её территории, способный поставить вопрос о сецессии внутри страны. Своего рода «парад суверенитетов», если использовать российскую лексику для обозначения данного явления. В Соединённом Королевстве, по мнению аналитиков, может начаться процесс национальной дестабилизации, поскольку она состоит из Англии, Уэльса, Шотландии, Северной Ирландии с ограниченным уровнем суверенитета. Это может открыть для Шотландии и Северной Ирландии, где большинство проголосовало иначе, чем по стране в целом, дверь на выход. Во время референдума использовалась очень простая риторика: говорилось, что его смысл — забрать страну из рук «космократов» и элит ЕС и восстановить традиционную идею суверенного национального государства. Показателен националистический подъём (даже истерия) под лозунгами «Вернуть контроль нации», провозгласить день независимости Королевства [*Cengiz*, 2017. Pp. 551-571].

Идея конституционной реформы в Соединённом Королевстве

Масштаб, структура и направление реформ Британской политической системы в связи с Брекситом — центральная линия современных английских политических дебатов. Их острота определяется отсутствием ясности того, как в этих реформах должны соотноситься традиции британской правовой системы и новые вызовы им, возникшие в контексте глобализации. Иначе говоря: в чём состоит Британская идентичность, патриотизм, и как понимать «традиции предков»?

Ситуация описывается в категориях Британского «конституционного кризиса» (the British Constitutional Crisis). В результате Брексита под сомнением оказались не только будущие отношения Британии с Европой, но и «будущее Британского конституционного порядка» (the future of the British constitutional order) [Andrews, 2020]. Начиная с референдума 23 июня 2016 г. до победы идеи Брексита, Соединённое Королевство столкнулось со значительным кругом острых экономических, политических и юридических проблем. Процесс ухода из Европейского интеграционного проекта после 40 лет пребывания в нем (с референдума о присоединении к Европейскому Сообществу 1973 г.), отмечает профессор П. Кардуэлл, поставил под вопрос многое из того, что нам известно о конституции Соединённого Королевства. Это включает фундаментальные аспекты «неписаной конституции»: разделение властей, деволуция, защита фундаментальных прав. Потенциальные быстрые изменения на этом пути могут быть вполне охарактеризованы как «текущий конституционный кризис» (ongoing constitutional crisis) [Cardwell, 2020]. В рамках дебатов в Конституционном центре ряд известных учёных, ранее много писавших о необходимости реформирования британской политической системы, обращают внимание на трудность этого процесса. Главная из них состоит в том, что Соединённое Королевство не имеет писаной конституции — управляется набором законов, конвенций, судебных решений и договоров. Brexit убеждает некоторых в необходимости изменения этой системы — принятия писаной конституции или её аналогов. Актуальность проблемы была продемонстрирована, в частности, неопределённостью в разделении властей. Она стала предметом обсуждения в связи с такими темами, как соотношение парламентского суверенитета с референдумом, а также попыткой премьер-министра Б.Джонсона приостановить (отсрочить) работу парламента и добиться решения Верховного Суда в пользу проведения программы Брексита [Is Brexit a British Constitutional Crisis? 2019].

Параметры конституционного кризиса в Соединённом Королевстве определяются как историческими особенностями неписаного конституционализма, так и отсутствием ясного механизма реагирования на вызовы Брексита. Известно, что неписаная конституция Соединённого королевства — не текст, но совокупность статутов, конвенций и обычаев, восходящих к Великой Хартии 1215 г. — может быть изменена достаточно легко, не требуя согласования по линии разделения властей, как в США. Однако ситуация с Брекситом изменила правила существенным образом, вызвав дебаты по самым фундаментальным проблемам конституционного права. Наиболее глубокая из них раскрывается в статье «Об очень британском конституционном кризисе». Это конфликт между представительной и прямой демократией. С одной стороны, воля парламента, с другой — воля народа, выраженная на референдуме 2016 г. Многие политики (вместе с частью медиа, европейски ориентированным бизнесом и большей частью избирателей крупных городов) предпочитали сохранение прежнего статуса страны в рамках ЕС. Большинство электората, однако, проголосовало за выход. В этом контексте встал вопрос о месте референдумов в политической системе страны. За последние 45 лет была проведена серия референдумов, наиболее важным из которых был референдум о том, чтобы остаться в Европейском общем рынке в 1975 г. и о том, должна ли Шотландия остаться в Соединённом королевстве в 2014 г. [Tombs, 2019].

Введение референдумов в парламентскую систему всегда было в теории источником потенциального конфликта (ибо противоречило принципу парламентского суверенитета как основе британской политической системы). Но до сих пор таких конфликтов не происходило по простой причине: каждый из референдумов до 2016 г. шёл по тем путям, которые соответствовали желаниям большей части политического класса. Референдум по Брекситу стал первым, где большинство электората постаралось навязать свою волю элите. Элита испытала «шок и ужас», в котором пребывает поныне. Возникло противостояние двух концепций демократии: «парламентского суверенитета» и «народного суверенитета», конфликт которых спровоцирован правительством Б. Джонсона. Остаётся не ясно, как

неписаная конституция справится с этим столкновением двух концепций демократии. Кто скажет последнее слово — народ или истеблишмент?

Конфликт Парламента и правительства в ходе Брексита

Другая сторона проблемы осуществления Брексита — трактовка разделения властей, а именно, конфликт между премьер-министром Б.Джонсоном и гетерогенным парламентским большинством. Простейшее объяснение кризиса — непредвиденные последствия новейшего конституционного изменения: парламентский акт 2011 г. о фиксированном сроке работы парламента (the Fixed-Term Parliaments Act), принятый в 2011 г., сделал британскую систему ближе к американской. До этой реформы премьер-министр, утративший контроль над Палатой общин, мог призвать к новым общим выборам и решить вопрос в случае победы на них. Акт 2011 г. остановил эту возможность: срок работы парламента предполагается установленным на пять лет. Для ограничения этого требования необходимо квалифицированное большинство: две трети законодателей, готовых проголосовать за новые выборы. Таким образом, правительство Джонсона оказалось в ловушке: находясь у власти, оно (за неимением этого большинства) было не способно проводить политику — реализовать свою программу по Брекситу. Выходом из конфликта в такой ситуации могли стать всеобщие выборы, на которых настаивал премьер-министр, но необходимость которых отрицалась оппозицией. Поэтому решение по Брекситу затрагивало саму трактовку разделения властей, требуя уточнения конституционных процедур. Вопрос, в конечном счёте, был решён путём всеобщих выборов 2019 г., на которых Джонсон одержал победу, однако в теории остаётся много неопределённых тем на конституционном уровне [Tombo, 2019].

Конфликт парламента и правительства по вопросу выхода из ЕС стал предметом рассмотрения в высших Судах. В деле по иску (Gina Miller) против госсекретаря Верховный суд Соединённого Королевства установил, что выход из ЕС может быть осуществлён только по решению Парламента в противоположность прерогативам правительства Короны. Эта борьба между сторонниками принципа парламентского суверенитета и правительства позволила некоторым наблюдателям описать текущую политическую ситуацию в Великобритании в понятиях эпохи Гражданской войны XVII в. как конфликт двух партий: «круглоголовых» (сторонников парламента) и «кавалеров» (сторонников монарха). В ходе этого обсуждения тестировались некоторые аспекты британской конституции: от разделения властей до представления функций членов парламента. Использование этой метафоры отражает расколы в правительстве и самой консервативной партии. Высокий суд и Верховный суд взвесили аргументы сторон, но в конечном счёте решили вопрос в пользу не правительства, а парламента, то есть в пользу современных «круглоголовых» против «кавалеров». Окончательное решение способствовало усилению власти парламента, причём по отношению не только к правительству, но и к созданным в ходе деволюции легислатурам Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии. Британский парламента получил право решать вопрос о выходе страны из ЕС на основе ст. 50 Договора о ЕС [Clement, 2020. P. 35-50].

Решения Высокого суда (High Court) и Верховного суда (Supreme Court) были неоднозначно встречены поляризованным обществом, расколотым по вопросу о Брексите. Противники решения Верховного Суда, говорит Г. Клемент, обвинили его в выходе за пределы своей компетенции и посягательстве на прерогативы законодательной власти. Это, по их мнению, нарушало принцип разделения властей, который был чётко проведен конституционной реформой 2005 г. (Constitutional Reform Act 2005), которая ввела ясное разделение судебной и законодательной властей, ранее соединённых в Палате Лордов. Говорилось и о других противоречиях в решении Суда, касающихся трактовки суверенитета: между суверенитетом народа (выразившего волю на референдуме) и судами, хотя

конституция специально наделяет высшие суды, прежде всего Верховный суд, легитимностью изучать и решать сложные конституционные споры. Другой сложный вопрос касался функций парламентариев после решения Верховного суда в пользу выхода на основании решения парламента — должны они голосовать, следуя официальной позиции их партии в парламенте, или индивидуально, выражая волю избирателей и позиции, которую они индивидуально занимали в предреферендумной кампании; должны ли они следовать за большинством сторонников «выхода» или «остаться» в своих собственных избирательных округах, или просто принять результаты общенационального голосования? Без консенсуса о связывающем характере референдума парламентарии остались в ситуации неопределённого выбора, но Палата общин, в конечном счёте, открыла путь реализации ст. 50, дав подавляющим большинством возможность запустить процедуру выхода как отражения результатов референдума [Clement, 2020. Pp. 35-50].

Таким образом, с конституционной точки зрения Брексит — противоречивая концепция: отсутствие консенсуса по самому определению данного понятия привело к конфликту основных политических партий, отразив раскол нации за пределами традиционных линий. Был поставлен не только вопрос о членстве Британии в ЕС, но и ряд других: природе самого ЕС, роли Британского парламента, гибкости британской конституции, соотношении сил в партии консерваторов, вообще в соотношении конституции и британской идентичности, степень единства британской элиты.

Будущее Европейского проекта после Брексита с позиций евроеализма

Осмысление Европейского интеграционного проекта в контексте Брексита поставило ряд общих проблем: что такое ЕС, каковы его основополагающие принципы и цели, логика эволюции, природа его структурных основ и противоречий, наконец, перспективы развития. Был ли выход Соединённого Королевства связан с его внутренними проблемами, сочетанием неблагоприятных внутренних и внешних факторов или он может расцениваться как крушение интеграционного проекта ЕС в силу его противоречий?

Магистральным направлением интерпретации Брексита стал, как отмечалось, фактор популизма, рассматриваемого как «восстание лузеров» глобализации против её негативных последствий. Популистские партии действительно продвинулись во многих странах и вошли в правительства в таких разных государствах, как Австрия, Италия, Нидерланды, Польша и Швейцария. Даже малые партии оказались способны существенно изменить политическую повестку. Теоретики популизма были призваны показать, как «молчаливая революция ценностей» запустила сползание демократии к авторитарно-популистским тенденциям партий и лидеров в США и Европе. Опасность данного тренда и противостояние ему обсуждались в перспективе преодоления рисков либеральной демократии [Norris, Inglehart, 2017]. Обсуждались они также в сравнительном контексте разных регионов мира и России. Показывалось, что популизм как интегрирующее понятие нуждается в конкретизации применительно к источникам формирования, различным политическим режимам и тем целям, которые преследуют популисты. Ими могут быть как требования сецессии, так и, напротив, укрепление единства государственного союза [Populism as a Common Challenge, 2017]. Но можно ли объяснить Брексит простой отсылкой к популизму? И как он определил исход референдума в Великобритании? Способна ли эта тенденция охватить весь Евросоюз, став концом либерального интеграционного проекта?

Позиция сторонников ЕС не допускает сомнений в содержательной состоятельности проекта, но предполагает его корректировку в свете проблем, выявленных Брекситом.

ЕС, считают они, был основан, чтобы преодолеть национализм, который разрушил Европу дважды в прошлом столетии. Экономическая и институциональная интеграция, как предполагалось, защитит Европу от новых военных попыток разрешения конфликтов. Многие мечтали преодолеть национальное государство вообще. Построение Европы и её институтов до последнего времени всегда шло по нарастающей. Интенсивные обсуждения и компромиссы были характеристиками европейского процесса. Но оказалось, что результаты не всегда привлекательны. Почему? Ответ лежит в особенностях проекта евроинтеграции и его восприятии обществом. Европейские институты не есть результат «большого дизайна», но бесконечных переговоров; государства-члены всегда сохраняли сдержанность в передаче суверенитета Брюсселю. ЕС стал уникальным сочетанием федерации государств и федерального государства, воспроизводя проблемы обоих, порождая неудовлетворённость результатами и безосновательные обвинения в недемократичности. В известной мере ЕС завис между конфедерализмом и федерализмом, не выработав консолидированной стратегии движения вперед [Медушевский, 2021].

Институты ЕС поэтому часто находятся в противоречии с требованиями эффективности, оказываясь плохо подготовленными с точки зрения компетенций, фондов и персонала. Это определяет другую сторону проблемы — недостаточное развитие политических коммуникаций: для национальных политиков нет мотивации к позитивному участию в общеевропейских делах. Сбои проекта усматриваются в сочетании этих двух факторов — сложности институциональных конструкций Союза и их психологического восприятия: для многих процесс принятия решений непрозрачен, а достигнутые договоренности не вполне понятны. В итоге в обществе господствует поверхностное представление о проблеме: если дело идёт хорошо, о нём не стоит говорить, но если плохо — все обвинения обращены к Брюсселю. В течение многих лет европейцы развили в себе «плохую привычку» представлять ЕС «козлом отпущения» для разного рода политических проблем и карикатурно изображать огромную бюрократию, вмешивающуюся в дела людей. Выход — в развитии демократических коммуникаций [Brexit: United Kingdom is Divided, 2016].

С этих позиций сторонниками Европейского проекта решается вопрос о будущем Европы после Брексита. Оно усматривается не в сдерживании, но пересмотре содержания интеграционного проекта. Традиционное представление об интеграции как движении к единому государству в виде Соединенных Штатов Европы должно быть пересмотрено. Подобные призывы, полагают эксперты, показывают, что некоторые еврочиновники в Брюсселе «еще не поняли послания Брексита», игнорируют глубокую сдержанность в национальных государствах по отношению к делегированию полномочий евроструктурам. Ранее доминировавший лозунг «Больше Европы» уже не убеждает большинство европейцев. Требуется иной лозунг в отношении интеграции — «более умная Европа» (а «smarter Europe»). Европа действительно достигла многого в смысле продвижения безопасности, верховенства права, процветания и свободы. Но ЕС ещё предстоит дать ответ за ряд невыполненных обещаний, выявленных Британским выходом. Среди них выделяются обеспечение принципа солидарности, преодоление разрыва между регионами Европы — Севером и Югом, растущая социальная и культурная гетерогенность общества, экономическая, фискальная и социальная кооперация, поиск гибких ответов на текущие кризисы — финансовый, экологический, энергетический, миграционный, связанный с обеспечением международной безопасности. Эти кризисы, становящиеся питательной почвой популизма и правого национализма, предполагают незамедлительный ответ. Его надо искать в развитии солидарности и кооперации государств-членов, в институциональной гибкости. Основные усилия должны быть сосредоточены на инновациях, образовании и инвестициях в публичную инфраструктуру [Brexit: United Kingdom is Divided, 2016]. Иначе говоря, требуется развитие европейского проекта с использованием иных инструментов и технологий управления.

Будущее интеграционного проекта ЕС с позиций европессимизма

Напротив, противники Европейского интеграционного проекта подчёркивают его фундаментальную несостоятельность и видят в Брексите наглядное подтверждение своей позиции. Противоречия интеграционного проекта ЕС иллюстрируются, например, в свете интернациональных конфликтов эпохи глобализации [Cunlif, 2020]. В этой работе утверждается, что ЕС по своей природе — постсуверенная политическая система, он не может претендовать на собственную политическую автономию, поскольку в его ядре не существует единого актора, способного отстаивать политическую субъектность, и во всяком случае он основан на отрицании суверенитета. Суть в том, что федерализм ЕС утратил потенциал развития: вместо него представлена лишь серия межправительственных сделок, поддерживаемых евроутопической иллюзией. Если когда-либо и существовала возможность направить ЕС к фискальному и политическому единству в дополнение к монетарному союзу, то это была ситуация финансового кризиса в ЕС начиная с 2015 г. Но очевидно, что ни одна из таких возможностей не реализовалась, а вместо этого ЕС прибег к репрессивному режиму экономии, поддерживая иллюзии евроутопизма.

Вопреки очевидности, считает Ф. Канлифф, евроутописты продолжают верить, что ЕС в конечном счёте вытащит себя из болота за волосы подобно барону Мюнхаузену. Подтверждением неосновательности таких надежд служит дискуссия о наступлении так называемого «Гамильтоновского момента» ЕС — соглашения о частичной мутуализации долга ЕС (по аналогии с национализацией долга США А.Гамильтоном в 1791 г.): призыв тени Гамильтона есть ни что иное, как тщетная попытка евроутопистов бежать от проблемы беженцев, уповая на воображаемое провиденциальное будущее. В центре таких надежд стоит вера в либеральную гармонию интересов: представление, что политические разногласия и соревнование в борьбе за власть временны. Они могут быть преодолены через более институционализированную кооперацию. Исходя из этого воображаемого идеала, мы всегда полагаемся на отсроченное будущее, где все национальные интересы в конечном счёте сольются в гармоническое единство. Но чем больше мы приближаемся к евроутопическому горизонту, тем дальше он отступает. Если Brexit основан на идеализме, это идеализм, коренящийся в принципе демократического большинства. Напротив, евроутопизм процветает в отсутствие демократии. Хрупкая гармония интересов, которую европейские лидеры сконструировали в форме ЕС, есть по существу сеть межэлитных соглашений. Они будут сохраняться ровно столько, сколько полноценная демократия масс будет оставаться припёртой к стенке элитами. Без сомнения, Британию после Брексита ожидают серьёзные испытания в обозримый период времени. Но правомерен вопрос: как долго евроутопизм способен существовать в отсутствие демократической легитимности? [Cunlif, 2019].

Наиболее жёсткие оценки перспектив ЕС после Брексита представлены в странах, правительства которых, ранее стремившиеся вступить в ЕС, теперь отторгают европейский интеграционный проект как по идеологическим, так и политическим причинам. Турецкий аналитик, например, считает, что Brexit — это «историческое событие, означающее, что Союз провалился в создании общего ментального процесса для граждан, социального порядка, единства культурных представлений и Европейского демоса». Brexit означает, что «защита национального суверенитета оказалась легитимирующей ценностью, значительно превышающей уровень легитимности наднационального (supranational) проекта Союза с его демократическим дефицитом, ограниченным участием граждан и неспособностью обрести общую союзную идентичность» [Cengiz, 2017. P. 569]. Причины провала европейского интеграционного проекта вытекают из самой его конструкции: 1) ЕС был создан элитами (транснациональной сетью учёных и политиков) в своих собственных интересах, с отрицанием «бедных и слабых»; 2) недостаток демократической легитимности и подотчётности союзных структур власти; 3) ЕС не смог создать новой идентичности и позитивного имиджа Союза.

Российская официальная позиция по данному вопросу, столкнувшаяся с обвинениями со стороны европейских (в том числе английских) элит в провоцировании Брексита или, как минимум, его информационной поддержке, оставалась внешне предельно нейтральной. Однако на экспертном уровне она включала все рассмотренные выше критические аргументы. К ним обычно добавляется длинный свиток критических аргументов, связанных с ограниченным суверенитетом самого ЕС, его внутренними конфликтами, неспособностью к принятию единых стратегических решений в глобальной политике, что чётко проявилось в противоречивой реакции на главные международные кризисы, включая Брексит [*Russian-Western Blind Spots*, 2019]. Идея восстановления национального суверенитета, артикулированная Брекситом, рассматривается как подтверждение возврата мировой политики в традиционное русло международных отношений, основанных на вестфальских принципах суверенитета и защиты государствами собственных национальных интересов (а не подразумеваемых общих гуманитарных ценностей и «правил»).

Следствием этого становится вывод об упущенных возможностях ЕС в выстраивании единой политики безопасности в партнерстве с Россией, принятии европейскими элитами навязанного извне курса на конструирование идентичности ЕС на основе силового продвижения собственного проекта (расширение НАТО), т.е. прямой конфронтации с Москвой, несмотря на огромные уступки, сделанные ею в период перестройки. Вина за это возлагается на США, продолжающих руководствоваться послевоенной формулой европейской политики, исходящей из необходимости доминирования в Европе США, подавления Германии и вытеснения России. Очевидно, что после Брексита отношения ЕС и Британии не могут быть прежними, провоцируя стремление последней расколоть единство Союза по некоторым важным вопросам экономической политики (общий рынок) и внешнеполитических приоритетов (демонстративное сотрудничество с Восточной Европой, прежде всего с Польшей в антироссийской политике в противовес более умеренной позиции Германии). Позиция Соединённого Королевства определяется его полной зависимостью от США и фактическим отсутствием у Королевства собственной внешней политики. Во всяком случае из всех нарративов безопасности Европейского континента, британский традиционно остается одним из наиболее антироссийских [*Security Narratives...*, 2017].

В геополитической перспективе Запада размышления о будущем Европы после Брексита приводят некоторых аналитиков к выводу, что оно выглядит «пугающе» (*scary*). Реальный выход Соединённого Королевства из ЕС 31 января 2020 г. знаменует завершение череды международных кризисов ЕС, начиная с Балканских войн 1990-х гг., когда ЕС оказался неспособен справиться с конфликтом без помощи США. Слабость ЕС определяется нерешённостью главной структурной проблемы — государства ЕС остаются суверенными и не способны создать единую систему внешней и оборонной политики. За исключением торговых переговоров, где ЕС обычно говорит одним голосом, блок не приспособлен осуществлять единую политику по главным стратегическим вопросам. Несмотря на заявления о желательности «общей политики безопасности и международных отношений», ЕС не пошёл далее создания квазиминостерства иностранных дел (*the European External Action Service*) и назначения высоких представителей иностранных дел, которые предположительно выражали официальную позицию. Но, в конечном счёте, государства-члены не пошли на серьёзные уступки и ревниво охраняли свои собственные внешнеполитические прерогативы. Вывод пессимистичен: Европа остается богатым континентом с большим, преимущественно интегрированным рынком, но её общей власти суждено клониться к дальнейшему упадку в предстоящие годы [*Walt*, 2020]. На этом фоне иногда выдвигается следующая афористичная формула: ЕС — экономический гигант, но военно-политический карлик. С этих позиций Брексит — скорее норма, чем исключение в определении будущего европейского развития, во всяком случае до содержательных политических реформ.

Брексит как переломный момент для интеграционного проекта ЕС

Анализ представленных позиций по Брекситу позволяет оценить его как переломный момент для интеграционного проекта ЕС. Во-первых, становится очевидным, что процесс правовой глобализации, рассматривавшийся как магистральный в европейском и мировом развитии, столкнулся сегодня с мощным противоположным процессом — фрагментации правового и политического развития, нашедшего столь чёткое выражение в кризисе Европейского интеграционного проекта. Брексит поставил под сомнение всю конструкцию глобального (транснационального) конституционализма и основанные на ней проекты космополитического союза, «разделённого суверенитета», «многоуровневого конституционализма», опирающегося на принцип субсидиарности (взаимодополнительности) различных уровней транснационального и национального управления. Бросив вызов триумфалистскому тезису конца XX — начала XXI вв. о наступлении эпохи постнационального (наднационального) правового регулирования и конце национальных суверенных государств, он зримо продемонстрировал, что проблема суверенитета сохраняет значение и не может игнорироваться.

Во-вторых, он показал границы Европейского интеграционного проекта, основанного на принципах транснационального правового регулирования как инструмента выстраивания единой европейской идентичности и расширения кооперации государств Союза, в перспективе — с созданием на её основе единого европейского сверхгосударства в виде Соединённых Штатов Европы. Сами эти принципы в свете Брексита объявлены его сторонниками идеологической евроутопией (наподобие Советского Союза), не реализуемой на практике в правовых формах. Как показывают реакции на Брексит в разных регионах Европы, они существенно различаются. Выяснилось, что государства — члены Союза даже перед лицом острого кризиса (как, по-видимому, подтверждает кризис пандемии) не готовы отдать свой суверенитет единым европейским структурам власти, а некоторые (страны ЦВЕ) предпочитают вернуть национальным правительствам и ту часть суверенитета (полномочий), которой они поступились согласно действующим международным договорам — Маастрихтскому и Лиссабонскому.

В-третьих, Брексит выявил несовершенство самой интеграционной конструкции ЕС, не справившейся с вызовами глобализации — экономическими, финансовыми, миграционными. Главная проблема ЕС, определяемая как «дефицит демократии», заключается в противоречии двух источников легитимности — народного суверенитета (краеугольного камня национальных конституций и избираемых правительств) и европейского политического Центра в Брюсселе (опирающегося на международно-правовые договоры и гарантии государств-членов, а не на волю избирателей). Такой гибридный характер ЕС, не позволяющий выразить политическую волю Союза как целого, порождая вакуум власти и делаая неэффективным механизм принятия решений.

В-четвертых, Брексит позволяет сделать важный вывод о том, что демократия — не панацея от конфликта между идентичностью многонационального Европейского Союза и националистическими тенденциями к сецессии отдельных его членов. Если распад Советского Союза в 1991 г. до последнего времени рассматривался как следствие неспособности разрешить подобный конфликт демократическими конституционными средствами (в условиях краха однопартийного режима), то ЕС, начавший создаваться как антитеза СССР в том же 1991 г., считался гарантированным от подобного сценария именно в силу его демократической природы. Брексит показал уязвимость этой позиции.

В-пятых, анализ переговорного процесса между ЕС и Соединённым Королевством напоминает о поздних советских усилиях сохранить Союзный договор или создать единую рамку Содружества Независимых Государств. Он позволяет предположить, что определяющим фактором в позиции лидеров государств, столкнувшихся с кризисом или стре-

мящихся к независимости (будь то Горбачев и Ельцин или Мэй и Джонсон), являются не столько абстрактные международные гарантии, сколько необходимость консолидации власти внутри страны. В этих обстоятельствах необходимость быстрого заключения международного соглашения «любой ценой» становится условием сохранения лидером власти внутри страны и может вести к тактическим компромиссам и неоправданным уступкам.

В-шестых, сохранение единства ЕС после Брексита оказывается под вопросом и может быть обеспечено только в случае проведения существенных правовых и политических реформ. Главной из них, по общему признанию, должен стать пересмотр закреплённого в Договоре о ЕС неэффективного механизма коллективного принятия решений, для которого требуется согласие всех 27 государств-членов (Ст. 48 Договора). Другое направление реформ — создание работающего механизма приостановления членства в ЕС для государств, не выполняющих его коллективных стандартов, для чего также потребуется пересмотр учредительных договоров. Третье направление — введение более гибкой системы отношений Европейского центра и государств-членов, позволяющее интерпретировать «разделённый суверенитет» в пользу большей или меньшей централизации по отдельным секторам управления с возможностью динамичного перераспределения полномочий между уровнями власти. Совершенно неочевидно, что эти реформы могут быть реализованы в текущий период времени в силу отсутствия общей идентичности ЕС (европейского демоса), единства воли европейских элит и выраженного европейского лидерства. Но сохранение status quo ведёт к эрозии единства и вакууму власти на транснациональном уровне, давая основу популистским движениям. Это делает ЕС слабым игроком в глобальной политике, затрудняя достижение консенсуса по всем значимым вопросам международной политики и, что не менее важно, выполнение принятых решений на уровне всех государств-членов.

В-седьмых, в геополитической перспективе ЕС после Брексита мог бы потенциально стать более независимой (от США) и гомогенной структурой, возглавляемой ведущими континентальными европейскими державами — Германией и Францией, союз которых скрепляет его единство, ранее ставившееся под сомнение британским скептицизмом. Данный вектор может быть реализован прежде всего в случае успеха реформы механизма власти и принятия решений, гарантирующей перевес союзных структур (или ведущих государств) над национальными в вопросах политики безопасности и внешних отношений. Этого нельзя сказать о самом Соединённом Королевстве, амбиции которого на глобальную роль смогут реализоваться только в случае дальнейшего ослабления ЕС. Для России и других ведущих международных игроков данная ситуация раскола ЕС, безусловно, даёт определённую свободу манёвра, позволяя более интенсивно влиять на европейскую политическую повестку.

В целом, можно констатировать, что Брексит стал настоящим «моментом истины» для ЕС, заставляя переосмыслить содержание всего интеграционного проекта и ставя его перед жёстким выбором из двух вариантов развития — дальнейшей дезинтеграции на региональные объединения государств (пусть при формальном единстве) или создания сильного Союза, способного целеустремлённо проводить свою волю в глобальной политике.

ЛИТЕРАТУРА

- Медушевский А.Н.* (2021). Будущее Европы: политическая дискуссия о перспективах интеграционного проекта ЕС // Сравнительное конституционное обозрение. № 5. С. 15-41.
- Медушевский А.Н.* (2022). Конференция о будущем Европы: возможные сценарии грядущей европейской перестройки // Сравнительное конституционное обозрение. № 1. С. 15-42.
- Andrews D.* (2020). Brexit and the British Constitutional Crisis. Pomona. URL: https://www.pomona.edu/node/60101/field_event_date/addtoocal.ics (дата обращения 28.12.2021).
- Brexit — a Polish Perspective from Warsaw and London (2016). Heinrich-Böll-Stiftung. URL: <https://eu.boell.org/en/2016/07/22/brexit-polish-perspective-warsaw-and-london> (дата обращения 28.12.2021).
- Brexit: United Kingdom is Divided (2016). Heinrich-Böll-Stiftung. URL: <https://eu.boell.org/en/2016/06/30/brexit-united-kingdom-divided> (дата обращения 28.12.2021).
- Business as Usual: Riding the Wave of Anti-Brussels Sentiment (2016). Heinrich-Böll-Stiftung. URL: <https://eu.boell.org/en/2016/07/22/business-usual-riding-wave-anti-brussels-sentiment> (дата обращения 28.12.2021).
- Cardwell P. J.* (2020). Brexit: A Constitutional Crisis for the United Kingdom? Sciencespo. URL: <https://www.sciencespo.fr/ecole-de-droit/fr/content/brexit-constitutional-crisis-united-kingdom.html> (дата обращения 28.12.2021).
- Cengiz I. F.* (2017). European Constitutionalism and its Future after Brexit! // Inonu University Law Review. Vol. 8. No. 2. Pp. 551-571.
- Clarke H.D., Goodwin M., Whiteley P.* (2017). Brexit: Why Britain Voted to Leave the European Union. — Kindle: Cambridge University Press.
- Clement G.* (2020). «Roundheads vs Cavaliers»: The British Constitution and Parliamentary Sovereignty in the Face of Brexit. Pp. 35-50. URL: <https://journals.openedition.org/osb/2090> (дата обращения 28.12.2021).
- Committee on the Future Relationships with the European Union (2020). URL: <https://committees.parliament.uk/committee/366/committee-on-exiting-the-european-union> (дата обращения 28.12.2021).
- Cunliffe Ph.* (2019). Eutopianism and the Future of the European Union. Briefings for Britain. URL: <https://briefingsforbritain.co.uk/eutopianism-and-the-future-of-the-european-union/> (дата обращения 28.12.2021).
- Cunliffe Ph.* (2020). The New Twenty Years' Crisis 1999-2019: A Critique of Contemporary International Relations. — Montreal: McGill-Queens University Press.
- Dorling D.* (2019). Rule Britannia: Brexit and the End of Empire. — Kindle: Bitedack Publishing // <https://en.ru1lib.org/g/Danny%20Dorling> (дата обращения 28.12.2021).
- Evans G., Menon A.* (2017). Brexit and British Politics. — Kindle: Polity Press // https://www.researchgate.net/publication/328099024_European_but_not_European_enough_An_explanation_for_Brexit (дата обращения 28.12.2021).
- Fücks R.* (2016). After the Brexit: Quo vadis, EU? — Heinrich-Böll-Stiftung. URL: <https://eu.boell.org/en/2016/06/24/after-brexit-quo-vadis-eu> (дата обращения 28.12.2021).
- Future Relationship between the EU and the UK (2020). URL: <https://vnk.fi/en/information-about-brexit/future-relationship> (дата обращения 28.12.2021).
- Global Times (2019). URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1173380.shtml> (дата обращения 28.12.2021).
- Is Brexit a British Constitutional Crisis? (2019). Constitutioncenter. URL: <https://constitutioncenter.org/interactive-constitution/podcast/brexit-and-the-uk-constitution> (дата обращения 28.12.2021).
- Letter to Michel Barnier (2020). URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/886168/Letter_to_Michel_Barnier_19.05.20.pdf (дата обращения 28.12.2021).
- Michels R.* (2016). Does Brexit Spell the Death of Transnational Law? // German Law Journal (Brexit Special Supplement). No. 17. Pp. 51-62.
- Mounk Y.* (2020). The Coming Crisis of Legitimacy: Why Britain Brexited? // The Atlantic. No. 1. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/01/future-european-union/605839/> (дата обращения 28.12.2021).
- Norris P., Inglehart R.* (2017). Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. — Cambridge: Kindle Edition, Cambridge University Press.
- O'Toole F.* (2018). Heroic Failure: Brexit and Politics of Pain. — Kindle: Apollo // https://www.amazon.com/gp/product/B07H984T88/ref=dbs_a_def_rwt_hsch_vapi_tkin_p1_i3?asin=B07H984T88&revisionId=c1f6a5d3&format=1&depth=1 (дата обращения 28.12.2021).
- Populism as a Common Challenge (2017). — Berlin-Moscow: Political encyclopedia.
- Raines T., Goodwin M., Cutts D.* (2017). The Future of Europe. Comparing Public and Elite Attitudes. Chatham House Research Paper. — London: Chatham House. URL: <https://www.chathamhouse.org/2017/06/future-europe/1-introduction> (дата обращения 28.12.2021).
- Rapnoiuil M. L.* (2016). View from Paris: The need for certainty. — Heinrich-Böll-Stiftung. URL: <https://eu.boell.org/en/2016/07/05/view-paris-need-certainty> (дата обращения 28.12.2021).
- Russian-Western Blind Spots: From Dialog on Contested Narratives to Improved Understanding (2019). — Berlin: Inmedio-ILPP.
- Security Narratives in Europe. A Wide Range of Views (2017). / W. Zellner (Ed.) — Baden-Baden: Nomos.

- State of the Union 2018. The Hour of European Sovereignty. Authorised Version of the State of the Union. (2018). Address Pp. 1-12. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/soteu2018-speech_en_0.pdf (дата обращения 28.12.2021).
- Terzi I. (2020). Grexit and Brexit: Lessons for the European Union. E-ir info. URL: <https://www.e-ir.info/2020/05/04/grexit-and-brexit-lessons-for-the-eu/> (дата обращения 28.12.2021).
- The Europe of Elites: A Study into the Europeanness of Europe's Political and Economic Elites (2012). / H. Best, G. Lenguel, L. Vercichelli (Eds.) — Oxford: Oxford University Press.
- The Future Relationship with the EU (2020). URL: <https://www.gov.uk/government/publications/our-approach-to-the-future-relationship-with-the-eu> (дата обращения 28.12.2021).
- Tombos R. (2019). A Very British Constitutional Crisis // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/09/05/opinion/britain-brexit-johnson-constitution.html> (дата обращения 28.12.2021).
- Walt St.M. (2020). Europe's Post-Brexit Future is Looking Scary // Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/02/06/europes-post-brexit-future-is-looking-scary/> (дата обращения 28.12.2021).
- Warum in Osteuropa Brüssel das neue Moskau ist. (2016). // Reformiert.. URL: <http://reformiert.info/artikel/hintergrund/warum-osteuropa-br%C3%BCssel-das-neue-moskau-ist> (In German) (дата обращения 28.12.2021).
- White Paper on the Future of Europe. Reflections and Scenarios for the EU- 27 by 2025 (2017). Bruxelles. European Commission COM. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf (дата обращения 28.12.2021).
- Wood M. (2017). Europe's Legitimacy Crisis isn't just about Identity, it's about Institutions. LSC Blogs. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2017/07/03/europe-legitimacy-crisis-identity-institutions/> (дата обращения 28.12.2021).

Медушевский Андрей Николаевич

amedushevsky@mail.ru

Andrei Medushevskiy

Doctor of Sciences (Philosophy), Tenured Professor, Higher School of Economics (Moscow) amedushevsky@mail.ru

EUROPEAN UNION AFTER BREXIT: RESULTS AND PROSPECTS OF THE INTEGRATION PROJECT

Abstract. The decision of Great Britain to leave European Union after the 2016 Referendum marked the beginning of the new period in the development of the European integration project. Started 70 years before, this project until recently seemed to be very successful as a form of the supra-national legal, economic and political regulation demonstrating a great vitality and potential for flexible reaction on new challengers. Brexit demonstrated another side of the coin: it confronted the European identity with nationalism; cooperation and solidarity with self-isolation in a critical moment of migration crisis; transnational European constitutionalism with the restoration of the state sovereignty principle, and, what is more important, put under question the principle idea of the ever-closer Union, withdrawing country from European political institutions. Should we consider this decision as result of UK's internal circumstances unfavorable for Europe, or vice versa, unequivocal expression of uneven character of the European integration project itself? Which kind of reaction produced this event in different parts of Europe, and how the European authorities reflected the fare-reaching negative effect of Brexit? What now with long-term consequences of Brexit for the Continental and British political identity? The author presents his answers on these questions.

Keywords: *Brexit, European Union, Integration project, European identity, legitimacy, referendum, transnational constitutionalism, national sovereignty, British constitutional crisis, European elites, decision-making process.*

JEL: F02, F15, F20, F52, F55, K00, K33.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Медушевский А.Н. Европейский Союз после Брексита: итоги и перспективы интеграционного проекта // Вопросы теоретической экономики. 2022. №4. С. 110–133. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_110_133.

FOR CITATION: Medushevskiy A. European Union after BREXIT: Results and Prospects of the Integration Project // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2022. No. 4. Pp. 110–133. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_110_133.

REFERENCES

- Andrews D. (2020). *Brexit and the British Constitutional Crisis*. Pomona. URL: https://www.pomona.edu/node/60101/field_event_date/addtoalics (Access Date: 28.12.2021).
- Brexit — a Polish Perspective from Warsaw and London* (2016). Heinrich-Böll-Stiftung. URL: <https://eu.boell.org/en/2016/07/22/brexit-polish-perspective-warsaw-and-london> (Access Date: 28.12.2021).
- Brexit: United Kingdom is Divided* (2016). Heinrich-Böll-Stiftung. URL: <https://eu.boell.org/en/2016/06/30/brexit-united-kingdom-divided> (Access Date: 28.12.2021).
- Business as Usual: Riding the Wave of Anti-Brussels Sentiment* (2016). Heinrich-Böll-Stiftung. URL: <https://eu.boell.org/en/2016/07/22/business-usual-riding-wave-anti-brussels-sentiment> (Access Date: 28.12.2021).
- Cardwell P. J. (2020). *Brexit: A Constitutional Crisis for the United Kingdom?* Sciencespo. URL: <https://www.sciencespo.fr/ecole-de-droit/fr/content/brexit-constitutional-crisis-united-kingdom.html> (Access Date: 28.12.2021).
- Cengiz I. F. (2017). European Constitutionalism and its Future after Brexit! // *Inonu University Law Review*. Vol. 8. No. 2. Pp. 551-571.
- Clarke H.D., Goodwin M., Whiteley P. (2017). *Brexit: Why Britain Voted to Leave the European Union*. — Kindle: Cambridge University Press.
- Clement G. (2020). «Roundheads vs Cavaliers»: *The British Constitution and Parliamentary Sovereignty in the Face of Brexit*. Pp. 35-50. URL: <https://journals.openedition.org/osb/2090> (Access Date: 28.12.2021).
- Committee on the Future Relationships with the European Union* (2020). URL: <https://committees.parliament.uk/committee/366/committee-on-exiting-the-european-union> (Access Date: 28.12.2021).
- Cunliffe Ph. (2019). *Eutopianism and the Future of the European Union. Briefings for Britain*. URL: <https://briefingsforbritain.co.uk/eutopianism-and-the-future-of-the-european-union/> (Access Date: 28.12.2021).
- Cunliffe Ph. (2020). *The New Twenty Years' Crisis 1999-2019: A Critique of Contemporary International Relations*. — Montreal: McGill-Queens University Press.
- Dorling D. (2019). *Rule Britannia: Brexit and the End of Empire*. — Kindle: Bitedack Publishing // <https://en.ru1lib.org/g/Danny%20Dorling> (Access Date: 28.12.2021).
- Evans G., Menon A. (2017). *Brexit and British Politics*. — Kindle: Polity Press // https://www.researchgate.net/publication/328099024_European_but_not_European_enough_An_explanation_for_Brexit (Access Date: 28.12.2021).
- Fücks R. (2016). *After the Brexit: Quo vadis, EU?* — Heinrich-Böll-Stiftung. URL: <https://eu.boell.org/en/2016/06/24/after-brexit-quo-vadis-eu> (Access Date: 28.12.2021).
- Future Relationship between the EU and the UK* (2020). URL: <https://vnk.fi/en/information-about-brexit/future-relationship> (Access Date: 28.12.2021).
- Global Times* (2019). URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1173380.shtml> (Access Date: 28.12.2021).
- Is Brexit a British Constitutional Crisis?* (2019). Constitutioncenter. URL: <https://constitutioncenter.org/interactive-constitution/podcast/brexit-and-the-uk-constitution> (Access Date: 28.12.2021).
- Letter to Michel Barnier* (2020). URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/886168/Letter_to_Michel_Barnier_19.05.20.pdf (Access Date: 28.12.2021).
- Medushevskiy A. (2021). Budushchee Evropy: politicheskaya diskussia o perspektivakh integratsionnogo proekta ES [The Future of Europe: a political discussion of prospects of the European Union integration process]. // *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. Vol. 30. No. 5. Pp. 15-41 (in Russ.).
- Medushevskiy A. (2022) Konferentsia o budushchem Evropy: vozmozhnye stsenarii gryadushchey evropeiskoy perestroyki [The Conference on the Future of Europe: possible scenarios of the forthcoming European Perestroika]. // *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. Vol. 31. No. 1. Pp. 14-42 (in Russ.).
- Michels R. (2016). Does Brexit Spell the Death of Transnational Law? // *German Law Journal* (Brexit Special Supplement). No. 17. Pp. 51-62.
- Mounk Y. (2020). The Coming Crisis of Legitimacy: Why Britain Brexited? // *The Atlantic*. No. 1. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/01/future-european-union/605839/> (Access Date: 28.12.2021).
- Norris P., Inglehart R. (2017). *Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. — Cambridge: Kindle Edition, Cambridge University Press.
- O'Toole F. (2018). *Heroic Failure: Brexit and Politics of Pain*. — Kindle: Apollo // https://www.amazon.com/gp/product/B07H984T88/ref=dbs_a_def_rwt_hsch_vapi_tkin_p1_i3?asin=B07H984T88&revisionId=c1f6a5d3&format=1&depth=1 (Access Date: 28.12.2021).
- Populism as a Common Challenge* (2017). — Berlin-Moscow: Political encyclopedia.
- Raines T., Goodwin M., Cutts D. (2017). *The Future of Europe. Comparing Public and Elite Attitudes*. Chatham House Research Paper. — London: Chatham House. URL: <https://www.chathamhouse.org/2017/06/future-europe/1-introduction> (Access Date: 28.12.2021).
- Rapnoiuil M. L. (2016). *View from Paris: The need for certainty*. — Heinrich-Böll-Stiftung. URL: <https://eu.boell.org/en/2016/07/05/view-paris-need-certainty> (Access Date: 28.12.2021).
- Russian-Western Blind Spots: From Dialog on Contested Narratives to Improved Understanding* (2019). — Berlin: Inmedio-ILPP.
- Security Narratives in Europe. A Wide Range of Views* (2017). / W. Zellner (Ed.) — Baden-Baden: Nomos.

- State of the Union 2018. The Hour of European Sovereignty. Authorised Version of the State of the Union* (2018). Address Pp. 1-12. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/soteu2018-speech_en_0.pdf (access date: 28.12.2021).
- Terzi I. (2020). *Grexit and Brexit: Lessons for the European Union*. E-ir info. URL: <https://www.e-ir.info/2020/05/04/grexit-and-brexit-lessons-for-the-eu> (access date: 28.12.2021).
- The Europe of Elites: A Study into the Europeanness of Europe's Political and Economic Elites* (2012) / H. Best, G. Lenguel, L. Vercichelli (Eds.) — Oxford: Oxford University Press.
- The Future Relationship with the EU* (2020). URL: <https://www.gov.uk/government/publications/our-approach-to-the-future-relationship-with-the-eu> (access date: 28.12.2021).
- Tombos R. (2019). A Very British Constitutional Crisis // *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2019/09/05/opinion/britain-brexit-johnson-constitution.html> (access date: 28.12.2021).
- Walt St.M. (2020). Europe's Post-Brexit Future is Looking Scary // *Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/02/06/europes-post-brexit-future-is-looking-scary> (access date: 28.12.2021).
- Warum in Osteuropa Brüssel das neue Moskau ist.* (2016). // *Reformiert.*. URL: <http://reformiert.info/artikel/hintergrund/warum-osteuropa-br%C3%BCssel-das-neue-moskau-ist> (In German) (access date: 28.12.2021).
- White Paper on the Future of Europe. Reflections and Scenarios for the EU- 27 by 2025* (2017). Bruxelles. European Commission COM. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf (access date: 28.12.2021).
- Wood M. (2017). *Europ's Legitimacy Crisis isn't just about Identity, it's about Institutions*. *LSC Blogs*. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2017/07/03/europe-legitimacy-crisis-identity-institutions> (access date: 28.12.2021).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Каравай

*к.соц.н., старший научный сотрудник, Институт социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
(Москва)*

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ШОКОВ РАЗНОЙ ПРИРОДЫ

Аннотация. В статье на данных опросов ИС ФНИСЦ РАН 2001–2022 гг. анализируются состояние и динамика различных составляющих социального капитала российского общества. Показано, что уже в самом начале специальной военной операции на Украине общество консолидировалось в своём доверии к основным властным (Президент РФ, Правительство РФ, главы субъектов РФ) и общественным (Российская академия наук и церковь) институтам, структурам и персоналиям. Их действия в период пандемии также способствовали росту доверия к ним населения. При этом обеим палатам Федерального собрания и органам местного самоуправления население в массе своей уже на протяжении многих лет не доверяет. Продемонстрировано также, что наблюдается некоторая фрагментация общества в зависимости от используемых каналов получения информации, однако серьёзной угрозы доверию в обществе она не несёт, так как многие россияне очень критично относятся ко всем источникам информации, которые всё больше дискредитируют себя в их глазах в последние годы. Показано, что среди россиян высок уровень межличностного доверия и готовности помогать другим при сравнительно невысоких субъективных оценках уровня взаимовыручки в обществе. Такое расхождение говорит о нереализованности многих запросов к контрагентам по социальным сетям, выросших в условиях разного рода внешних шоков. В статье описана и структура социальных сетей в российском обществе, в массе своей низкоресурсных, но, тем не менее, всё же предоставляющих большинству населения страны доступ к расширению жизненных возможностей, а не только к хозяйственно-бытовой помощи. Показано, что лишь четверть россиян весной 2022 г. была полностью исключена из такого рода сетей. Ещё столько же было тех, кто, не предоставляя никаких значимых видов помощи другим, рассчитывал, тем не менее, на её получение от своих социальных сетей. «Доноров», предоставляющих хотя бы какие-то ресурсы в социальных сетях, традиционно заметно меньше, чем «реципиентов». Такая асимметрия усугубляется тем, что основу социальных сетей составляет совсем небольшая (менее 10% представителей массовых слоёв) группа высокоресурсных «доноров», которые одновременно являются и основными бенефициарами наиболее дефицитных ресурсов социальных сетей. Это может послужить фактором дальнейшего углубления социальных неравенств. Однако пока за счёт высокой степени конвертации потенциала даже низкоресурсных социальных сетей в реальную помощь, эти сети способствуют консолидации общества.

Ключевые слова: *социальный капитал, социальные сети, ресурсы населения, доверие в обществе, доверие к власти, консолидация российского общества.*

JEL: D19, E24, J18.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_134_148.

Введение

Современные научные концепции рассматривают доверие как один из ключевых факторов успешного развития экономики, поскольку при его наличии в обществе снижается уровень транзакционных издержек, связанных с необходимостью подтверждения любых действий экономических агентов [Glaeser, Laibson., Sacerdote, 2002]. Этот подход к концептуализации социального капитала обычно связывают с именем Р. Патнема [Putnam, 1995a; Putnam, 1995b]. Социальный капитал, обусловленный доверием, разделяют на две формы — разделяющую (bonding, exclusive) и объединяющую (bridging, inclusive). Первая связана с внутригрупповыми взаимодействиями, вторая — с межгрупповыми. В обществе, где слабы межгрупповые связи и где при этом сильно внутригрупповое взаимодействие (доверяют только «своим»), сложно говорить о консолидации и дополнительном ресурсе экономического развития.

Ресурсный потенциал социальных сетей рассматривается в качестве социального капитала в рамках другой традиции его изучения — работами П. Бурдьё [Бурдьё, 2002], Дж. Коулмана [Коулман, 2001], М. Грановеттера [Грановеттер, 2009], Ф. Фукуямы [Фукуяма, 2001] и др. В рамках этой традиции роль доверия также очень велика, поскольку оно является основой существования социальных сетей, но это уже доверие не столько на макро-, сколько на микроуровне. Люди, оказывая друг другу помощь, создают своего рода «доверительные расписки», которые со временем погашают [Коулман, 2001]. При этом доверие не обязательно должно быть на межличностном уровне: оно может возникать и через принадлежность конкретного индивида к той или иной социальной группе или связи с определёнными социальными институтами [Kaasa, Parts, 2008; Sabatini, 2009]. Особое внимание исследователей в рамках этой традиции приковано к тому факту, что из-за неравномерного распределения монетарных и немонетарных ресурсов в различных социальных группах и склонности индивидов к общению с похожими на них людьми, ресурсы в социальных сетях распределены также неравномерно [Lin, 2000; Тихонова, 2004; Каравай, 2022]¹.

Применительно к российским условиям наиболее часто в качестве наиболее яркого проявления «работы» социального капитала исследователи рассматривают именно получение различных видов помощи [Тихонова, 2014. С. 274]. Массово это можно наблюдать в периоды серьёзных социально-экономических потрясений [Аврамова, Логинов, 2002; Козырева, 2009; Каравай, 2021] (не стали исключением и последние годы). При этом обычно различают те виды помощи, которые помогают индивиду выжить, но значимо на его жизненную ситуацию не влияют, и те, которые расширяют жизненные возможности индивида.

Период пандемии Covid-19 и последовавшее за ним начало СВО на Украине резко актуализировали проблему наличия в российском обществе социального капитала в обеих его трактовках. Вот почему мы сделали ситуацию с ним, включая динамику её изменения, предметом анализа, результаты которого изложены в данной статье. Эмпирической базой этого анализа стали данные опроса, проведённого Институтом социологии ФНИСЦ РАН в марте 2022 г. (выборка в 2 000 человек репрезентировала население страны по федеральным округам, а внутри них — по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения), а также опросов разных лет того же института с такой же моделью выборки, численность которой колебалась в разные годы от 1 600 до 4 000 человек.

¹ Подробнее о теоретической концепции социальных сетей и особенности их функционирования: [Каравай, 2021; Каравай, 2022].

Состояние и динамика ключевых показателей социального капитала российского общества

Как показал анализ, если говорить о трактовке понятия «социальный капитал» как существующего в обществе уровня доверия к различным органам власти, общественным институтам, структурам и персоналиям [Andriani, Christoforou, 2016; Kaasa, 2019], то весной 2022 г. он был очень различным (рис. 1). В левом верхнем квадранте матрицы доверия/недоверия на рис. 1 представлены институты, структуры и персоналии, которым россияне склонны скорее доверять. Это российская армия, Президент страны, Российская академия наук, Правительство России, церковь, общественные организации и главы субъектов РФ. В нижнем правом квадранте представлены институты, которым россияне склонны скорее не доверять. Это (в порядке убывания распространённости доверия к ним) обе палаты парламента, органы местного самоуправления, полиция, профсоюзы, судебная система, банки и Центризбирком. Аутсайдерами рейтинга доверия выступают политические партии. Не пользуются доверием большинства наших сограждан и различные каналы получения информации – как цифровые, так и традиционные СМИ.

Рис. 1. Доверие / недоверие россиян различным государственным и общественным институтам, 2022 г., %²
 Источник: расчёты автора.

Очевидно, что с точки зрения россиян весной 2022 г. их интересы лучше представляли федеральные, нежели местные и региональные власти. При этом обе палаты парламента, а также политические партии, созданные для того, чтобы олицетворять и символизировать многообразие нужд и стремлений разных групп «во власти», со своей прямой задачей не справляются. Так, Государственной думе россияне не доверяют в 1,5 раза чаще, чем доверяют; Совету Федерации — в 1,3 раза; политическим партиям — в 4 (!) раза. И здесь можно говорить, скорее, о существовании в обществе консенсуса в части недовере-

² Чем ниже и правее находится точка, тем меньшее доверие вызывает соответствующий институт. Для наглядности задано пересечение осей в точке (50; 50): это позволяет отделить группы структур и институтов, которым доверяют свыше половины россиян, от тех, которым свыше половины наших сограждан, наоборот, не доверяют. В подписях к точкам приведены доли доверяющих соответствующей структуре. Доли не доверяющих и затруднившихся с ответом на рисунке не представлены.

рия к названным властным институтам, нежели о разобщённости российских граждан на почве разного отношения к ним.

Стоит отметить, что после прохождения «пиковой» фазы пандемии наши сограждане стали больше доверять всем институтам власти, что может быть расценено как свидетельство положительной оценки действий властей всех уровней в условиях пандемии коронавируса. Исключением остаются судебная система и политические партии, к которым на протяжении по крайней мере последних двух десятилетий общество по большей части относилось с недоверием. Кроме того, заметны положительные изменения в восприятии россиянами руководства регионов. В то же время парадоксальна ситуация с теми, кто призван непосредственно представлять «во власти» интересы общества во всем их многообразии, — сенаторами и депутатами. Их деятельность из года в год не вызывает у россиян доверия. Интересна также ситуация с доверием силовым структурам. Российским вооружённым силам традиционно доверяет большинство наших сограждан. С 2001 г. показатель уровня доверия к ним стабильно превышает 50%. Иная ситуация — с доверием органам внутренних дел: россияне по большей части им устойчиво не доверяют. Так, в марте 2022 г. полиции доверяли всего 42% наших сограждан. Однако за последние два десятилетия доля россиян, доверяющих органам внутренних дел, демонстрирует тенденцию к росту (рис. 2).

Рис. 2. Динамика Индекса доверия³ россиян армии и полиции⁴, 2001–2022 гг., баллы

Источник: расчёты автора.

Напротив, к разного рода источникам информации доверие среди россиян падает (рис. 3). Это тем более важно, что потоки информации, получаемой из различных источников, способны манипулировать общественным мнением и формировать разнообразные картины мира. Доверие человека информационным каналам, в которых доминирует какой-то один взгляд на происходящее в окружающем мире, создаёт вокруг него «информационный пузырь», в который сложно попасть альтернативным мнениям. Однако российскому обществу пока не угрожает опасность раскола, порождённого ориентацией его членов на различные источники информации, поскольку без малого половина россиян относится критически ко всем информационным каналам — 46% наших сограждан не

³ Индекс доверия рассчитывается по формуле: $I = (R_p - R_o) / (R_p + R_o)$, где I – индекс, R_p – доля положительных ответов, R_o – доля отрицательных ответов. Для сопоставимости результатов опросов разных лет Индекс доверия строился только для ответивших респондентов.

⁴ До 2011 г. – милиция.

доверяли весной 2022 г. ни прессе, ни телевидению, ни Интернету и социальным сетям, а в Москве и Санкт-Петербурге данный показатель достигал 57% (!). При этом телевидение вызывало доверие у 33% россиян, а Интернет и соцсети – у 36%. Четверть россиян получает информацию только из одного источника, в том числе 16% — из Интернета и социальных сетей, 7 – из телевизионных передач и трансляций, 2% — из печатной прессы. Наименее критичны в своих оценках различных источников информации молодые люди в возрасте до 25 лет. Тем не менее и среди них 40% не доверяют наиболее распространённым каналам получения информации. При этом 50% молодёжи до 25 лет доверяют Интернету и социальным сетям, в том числе 34% — только и исключительно им. В то же время среди 26–35-летних цифровым информационным каналам доверяют уже лишь 38% опрошенных. Таким образом, если говорить об опасности, которую несет деление общества по степени доверия тем или иным источникам информации, то сегодня данная проблема стоит не столь остро, как могло бы казаться. Да, молодёжь до 25 лет отличается менее критическим взглядом на мир, а многие её представители питают доверие только к Интернету и социальным сетям. Однако и в данной возрастной группе таких отнюдь не большинство.

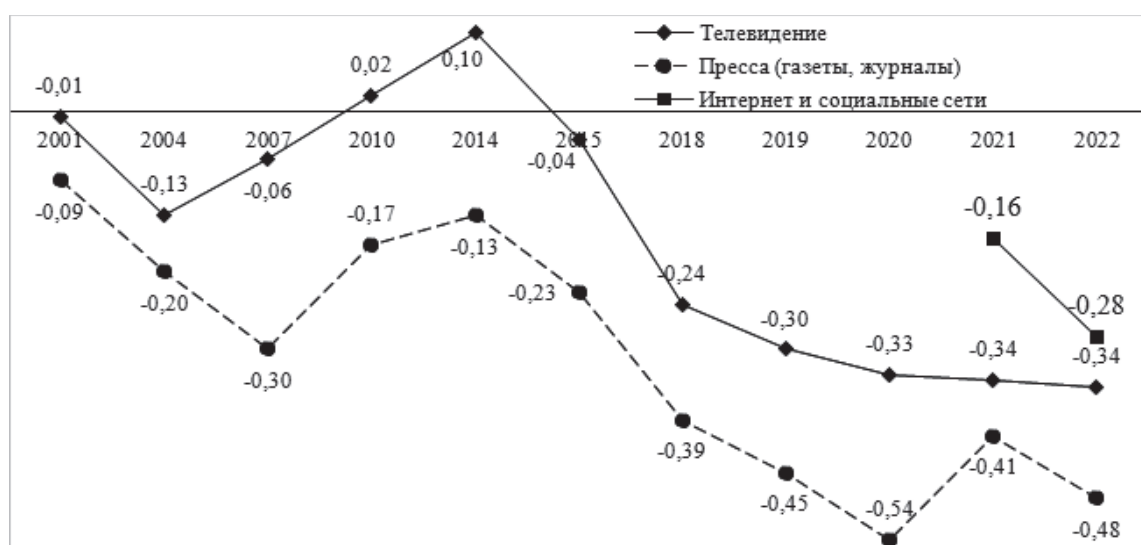

Рис. 3. Динамика Индекса доверия россиян различным источникам информации, 2001–2022 гг., баллы
Источник: расчёты автора.

Таким образом, очевидны и кризис доверия всем информационным источникам, и критическое отношение очень многих наших сограждан к получаемой информации. При этом доверие сократилось не только к традиционным СМИ, но и к Интернету и социальным сетям. Информационный шум, ставший неотъемлемой частью жизни современных людей, дискредитирует все источники информации, заставляя россиян относиться к ним всё более критически.

Что же касается общественных институтов, то в основном они пользуются доверием большинства населения. Тем не менее нельзя не отметить, что с 2010 г. в обществе нарастает неоднозначное отношение к церкви — при стабильных 50–60% её сторонников растёт доля не доверяющих ей. На сравнительно высоком уровне остается Индекс доверия Российской академии наук. За время пандемии отношение россиян к последней даже улучшилось: если в сентябре 2020 г. ей безусловно доверяли 58% россиян, то в 2022 г. — 67%. Аналогичная тенденция просматривается и в отношении общественных и правозащитных организаций — за время пандемии доля доверяющих им выросла с 37% в 2020 г. до 53% в 2022 г. Наконец, профсоюзы, оставаясь скорее формальным институтом, поскольку, согласно данным опроса ИС ФНИСЦ РАН 2021 г., их помощью в случае необходимости воспользовались бы лишь 3% россиян, также улучшили за последние годы свое положение.

ние, хотя не доверяющих им и сегодня гораздо больше, чем доверяющих (59% против 39%, соответственно).

В целом, россияне стали к весне 2022 г. больше доверять тем общественным и государственным институтам, которые, по их оценкам, смогли успешно проявить себя в период пандемии. Тем самым этот период способствовал укреплению связей между обществом, с одной стороны, и органами власти разного уровня, общественными организациями, научным сообществом — с другой.

Укрепление доверия граждан страны социальным и государственным институтам сопровождалось также укреплением межгруппового доверия. Россияне считают сейчас драйверами развития страны большинство ключевых социальных групп. При этом доверие большей части наших сограждан (свыше 85% опрошенных) заслужили самые разные группы (табл. 1). Особняком на этом фоне стоят чиновники, которых россияне считают скорее помехой для развития страны. Это парадоксально, поскольку, как было показано выше, сегодня большинство россиян в целом доверяют многим властным институтам, но негативно оценивают при этом работу рядовых государственных служащих. Так, среди доверяющих Президенту лишь 48% считают, что госчиновники способствуют развитию России.

Таблица 1

Видение россиянами вектора влияния на развитие страны различных социальных групп, 2022 г., %⁵

Социальные группы	Способствуют развитию	Препятствуют развитию
Рабочие	94	5
Крестьяне	93	6
Средний класс	92	7
Предприниматели	90	10
Молодёжь	88	11
Военные	83	16
Руководители предприятий и фирм	80	19
Интеллигенция	78	21
Сотрудники правоохранительных органов	65	34
Государственные чиновники	42	57

Источник: расчёты автора.

Положительное влияние на развитие страны представителей многих групп российского общества признаётся большинством наших сограждан на протяжении длительного времени. На рис. 4 показана динамика Индекса восприятия драйверов развития России, рассчитанная по той же формуле, что и Индекс доверия. Положительные значения данного Индекса отражают превышение доли тех, кто считает представителей той или иной группы способствующими развитию страны, над долей сторонников противоположного мнения, тогда как отрицательные значения говорят об обратной ситуации⁶. Анализ показателей Индекса в разные годы свидетельствует, что на протяжении длительного времени наши сограждане склонны в массе своей признавать важную роль в развитии России большинства представленных

⁵ Затруднившиеся с ответом в таблице не представлены. Фоном выделены позиции, набравшие более 50% ответов.

⁶ Расчёт Индекса восприятия основывался только на тех, кто ответил на соответствующий вопрос.

в обществе ключевых социальных групп. Однако некоторые изменения за последние годы все же произошли. Так, постепенно падает авторитет интеллигенции: в 2007 г. безусловное большинство (91% ответивших) россиян считало, что эта часть общества способствует развитию страны, а к 2022 г. соответствующий показатель снизился до 78%. В целом же за последние 12 лет российский социум стал более консолидированным в мнении относительно роли рассматриваемых социальных групп в развитии страны, и это справедливо даже в отношении чиновников, сотрудников правоохранительных органов и крупных банков.

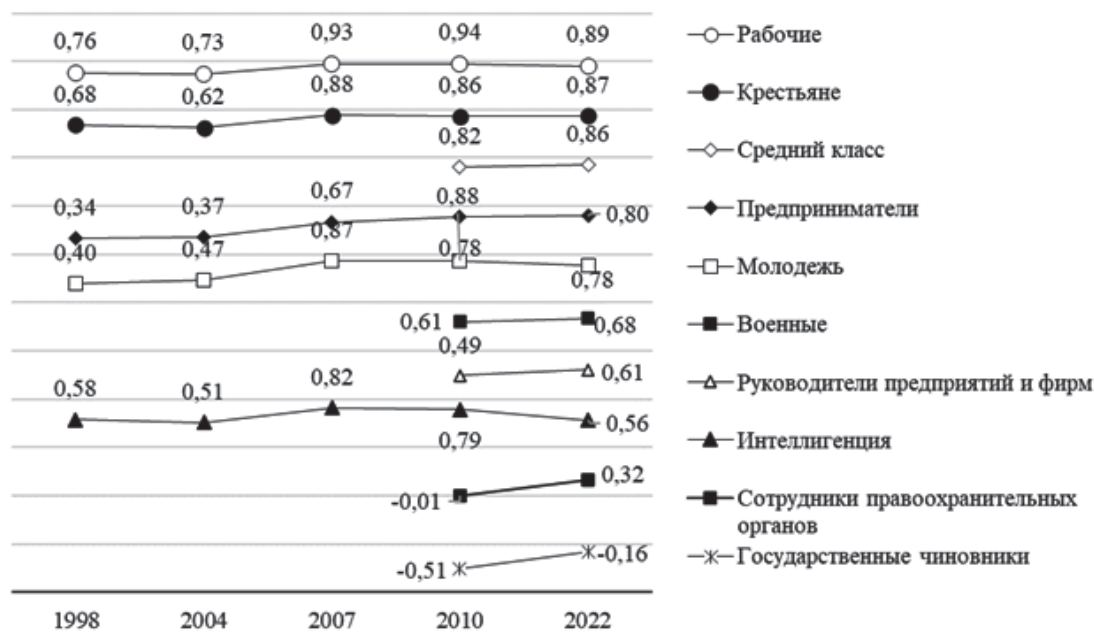

Рис. 4. Динамика показателей Индекса восприятия россиянами групп – драйверов развития России, 2007–2022 гг., баллы

Источник: расчёты автора

Таким образом, в российском обществе уже давно сложился консенсус относительно доверия социальным институтам и ключевым социальным группам, а также в целом схожее мнение относительно их роли в развитии страны. При этом доминирует точка зрения, согласно которой, несмотря на присутствие в социуме самых разнообразных групп с разными интересами, большинство из них действует на благо страны. Более того, если раньше россияне чаще признавали ведущую роль своих и близких к ним групп (так, рабочие и сельские жители в большинстве своём полагали, что на благо страны работают прежде всего рабочие и крестьяне, молодёжь видела в этой роли себя и т.д.), то в 2022 г. независимо от возраста, места проживания, уровня образования, материального положения и профессионального статуса не менее 70% представителей всех групп заявили, что развитию России способствует каждая из них. Это означает, что наблюдается консолидация общества и вокруг социальных институтов, и на уровне социальных групп с различными целями и интересами.

Таким образом, очевидно, что та часть социального капитала российского общества, которая связана с доверием государственным институтам и ключевым социальным группам, в последние годы возрастает, и период пандемии, при всей своей сложности, благотворно повлиял на эти процессы.

Возникает вопрос: а что происходит с доверием на уровне межличностных отношений, и ощущают ли сами россияне высокий уровень взаимовыручки в обществе? Данные весны 2022 г. демонстрируют, что субъективные оценки этих взаимоотношений находятся на среднем уровне — 5,4 балла из 10 возможных (медиана – 5 баллов). При этом немногим менее четверти (23%) наших сограждан оценивают степень распространённости взаимо-

выручки не выше, чем на 3 балла (обозначим её как низкую), а свыше трети (35%) ставят ей 7 и более баллов (условно высокая степень взаимовыручки).

Оценки уровня взаимовыручки в обществе зависят во многом от личной ситуации индивидов — доверяют или нет они своему окружению, ощущают ли поддержку с его стороны. Следует отметить, что тех, кто не доверяют никому, в российском обществе почти нет — их доля не превышает статистической погрешности (1%). С другой стороны, весной 2022 г. каждый десятый россиянин доверял всем членам своего окружения — от родственников и близких до соседей и коллег. Несмотря на всё ещё высокий уровень межличностного доверия в социуме, за время пандемии он заметно упал: меньше стало тех, кто доверяют самым близким (семье, родственникам и друзьям), увеличилось число не доверяющих соседям (табл. 2). Возможно, негативная динамика вызвана не оправдавшимися ожиданиями относительно получения от них помощи во время пандемии. Но есть и другое объяснение — неоднозначное отношение россиян к тем событиям, которые развернулись с началом специальной военной операции на Украине. Вероятные конфликты на этой почве также способны были снизить уровень межличностного доверия. Всё-таки 21% населения в марте 2021 г. в той или иной степени не одобрил проведение спецоперации, а 22% опрошенных заявили, что вооружённого конфликта скорее всего можно было избежать. При этом соответствующие показатели среди тех, кто доверяют семье лишь отчасти, были заметно выше — 35% и 31%. Среди не доверяющих своей семье они были ещё выше — 60 и 53%, соответственно. В то же время критических изменений весной 2022 г. ещё не произошло, поскольку тех, кто не доверяли никому, тогда практически не было, тогда как в 2004 г., например, таких было 17%.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Насколько вы доверяете своему ближайшему окружению?», 2021–2022 гг., %

Окружение	Доверяют		Доверяют отчасти		Не доверяют		В окружении нет таких людей	
	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022
Члены семьи	91	88	8	11	0	1	1	0
Родственники	69	62	29	34	2	4	0	0
Друзья	56	49	40	44	3	6	1	1
Коллеги	18	18	49	50	13	16	20	16
Соседи	18	14	55	55	25	29	2	2

Источник: расчёты автора

Обратимся теперь к вопросу о потенциале и формах той помощи, которую россияне оказывают друг другу и которая составляет «объективированную структурную основу» социального капитала [Радаев, 2002. С. 26]. Данные свидетельствуют, что практически все наши сограждане рассчитывают на получение (97%) или готовы оказать (94%) тот или иной вид помощи. При этом к наиболее распространённым её видам относятся те, которые помогают решить повседневные текущие проблемы с бытом или финансами — хозяйственно-бытовая помощь, возможность занять денег «до получки» или разово подзаработать (табл. 3). Всё, что открывает новые жизненные возможности для них или их детей — новая хорошая работа, карьерный рост, обучение в престижной школе или вузе и т.п., доступно гораздо меньшему числу наших сограждан, а тех, кто способен предоставить такие возможности, относительно немного. При этом по сравнению с 2021 г. ситуация в данной области практически не изменилась.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Могли бы вы в случае необходимости получить от своего ближайшего окружения или оказать его членам следующие виды помощи?», 2022 г., %⁷

Виды помощи	Могли бы получить такую помощь		Готовы оказать такую помощь	
	2021	2022	2021	2022
Поступление в хороший вуз	6	6	3	4
Продвижение по карьерной лестнице	7	7	2	3
Решение жилищной проблемы	6	9	4	5
Устройство детей в хорошую школу	8	9	4	7
Содействие в доступе к должностным лицам, способным помочь в решении проблем	10	9	8	7
Устройство на хорошую работу	11	11	4	5
Возможность взять в долг свыше 100 тыс. руб.	13	12	5	6
Обращение к хорошим врачам или устройство в хорошую больницу	23	22	9	9
Поиск приработков	25	28	14	17
Возможность взять в долг до 100 тыс. руб.	53	41	33	23
Хозяйственно-бытовая помощь (ХБП)	н/д	65	н/д	78
Не имеют таких знакомых / не могут оказать никакой помощи	н/д	3	н/д	6
Не имеют таких знакомых / не могут оказать никакой помощи (кроме ХБП)	19	31	41	54

Источник: расчёты автора

В сети обмена включены практически все россияне, однако рассчитывающих получить помощь в среднем больше, чем готовых её предоставить. Исключение составляет не требующая дополнительных ресурсов хозяйственно-бытовая помощь: готовых оказать её больше, чем тех, кто рассчитывает её получить. Сложилась интересная ситуация: субъективно наши сограждане средне оценивают уровень взаимовыручки в обществе, но при этом подавляющее их большинство готово прийти на выручку, оказать посильную помощь, и почти все рассчитывают ту или иную помощь получить. Это означает, что жители России заметно недооценивают уровень взаимовыручки в социуме в целом.

Не умаляя роли для формирования и поддержания межличностных связей в обществе хозяйственно-бытовых форм помощи, сосредоточимся на более значимых для жизни, равно как и дефицитных формах поддержки. Как показано в табл. 3, тех, кто готов предоставить их, т.е. играющих в социальных сетях роль доноров, в 1,5 раза меньше, чем тех, кто рассчитывает такую помощь получить, т.е. реципиентов.

Рассмотрим две шкалы «Донорство» и «Реципиентство», построенные путём суммирования баллов, присвоенных за каждый вид потенциально предоставляемой или получаемой помощи. Максимум по каждой из них составляет 10 баллов, но данные исследования

⁷ Допускалось несколько вариантов ответа.

дают в обоих случаях не более 7 баллов. Среднее значение по шкале «Донорство» составило 0,85 балла, по шкале «Реципиентство» — 1,53 балла. Эти показатели положительно коррелируют (коэффициент корреляции Пирсона 0,524), т.е. чем больше у человека потенциал предоставляемой им помощи, тем больше и возможностей привлечения значимых видов поддержки. Можно было бы допустить и обратную зависимость: высокий потенциал привлекаемой помощи обеспечивает широкие возможности её предоставления другим. Однако наличие группы тех, кто только ожидает помощи, но сам её предоставлять не готов (27% опрошенных), указывает на то, что процессы распространения ресурсов работают в направлении «от доноров к реципиентам» и редко в обратном направлении.

Шкалы потенциала получаемой и предоставляемой помощи можно представить в виде пары координатных осей пространства «донорство — реципиентство» в российском обществе. Кластерный анализ⁸ позволяет выделить в этом пространстве 6 кластеров, образующих структуру социальных сетей. Первый кластер объединяет россиян, имеющих нулевые значения по обеим шкалам (27% населения), т.е. в принципе не включённых в обмен значимыми видами ресурсов. Второй — «чистые реципиенты» (также 27% россиян) — это те, кто, имея 0 баллов по шкале «Донорство», тем не менее рассчитывает получить от своего окружения различные виды помощи. Несмотря на то, что представители этих двух кластеров не готовы оказывать значимые виды помощи, среди них максимально число готовых помогать в хозяйственно-бытовом плане (92% среди «чистых реципиентов» и 88% среди не включённых в обмен значимыми ресурсами россиян). Это лишний раз подтверждает высокий уровень взаимовыручки в российском обществе, в контексте которой люди готовы оказывать любую посильную помощь, независимо от располагаемых ресурсов и материального положения (рис. 5).

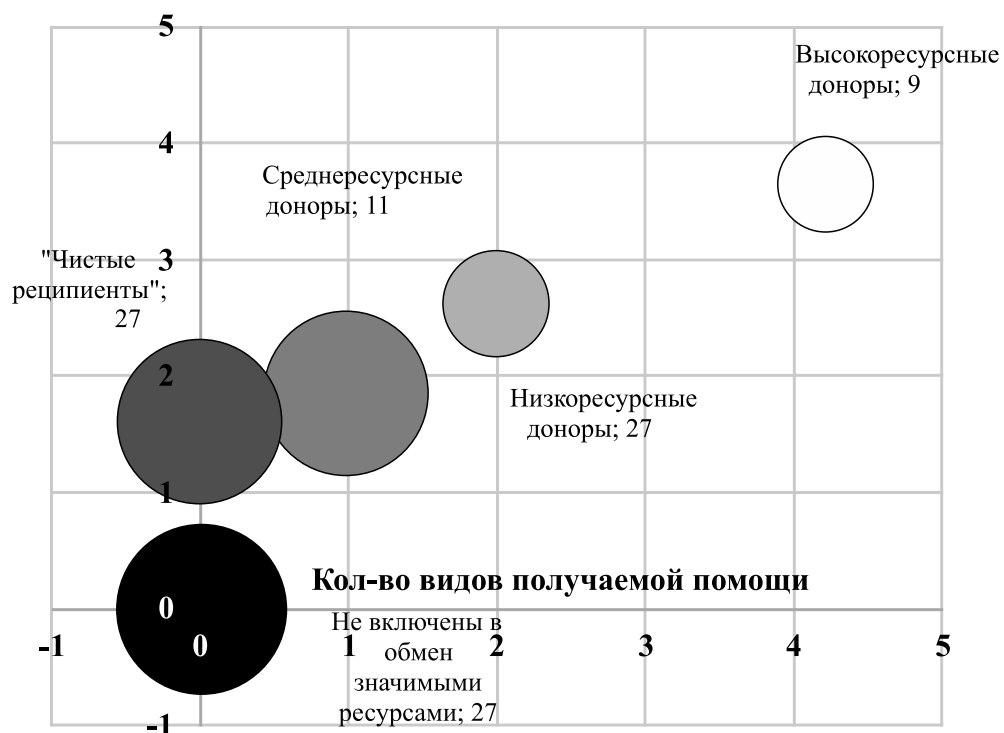

Рис. 5. Структура социальных сетей массовых слоев российского населения, 2022 г., %⁹.

Источник: расчёты автора

⁸ Использовался метод двухэтапного кластерного анализа.

⁹ Числа на каждом из кругов означают численность соответствующей группы. Два кластера высококоресурсных доноров объединены на рисунке в один, поскольку они различались не числом, а структурой оказываемых видов помощи.

Оставшиеся 4 кластера объединяют доноров с разным потенциалом предоставляемой ими другим членам сетей помощи. Самый большой «донорский» кластер — низко-ресурсные доноры (также 27% населения): по большей части его представители способны предоставить какой-то один вид помощи, в основном дать в долг сравнительно небольшую сумму денег. Группа среднересурсных доноров заметно меньше — всего 11% россиян. Её представители могут предоставить сетям в среднем два вида помощи. Потенциал получаемой помощи у них также выше, чем у низкоресурсных доноров. Высокоресурсные доноры составляют лишь 9% массовых слоев населения, но именно их можно назвать основой и наиболее активными членами социальных сетей, поскольку все они способны предоставить не менее трёх видов поддержки, а доступный им потенциал получаемой помощи — самый высокий из всех.

Потенциал низкоресурсных «доноров» заключается в основном в возможности помочь с трудоустройством на хорошую работу и предоставлении небольших займов (см. табл.4). Заметная часть среднересурсных «доноров» имеет плюс к этому возможность содействовать в доступе к должностным лицам. И наконец, высокоресурсные «доноры», как правило, способны предоставлять самые различные виды поддержки.

Таблица 4

Виды помощи, которые могут предоставить или получить различные группы россиян-«доноров», 2022 г., %.

Виды помощи	Низкоресурсные		Среднересурсные		Высокоресурсные	
	могут получить	готовы предоставить	могут получить	готовы предоставить	могут получить	готовы предоставить
Устройство на хорошую работу	59	42	60	56	71	67
Возможность взять в долг до 100 тыс. рублей	33	26	39	49	37	57
Содействие в доступе к должностным лицам, способным помочь в решении проблем	25	8	39	26	46	51
Обращение к хорошим врачам или устройство в хорошую больницу	10	5	21	12	31	44
Поступление в хороший вуз	14	2	31	13	35	38
Продвижение по карьерной лестнице	13	3	21	11	34	38
Возможность взять в долг более 100 тыс. рублей	8	8	16	16	31	37
Устройство детей в хорошую школу	6	1	10	2	27	33
Поиск приработков	9	2	12	13	28	28
Решение жилищной проблемы	8	1	13	2	27	27

Источник: расчёты автора.

Доступ к ресурсообмену зависит как от образа жизни, опосредованного этапом жизненного цикла и особенностями места жительства, так и от накопленного человеческого капитала, определяющего позицию индивида в социальной структуре. Помимо этого, прослеживается практически линейная взаимосвязь между степенью включённости индивидов в социальные сети и уровнем их среднедушевых доходов. Только у 13% не включённых в обмен значимыми ресурсами россиян среднедушевые доходы превышают 1,25 медианы доходного распределения в населённых пунктах соответствующего типа. Среди «чистых реципиентов» таковых 24%, среди низкоресурсных доноров — 34, среднересурсных доноров — 46, высокоресурсных доноров — 54% (при 29% по массиву в целом).

Как следствие, доступ к ресурсообмену в социальных сетях чаще получают представители высокодоходных слоёв, и они же обретают от них максимальную пользу. Иными словами, социальные сети способствуют углублению материальных и нематериальных неравенств, и, возможно, по этой причине россияне в среднем невысоко оценивают уровень взаимовыручки в обществе, поскольку реальные возможности доступных им сетей не оправдывают их ожиданий. Невзирая на это, потенциальная помощь достаточно эффективно конвертируется в помощь реальную. Так, в 2021 г. в процессы получения и оказания помощи были включены 80% наших сограждан (в том числе 60% сами оказывали помощь, а 66% получали её). Тем не менее для многих россиян это не отменяет проблему несоответствия ожидания конкретному виду помощи и реального её получения хотя бы потому, что доноров в 1,5 раза меньше, чем реципиентов.

Выводы

1. Уровень доверия органам власти, социальным институтам, а также разного рода структурам и персоналиям в российском обществе различается очень сильно. Только некоторые из них пользуются доверием большинства россиян — это Президент и Правительство РФ, в меньшей степени — главы субъектов РФ, причём отношение к ним различается в зависимости от региона. Из силовых ведомств большинство доверяет только армии, из общественных институтов — Российской академии наук, церкви и, в меньшей степени, общественным организациям. В то же время одобрение населением действий различных ветвей власти и общественных организаций в период пандемии выразилось в росте доверия к соответствующим институтам, в то время как явными аутсайдерами выступают непосредственные «волеизъявители народа» — обе палаты Парламента, а помимо них — органы местного самоуправления, судебная система и политические партии. Другими словами, общество в целом консолидируется в своём доверии к одним ветвям власти и общественным институтам и недоверии к другим, хотя до окончания этого процесса ещё очень далеко.

2. Несмотря на то, что прослеживается определённая дефрагментация общества в зависимости от используемых каналов получения информации, однако пока эти процессы не привели к угрозе его консолидации. Во-первых, многие россияне вне зависимости от возраста и социально-экономического положения критически относятся ко всем источникам информации — и к традиционным, и к цифровым. Во-вторых, доверие ко всем этим источникам в последние годы падает, а учитывая нередкое распространение непроверенной информации и официальными СМИ, и социальными сетями, ожидать, что ситуация будет улучшаться, не приходится.

3. В российском обществе уже сравнительно давно сложился консенсус относительно ключевых социальных групп, способствующих или препятствующих развитию страны. Помимо крестьян и рабочих к способствующим развитию страны группам большинство россиян относит предпринимателей, средний класс, молодёжь, военных, руководителей и интеллигенцию, хотя положительная роль последней сейчас признаётся заметно

реже, чем ещё 15 лет назад. Это говорит о невыполнении данной группой тех социальных функций, которые на неё возлагает общество. Не улучшает ситуацию и реакция части интеллигенции на позицию России в отношении Украины.

4. При довольно высокой степени консенсуса в обществе относительно доверия к ключевым институтам и роли в развитии страны основных социальных групп, россияне сравнительно невысоко оценивают уровень взаимовыручки в обществе — в среднем на 5 из 10 баллов. Эти оценки не согласуются с объективными показателями готовности россиян прийти на помощь друг другу, которые, напротив, очень высоки. Скорее всего, причиной этого рассогласования выступают завышенные запросы в отношении своих контрагентов по социальным сетям, особенно в условиях растущей неопределённости будущего.

5. Уровень межличностного доверия среди россиян очень высок — не доверяющих никому из своего окружения среди них практически нет. Естественно, что наибольшим доверием пользуются представители самого близкого окружения — семья, родственники и друзья. Несмотря на то, что за год уровень межличностного доверия, особенно самым близким, несколько снизился, что может быть связано с разочарованием в степени их поддержки в период пандемии или с неоднозначностью отношения россиян к событиям на Украине, практически все они готовы оказывать или рассчитывают на получение хотя бы хозяйственно-бытовой помощи со стороны своего окружения. Это объективно свидетельствует о высоком потенциале взаимовыручки в российском обществе, проявившемся в период пандемии и в повсеместном расширении волонёрского движения, и в распространности различных благотворительных и гуманитарных акций.

6. Что касается масштабов социальных сетей, предоставляющих доступ к значимым для расширения жизненных возможностей ресурсам, а не просто хозяйственно-бытовой помощи, то свыше четверти россиян оказались исключены из такого ресурсообмена. «Доноров», предоставляющих сетям ресурсы, в 1,5 раза меньше, чем «реципиентов», претендующих на получение таких видов помощи. Основу сетей составляет небольшая (9%) группа высокоресурсных «доноров», которые могут предоставить даже больше видов помощи, чем предполагают получить. Однако на самом деле они же являются и основными бенефициарами ресурсов в сетях, поскольку преимущественно им доступен весь спектр потенциальной поддержки. Такая структура и принципы функционирования социальных сетей в российском обществе способствуют углублению в нем социальных неравенств. Тем не менее высокая степень конвертации потенциала социальных сетей в реальную помощь, которая фиксировалась и в 2021 г., говорит о том, что в целом социальные сети работают сейчас скорее на консолидацию россиян.

ЛИТЕРАТУРА

- Авраамова Е. М., Логинов Д. М. (2002). Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 24–34.
- Бурдые П. (2002). Формы капитала // *Экономическая социология*. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- Грановеттер М. (2009). Сила слабых связей // *Экономическая социология*. Т. 10. № 4. С. 31–50.
- Каравай А. В. (2021). Социальные сети в современной России: масштабы, структура и механизмы функционирования // *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 9. №4 (36). С. 42–60.
- Каравай А. В. (2022). Факторы доступа к ресурсам социальных сетей в современной России // *Социологические исследования*. №10. С. 74–84.
- Козырева П. М. (2009). Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // *Социологические исследования*. № 1 (297). С. 43–54.
- Коулман Дж. (2001). Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 121–139.
- Радаев В. В. (2002). Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Экономическая социология*. Т. 3. №. 4. С. 20–32.
- Тихонова Н.Е. (2004). Социальный капитал как фактор неравенства // *Общественные науки и современность*. №4. С. 24–35.
- Тихонова Н. Е. (2014). Социальная структура России: теории и реальность. – М.: Новый Хронограф.

- Andriani L., Christoforou A. (2016). Social Capital: A Roadmap of Theoretical and Empirical Contributions and Limitations // *Journal of Economic Issues*. Vol. 50. No. 1. P. 4–22, DOI: 10.1080/00213624.2016.1147296
- Fukuyama F. (2001). Social capital, civil society and development // *Third world quarterly*. Vol. 22. No. 1. Pp. 7–20.
- Glaeser E., Laibson D., Sacerdote B. (2002). An Economic Approach to Social Capital // *Economic Journal*. 2002. Vol. 112. No. 483. Pp. F437–F458.
- Kaasa A. (2019). Determinants of individual-level social capital: Culture and personal values // *Journal of International Studies*. No.12(1). Pp. 9–32. DOI:10.14254/2071- 8330.2019/12-1/1
- Kaasa A., Parts E. (2008). Individual-Level Determinants of Social Capital in Europe: Differences between Country Groups // *Acta Sociologica*. Vol. 51. No. 2. Pp. 145–168.
- Lin N. (2000). Inequality in social capital // *Contemporary sociology*. Vol. 29. No. 6. Pp. 785–795.
- Putnam R. (1995a). Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America // *PS: Political Science and Politics*. Vol. 28. No. 4. Pp. 664–683.
- Putnam R. (1995b). Bowling alone, America's declining of social capital // *Journal of Democracy*. No. 6. Pp. 65–78.
- Sabatini F. (2009). Social capital as social networks: A new framework for measurement and an empirical analysis of its determinants and consequences. // *The Journal of Socio-Economics*. No. 38(3). Pp. 429–442. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socec.2008.06.001>

Каравай Анастасия Вадимовна

karavayav@yandex.ru

Anastasia V. Karavay

candidate of sociological sciences, senior research associate, FCTAS RAS (Moscow)

karavayav@yandex.ru

THE SOCIAL CAPITAL OF RUSSIAN SOCIETY IN THE FACE OF EXTERNAL SHOCKS OF DIFFERENT NATURE

Abstract. In the article, based on the data of the FCTAS RAS 2001–2022, the state and dynamics of various components of the social capital of the Russian society are analyzed. It is shown that already at the very beginning of the special military operation, society consolidated its trust in the main authorities (the President of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation, the heads of the regions of the Russian Federation) and social (the Russian Academy of Sciences and the Church) institutions, structures, and personalities. Their actions during the pandemic also contributed to the fact that the population's confidence in them increased. At the same time, the population for the most part has not trusted both chambers of the Parliament and local self-government bodies for many years. It has also been demonstrated that there is some fragmentation of society depending on the channels used to obtain information, but it does not pose a serious threat to public trust, because many Russians are very critical of all sources of information that have increasingly discredited themselves in their eyes in recent years. It is shown that among Russians there is a high level of interpersonal trust and willingness to help others with relatively low subjective assessments of the level of mutual assistance in society. Such a mismatch indicates many untapped requests to counterparties on social networks that have grown up in the conditions of various kinds of external shocks. The article also describes the structure of social networks in Russian society, which are mostly low-resource, but, nevertheless, still provide the majority of the country's population with access to expanding life opportunities, and not only to household assistance. It is shown that only a quarter of Russians in the spring of 2022 were completely excluded from such networks. There were also the same number of those who, without providing any kind of help to others, nevertheless counted on receiving it from their social networks. "Donors" who provide at least some resources in social networks are traditionally noticeably less than "recipients". This asymmetry is aggravated by the fact that the basis of social networks is a very small (less than 10% of the representatives of the mass strata) group of high resource "donors", who are also the main beneficiaries of the most scarce resources of social networks, which can serve as a factor in further deepening social inequalities. However, so far, due to the high degree of conversion of the potential of even low-resource social networks into real help, these networks contribute rather to the consolidation of society.

Keywords: *social capital, social networks, public resources, social confidence, public confidence in the government, public consolidation in Russia.*

JEL: D19; E24; J18.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Каравай А.В. Социальный капитал российского общества в условиях внешних шоков разной природы // Вопросы теоретической экономики. 2022. №4. С. 134–148. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_134_148.

FOR CITATION: Karavay A. The Social Capital of Russian Society in the Face of External Shocks of Different Nature // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2022. No. 4. Pp. 134–148. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_134_148.

REFERENCES

- Andriani L., Christoforou A. (2016). Social Capital: A Roadmap of Theoretical and Empirical Contributions and Limitations // *Journal of Economic Issues*. Vol. 50. No. 1. Pp. 4-22, DOI: 10.1080/00213624.2016.1147296
- Avraamova E. M., Loginov D. M. (2002). Sotsialno-ekonomicheskaja adaptatsiia: resursy i vozmozhnosti [Socio-economic adaptation: resources and opportunities] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 5. Pp. 24-34 (In Russ.).
- Bourdieu P. (2002). Formy kapitala. [The forms of capital] // *Ekonomicheskaja sotsiologiya*. Vol. 3. No. 5. P. 60—74. DOI: 10.17323/1726-3247-2002-5-60-74. (In Russ.).
- Coleman J. (2001). Kapital sotsialnyi i chelovecheskii [Social Capital in the Creation of Human Capital] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 3. P. 121—139. (In Russ.).
- Fukuyama F. (2001). Social capital, civil society and development // *Third world quarterly*. Vol. 22. No. 1. Pp. 7-20.
- Glaeser E., Laibson D., Sacerdote B. (2002). An Economic Approach to Social Capital // *Economic Journal*. 2002. Vol. 112. No. 483. C. F437-F458.
- Granovetter M. (2009). Sila slabykh svyazei [The Strength of Weak Ties] // *Ekonomicheskaja sotsiologiya*. Vol. 10. No. 4. P. 31—50. (In Russ.).
- Kaasa, A. (2019). Determinants of individual-level social capital: Culture and personal values // *Journal of International Studies*. Vol. 12(1). Pp. 9-32. DOI:10.14254/2071- 8330.2019/12-1/1
- Kaasa A., Parts E. (2008). Individual-Level Determinants of Social Capital in Europe: Differences between Country Groups // *Acta Sociologica*. Vol. 51. No. 2. Pp. 145-168.
- Karavay A.V. (2021). Social'nye seti v sovremennoj Rossii: masshtaby, struktura i mehanizmy funkcionirovaniya [Social Networks in Modern Russia: Scale, Structure and Functioning Mechanisms] // *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. No.9(4):42 60. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8605 (In Russ.).
- Karavay A. V. (2022). Faktory dostupa k resursam social'nykh setej v sovremennoj Rossii [Factors Of Access To Social Network Resources In Modern Russia] // *Sotsiologicheskie issledovaniia*. No.10. Pp. 74-84 (In Russ.).
- Kozyreva P. M. (2009). Mezhlchnostnoe doverie v kontekste formirovaniia sotsialnogo kapitala [Interpersonal trust in the context of the formation of social capital] // *Sotsiologicheskie issledovaniia*. No. 1. pp. 43–54. (In Russ.).
- Lin N. (2000). Inequality in social capital. // *Contemporary sociology*. Vol. 29. No. 6. Pp. 785-795.
- Putnam R. (1995a). Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America // *PS: Political Science and Politics*. Vol. 28. No. 4. Pp. 664-683.
- Putnam R. (1995b). Bowling alone, America's declining of social capital // *Journal of Democracy*. No. 6. Pp. 65-78.
- Radaev V. V. (2002). Poniatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiia [The concept of capital, forms of capital and their conversion] // *Ekonomicheskaja sotsiologiya*. Vol. 3. No. 4. Pp. 20-32. (In Russ.).
- Sabatini F. (2009) Social capital as social networks: A new framework for measurement and an empirical analysis of its determinants and consequences // *The Journal of Socio-Economics*. No.38(3). Pp. 429-442 DOI: 10.1016/j.socec.2008.06.001
- Tikhonova N.E. (2004). Sotsialnyi kapital kak faktor neravenstva [Social capital as a factor of inequality] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 4. Pp. 24–35. (In Russ.).
- Tikhonova N. E. (2014). Social'naja struktura Rossii: teorii i real'nost'. [Social Structure of Modern Russia: theory and reality] – Moscow: Novyy Khronograf. (In Russ.).

С.А. Васильев

*д.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)*

АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.: ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ТЕХНОЛОГИИ ПРОВЕДЕНИЯ Часть 2. Второй этап аграрной реформы: С.Ю. Витте и П.А. Столыпин

Аннотация. Крестьянская реформа 1861 г. подвергалась жёсткой общественной критике под тем предлогом, что крестьянам дали недостаточно земли, а ставки выкупных платежей были слишком высокими. Из этого делался вывод о хроническом кризисе аграрного сектора как о следствии плохо проведённых реформ. Фактически же в пореформенные годы наблюдался быстрый рост аграрного сектора, росли как потребление зерна в крестьянских хозяйствах, так и общий уровень жизни крестьян. Серьёзным тормозом развития аграрного сектора, однако, была передельная община, которая тормозила повышение производительности сельского хозяйства и переход к интенсивным технологиям.

Уже в 1880–1890 гг. был проведён ряд мер, обеспечивающих завершение первого этапа крестьянской реформы и облегчающих положение крестьян. Была введена система принудительного выкупа земель у помещиков, отменена подушная подать и снижены ставки выкупных платежей. Одновременно был создан Крестьянский банк, крестьянам были предоставлены льготы по аренде казённых земель и начат процесс переселения крестьян в Сибирь.

Второй этап аграрных реформ, так называемые реформы П.А.Столыпина, начался в 1905 г. Ключевыми направлениями этих реформ стали: отмена выкупных платежей, уравнивание крестьян в правах с другими сословиями, предоставление крестьянам права выхода из общины со своим земельным наделом. Была развёрнута широкая программа землеустроительных работ с целью территориальной консолидации частных наделов, увеличены масштабы операций Крестьянского банка по льготной продаже земли крестьянам, существенно увеличены потоки переселенцев в азиатскую часть России. Важным фактором динамизации аграрного сектора стали развитие сельскохозяйственной и кредитной кооперации.

Реализация этих реформ требовала значительного времени, и к 1917 г. они были завершены только наполовину. Процесс рыночной трансформации сельского хозяйства был оборван отменой частной собственности на землю и общинной контрреволюцией, в ходе которой была восстановлена передельная община. В скором времени за этим последовало вторичное закрепощение крестьян в рамках колхозной системы, которое в полной мере было преодолено только к концу 70-х гг. XX века.

Ключевые слова: *аграрные реформы, Витте, Столыпин, крестьяне, передельная община, Крестьянский банк, частная собственность на землю.*

JEL: N53, Q15.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_149_163.

Критика реформы и её политические последствия

Критика крестьянской реформы 1861 г. началась сразу же после её объявления. Причём в публичной сфере это была в основном критика слева. Основные аргументы здесь были следующие: крестьянам дали слишком мало земли, повинности (оброк и барщина) слишком высоки, равно как и выкупные платежи.

Почти все исследователи в пореформенную эпоху писали об ухудшении экономического положения крестьянства. Проблемы, возникавшие в пореформенные годы в крестьянских хозяйствах (реальные и мнимые), списывались на недостатки в конструкции реформ. Причём эта критика была весьма односторонней — никто не писал, например, о трудностях, которые в пореформенный период испытывали помещичьи хозяйства, а они, между прочим, производили половину товарного зерна.

Во взгляде на сельское хозяйство в образованных кругах преобладала народническая точка зрения о большой пользе общинного землевладения, которое, по мнению как правых, так и левых, было основным препятствием к обезземеливанию сельского населения, его перетоку в города и массовой пауперизации. Вопрос о повышении производительности труда в сельском хозяйстве вообще не поднимался, было также не понятно, кто будет работать в городах на промышленных предприятиях. Народники, которые в принципе выступали за демократическое устройство общества и всеобщее избирательное право, как-то совмещали это в своём сознании с полукрепостным положением крестьян внутри общины.

Все эти взгляды вполне отразились даже в серьёзном 6-томном издании 1911 г. «Великая реформа» [*Великая реформа...*, 1911]. Здесь повторяются все приёмы критики 70-х гг. XIX в., и всюду сквозит неприязнь к Столыпинской реформе.

Возникает вопрос — почему в пореформенный период в литературе отсутствовала не то чтобы положительная оценка реформ, но хотя бы объективный разбор ситуации в сельском хозяйстве. Я полагаю, что это связано с тем, что инициаторы реформ были очень быстро вычищены из правительства и на их место пришли реакционеры, считавшие проведение реформ ошибкой. Конечно, они не могли открыто критиковать реформы, проводимые по повелению Государя, но и не защищали их активно от нападок левых.

Такая односторонняя оценка крестьянской реформы имела крайне негативные политические последствия. Мысль о том, что крестьянам недодали земли, приводила к идее о переделе помещичьих земель, а рассуждения о том, что крестьяне якобы сильно переплатили помещикам при выкупе своих наделов, предполагали бесплатный характер наделения крестьян дополнительной землей (т.е. либо конфискация части помещичьей земли, либо её выкуп за счёт казны). Основная часть либералов (кадетская партия) полностью отошла от позиции либералов-шестидесятников о предпочтительности частной собственности на землю. В первой программе кадетской партии предполагалась передача помещичьих земель во владение или пользование крестьянам. Выражение «частная собственность» в программе кадетской партии не упоминается ни в одном разделе. Ясно, что левые партии занимали в этом вопросе ещё более радикальные позиции.

Какова же была реальная ситуация? Начнём с размеров крестьянских наделов. Величина так называемых «отрезков», которые уменьшали существующие крестьянские наделы, составила у бывших помещичьих крестьян около 18%. Такое весьма умеренное уменьшение крестьянских наделов отражало две тенденции: с одной стороны, законодательно закреплённое требование по определённой унификации их размеров, с другой — нежелание крестьян платить большие выкупные суммы за крупные наделы. Потому крестьяне сами отказывались от излишних для них участков земли [*Миронов, 2015. С. 94-96*].

Что касается цены выкупа, то она действительно превышала рыночную цену земли в 1863–1872 гг. (в период начала масштабных операций по выкупу земель) примерно на 25%. Однако надо помнить, что операция по выкупу наделов была рассчитана на 49 лет,

цена выкупа была зафиксирована и не менялась в зависимости от колебаний рыночных цен на землю. Более того, выкупные платежи с 1883 г. были снижены на 27%.

Между тем рыночные цены на землю в пореформенное время неуклонно повышались, и уже к 1879 г. рыночные оценки крестьянских земель были выше выкупной цены, а после окончания выкупной операции стоимость надельной земли в 2,4 раза превышала цену выкупа. Даже с учётом процентов, выплаченных по выкупной операции, крестьяне в итоге заплатили за землю в 1,3 раза меньше, чем она стоила в 1907–1910 гг. В дополнение к этому рост цен на сельскохозяйственную продукцию (в полтора раза за период проведения выкупной операции) приводил к реальному обесценению ежегодных выкупных платежей [Миронов, 2015, С. 96-99].

Фактические результаты реформы

Естественным следствием из тезисов об ухудшении положения крестьянства в постреформенный период был вывод об общем кризисном состоянии сельского хозяйства и экономики России. Так, в частности, утверждалось, что рост экспорта зерновых происходил на фоне снижения потребления населения (так называемый «голодный экспорт»).

Все эти тезисы опровергнуты современной исторической наукой. Так, в наиболее фундаментальной работе по этой теме — книге П. Грегори «Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв.)» наглядно показано, что никакого аграрного кризиса в постреформенной России не было, наоборот, экономика и сельское хозяйство развивались достаточно успешно [Грегори, 2003. С. 34-37].

После периода относительно невысоких темпов роста в 60–70 гг. XIX в. (собственно, в период проведения реформы) произошло резкое ускорение темпов экономического роста. Причём довольно высокие темпы роста наблюдались не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Темпы роста сельскохозяйственного производства составляли в последние два десятилетия XIX в. 2,55% при приросте населения 1,3% в год.

Несмотря на то, что темпы роста экспорта зерна обгоняли темпы роста его производства, жизненный уровень крестьян возрастал. По оценкам П. Грегори, рост потребления зерна в крестьянских хозяйствах в три раза превышал темп прироста населения. Наконец, имела тенденцию к росту и заработная плата наёмных сельскохозяйственных работников. В пятнадцатилетний период, предшествующий революции, она выросла на 14% в реальном исчислении.

Возникает вопрос: как всё это сочеталось с представлениями большинства публицистов о кризисном состоянии аграрного сектора? Ответ достаточно прост: исследователи того времени занимались преимущественно проблемами общинного земледелия, и в частности проблемами передельной общины, которая действительно находилась в кризисе.

Постоянные переделы земли, с одной стороны, не давали крестьянам стимулов для улучшения качества земли, с другой — стимулировали избыточную рождаемость, поскольку земля делилась по едокам. В результате происходило быстрое снижение средних размеров наделов. Невозможность продать свой надел даже внутри общины препятствовала оттоку избыточного населения в города. Выделение наделов крестьянам на разных полях (так называемая чересполосица) консервировало отсталую трехпольную систему севооборота и не позволяло внедрять новые сельскохозяйственные культуры.

Между тем передельная община была одной из наиболее распространённых форм ведения сельского хозяйства, но далеко не господствующей. Во-первых, среди общин, формально относившихся к передельным, существовало значительное количество таких, в которых переделы не проводились ни разу с момента запуска реформы. В таких общинах земля фактически находилась в подворном владении и использовалась более рационально.

Во-вторых, общинное землевладение было характерно только для Великороссии. На Украине крестьяне после реформы сразу получили землю в подворное владение; в подворном владении земля находилась и во всех западных губерниях.

В-третьих, помимо общинного землевладения, в пореформенный период существовало и расширялось частное крестьянское землевладение. Когда крестьяне покупали землю у помещиков, она переходила в их полную частную собственность и хозяйствование на таких землях не имело недостатков, характерных для общинного землепользования. Кроме того, существовала широко распространённая практика аренды крестьянами помещичьих земель.

В-четвёртых, помещичий сектор в это время хотя и сокращался в масштабах, но повышал свою эффективность. Земли неэффективно управляемых поместий переходили в руки новых собственников (преимущественно зажиточных крестьян), но оставшиеся хозяйства довольно быстро интенсифицировали производство сельхозпродукции. Обеспеченность техникой здесь была существенно выше, чем в крестьянских хозяйствах [Федоров, 2002. С. 383].

Наконец, благосостояние крестьян-общинников также определялось не только их хозяйствованием на своих наделах. В условиях нехватки обрабатываемых земель многие крестьяне уходили на заработки в города. Но, поскольку они формально были прикреплены к общинной земле и не могли продать свои наделы, они числились в деревне, хотя большую часть времени проводили в городах.

Тезис о позитивном влиянии крестьянской реформы на экономическое развитие России подтверждается фундаментальной работой Е.В. Журавской и А.М. Маркевича [Markevich, Zhuravskaya, 2018], посвящённой эконометрическому анализу результатов крестьянской реформы. Используя большой массив данных по всем российским губерниям и современные методики анализа, авторы с высокой степенью достоверности доказали следующие положения:

- отмена крепостного права привела к росту продуктивности зернового хозяйства на 16% относительно дореформенного тренда;
- ещё более значительным было влияние реформы на развитие промышленности — здесь дополнительный прирост добавленной стоимости составил 37%;
- в целом дополнительный прирост ВВП составил около 18%;
- дополнительный прирост благосостояния крестьян составил порядка 19%.

В то же время исследование выявило негативное влияние сохранения передельной общины на продуктивность зернового хозяйства в пореформенный период: вследствие сохранения передельной общины фактический рост урожайности зерновых в пореформенный период составил чуть выше половины (56%) от её потенциального роста.

Аграрные реформы в 1880 – 1890 гг.

Активизация аграрных реформ в 1880-е гг. была связана с очередным «потеплением» в общественной жизни и назначением в 1880 г. на должность министра внутренних дел графа М.Т. Лорис-Меликова. Широкое обсуждение вопросов завершения крестьянской реформы было прервано убийством Александра II, однако в начале следующего царствования была продолжена разработка и реализация ряда мер под руководством либеральных министров Н.Х. Бунге, Н.П. Игнатъева и М.Н. Островского (возглавлявших, соответственно, министерства финансов, внутренних дел и государственных имуществ).

Поводом к изменению аграрной политики стало двадцатилетие со дня начала крестьянской реформы. В соответствии с «Положением о выкупе» 19 февраля 1881 г. должна была быть осуществлена переоценка крестьянских наделов и установление новых норм

оброка (переобработка). От этой идеи правительство отказалось. Вместо этого оно сделало обязательным выкуп крестьянских наделов, при этом крестьяне освобождались от доплат помещикам.

Второй мерой стало снижение выкупных платежей, поскольку выкупная операция, вопреки первоначальным опасениям, оказалась для государства не убыточной, а весьма доходной. Даже при снижении выкупных платежей в среднем на 27% операция оставалась прибыльной. Профицит специального счёта (т.е. разность между выкупными платежами, полученными от крестьян, и купонными выплатами государства помещикам) составил на начало 1885 г. почти 15 млн руб., несмотря на накопленные недоимки в размере 12 млн руб.) [Корнилов, 1905. С. 219-220].

Важнейшей мерой этого этапа стала отмена подушной подати, которая была особенно болезненной для бедных слоев населения. Но отмена подушной подати имела и огромное политическое значение — с ней было связано существование «податных», т. е. неполноправных, сословий.

Необходимость отмены подушной подати была ясна всем деятелям реформы уже в 1861 г., однако в то время не было источника компенсации выпадающих доходов. В середине 1880-х гг. для компенсации выпадающих доходов были повышены выкупные платежи государственных крестьян (они в среднем были недообложены по сравнению с бывшими помещичьими) и увеличена ставка акциза на спирт.

Другой проблемой, становившейся с течением времени всё более актуальной, было крестьянское малоземелье. Для решения этой проблемы предполагалось создание Крестьянского банка с целью финансирования приобретения дополнительных земель, облегчение аренды крестьянскими обществами казённых земель и переселение крестьян в малонаселённые губернии (прежде всего в Сибирь).

Эти меры были реализованы с переменным успехом. Крестьянский банк был создан в 1883 г. с весьма незначительным капиталом и вёл очень осторожную кредитную политику. Крестьянским обществам был разрешён доступ к торгам по сдаче в аренду казённых земель на достаточно льготных условиях. Закон о переселенцах был принят в 1889 г. и предусматривал передачу земель в бессрочное пользование, а также предоставление льгот по казённым податям и повинностям. По этому закону в течение первых семи лет его действия в Сибирь переселилось 400 тыс. человек.

Одновременно с рядом прогрессивных мер в царствование Александра III были предприняты меры, направленные на консервацию общинного землевладения. Так, Закон от 18 марта 1886 г. поставил семейные разделы земли в зависимость от решений сельских сходов, Закон от 14 декабря 1893 г. существенно ограничил оборот наделных земель: выкуп и выдел подворных участков был поставлен в зависимость от согласия сельского схода, продажа участков разрешалась только внутри сельских обществ, залог земель был запрещён.

Подготовка второго этапа аграрной реформы

Толчком к подготовке второго этапа аграрной реформы в России, по-видимому, стал неурожай 1891–1892 гг., совпавший с эпидемией холеры. Уже в 1893 г. в Государственном Совете обсуждалась необходимость пересмотра положений 19 февраля 1861 г. и предлагалось учредить в этих целях особую вневедомственную комиссию по образцу Редакционных комиссий, готовивших реформу 1861 г.

Эта тема долго обсуждалась в Правительстве и была реализована только в 1902 г. Такие проволочки в своей основе имели нежелание значительной части дворянства что-либо менять в государственной аграрной политике. Помещиков вполне устраивала высо-

кая концентрация малоземельного крестьянства в центральных губерниях — это обеспечивало их пулом дешёвых работников. Даже относительно малоконфликтные меры по улучшению ситуации (например, переселенческая политика) встречали большое сопротивление в Государственном Совете. Точно так же бесконечно долго длились дискуссии об отмене круговой поруки (она была отменена только в 1903 г.) и о новом паспортном уставе (предполагалась выдача крестьянам паспортов, обеспечивающих их свободное перемещение по территории России).

Лидером в процессе подготовки второго этапа аграрной реформы стал министр финансов С.Ю. Витте. Поначалу он был сторонником общинного землевладения, однако сама деятельность на посту министра финансов подвела его к мысли о том, что община стала тормозом экономического развития России. Результатом неоднократных обращений С.Ю. Витте к императору стало формирование так называемого «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности», работа которого опиралась на специально сформированные местные сельскохозяйственные комитеты с привлечением общественности.

С.Ю. Витте в правительственных кругах считался либералом, и для противостояния ему при Министерстве внутренних дел было параллельно создано «Особое совещание по крестьянскому вопросу», которое в своей работе также опиралось на губернские совещания, сформированные по преимуществу из местного чиновничества. Направление работы этого Совещания определялось императорским манифестом о неприкосновенности общинного земледелия, а основные принципы предполагали сохранение сословной обособленности крестьян, неотчуждаемости крестьянских наделов и неприкосновенности основных форм крестьянского землевладения.

Дальнейшее развитие событий пошло, однако, совсем иным путём. Ключевым событием здесь стало назначение начальника земского отдела Министерства внутренних дел В.И. Гурко заместителем председателя Редакционной комиссии при Особом совещании МВД. В.И. Гурко придерживался в целом консервативных взглядов, но был ярким противником сохранения общины. Несмотря на политическую конкуренцию между Министерствами финансов и внутренних дел В.И. Гурко быстро нашёл общий язык с А.А. Риттихом — фактическим заместителем С.Ю. Витте в Особом совещании Минфина.

В 1904 г. между А.А. Риттихом и В.И. Гурко был достигнут «технократический консенсус» относительно новой аграрной политики. Этот консенсус предполагал индивидуализацию и интенсификацию сельского хозяйства, и переход к частной поземельной собственности, основанной на хуторах или семейных фермах. Одновременно с этим предполагалась ликвидация особого правового статуса крестьян [Мейси, 1993].

Обсуждение этих вопросов на местах, к удивлению авторов предложений, показало высокий уровень их общественной поддержки (что было сюрпризом также и для С.Ю. Витте). Между тем эти предложения радикально противоречили как позиции консервативного дворянства (о том, что ничего не надо менять), так и либералов-народников (о необходимости сохранения общины и принудительного перераспределения в пользу крестьян помещичьих земель) [Миронов, 2008. С. 12-13].

Именно достижение технократического консенсуса между Минфином и МВД, а также широкая общественная поддержка этого консенсуса позволили С.Ю. Витте сформулировать развёрнутую программу будущей аграрной реформы в его известной «Записке по крестьянскому делу» [Витте, 1904]. Ценность этой записки тем более велика, что она была издана в 1904 г., до начала революции 1905 г. и не содержит конъюнктурных моментов, характерных для реформаторской мысли революционного времени.

Программа аграрной реформы С.Ю. Витте

Взгляды С.Ю.Витте по крестьянскому вопросу вполне сложились к 1898 г., и они были им чётко сформулированы в письме Николаю II. По мнению С.Ю. Витте, реформа 1861 г. не была завершена. Освободив крестьянина от власти помещика, она сделала его зависимым от общины. «Он находится в положительном рабстве у схода, у его горланов. Не только его благосостояние зависит от этих людей, но от них зависит его личность... Крестьянина наделили землёю. Но он не владеет этой землёю на совершенно определённом праве, точно ограниченном законом. При общинном землевладении крестьянин не может даже знать, какая земля его... Права наследства были предоставлены господству смутного обычая...».

«Крестьянство... находится в рабстве произвола, беззакония, невежества. В таком состоянии оно теряет стимул добиваться улучшения своего благосостояния. У него парализуется жизненный нерв прогресса...» [Витте, 1991. С. 527–532].

По мнению С.Ю. Витте, замкнутость общины, её низкая экономическая эффективность представляли собой также и политическую угрозу: они препятствовали экономическому развитию страны в целом, сокращали налоговую базу и в конечном счёте угрожали международному положению Империи.

В «Записке по крестьянскому делу» [Витте, 1904] С.Ю. Витте предлагает уже вполне разработанную программу аграрной реформы. В основе его предложений лежала идея о распространении на крестьян общегражданского законодательства, что изначально было предусмотрено реформой 1861 г. Использование обычного права было предусмотрено лишь в той степени, в какой правоотношения между крестьянами не урегулированы гражданским правом. Однако впоследствии обычное право всё в большей степени распространялось на внутриобщинные отношения, причём до такой степени, что Сенат зачастую отменял решения местных судов, основанные на общегражданском праве (том X Свода Законов).

Конкретно предложения С.Ю.Витте сводились к следующему:

1. Крестьянская община сохраняется как форма совместной хозяйственной деятельности. Правительство не предпринимает никаких мер, направленных на разрушение общины.
2. Крестьяне получают право выхода из общины с закреплением права собственности на их земельный надел.
3. Надельная земля крестьянина, перешедшая в его собственность, может быть продана, но только внутри крестьянского сословия.
4. Семейная собственность на наделы отменяется и заменяется личной собственностью. Земля наследуется в рамках общегражданского законодательства.
5. Проведение подворного землеустройства, т.е. предоставление крестьянам права консолидации своих наделов в одном месте, правительственная поддержка мер по землеустройству.
6. Свобода перемещения для крестьян.
7. Замена крестьянского волостного суда общесословным.
8. Замена местного крестьянского самоуправления всесословным, создание так называемой волостной земской единицы.

Все эти предложения впоследствии составили ядро аграрной реформы П.А. Столыпина, так что аграрную реформу начала XX в. надо по справедливости называть реформой Витте-Столыпина.

Революция 1905 г. и запуск аграрной реформы

К началу 1905 г. техническая сторона аграрной реформы была уже вполне разработана Редакционной комиссией. Сами по себе революционные события мало повлияли на конструкцию реформы, зато способствовали её ускоренному проведению. Наблюдая массовые погромы помещичьих усадеб, которые в значительной степени были инспирированы общинными авторитетами, даже консервативные чиновники отказались от поддержки общинного землевладения. В разгар революционных событий часть реформаторов склонялась к принудительному выкупу государством части помещичьих земель, однако эти идеи были вскоре отставлены.

Первой мерой аграрной реформы стала отмена выкупных платежей по Указу от 3 ноября 1905 г., что снимало с крестьянских земель остающееся обременение. Указ от 5 октября 1906 г. устранял сословную обособленность крестьян и уравнивал их в правах с остальными подданными империи. Наконец, Указ от 9 ноября 1906 г. давал крестьянам возможность выхода из общины со своим земельным наделом и делал возможным физическое обособление этого надела от общинных земель, что в сущности представляло собой положение, сформулированное ещё в 1861 г., с той лишь разницей, что, благодаря отмене выкупных платежей, крестьяне это право теперь могли реализовать.

К этому времени премьер-министром и министром внутренних дел стал П.А. Столыпин, который смог развить и реализовать на практике программу аграрной реформы С.Ю. Витте. Помимо перевода крестьянских наделов в личную собственность программа П.А. Столыпина содержала ряд положений, которые в принципе поддерживали политические силы широкого спектра — от кадетов до умеренных правых.

Эти меры, в частности, предполагали:

- увеличение масштаба операций Крестьянского банка путём скупки помещичьих имений и их разверстания для продажи крестьянам на льготных условиях. Крестьянскому банку также передавались для продажи казённые земли;
- увеличение потока переселенцев в Азиатскую часть России;
- масштабную программу землеустройства;
- поддержку сельскохозяйственных обществ и кооперативов, агрономическую поддержку крестьянства;
- развитие кредитной кооперации.

В отличие от Крестьянской реформы 1861 г., которая ориентировалась в известной степени на максимальное сохранение status quo (на существующие наделы крестьян, на исторически сложившиеся повинности), реформа П.А. Столыпина была реформой структурной.

Наиболее сложной и затратной в техническом плане составляющей этой реформы стало масштабное землеустройство. Причём землеустройство требовалось не только при выделении крестьянских наделов из общинной земли, но, например, и при разверстании земель Крестьянского банка на мелкие участки для продажи, и при продаже казённых земель, а также при разграничении наделных земель и земель иных владельцев (групповое землеустройство).

Опыта масштабного землеустройства в России не было, не было и достаточного количества землемеров. Правительству пришлось в спешном порядке готовить кадры землемеров, открывая землемерно-агрономические училища и краткосрочные курсы. Количество землемеров, участвующих в реализации реформы, возросло с 200 человек в 1906 г. до 7 000 человек в 1914 г. [Давыдов, 2016. С. 488, 491]. Но даже при таком росте численности эти специалисты не могли достаточно быстро выполнять все заявки по групповому и индивидуальному землеустройству. К 1917 г. количество неудовлетворённых заявок крестьян на землеустройство составляло около полутора миллионов.

Другим сложным проектом стала организация массового переселения в Азиатскую часть России. С учётом того, что за 1906–1914 гг. сюда переехали на постоянное жительство несколько миллионов человек, становится понятным масштаб усилий, необходимый для координации деятельности различных ведомств, обеспечивающих движение потока переселенцев и их обустройство по новому месту жительства.

Важным следствием аграрной реформы стало развитие кооперативного движения в самых разных сферах деятельности. Например, сельскохозяйственные общества существовали и до Столыпинской реформы, однако бурный рост их числа приходится на время реформ. Сельскохозяйственные общества в своей деятельности сочетали экономические и просветительские функции и именно в последнем качестве получали финансовую помощь от правительства и земств.

Общества, возникавшие в период реформ, были меньшего размера, имели преимущественно хозяйственные функции и, по сути, превращались в кооперативы или товарищества: они занимались закупкой семян и сельхозтехники, реализацией сельхозпродукции.

В 1908 г. были существенно облегчены условия для регистрации сельскохозяйственных товариществ, которые имели преимущественно отраслевой характер и объединяли производителей молочной отрасли, птицеводства, льноводства и т.д. Более мелкие товарищества (артели) создавались вообще на договорных началах, при этом договоры регистрировались нотариально. В такой форме создавались, в частности, маслодельные артели в Сибири.

В этот период начинается также бурный рост кредитной кооперации — кредитных кооперативов и ссудно-сберегательных касс, активы которых в течение 1905–1914 гг. выросли в восемь раз [Давыдов, 2016. С. 677]. Кредитная кооперация сыграла важную роль и в повышении оснащённости аграрного сектора сельхозтехникой, поставки которой за время реформ увеличились в несколько раз.

Надо отметить, что все меры поддержки сельскохозяйственного производства были направлены на крестьянство в целом, не только на частных собственников. Однако по объективным обстоятельствам этими мерами в наибольшей степени могли воспользоваться именно частные собственники.

Социально-политический контекст Столыпинской реформы

Оценивая социально-политический контекст Столыпинской реформы, следует отметить несколько её особенностей.

Правительство никогда не ставило задачу ликвидации общины. Во-первых, это противоречило бы провозглашённому им принципу добровольности. Во-вторых, это вызвало бы шквал критики со стороны как левых, так и правых сторонников общины. Суть реформ П.А.Столыпина состояла в построении рядом с Россией передельных общин параллельной России частных собственников, которая со временем за счёт более высокой эффективности должна была вытеснить из экономического оборота передельную общину.

Правительство в силу технической сложности большинства мероприятий реформы и отсутствия на местах достаточного количества чиновников было вынуждено опираться на местные образованные классы: дворян, священников, сельских учителей. Это способствовало преодолению недоверия между крестьянами и более образованными слоями сельского общества. С другой стороны, совместная работа чиновничества и земств при решении конкретных проблем на местах — при создании кредитных кооперативов, при оказании агрономической помощи — сокращала исторический разрыв между властью и интеллигенцией.

Тема сотрудничества правительства и общественности была озвучена ближайшим сотрудником П.А. Столыпина — министром земледелия А.В. Кривошеиным в 1913 г. в его широко известной речи «Мы и они» [Кривошеин, 1973. С. 148-149]. «Я считаю, — говорил

А.В. Кривошеин, — что отечество наше лишь в том случае может достигнуть благоденствия, если не будет больше разделения на пагубное “мы и они”, разумея под этим правительство и общество, как бы представляющие собой две самостоятельные стороны и когда будут говорить просто “мы”, разумея под этим правительство и общество вместе».

Появление в России Конституции (Основные Законы 1906 г.) придало аграрной реформе совершенно новый политический контекст. Дело в том, что представительные учреждения в России были созданы как бы на вырост. В России в 1905 г. не было гражданского общества, так как 80% населения не имели полноты гражданских прав. Но и простое наделение крестьян гражданскими правами (что было сделано указом от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц бывших податных сословий») не решало проблемы: человек, не наделённый собственностью, не мог быть ни свободным, ни ответственным гражданином. Именно эту политическую цель преследовал П.А.Столыпин и открыто её провозглашал.

«Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы. Для того, чтобы воспользоваться этими благами ведь нужна известная, хоть самая малая доля состоятельности <...>. Вот почему раньше всего и прежде всего правительство облегчает крестьянам переустройство их хозяйственного быта и улучшение его и желает из совокупности надельных земель и земель, приобретённых в правительственный фонд, создать источник личной собственности. Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей малой земской единицы: он, трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесёт в деревню и культуру, и просвещение, и достаток. Вот тогда, тогда только писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма» [Рыбас, 2018. С. 309–310].

Программа аграрной реформы была дополнена комплексом политических и институциональных реформ, основные направления которых были изложены П.А. Столыпиным в его думской речи 6 марта 1907 г. По его мнению, эти проекты завершали создание законодательной базы для создания правового государства, в которое должна была превратиться самодержавная монархия. В этот комплекс реформ входили, в частности: создание всесловного земства и общегражданского суда, формирование единой гражданской администрации на местах, расширение компетенции земств и введение элементов фискального федерализма.

Все эти меры вводились законодательным порядком и их принятие резко тормозилось в парламенте и, прежде всего, в Госсовете. Это неудивительно: большинство членов Госсовета составляло высшее дворянство, а именно исключительные права дворянства предполагалось отменить в процессе реформ. В результате такого сопротивления почти половина из всех законопроектов, внесённых Правительством в 1907–1908 гг., вообще не была принята ни в третьей, ни в четвёртой Думах.

Сравнивая Крестьянскую реформу Александра II и Столыпинские реформы, мы видим как сходства, так и различия в их подготовке и реализации.

Что касается сходства: как реформа 1861 г., так и реформа П.А. Столыпина имели солидный содержательный задел. Реформе 1861 г. предшествовали реформа графа П.Д. Киселёва по улучшению положения государственных крестьян, Указ об обязанных крестьянах, а также длительное обсуждение положений реформы в центре и на местах в 1857–1860 гг. Реформа П.А. Столыпина была подготовлена деятельностью Особого Совещания под руководством С.Ю. Витте и Редакционной комиссии, готовивших проекты нормативных документов по реформе в 1902–1905 гг. И та и другая реформа опиралась на исправно работающую и весьма компетентную бюрократическую машину, причём П.А. Столыпин имел в своём распоряжении ещё и земские кадры.

Однако эти две реформы радикально отличались по степени общественной поддержки. Освобождение крестьян опиралось на полный общественный консенсус, а основные деятели реформаторского лагеря были героями общественного мнения — достаточно вспомнить стихотворение Н.А. Некрасова «Кузнец-гражданин», посвящённое Н.А. Милютину.

Реформы же П.А.Столыпина критиковались и справа, и слева, а сам Пётр Аркадьевич предстал в общественном мнении как злой гений России («стольпинский галстук»). Вполне амбивалентным было и отношение общества к отцу русского экономического чуда С.Ю. Витте, которого презрительно именовали графом Полусахалинским, несмотря на его большой успех в заключении мирного договора с Японией.

Отношения между реформаторами также были заметно хуже, чем в эпоху Великих реформ. Тогда все действующие лица спрятали свои личные амбиции в карман и действовали необычайно слаженно. Не так обстояли дела в начале 1900-х гг. Подготовка реформ шла в условиях жёсткого персонального и идеологического конфликта между С.Ю. Витте и В.К. Плеве (министром внутренних дел). Затем С.Ю. Витте крайне ревниво относился к успехам П.А. Столыпина, который фактически реализовал реформы на практике, в то время как сам С.Ю.Витте был отстранён от власти. П.А. Столыпин, став премьер-министром, никак не защитил главного разработчика реформ В.И. Гурко в знаменитом «деле Лидваля»¹.

Результаты Столыпинской реформы

В изначальной конструкции реформы наибольшее внимание уделялось разверстанию земель, принадлежащих Крестьянскому банку, и их продаже в кредит крестьянам. Инициаторы реформ не рассчитывали на большой поток желающих выйти из общины с обособлением надела. Однако в реальности уже с 1907 г. начал быстро расти поток заявлений крестьян о разверстании общинных земель. В конечном итоге, с точки зрения создания частного аграрного сектора, разверстания наделных земель сыграли более важную роль, чем продажи земель Крестьянского банка.

В начале 1910-х гг. в конструкцию реформ были внесены некоторые дополнения. Так, закон от 14 июня 1910 г. признавал личными собственниками всех домохозяев тех общин, в которых не производились переделы со времени наделения их землёй. Закон о землеустройстве от 29 мая 1911 г. позволял подворным общинам развёрстываться простым большинством голосов, а не двумя третями, как ранее. Этот закон также позволял производить разверстание земель до укрепления их в собственность, что существенно ускорило процесс земельной реформы.

Аграрные реформы П.А.Столыпина не сотворили никакого экономического чуда. И, собственно, в такие короткие сроки и не могли его сотворить. Эффект от структурных преобразований в сельском хозяйстве, да и в других отраслях, не может проявиться быстро. Достаточно и того, что эти весьма конфликтные в социальном плане реформы не вызвали никаких негативных экономических эффектов.

В пореформенный период в полной мере сохранилась тенденция роста продуктивности зернового хозяйства, характерная для периода, начавшегося в середине 1880-х гг., хотя и без ускорения этого роста. Реальный эффект реформы проявился не столько в зер-

¹ «Дело Гурко – Лидваля» было связано с передачей заказа на поставку 10 млн пуд. зерна в Пензенскую, Саратовскую, Симбирскую, Самарскую и Тульскую губернии, страдавшие в 1906 г. от голода. Э. Лидваль взял деньги, но вместо 10 млн поставил лишь 915 тыс. пуд. Правительство нашло новых поставщиков, но казна понесла значительный убыток. В.И. Гурко в этом деле был своеобразным «лоббистом» Э. Лидваля — *Прим. ред.*

новом хозяйстве, сколько в других отраслях аграрной экономики: в животноводстве, огородничестве и садоводстве. Причины этого понятны: приватизация земель выводила их из принудительного трёхпольного севооборота и создавала возможности для интенсивного производства незерновой продукции. Данные перевозки грузов по железным дорогам — а это наиболее надёжный источник информации — показывают, что рост перевозок незерновой сельскохозяйственной продукции в этот период значительно (в 1,5-2 раза) превосходил рост перевозок зерна [Давыдов, 2016. С. 325–326].

Наконец, именно период Столыпинской реформы характеризуется взрывным ростом механизации сельского хозяйства и началом массового применения искусственных удобрений. В это время закупки сельхозтехники выросли в три раза, а удобрений — в два раза [Давыдов, 2016. С. 1060].

Реформа оказала существенное влияние и на развитие промышленности, создав условия для увеличения притока населения в города. Во-первых, крестьяне были избавлены от необходимости получать согласие общины на переезд, во-вторых, продажа земли давала мигрантам необходимые средства для обустройства на новом месте. Также после 1905 г. отмечается опережающий рост производства товаров народного потребления, что в преимущественно крестьянской стране однозначно указывает на рост доходов сельского населения.

Проведение аграрной реформы было рассчитано на длительный период: буквально на 20 лет. Такой длительный срок был необходим для реализации программы землеустройства и выполнения всех заявок как крестьянских общин, так и индивидуальных крестьян о разверстании земель. Этот процесс был приторможен, но не остановлен с началом Первой мировой войны. К 1917 г., однако, осталась неудовлетворённой значительная часть заявок о землеустройстве, сильно затормозился процесс переселения крестьян в Азиатскую Россию.

Тем не менее успехи первого этапа аграрной реформы позволили поставить в повестку дня весьма амбициозные задачи дальнейшего социально-экономического развития страны. Эти задачи были сформулированы в 1914 г. А.В. Кривошеиным, который стал фактическим лидером реформаторского крыла правительства после смерти П.А. Столыпина. В его программе так называемого «Нового курса» предусматривались строительство электростанций на Днепре и Волхове (будущие Днепрогэс и Волховстрой), развитие Кузбасса и Магнитки, увеличение сети железных дорог в полтора раза за пять лет, массовое строительство элеваторов, развитие аграрного кредита, мелиорация земель и их ирригация в Центральной Азии. Эта программа была остановлена войной, но она даёт представление о том, как могла бы выглядеть структурная политика в послевоенной некоммунистической России [Кривошеин, 1973. С. 184–185].

Общинная контрреволюция и новое крепостное право

Несмотря на все успехи аграрной реформы, она к 1917 г. ещё не была завершена. Подсчёты Б.Н. Миронова показывают, что из 11,7 млн крестьянских дворов в великорусских губерниях только 3,1 млн дворов укрепили землю в собственность. Ещё 2,3 млн дворов принадлежали общинам, ни разу не производившим передель земли с 1861 г., т.е. к фактически беспередельным общинам, и только 6,3 млн дворов остались в передельных общинах. В значительной степени передельные общины в таких масштабах сохранились из-за большой трудоёмкости и незавершённости процесса землеустройства, так что число реальных сторонников общины составляло менее половины от всех крестьян [Миронов, 2015. С. 242–243].

Тем не менее в 1917 г. это меньшинство оказалось более сплочённым и смогло объединить и соблазнить колеблющихся огромной потенциальной добычей в виде земель

помещиков, хуторян и отрубников. Это движение было поддержано эсеровской программой полной ликвидации частной собственности на землю, реализованной в послереволюционной России. В результате к 1922 г. большая часть земель оказалась в общинной собственности (85%), а в 67% общин произошли переделы земель. Б.Н. Миронов называет этот процесс общинной контрреволюцией [Миронов, 2015. С. 243–244].

Аграрная программа эсеров была вполне реакционной и утопической, её реализация сохраняла все недостатки переделной общины, консервировала отсталость сельского хозяйства и препятствовала развитию промышленности. Теоретически эсеры признавали возможность развития так называемого «мелкого трудового крестьянского хозяйства», находящегося вне общины [Гинев, 1972. С.328]. Однако масштабы такого хозяйства должны быть ограничены так называемой «трудовой нормой», т.е. возможностью обработки участков одной семьёй, без привлечения наёмного труда. Наёмный труд в сельском хозяйстве эсеровская программа предлагала запретить. На практике же реализация этой программы в постреволюционный период привела к сгону с их земель хуторян и отрубников. Обычно это происходило без всякой компенсации, хотя в некоторых случаях им представлялись в пользование мелкие участки на неудобных землях.

Самое любопытное, что в случае развития российской государственности по демократическому пути (создание Российской демократической федеративной республики по проекту конституции, вынесенному на рассмотрение Учредительного собрания) аграрные отношения развивались бы по лекалам эсеровской партии, имевшей в Учредительном собрании абсолютное большинство. Это делало неизбежным новый аграрный и социально-экономический кризис в перспективе 10–15 лет.

В реальных условиях Советской власти переделная община была ликвидирована в процессе коллективизации при фактической национализации земли, а созданные коллективные хозяйства стали инструментом нового закрепощения крестьян.

Эта форма государственного крепостничества оказалась по российским меркам достаточно жёсткой: например, у колхозников отсутствовала собственная запашка, а на развитие приусадебного хозяйства накладывались строгие административные и финансовые ограничения (например, налоги на скот, домашнюю птицу и плодовые деревья). Из свобод, полученных крестьянством в 1861 г., сохранилась разве что свобода вступления в брак.

Это вторичное закрепощение крестьян было относительно недолговечным. Однако полностью новое крепостное право было отменено только во второй половине 70-х гг. XX в. Тогда сельским жителям были выданы паспорта наравне с остальными гражданами СССР и таким образом они получили свободу передвижения, которая, впрочем, была ограничена институтом прописки, распространявшимся на всё население страны.

ЛИТЕРАТУРА

- Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем* (1911): в 6 т.: т. 5. Под ред. А.К.Дживелегова, С.П.Мельгунова, В.И.Пичета. — СПб.: Изд. т-ва И.Д. Сытина.
- Витте С.Ю. (1904). Записка по крестьянскому делу. — СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума.
- Витте С.Ю. (1991). Избранные воспоминания. 1849—1911 гг. — М.: Мысль.
- Гинев В.И. (1972). Февральская буржуазно-демократическая революция и аграрный вопрос у эсеров. Проблемы крестьянского земледелия и внутренней политики России. Дооктябрьский период. // Сер. «Труды Ленинградского отделения Института истории СССР». Вып. 13. — Л.: Наука. С.318–342.
- Грегори П. (2003). Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчёты и оценки / Пер. с англ. — М.: РОССПЭН.
- Давыдов М.А. (2016). Двадцать лет до Великой войны: Российская модернизация Витте-Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Алетейя.
- Корнилов А.А. (1905). Крестьянская реформа. — СПб.: Типо-Литография Ф.Вайсберга и П.Гершунина.
- Кривошеин К.А. (1973). А.В. Кривошеин. Его значение в истории России начала XXвека. — Париж: Издание автора.

- Мейси Д. (1993). Земельная реформа и политические перемены: феномен Столыпина // Вопросы истории. №4. С.3-18.
- Миронов Б.Н. (2008). Политика versus истина: Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902-1905 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.2. Вып. 1. С.8-30.
- Миронов Б.Н. (2015). Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т.2. — СПб.: Дмитрий Буланин.
- Рыбас С.Ю. (2018). Столыпин. 6-е изд. — М.: Молодая гвардия.
- Федоров Б.Г. (2002). Пётр Столыпин: «Я верю в Россию». Биография П.А.Столыпина: в 2 т. Т.1 — СПб.: Лимбус Пресс.
- A. Markevich, E. Zhuravskaya (2018). The Economic Effects of the Abolition of Serfdom: Evidence from the Russian Empire // American Economic Review. Vol. 108. No. 4-5, April. Pp. 1074-1117.

Васильев Сергей Александрович

savasiliev.78@gmail.com

Sergei Vasiliev

Dr. Soc. (Economics), Higher School of Economics Research University (Saint-Petersburg)

savasiliev.78@gmail.com

AGRARIAN REFORMS IN RUSSIA IN THE XIX - EARLY XX CENTURIES: POLITICAL CONTEXT AND TECHNOLOGIES OF IMPLEMENTATION (Part 2. The Second Stage of Agrarian Reform: Witte and Stolypin)

Abstract. The peasant reform of 1861 was a subject to harsh public criticism under the pretext that the peasants were given small land plots and the rates of redemption payments were too high. From this, a conclusion was drawn about the chronic crisis of the agricultural sector as a consequence of poorly implemented reforms. In fact, in the post-reform years there was a rapid growth of the agricultural sector, grain consumption in peasant families increased, as did the general standard of their living. A serious obstacle to the development of the agricultural sector, however, was the peasant redistribution community, which hindered the increase in agricultural productivity and the transition to intensive technologies.

Already in 1880-1890, a number of measures were taken to ensure the completion of the first stage of the peasant reform and to ease the situation of peasants. A system of compulsory purchase of land from landlords was introduced, the poll tax was abolished and the rates of redemption payments were reduced. At the same time, a Peasant Bank was created, peasants were granted benefits for lease of state-owned land and the process of resettlement of peasants to Siberia started.

The second stage of agrarian reforms, the so-called Stolypin reform, began in 1905. The key directions of these reforms were: the abolition of redemption payments, equalization of peasants in rights with other estates, granting peasants the right to leave the community with their land allotment. A broad program of land management works was launched with the aim of territorial consolidation of private allotments, the scale of operations of the Peasant Bank for the preferential sale of land to peasants was widened, the flows of migrants to the Asian part of Russia were significantly increased. The development of agricultural and credit cooperation has become an important factor in the dynamization of the agricultural sector.

These reforms required considerable time to implement and by 1917 were only half completed. The process of market transformation of agriculture was interrupted by the abolition of private ownership of land and the communal counter-revolution, during which the redistribution community was restored. This was soon followed by the secondary enserfment of peasants within the collective farm system, which was fully overcome only by the end of the 70s of the XX century.

Keyword: *Agrarian reforms, Witte, Stolypin, peasants, redistribution community, Peasants' Bank, private land ownership.*

JEL: N53, Q15.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Васильев С.А. Аграрные реформы в России в XIX – начале XX вв.: политический контекст и технологии проведения (Часть 2. Второй этап аграрной реформы: С.Ю. Витте и П.А.Столыпин) // Вопросы теоретической экономики. 2022. №4. С. 149–163. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_149_163.

FOR CITATION: Vasiliev S. Agrarian Reforms in Russia in the XIX - Early XX Centuries: Political Context and Technologies of implementation (Part 2. The Second Stage of Agrarian reform: Witte and Stolypin) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2022. No. 4. Pp. 149–163. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_149_163.

REFERENCES

- Davydov M.A. (2016). *Dvadsat' let do Velikoi voiny: Rossiiskaya modernizatsiya Witte-Stolypina*. [Twenty years before the Great War: The Russian modernization of Witte-Stolypin]. — St. Petersburg: Aleteya. (In Russ).
- Ginev V.I. (1972). Fevral'skaya burzhuzno-demokraticeskaya revolutsiya i agrarnyi vopros u eserov [February bourgeois democratic revolution and the land issue in the socialist-revolutionary party]. // *Problemy krest'yanskogo zemledeliya i vnutrenney politiki Rossii. Dooktyabr'sky period. Seriya "Trudy Leningradskogo otdeleniya Instituta Istorii SSSR"*. Vyp. 13. — Leningrad, Nauka. Pp. 318-342. (In Russ).
- Fedorov B.G. (2002). *Pyotr Stolypin: „Ya veriu v Rossiiu“*. *Biografiya P.A.Stolypina* [Pyotr Stolypin: I believe in Russia. A biography of P.A.Stolypin]: in 2V. v.1. — St.Petersburg: Limbus Press. (In Russ).
- Gregory P. (2003). *Economicheskii rost Rossiyskoy imperii (konets XIX – nachalo XX veka): Novyie podschoty i otsenki* [Economic growth of Russian Empire (end of XIX-th - beginning of XX-th Century) New estimates and calculations]. — Moscow: ROSSPEN. (In Russ).
- Kornilov A.A. (1905). *Krestianskaya reforma* [The Peasant reform]. — St. Petersburg: Typo-Lithography F.Weisberga and P. Gershunina. (In Russ).
- Krivosheiiin K.A. (1973). *A.V.Krivosheiiin i yego znachenie dlya istorii Rossii* [A.V.Krivosheiiin and his importance for the history of Russia]. — Paris: Author's edition. (In Russ).
- Macey D. (1993). *Zemel'naya reforma i politicheskiye peremeny: fenomen Stolypina* [Agrarian reform and political change: Stolypin phenomenon] // *Voprosy istorii*. No. 4. Pp 3-18. (In Russ).
- Markevich A., Zhuravskaya E.(2018). The Economic Effects of the Abolition of Serfdom: Evidence from the Russian Empire // *American Economic Review*. Vol. 108. No. 4-5 April. Pp. 1074-1117.
- Mironov B.N. (2008). *Politika versus istina: Osoboye soveshchaniye o nuzhdah sel'skokozyastvennoy promyshlennosti. 1902-1905 gg.* [Politics versus Reality. Special committee on the problems of rural industries. Years 1902-1905] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta*. Seriya 2. Vypusk 1. Pp. 8-30. (In Russ).
- Mironov B.N. (2015). *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from tradition to modernization]: in 3 vol. Vol.2. — St.Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russ).
- Rybas C.Yu. (2018). *Stolypin*. 6-th Edition. — Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ).
- Velikaya reforma. Russkoe obshestvo I krestianskii vopros v proshlom I nastoyatchem* (1911): in 6 v. Vol.5. [The Great reform. Russian society and the peasant question in the past and present]. Otv. red. A.K.Dzhivelegov, S.P.Melgunov, V.I.Pichet.— St. Petersburg: Izdanie t-va . I.D.Sytina. (In Russ).
- Witte S.Yu. (1904). *Zapiska po krest'ianskomu delu* [A note on peasants problem]. — St.Petersburg: Typogafiya V.F.Kirschbauma. (In Russ).
- Witte S.Yu. (1911). *Izbrannyye vospominanya* [Selected memoirs]. — Moscow: Mysl. (In Russ).

В.Л. Степанов

*д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР В.С. ПАВЛОВ И ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1991 г.: ОЦЕНКИ И СУЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье дан обзор мемуарных источников и научной литературы, в которых приводятся мнения о денежной реформе 1991 г. и сопутствующих ей мероприятиях, предпринятых премьер-министром СССР В.С. Павловым. Отмечен значительный разброс оценок и суждений: одни авторы считали его типичным представителем высшей номенклатуры, тщетно пытавшимся спасти обречённый советский строй и распадающийся СССР, не понимавшим неизбежности перехода к рыночным отношениям, инициатором поспешных и непродуманных реформ в денежном обращении и ценообразовании, которые полностью провалились и лишь нанесли вред народному хозяйству; другие признавали В.С. Павлова видным учёным-экономистом и выдающимся государственным деятелем, выступавшим за эволюционное движение к рынку и утверждение государственно-частной экономики, противопоставляли премьер-министра сторонникам «шоковой терапии» и даже считали его курс последним шансом спасения страны от кризиса и развала. Вместе с тем обращено внимание на совпадение точек зрения мемуаристов и исследователей в том, что обмен крупных банкнот весной 1991 г. был организован неудовлетворительно и поколебал доверие населения к правительству, а последовавшее за ним резкое взвинчивание цен не привело к исчезновению диспропорции между массой бумажных денег и товарным предложением. Особо подчёркнуто, что обе меры в условиях падения производства, роста инфляции, пустых магазинных полок и усиления центробежных сил в Советском Союзе были запоздавшими паллиативами, которые уже не могли изменить ситуацию к лучшему. Сделан вывод о том, что, тем не менее, более глубокий анализ малоизученных в научной литературе теоретического наследия, антикризисной программы и разносторонней деятельности В.С. Павлова на постах министра финансов и главы правительства по-прежнему остаётся актуальным, поскольку позволяет пересмотреть крайние точки зрения, ответить на вопрос о возможности альтернативы радикальным экономическим реформам 1990-х гг. и воссоздать более полную картину последних лет существования СССР.

Ключевые слова: *экономическая история СССР, кризис, финансы, эмиссия, инфляция, денежная реформа, ценообразование.*

JEL: G28, N24, P21, P34.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_164_176.

Премьер-министру СССР В.С. Павлову, назначенному на этот пост 14 января 1991 г., пришлось действовать в условиях финансово-экономического кризиса, который выражался в снижении выпуска промышленной продукции, огромном дефиците бюджета, увеличении государственной задолженности, инфляции и расстройстве денежного обращения. При этом рост доходов и сбережений населения сочетался с острой нехваткой основных потребительских товаров, что привело к переполнению страны избыточными деньгами. Ещё в бытность председателем Государственного комитета ценообразования (1986–1989 гг.) и министром финансов (1989–1991 гг.) В.С. Павлов подготовил свою антикризисную программу, которую пытался затем воплотить в жизнь. С января 1991 г. были более чем на 50%

повышены оптовые цены в промышленности и одновременно введён 5%-й налог с товарооборота. Особое значение премьер-министр придавал проблемам денежного обращения. Он настоятельно предлагал сократить количество банкнот в обороте и тем самым минимизировать диспропорцию между накопленными средствами населения и недостаточной товарной массой («денежный навес»), нанести удар теневому бизнесу и защитить советский рубль от происков международного капитала. По его утверждению, коррумпированные чиновники и хозяйственные работники активно скупали валюту на незаконно присвоенные суммы через Внешэкономбанк, в связи с чем за границей оказалась масса крупных дензнаков на сумму около 100 млрд руб., которые нужно аннулировать. В середине февраля в интервью газете «Труд» премьер даже заявил о заговоре западных банкиров, направленном на дезорганизацию денежного обращения в СССР [*Интервью*, 1991].

По инициативе В.С. Павлова президент СССР М.С. Горбачев 22 января 1991 г. подписал указ об изъятии из обращения и обмене 50- и 100-рублёвых банкнот образца 1961 г. на более мелкие банкноты образца того же 1961 г., а также банкноты 50 и 100 рублей образца 1991 г. Обмен должен был производиться в сжатые сроки — с 23 по 25 января и в размере не более 1 000 руб. на человека, а возможность обмена остальных банкнот следовало рассмотреть в специальных комиссиях до конца марта текущего года. Одновременно ограничивалась сумма наличных денег, доступных для снятия в Сбербанке — 500 рублей в месяц на одного вкладчика [*Ведомости*, 1991. № 5. Ст. 117]. Однако фактически из-за нескольких переносов сроков обмен начался только 2 марта. Логическим продолжением январской реформы стал указ 19 марта 1991 г. о повышении со 2 апреля государственных розничных цен на основные товары, а также тарифов на услуги транспорта и связи [*Ведомости*, 1991. № 13. Ст. 367]. В тот же день вышло постановление Кабинета министров, в котором провозглашались курс на постепенную либерализацию цен и намерения правительства в связи с этим обеспечить возмещение дополнительных расходов граждан — повысить заработную плату, пенсии, пособия и стипендии [*Собрание*, 1991. № 8. Ст. 34]. Кроме того, 22 марта 1991 г. последовал новый указ о компенсации населению потерь, вызванных возрастанием цен, в частности, об увеличении на 40% денежных средств во вкладах и ценных бумагах Сбербанка, причём суммы свыше 200 руб. замораживались на три года [*Ведомости*, 1991. № 13. Ст. 391].

Денежная реформа и последующие шаги правительства В.С. Павлова вызвали сильное недовольство населения и резкую критику со стороны широкой общественности. Однако сам премьер-министр остался доволен результатами своей политики. В изданных спустя несколько лет воспоминаниях он писал, что «в сложнейших условиях противоборства с радикалами» он «сделал дело по высокому разряду» и «таким итогом можно гордиться». По его словам, проведение обмена денег «катастрофически извратили», представив «фискальной, конфискационной, спонтанной мерой», а его самого без каких-либо оснований объявили «безжалостным грабителем пенсионеров». В.С. Павлов резко дистанцировался от сторонников «шоковой терапии» типа Е.Т. Гайдара, «буквально разорившего нашу экономику». По его словам, акт 22 января 1991 г. был лишь первым шагом в реализации целой программы экономических преобразований, имел целью стабилизировать денежное обращение, «усмирить» чёрный рынок и повысить покупательную способность рубля. Он утверждал, что в ходе обмена удалось изъять 34 млрд руб., т.е. треть всей денежной массы. Эта реформа и последовавшее за ней повышение розничных цен спасли потребительский рынок и прекратили обвал экономики, причём жизненный уровень населения практически не снизился. Целью обеих взаимосвязанных акций были постепенная либерализация цен и изменение стоимостной структуры производства. Тем самым правительство жёстко централизованными методами открывало путь рыночным отношениям. Провал своих замыслов В.С. Павлов объяснял отсутствием у Кабинета министров необходимого объёма полномочий, уклончивой позицией президента и противодействием «радикалов», которые, в конечном счёте, сумели взять верх [*Павлов*, 1995. С. 240–248; *Павлов*, 2005. С. 229–239].

Однако некоторые видные государственные деятели, непосредственно причастные к событиям тех лет, иначе оценивали действия премьер-министра. М.С. Горбачев вспоминал, что при назначении В.С. Павлова прежде всего принималась во внимание его репутация профессионального финансиста, но высказывались и сомнения, поскольку тот ничем не проявил себя как политический деятель, был недостаточно самостоятельным, слишком подверженным текущей конъюнктуре, склонным к необдуманным действиям и высказываниям. По свидетельству экс-президента СССР, на первых порах он поддерживал и брал под защиту главу кабинета, но вскоре стал сомневаться в его компетентности, поскольку тот «действовал импульсивно, как бы вразброс, бессистемно». Обмен банкнот М.С. Горбачев назвал «бесплодной, но хлёткой операцией», а реформа ценообразования «разрабатывалась и осуществлялась как бы вне общего контекста экономических преобразований». В итоге он пришёл к выводу, что «ни по кругозору, ни по глубине понимания вопросов, ни даже по профессиональным качествам Павлов не подходил для этой роли, особенно в сложной и противоречивой обстановке, которая складывалась в 1991 г.» [Горбачев, 1995. С. 587, 589, 591].

Н.И. Рыжков, возглавлявший правительство в 1985 — начале января 1991 г., писал о премьер-министре в мемуарах: «Как финансист, он неплохо разбирался в своём деле, но промышленности, производства не знал совсем, не смог бы вести диалог с производителями». Как утверждал автор, в той сложной экономической ситуации следовало проводить политику «максимально взвешенно», а вместо этого был проведён «скоропалительный и крайне сомнительный по своим результатам обмен денежных купюр». По свидетельству Н.И. Рыжкова, вопрос о денежной реформе был поставлен Министерством финансов ещё летом 1990 г., однако он без какого-либо энтузиазма отнёсся к этому замыслу, так как предвидел, что его реализация в крайне накалённой политической атмосфере вызовет в стране негативную реакцию, и действительно, эта «никому не нужная финансовая операция» осуществлялась «с криком и шумом». Обесценение вкладов и их замораживание, несмотря на 40%-ную компенсацию, далеко не покрывшую все потери населения, пошатнули стабильность сберегательной системы и подорвали веру людей в государство [Рыжков, 1995. С. 17, 314–316].

Министр финансов РФ в 1993–1994 гг. Б.Г. Федоров заявлял в воспоминаниях, что В.С. Павлов и его «соратник», председатель правления Госбанка СССР В.В. Геращенко, «предприняли редкую по степени идиотизма попытку решить проблемы экономики путём изъятия из обращения крупных купюр в 50 и 100 рублей», причём «паники было много, а результатов — никаких». Вопреки утверждениям премьера о намерении «наказать» спекулянтов и предотвратить заговор западных капиталистов, «на самом деле это было традиционное решение всех проблем за счёт других — в данном случае — за счёт собственного народа» [Федоров, 1999. С. 116–117]. Спустя несколько лет в другой книге Б.Г. Федоров высказался о самом В.С. Павлове в положительных тонах. По его словам, бывший премьер представлял собой человека с сильным характером, отличался энергией, уверенностью в себе, склонностью к анализу и научной работе, прошёл большую бюрократическую школу и был знаком со многими отраслями экономики, являясь «одним из самых компетентных и решительных финансистов и государственных деятелей позднего советского периода». Вместе с тем автор считал, что В.С. Павлов обладал «чрезмерным самомнением» и «переоценивал свой профессионализм», «его главная проблема и трагедия состояла в том, что он не понимал принципов работы рыночной экономики и пытался спасти обречённый советский строй». С точки зрения Б.Г. Федорова, реформа 1991 г. была по своей сути умеренно конфискационной (изъято менее 15% банкнот) и её влияние на состояние народного хозяйства оказалось ничтожным. Правительство не учло масштабов действующего безналичного оборота, поэтому обмен затронул относительно меньшую часть денежного обращения. Кроме того, в стране появились зачатки рыночных отношений, и прежние методы стали уже непригодны. В итоге вместо начала глубоких экономических преобразований получилась лишь бледная копия сталинской реформы 1947 г. [Федоров, 2004. С. 377–382].

Напротив, весьма комплиментарную характеристику В.С. Павлову дали члены его правительственной команды и ряд лиц, лично знакомых с ним. В.В. Геращенко назвал его разносторонне образованным экономистом и знатоком проблем народного хозяйства страны, одним из «наиболее сильных» министров финансов за последние десятилетия существования СССР. По свидетельству главы Госбанка, В.С. Павлов конфликтовал с радикальными экономистами, соглашаясь с ними относительно целей предстоящих реформ, но категорически возражая против методов «шоковой терапии». Он вполне закономерно занял пост премьера, так как М.С. Горбачев понимал, что ему будет сложно найти более компетентного и работоспособного человека. Президент явно рассчитывал использовать знания и опыт В.С. Павлова, а затем заменить его более покладистым исполнителем. «Оттянуть развал государства, — писал В.В. Геращенко, — позволило и то, что в эти трудные последние годы существования СССР именно Валентин Павлов находился на столь высоких постах. Для страны это было большой удачей» [Геращенко, 2004. С. 66–69].

По утверждению заместителя премьер-министра В.И. Щербакова, «90% информации о Павлове, распространяемой до сих пор, это политически конъюнктурная прямая ложь и клевета». Либералы повесили на него ярлык «антинародного премьера-алкоголика», который провёл конфискационную денежную реформу, заморозил вклады населения и совершил многие другие вредные деяния. Между тем, как вспоминал автор, В.С. Павлов был высочайшим профессионалом, прекрасно разбирался в финансовых вопросах и «всей кожей чувствовал экономику». В.И. Щербаков отрицал устоявшееся мнение о конфискационном характере, «ошибочности» и «глупости» обмена денег, поскольку средства вкладчиков никак не были затронуты. По его словам, в результате этой операции «правительство получило некоторые новые знания механизма и каналов движения денег и их географического распределения, яснее стали точки развития коррупции». Панику среди населения он объяснял действиями оппозиции и либеральной прессы, которые создали искусственный ажиотаж вокруг денежной реформы с целью опорочить замысел правительства. Вместе с тем автор признал непродуманность самой организации обмена, через который не прошёл всего 1 млрд руб. из находящихся в обращении около 250 млрд руб. Поэтому с точки зрения оздоровления экономики данная операция не принесла ощутимых выгод, а в политическом отношении подорвала авторитет Кабинета министров и лично самого премьера. Повышение розничных цен в апреле 1991 г. В.И. Щербаков, вслед за В.С. Павловым, оценил как подготовку к их либерализации, указав на социальное значение этой меры для «перемасштабирования» денежных доходов населения [Щербаков, 2016. С. 185, 192, 194–198, 201–204].

Последний министр финансов СССР В.А. Раевский отметил в мемуарах исключительную коммуникабельность и высокую эрудицию В.С. Павлова как экономиста. Он привёл свои данные о результатах инициированной премьером реформы: к обмену не были предъявлены 12 млрд руб. — более 12% находившихся в обращении банкнот (96 млрд руб.) и тем самым отсечён «черный нал», т.е. деньги, незаконно вывезенные из страны членами и накопленные их зарубежными контрагентами. С экономической точки зрения эта мера имела смысл, однако в обстановке острой политической борьбы оппоненты воспользовались просчётами в организации обменной операции и прямым саботажем местных властей, создававшими препятствия для её проведения. Как отмечал В.А. Раевский, противостоящие центру силы постарались «подбросить ещё полешек, чтобы полыхало больше» и дискредитировать политику правительства. Он положительно оценил действия В.С. Павлова по сбалансированию цен и товарной массы, а также сопутствующие меры по компенсации расходов и социальной поддержке населения, включая индексацию вкладов. Вместе с тем автор констатировал, что полноценного упорядочения цен в преддверии их либерализации достичь не удалось, поскольку существующий денежный «навес» было невозможно ликвидировать в условиях нехватки товаров, ослабления контроля над торговлей и ограниченности возможностей импорта [Раевский, 2013. С. 272–281].

Главный редактор журнала «Плановое хозяйство» в 1970–1977 гг., экономист В.С. Глаголев писал, что «в постсоветской литературе незначительное внимание уделяется “павловским реформам”, допускается искажение, а порой и ложное изображение их замысла и сути». Между тем, по его мнению, В.С. Павлов был одним из «молодых косыгинских реформаторов», а в годы перестройки «принадлежал к немногочисленной группе тех государственных руководителей, кто выделялся оригинальностью самостоятельного мышления, собственным видением финансово-экономических проблем, стоящих перед страной». Как учёный-аналитик и практик-финансист, он ратовал за многоукладную и социально ориентированную экономику, рассматривая частную собственность как дополнение государственной, причём импульс рыночным преобразованиям должны были дать перемены в финансовой сфере. Обмен крупными купюр был лишь «малой частью» давно задуманной премьером денежной реформы. Ссылаясь на высказывания самого В.С. Павлова, автор писал, что целью подобной меры были предотвращение кризиса сбыта и промышленного спада, стабилизация денежного обращения, усмирение «чёрного рынка», повышение покупательной способности рубля и создание условий для повышения розничных цен, состоявшегося в начале апреля 1991 г. С помощью этих двух акций правительство рассчитывало «цивилизованным путём» и «централизованными методами» приступить к системным рыночным преобразованиям. Однако в результате развала единой советской финансовой системы, вызванного ослаблением центральной власти и раскольнической позицией руководства РСФСР, а также некоторых других республик, реализация антикризисной программы премьер-министра оказалась сорванной. «Павловские реформы, — полагал автор, — могли стать последним шансом спасения Советского Союза от развала, но они задохнулись в чаду и угаре политического предательства» [Глаголев, 2005. С. 60–62; Глаголев, 2017. С. 87–93].

Известный экономист и мэр Москвы в 1991–1992 гг. Г.Х. Попов утверждал, что премьер-министр обладал всеми качествами лидера, был увлечён наукой и проникнут «духом реформаторства», умел разбираться в людях и адекватно оценивать кадры, демонстрировал высокий профессионализм как «своеобразный сплав и теории, и опыта», не проявлял интереса к идеологии, ничем не напоминал партийного аппаратчика, был по натуре технократом, «державником», а смысл своей деятельности видел исключительно в сохранении и усилении мощи СССР. По словам автора, причиной выдвижения В.С. Павлова в высшие эшелоны власти с началом перестройки было наличие у него к тому времени целого «арсенала идей» по реорганизации всего хозяйственного механизма страны на основе сочетания плана и рынка. Однако трагедия премьера как политика заключалась в том, что он возглавил Кабинет министров в момент, когда у него уже не было возможности для реализации своей программы. В.С. Павлов не мог примкнуть к «демократам» и сторонникам «шоковой терапии», поэтому ему пришлось присоединиться к членам ГКЧП, которые выступали против радикальных реформ и распада государства [Попов, 2005. С. 139–144].

Другой видный экономист Ю.В. Якутин в предисловии к переизданию воспоминаний В.С. Павлова писал, что «под тяжёлой завесой лжи, ярлыков, а то и прямой клеветы и оговоров по-прежнему скрыты его неординарные взгляды на будущее нашего Отечества, его далеко не заурядные личные качества патриота, учёного, государственного деятеля». Он указал на целый ряд достоинств бывшего премьера: аналитический подход к работе, умение сочетать государственную бюджетную дисциплину и здравый смысл в решении экономических проблем, находить неординарные решения, использовать всю совокупность имеющихся финансовых рычагов и инструментов. Автор назвал В.С. Павлова «катализатором творческого поиска в экономике», отметил его весомый вклад в науку и хозяйственную практику, ценность выдвинутых им идей и разработок в области ценообразования, кредита, формирования финансового рынка, социальной защиты населения и т.п. По утверждению Ю.В. Якутина, он признавал преимущества государственной системы

управления и её возможностей для концентрации имеющихся ресурсов, однако понимал бесперспективность административно-командного механизма и выступал за эволюционный переход экономики на саморегулируемую рыночную основу [Якутин, 2005. С. 7–46].

В научной литературе политика В.Г. Павлова в основном оценивалась критически. Ю.П. Бокарев назвал мероприятия премьер-министра «довольно решительными, но малоэффективными». Автор указал, что сокращение массы банкнот создавало определённые возможности для стабилизации денежного обращения, однако этот «последний для рубля шанс на выздоровление» был сорван последующими действиями правительства. Повышение розничных цен привело к резкому сокращению покупательной способности населения, а для выплаты компенсаций вкладчикам Сбербанка был вновь запущен печатный станок, который уже больше никогда не останавливался. Дополнительной эмиссии способствовали также начавшийся распад СССР и отказ бывших республик перечислять средства в союзный бюджет. Тем самым начавшееся ещё до перестройки увеличение массы банкнот переросло в гиперинфляцию [Бокарев, 1994. С. 279–283; Бокарев, 2011. С. 413–414].

По подсчётам А.Н. Илларионова, на самом деле объём наличных денег уменьшился всего на 6.1 млрд руб., т.е. на 7.8%. В сочетании с повышением цен это позволило сократить «денежный навес» на 32.7%. В целом осуществление пакета реформ премьер-министра имело ограниченные и весьма краткосрочные макроэкономические последствия. Изъяв лишь часть крупных банкнот и не решившись на полномасштабную либерализацию цен, правительство лишь незначительно ослабило давление инфляции, замедлило темпы её роста и несколько затормозило падение номинального валютного курса. «Вместе с тем, — подчёркивал А.Н. Илларионов, — стабилизационная политика В.С. Павлова носила откровенно антидемократический характер и потому не нашла сколько-нибудь заметной поддержки в обществе. Денежная реформа нанесла серьёзный удар по доверию к рублю, к союзному правительству и непосредственно к премьеру, подорвав тем самым возможность успеха стабилизационной программы в среднесрочной перспективе» [Илларионов, 1995. С. 6, 7].

Как полагал В.А. Мау, учреждение кабинета В.С. Павлова стало следствием перегруппировки сил в высших эшелонах власти СССР и усиления позиций деятелей, известных своими консервативными экономико-политическими взглядами. Они предприняли попытку «навести порядок» в стране и осуществить ряд стабилизационных мероприятий. Действия премьер-министра свидетельствовали о сильном влиянии ВПК, склонного к силовым методам решения хозяйственных проблем и в наибольшей степени заинтересованного в укреплении госсобственности в противовес альтернативной экономике. Суть политики В.С. Павлова заключалась в сосредоточении в руках государства финансовых и материальных ресурсов, чтобы, используя традиционные для советской системы инструменты, обеспечить преодоление кризиса и технологический прорыв в ведущих отраслях народного хозяйства. Однако курс на консервативную стабилизацию не привёл к каким-либо ощутимым результатам. В частности, предпринятые премьер-министром обмен денег и повышение цен лишь ненадолго сократили «денежный навес» и не привели к урегулированию ситуации на потребительском рынке. Следствием этих мер стали накачивание экономики бумажными деньгами в результате выплаты компенсаций и существенное расширение компетенции регионов в проведении ценовой политики [Мау, 1995. С. 33–37].

Ф. Хэнсон изложил свой взгляд на денежную реформу и другие инициативы В.С. Павлова, за которые, как он отметил, премьер-министра высмеивали видные московские интеллектуалы и большинство западных комментаторов. По мнению американского исследователя, эти меры в тех экономических условиях не были такими «глупыми», как их представляли. Изъятие банкнот крупного достоинства (основного инструмента чёрного рынка) и замораживание активов в Сбербанке, повышение розничных цен и предусмотренные компенсационные выплаты не являлись благотворными для развития рыночных

отношений, но имели смысл в качестве краткосрочного средства для смягчения инфляционного давления. Однако позитивное значение политики В.С. Павлова было подорвано несколькими обстоятельствами. Отказ республик сотрудничать с центром и усиление местных властных элит сопровождалось непредусмотренным ростом цен, а у союзного правительства не было возможностей для их мониторинга и регулирования. Кроме того, повышение оптовых цен в январе 1991 г., на три месяца раньше розничных, вынудило правительство выделить в промежуточный период значительные субсидии для смягчения этого «перекося» и тем самым ослабить бюджет [Hanson, 2003. P. 232–234].

По словам В.Д. Белоусова, премьер-министр, стремясь преодолеть экономический кризис и остановить распад Советского Союза, вообще не ставил вопросы о приватизации и либерализации. Он обвинил ряд банков западных стран в стремлении дестабилизировать обстановку в СССР, что привело к сокращению и без того незначительной торговой и инвестиционной активности иностранного капитала. Обмен крупных банкнот и замораживание вкладов не только нанесли ущерб населению, но и лишили казну части прибылей из-за неоднократного пересмотра даты начала операции, т.к. после каждого переноса денежный доход государства неизменно снижался. В.Д. Белоусов, как и некоторые другие авторы, признал определённое значение «павловской» реформы для сокращения денежной массы, однако подчеркнул, что и эти довольно скромные позитивные последствия были сведены к нулю повышением розничных цен, которое, по замыслу правительства, должно было как раз закрепить обмен крупных банкнот. В итоге размеры выплачиваемой компенсации вкладчикам безнадежно отставали от роста цен, а непрерывный выпуск необеспеченных бумажных денег способствовал ещё большему увеличению «денежного навеса» [Белоусов, 2009. С. 209, 210; Белоусов, Бирюков, Каширин, Нестеров, 2014. С. 210, 211].

Ю.Н. Гойденко и Г.В. Ксенфонтова считали «павловский» обмен банкнот «одной из самых одиозных» реформ и «одной из самых неудачных попыток восстановления шатких позиций денежного обращения», которая привела к значительным финансовым потерям рядовых граждан и сделала их вклады в банках менее защищёнными. Не менее провальным было также повышение розничных цен, приблизившее население к границе покупательной способности. С помощью этих непопулярных мер правительство не сумело решить поставленные задачи. Сокращение денежной массы было дезавуировано дальнейшим ростом инфляции, вызванным, в том числе, и выплатой значительных денежных компенсаций вкладчикам с целью восстановления платёжеспособного спроса. Ценовая реформа не изменила положения дел на потребительском рынке, и угрожающий рост дефицита товаров первой необходимости по-прежнему сохранялся. Мощным дестабилизирующим фактором стали также стремление советских республик к независимости и утрата единого бюджетного пространства [Гойденко, Ксенфонтова, 2010. С. 232–235].

Г.И. Ханин навал В.С. Павлова интеллектуалом, высокопрофессиональным учёным-экономистом и опытным практиком, имевшим собственную концепцию экономической политики и обладавшим волевыми качествами, необходимыми государственному деятелю в кризисной ситуации. Премьер-министр резко выступал против радикальных либеральных экспериментов в народном хозяйстве и расчленения страны. Вместе с тем автор отверг мнение о ретроградном характере мероприятий В.С. Павлова, более того, подчеркнул, что тот решительно проводил демонтаж командной экономики и эволюционным путём пытался продвигать страну к рыночным отношениям, высказываясь за приватизацию средств производства, но при сохранении сильной регулирующей роли государства. Сущность реформы директивных оптовых и розничных цен заключалась в их частичной либерализации, а обмен крупных банкнот диктовался стремлением премьер-министра дать твёрдый отпор и отечественному теневому капиталу, и западным деловым кругам. Однако возможности В.С. Павлова для осуществления самостоятельного курса были крайне ограничены экономическим кризисом, ролью Кабинета министров как придатка президент-

ской власти и отсутствием необходимой поддержки со стороны первого лица государства, ослаблением в тот период прерогатив центральных учреждений СССР в пользу союзных республик и регионов. Вместе с тем Г.И. Ханин упрекнул премьер-министра за то, что, осуждая разрушительные для народного хозяйства действия М.С. Горбачева и его ближайшего окружения, он, как «обычный советский чиновник», не решился порвать с ними и уйти в отставку, поэтому с него нельзя снять ответственность за развал финансовой системы страны [Ханин, 2010. С. 331–338].

А.А. Яник именовал В.С. Павлова «прагматиком и опытным бюрократом», стремившимся действовать «решительно и быстро». Он отметил, что одной из основных причин денежной реформы в условиях нехватки у СССР международных резервов стало решение задач регулирования рынка валюты, её экономия и пресечение сложившихся механизмов вывода этих средств за рубеж. С точки зрения автора, меры премьер-министра «могли бы способствовать макроэкономической стабилизации, но они оказались безрезультатны, поскольку исходили из совсем другой логики и решали исключительно фискальные задачи». Повышение цен в сочетании с увеличением выплат населению привели к очередному всплеску инфляции и росту эмиссии при сокращении физического объёма товарооборота. Тем не менее в 1991 г. возрастание номинальных доходов населения обогнало взвинчивание цен на товары и услуги, значительно превосходило потребительские расходы, обязательные платежи и добровольные взносы, оставаясь на руках у граждан в виде дополнительных вкладов в Сбербанке. По словам А.А. Яника, стремительный рост вынужденных сбережений свидетельствовал о том, что в экономике позднего СССР деньги играли «фиктивную» роль [Яник, 2012. С. 296, 299, 303, 304].

Как полагал Р.Г. Кирсанов, сама организация обмена денег страдала серьёзными недостатками. Среди населения началась паника, людям приходилось бросать работу и штурмовать сберкассы, что вызвало крупные потери на производстве. Между тем дельцы «теневой» экономики не пострадали — они успели или разместить свои сбережения в сберкассах, или разбить их на мелкие суммы и успешно обменять на новые деньги. Замораживание вкладов физических лиц породило бурную негативную реакцию, однако, по мнению автора, в отличие от обменной операции, эта мера была более эффективной для нормализации денежного обращения, поскольку отсекала большую часть ничем не обеспеченных банкнот и тем самым сокращала платёжеспособный спрос населения. Р.Г. Кирсанов пришёл к выводу, что «павловская» реформа не смогла существенно улучшить ситуацию в экономике, поскольку падение производства, рост дефицита государственного бюджета, повышение цен и ослабление рубля оказывали негативное влияние на состояние финансов и денежного обращения. Эти процессы побуждали республики к введению национальных валют, вели к разрыву хозяйственных связей на общесоюзном рынке и в конечном итоге к фактическому развалу экономики [Кирсанов, 2013. С. 141, 142].

Известный историк и публицист Р.А. Медведев подчеркнул, что при реализации антикризисной политики у правительства хватило решимости только на проведение «неожиданной» и «малопонятной» денежной реформы, которая привела к всеобщему недовольству. Особенно огромный ущерб понесли миллионы граждан, не доверявшие сберкассам и хранившие у себя дома значительные средства в крупных банкнотах. Последовавшее затем повышение цен в условиях острого дефицита не остановило ажиотажного спроса на товары широкого потребления, поскольку государственные цены всё равно оставались значительно ниже спекулятивных. Кроме того, к весне 1991 г. существенно возросли все виды зарплат и пенсий, поэтому у населения скопилось немало «лишних» денег, которые все хотели не хранить, а расходовать на приобретение различной продукции. Р.А. Медведев указал на запоздалый характер этой правительственной акции, так как вопрос о коренной корректировке цен рассматривался ещё четыре года назад, но в тот момент М.С. Горбачев и Н.И. Рыжков не решились на подобный шаг [Медведев, 2015. С. 283–285].

Как отмечали Н.Ф. Поляков и А.А. Панасенко, «павловская» реформа обычно представляется как «скоропалительное» решение нового премьер-министра, а населению она запомнилась, прежде всего, огромными очередями в пункты Сбербанка и потерей накоплений, которые люди не успели обменять в установленный срок. Между тем В.С. Павлов готовил комплексную реформу ценообразования, предусматривавшую упорядочение денежного обращения и поэтапную либерализацию цен. Его программа отражала убеждения большинства экономистов того времени, выступавших за регрессивный обмен с целью преодоления диспропорции между денежной массой и товарным предложением. В итоге правительству удалось сократить количество бумажных денег на 25% и на некоторое время сдержать рост инфляции. Однако в обстановке политической и экономической дезинтеграции эта мера не стала началом оздоровления финансов и выхода из кризиса. Более того, по словам авторов, «многие называют павловскую реформу точкой отсчёта, после которой произошла утрата доверия народа к государству, и начались смутные девяностые» [Поляков, Панасенко, 2017. С. 30, 31].

В новейшей коллективной монографии под редакцией М.Н. Конягиной отмечено, что денежная реформа 1991 г. носила конфискационный и «шоковый» характер, стала лейтмотивом будущей модели «шоковой терапии», применявшейся в дальнейшем при преобразовании народного хозяйства страны. Для устранения диспропорции между денежными и товарными массами В.С. Павлов предпочёл вариант сокращения избыточного количества банкнот путём их принудительного изъятия, а не поглощения за счет либерализации ценообразования или единовременной индексации цен. Авторы констатируют, что цель реформы не была достигнута, поскольку ограничение сумм обмена и заморозка депозитов не позволили продвинуться в решении основных проблем советской экономики. Не удалась и предпринятая атака на частные богатства, аккумулированные бурно развивавшимся кооперативным сектором. Попытка уравнивать сбережения рядовых граждан и крупных подпольных цеховиков имела лишь эпизодические успехи. «Теневики» заблаговременно диверсифицировали финансовые активы, вложившись в валюту и материальные ценности, раздробили крупные суммы на мелкие банковские вклады. Единственным положительным результатом инициативы В.С. Павлова авторы сочли «лишь получение опыта проведения масштабной реформы в очень сжатые сроки с акцентом на эффект неожиданности для населения, а также убедительную демонстрацию решительности настроения руководства страны в проведении институциональных реформ, ориентированных на переход к рыночной экономике» [Денежные реформы, 2022. С. 149–155].

Обзор мемуарных источников и научной литературы свидетельствует о значительном разбросе оценок деятельности В.С. Павлова в качестве премьер-министра. Одни авторы считали его типичным представителем высшей номенклатуры, тщетно пытавшимся спасти обречённый советский строй и распадающийся СССР, не понимавшим неизбежности перехода к рыночным отношениям, инициатором поспешных и непродуманных реформ в денежном обращении и ценообразовании, которые полностью провалились и лишь нанесли вред народному хозяйству. Другие признавали В.С. Павлова выдающимся учёным-экономистом и крупным государственным деятелем, выступавшим за эволюционное движение к рынку и утверждение государственно-частной экономики, противопоставляли премьер-министра сторонникам «шоковой терапии» и даже считали его курс последним шансом спасения страны от кризиса и развала. О различиях во мнениях свидетельствуют и приводимые авторами противоречивые цифровые данные о результатах денежной реформы: В.С. Павлов писал об изъятии трети денежной массы (34 млн руб.), Н.Ф. Поляков и А.А. Панасенко — 25%, А.Н. Илларионов — всего 7.8% (6.1 млрд руб.), а В.И. Щербаков утверждал, что через обмен не прошёл лишь 1 млрд руб. из находящихся в обращении около 250 млрд руб. Подобный разнобой является следствием слабой изученности темы и недостаточного знакомства с имеющимися статистическими материалами.

Между тем, по данным Госкомстата СССР, на конец 1990 г. в обращении находились 136.1 млрд руб., в том числе у населения — 132.7 млрд руб. [*Народное хозяйство СССР*, 1991. С. 28]. Однако почти все мемуаристы и исследователи сходились в том, что обмен крупных банкнот был организован неудовлетворительно и поколебал доверие населения к правительству, а резкое взвинчивание цен не привело к исчезновению «денежного навеса». Обе меры в условиях роста инфляции, товарного голода и усиления центробежных сил в Советском Союзе были запоздавшими паллиативами, которые уже не могли изменить ситуацию к лучшему. Тем не менее по-прежнему актуальным остаётся более глубокий анализ малоизученных в научной литературе теоретического наследия, антикризисной программы и разносторонней деятельности В.С. Павлова на постах министра финансов и главы правительства. Это позволит пересмотреть крайние точки зрения, ответить на вопрос о возможности альтернативы радикальным экономическим реформам 1990-х гг. и воссоздать более полную картину последних лет существования СССР.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев М., Пачкалов А.В. (2019). Министры финансов: От Российской империи до наших дней. 2-е изд. — М.: Альпина Паблишер.
- Белоусов В.Д. (2009). Денежные реформы: историко-экономический и теоретический аспекты. — Самара: СГТУ.
- Белоусов В.Д., Бирюков В.А., Каширин В.В., Нестеров А.А. (2014). Российские денежные реформы. — М.: Дашков и К°.
- Бокарев Ю.П. (1994). Рубль на грани краха // *Русский рубль. Два века истории. XIX — XX вв.* — М.: Прогресс-Академия. С. 272–295.
- Бокарев Ю.П. (2011). Советские финансы и попытки реформирования социалистической экономики (50–90-е годы XX в.) // *История денежного обращения России: в 2 т.* — М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС. Т. 1: Деньги России с древнейших времен до наших дней. С. 393–418.
- Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР (1991). № 5.
- Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР (1991). № 13.
- Герашенко В.В. (2004). Хороший человек в плохие времена // *Аналитический банковский журнал.* № 7. С. 66–69.
- Глаголев В.С. (2005). Валентин Павлов. Последний премьер Советского Союза // *Российский кто есть кто.* № 4. С. 60–62.
- Глаголев В.С. (2017). О последних попытках удержать СССР от развала // *Экономист.* № 6. С. 87–93.
- Гойденко Ю.Н., Ксенофонтова Г.В. (2010). Денежное обращение: история и теория. — Хабаровск: РИЦ ХГАЭП.
- Горбачев М.С. (1995). Жизнь и реформы: в 2 кн. — М.: Новости. — Кн. 1.
- Денежная система России: становление через реформы (2022) / Под научн. ред. М.Н. Конягиной. — СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС.
- Илларионов А.Н. (1995). Попытки проведения политики финансовой стабилизации в СССР и в России // *Вопросы экономики.* № 7. С. 4–37.
- Интервью Премьер-министра СССР В.С. Павлова. (1991) // *Труд.* 12 февраля.
- Кирсанов Р.Г. (2013). На пути к рынку: денежная реформа 1991 г. как попытка стабилизировать финансовую систему СССР // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История.* № 1(23). С. 137–142.
- Мау В.А. (1995). Экономика и власть: Политическая история экономической реформы в России. 1985–1994 гг. — М.: Дело.
- Медведев Р.А. (2015). Советский Союз. Последние годы жизни. — М.: Время.
- Народное хозяйство СССР в 1990 г. (1991): Стат. ежегодник. — М.: Финансы и статистика.
- Павлов В.С. (1995). Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. — М.: ТЕРРА.
- Павлов В.С. (2005). Верю в Россию. — М.: Экономическая газета.
- Поляков Н.Ф., Панасенко А.А. (2017). Денежная реформа 1991 года: обмен крупных купюр, потеря накоплений граждан // *Налоговая политика и практика.* № 7 (175). С. 30–31.
- Попов Г.Х. (2005). Валентин Павлов: три трагедии // *Вопросы экономики.* № 8. С. 139–144.
- Раевский В.А. (2013). На перекрёстке и до него. — М.: Экономическая летопись.
- Рыжков Н.И. (1995). Десять лет великих потрясений. — М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие». Собрание постановлений правительства СССР. (Отдел первый). 1991. № 8.

- Федоров Б.Г. (1999). 10 безумных лет. Почему в России не состоялись реформы. — М.: Коллекция «Совершенно секретно».
- Федоров Б.Г. (2004). Все министры финансов России и СССР. 1802–2004. — М.: Русское экономическое общество.
- Ханин Г.И. (2010). Экономическая история России в новейшее время: в 2 т. — Новосибирск: Издательство НГТУ. Т. 2: Экономика СССР и РСФСР в 1988–1991 годах.
- Щербаков В.И. (2016). Катастрофы могло и не быть. Гибель СССР: Взгляд изнутри последнего Союзного правительства. — М.: Экономическая газета.
- Якутин Ю.В. (2005). Премьер Павлов: семь месяцев и вся жизнь // Павлов В.С. Верю в Россию. — М.: Экономическая газета. С. 7–46.
- Яник А.А. (2012). История современной России: Истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999). — М.: Фонд современной истории; Издательство Московского университета.
- Hanson P. (2003). The Rise and Fall of the Soviet economy: an Economic History of the USSR from 1945. — London: Longman.

Степанов Валерий Леонидович

valerij-stepanov@mail.ru

Valerii Stepanov

doctor habilitatus in history, leading research fellow of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

valerij-stepanov@mail.ru

PRIME MINISTER V.S. PAVLOV AND THE MONETARY REFORM OF 1991: ASSESSMENTS AND JUDGMENTS

Abstract. The article provides an overview of memoir sources and scientific literature, which provide opinions on the monetary reform of 1991 and related measures undertaken by V.S. Pavlov, who served as Prime Minister of the USSR. A significant range of assessments and judgments was noted: some authors considered him a typical representative of the highest nomenclature, who tried in vain to save the doomed Soviet system and the disintegrating USSR, who did not understand the inevitability of the transition to market relations, the initiator of hasty and ill-conceived reforms in monetary circulation and pricing, which completely failed and only harmed the national economy; others recognized V.S. Pavlov, a prominent economist and an outstanding statesman who advocated an evolutionary movement towards the market and the establishment of a public-private economy, opposed the Prime minister to supporters of “shock therapy” and even considered his course the last chance to save the country from crisis and collapse. At the same time, attention is drawn to the coincidence of the points of view of memoirists and researchers that the exchange of large banknotes in the spring of 1991 it was organized unsatisfactorily and shook the confidence of the population in the government, and the sharp increase in prices that followed did not lead to the disappearance of the disproportion between the mass of paper money and the commodity supply. It is particularly emphasized that both measures in the conditions of falling production, rising inflation, empty store shelves and the strengthening of centrifugal forces in the Soviet Union were belated palliatives that could no longer change the situation for the better. It is concluded that, nevertheless, a more in-depth analysis of the theoretical heritage, the anti-crisis program and the versatile activities of V.S. Pavlov in the positions of Finance Minister and head of government remains relevant, because it allows us to reconsider extreme points of view, to answer the question of the possibility of an alternative to the radical economic reforms of the 1990s and recreate a more complete picture of the last years of the USSR.

Keywords: *economic history of the USSR, crisis, finance, emission, inflation, monetary reform, pricing.*

JEL: G28; N24; P21; P34.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Степанов В.Л. Премьер-министр В.С. Павлов и денежная реформа 1991 г.: оценки и суждения // Вопросы теоретической экономики. 2022. №4. С. 164–176. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_164_176.

FOR CITATION: Stepanov V. Prime Minister V.S. Pavlov and the Monetary Reform of 1991: Assessments and Judgments // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2022. No. 4. Pp. 164–176. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_164_176.

REFERENCES

- Alekseev M.Iu., Pachkalov A.V. (2019). *Ministry finansov: Ot Rossiiskoi imperii do nashikh dnei*. [Finance Ministers: From the Russian Empire to the present day]. 2-e izd. — M.: Al'pina Publisher, 2019. (In Russ.).
- Belousov V.D. (2009). *Denezhnye reformy: istoriko-ekonomicheskii i teoreticheskii aspekty*. [Monetary reforms: historical, economic and theoretical aspects]. — Samara: SGTU. (In Russ.).
- Belousov V.D., Biriukov V.A., Kashirin V.V., Nesterov A.A. (2014). *Rossiiskie denezhnye reformy*. [Russian Monetary Reforms]. — M.: Dashkov i K°. (In Russ.).
- Bokarev Iu.P. (1994). Rubl' na grani krakha [The ruble is on the verge of collapse] // *Russkii rubl'. Dva veka istorii. XIX — XX vv.* — M.: Progress-Akademiia. Pp. 272–295. (In Russ.).
- Bokarev Iu.P. (2011). Sovetskie finansy i popytki reformirovaniia sotsialisticheskoi ekonomiki (50–90-e gody XX v.) [Soviet finance and attempts to reform the socialist economy (50–90-ies of XX century)] // *Istoriia denezhnogo obrashcheniia Rossii: v 2 t.* — M.: INTERKRIM-PRESS. — T. 1: Den'gi Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Pp. 393–418. (In Russ.).
- Denezhnaia sistema Rossii: stanovlenie cherez reform.* (2022). [The monetary system of Russia: becoming through reforms] / pod nauchn. red. M.N. Koniagini. — SPb.: IPTs SZIU RANKhiGS. (In Russ.).
- Fedorov B.G. (1999). *10 bezumnykh let. Pochemu v Rossii ne sostoiats' reformy*. [10 crazy years. Why didn't reforms take place in Russia]. — M.: Kolleksiia «Sovershenno sekretno». (In Russ.).
- Fedorov B.G. (2004). *Vse ministry finansov Rossii i SSSR. 1802–2004*. [All Finance Ministers of Russia and the USSR. 1802–2004]. — M.: Russkoe ekonomicheskoe obshchestvo. (In Russ.).
- Gerashchenko V.V. (2004). Khoroshii chelovek v plokhie vremena. [A good man in bad times] // *Analiticheskii bankovskii zhurnal*. № 7. Pp. 66–69. (In Russ.).
- Glagolev V.S. (2005). Valentin Pavlov. Poslednii prem'er Sovetskogo Soiuz. [Valentin Pavlov. The last Prime Minister of the Soviet Union] // *Rossiiskii kto est' kto*. № 4. S. 60–62. (In Russ.).
- Glagolev V.S. (2017). O poslednikh popytках uderzhat' SSSR ot razvala. [About the latest attempts to keep the USSR from collapse] // *Ekonomist*. № 6. Pp. 87–93. (In Russ.).
- Goidenko Iu.N., Ksenofontova G.V. (2010). *Denezhnoe obrashchenie: istoriia i teoriia*. [Monetary circulation: history and theory]. — Khabarovsk: RITs KhGAEP. (In Russ.).
- Gorbachev M.S. (1995). *Zhizn' i reform*. [Life and reforms]: v 2 kn. — M.: Novosti. — Kn. 1. (In Russ.).
- Hanson P. (2003). *The Rise and Fall of the Soviet economy: an Economic History of the USSR from 1945*. — London: Longman.
- Iakutin Iu.V. (2005). Prem'er Pavlov: sem' mesiatsev i vsia zhizn'. [Premier Pavlov: seven months and a lifetime] // *Pavlov V.S. Veriu v Rossiuu*. — M.: Ekonomicheskaiia gazeta. Pp. 7–46. (In Russ.).
- Ianik A.A. (2012). *Istoriia sovremennoi Rossii: Istoki i uroki poslednei rossiiskoi modernizatsii (1985–1999)*. [The History of Modern Russia: The Origins and Lessons of the Last Russian Modernization (1985–1999)]. — M.: Fond sovremennoi istorii; Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
- Illarionov A.N. (1995). Popytki provedeniia politiki finansovoi stabilizatsii v SSSR i v Rossii. [Attempts to implement a policy of financial stabilization in the USSR and in Russia] // *Voprosy ekonomiki*. № 7. Pp. 4–37. (In Russ.).
- Interv'iu Prem'er-ministra SSSR V.S. Pavlova. (1991). [Interview with the Prime Minister of the USSR V.S. Pavlov] // *Trud*. 12 fevralia. (In Russ.).
- Khanin G.I. (2010). *Ekonomicheskaiia istoriia Rossii v noveishee vremia*. [The Economic History of Russia in modern times]: v 2 t. — Novosibirsk: Izdatel'stvo NGTU. T. 2: Ekonomika SSSR i RSFSR v 1988–1991 godakh. (In Russ.).
- Kirsanov R.G. (2013). Na puti k rynku: denezhnaia reforma 1991 g. kak popytka stabilizirovat' finansovuiu sistemuu SSSR. [On the way to the market: monetary reform of 1991 as an attempt to stabilize the financial system of the USSR] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriia 4: Istoriia. № 1 (23). Pp. 137–142. (In Russ.).
- Mau V.A. (1995). *Ekonomika i vlast': Politicheskaiia istoriia ekonomicheskoi reformy v Rossii. 1985–1994 gg.* [Economics and Power: The Political History of Economic Reform in Russia. 1985–1994]. — M.: Delo. (In Russ.).
- Medvedev R.A. (2015). *Sovetskii soiuz. Poslednie gody zhizni*. [The Soviet Union. Last years of life]. — M.: Vremia. (In Russ.).
- Narodnoe khoziaistvo SSSR v 1990 g.* (1991): Stat. ezhegodnik. [The national economy of the USSR in 1990. Statistical Yearbook]. — M.: Finansy i statistika. (In Russ.).
- Pavlov V.S. (1995). *Upushchen li shans? Finansovyi kliuch k rynku*. [Is the chance missed? The financial key to the market]. — M.: TERRA. (In Russ.).
- Pavlov V.S. (2005). *Veriu v Rossiuu*. [I believe in Russia]. — M.: Ekonomicheskaiia gazeta. (In Russ.).
- Poliakov N.F., Panasenko A.A. (2017). Denezhnaia reforma 1991 goda: obmen krupnykh kupiur, poteria nakoplenii grazhdan. [Monetary reform of 1991: exchange of large bills, loss of savings of citizens] // *Nalogoivaia politika i praktika*. № 7 (175). S. 30–31. (In Russ.).
- Popov G.Kh. (2005). Valentin Pavlov: tri tragedii. [Valentin Pavlov: Three tragedies] // *Voprosy ekonomiki*. № 8. S. 139–144. (In Russ.).

- Raevskii V.A. (2013). *Na perekrestke i do nego*. [At and before the intersection]. — M.: Ekonomicheskaiia letopis' (In Russ.).
- Ryzhkov N.I. (1995). *Desiat' let velikikh potriasenii*. [Ten years of great upheavals]. — M.: Assotsiatsiia «Kniga. Prosveshchenie. Miloserdie». (In Russ.).
- Shcherbakov V.I. (2016). *Katastrofy moglo i ne byt'. Gibel' SSSR: Vzgliad iznutri poslednego Soiuznogo pravitel'stva*. [The catastrophe might not have happened. The Death of the USSR: A look from inside the last Union Government]. — M.: Ekonomicheskaiia gazeta. (In Russ.).
- Sobranie postanovlenii pravitel'stva SSSR. (Otdel pervyi)*. (1991). [Collection of resolutions of the Government of the USSR. (Department one)]. № 8. (In Russ.).
- Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR*. (1991). [Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR]. № 5. (In Russ.).
- Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR*. (1991). [Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR]. № 13. (In Russ.).

М.А. Фельдман

д. ист. н., профессор, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Екатеринбург)

ВТОРОЙ ПЛЕНУМ СОВЕТА ПРИ НАРОДНОМ КОМИССАРЕ ТЯЖЁЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР: РЕТРОСПЕКТИВА (25–29 июня 1936 г.)

Аннотация. В статье анализируется работа Второго Пленума Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР (25–29 июня 1936 г.). Рассматриваются различные подходы представителей советского руководства к стахановскому движению. Сделан вывод, что, если для руководства НКТП стахановское движение выступало началом поэтапной подготовки и переподготовки квалифицированных и высококвалифицированных рабочих индустриальной эпохи, то для Сталина и его ближайших сподвижников оно было уже итоговым результатом предшествующего роста культурно-технического уровня рабочих, а вся масса промышленных рабочих обязана была работать на уровне стахановских рекордов. Участники Второго Пленума, включая наркома, фактически осудили целый ряд мифов, окружающих экономическую политику государства, говорили о массовом саботаже инженерами и техниками развития стахановского движения, о самой практике постановки «стахановских рекордов», о тяжести их последствий. Развенчивался миф о самом стахановском движении как «высшей форме организации труда». Указание на масштаб бесхозяйственности в промышленности СССР, на низкое качество выпускаемой продукции не имели ничего общего с тезисом о заведомом превосходстве «социалистической индустрии над капиталистической». В экономическую теорию были внесены положения, которые станут основой будущих реформ. Государственная программа обязательного технического обучения рабочих, стартовавшая в 1936 г., обрела отчётливые очертания в предвоенные годы.

Ключевые слова: *стахановское движение, рабочие, специалисты, пленум, партия, промышленность, директора.*

JEL: B24, N44.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_177_192.

Стахановское движение: цели, задачи, подходы

Декабрьский (1935 г.) Пленум ЦК ВКП(б) единственный раз в истории Коммунистической партии рассмотрел проблемы организации труда и технической учебы рабочих. В резолюциях этого Пленума¹ отразились весьма противоречивые, даже противоположные цели, задачи, подходы к развитию стахановского движения. Это выявилось уже в ходе его работы.

Обращает на себя внимание противоречие между высказыванием на Пленуме наркома Народного комиссариата тяжёлой промышленности СССР (НКТП) Г.К. Орджоникидзе о том, что пересмотр норм должен быть связан с технической модернизацией рабочих мест и учётом мнения самих рабочих², и словами верного сподвижника Сталина, секретаря

¹ Резолюции Декабрьского (1935 г.) Пленума ЦК ВКП (б) // Правда. 1935. 26 дек.

² Доклад Г.К. Орджоникидзе на Декабрьском (1935 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) // Правда. 1935. 26 дек.

ЦК ВКП(б) А.А. Андреева — «все справочники по нормированию должны быть выброшены как хлам»³. То есть, если для руководства НКТП стахановское движение начиналось с модернизации рабочих мест для всех рабочих, то для Сталина — с «освобождения (определённой сверху) части квалифицированных рабочих от второстепенной подготовительной работы»⁴.

Для руководства НКТП стахановское движение было нацелено на *освоение новой техники за счёт научной организации труда, механизации производственных процессов и программы обязательного технического обучения рабочих*. Анализ источников позволяет сделать вывод о планах НКТП и его руководителя — Орджоникидзе — обучить основную массу промышленных рабочих на курсах повышения квалификации к 1942 г., и на КМСТ (курсах мастеров социалистического труда) — к 1947 г. КМСТ создавались для наиболее квалифицированных рабочих. Успешно окончившие курсы получали звание мастера социалистического труда. Количество рабочих профессий, подготовка по которым становилась обязательной, было увеличено до 500. Новые учебные планы предусматривали овладение рабочими элементами материаловедения, изучение оборудования и инструмента, некоторых основ экономических знаний. В основу обучения рабочих было положено постижение стахановских методов труда⁵.

Для реализации указанных планов в отраслях крупной промышленности при наркоматах, главках, предприятиях была создана централизованная система руководства профессиональной подготовкой рабочих. В частности, на предприятиях возникали Советы по техническому обучению рабочих во главе с директором. Деятельность самих предприятий оценивалась по состоянию массовой технической учёбы рабочих⁶. К преподаванию привлекли ведущих специалистов предприятий, учёных, преподавателей вузов. В кратчайшие сроки (всего за 70 дней) было написано и издано 253 учебника по техминимуму для рабочих 403 различных профессий [Козлов, Хлевнюк, 1988. С. 174].

Таким образом, отличия новой системы технической учёбы рабочих без отрыва от производства (с позиций НКТП) должны были быть следующими: во-первых, обязательность обучения для всех рабочих. По сути, государство (правда, в лице одного, но крупнейшего промышленного наркомата) провозгласило лозунг всеобщего технического образования. Во-вторых, обязательность обучения предусматривала и последовательность прохождения рабочими стадий профессиональной подготовки, включая высшее звено — КМСТ, готовящих высококвалифицированных рабочих. КМСТ (предполагающие двухлетнюю общеобразовательную и техническую подготовку) существенно отличались от предшествующей системы подготовки рабочих кадров, так как действующие в 1933–1935 гг. производственно-технические курсы второй и третьей ступеней за отведённое время обучения могли готовить только рабочих массовых профессий. В-третьих, возникала централизованная система руководства профессиональной подготовкой рабочих, адекватная системе управления в промышленности. В-четвёртых, государство впервые вкладывало крупные инвестиции в подготовку рабочих кадров непосредственно на производстве. В-пятых, создавался разветвлённый и централизованный штат преподавателей (наставников) системы технической учёбы рабочих без отрыва от производства.

Для Сталина и его ближайшего окружения сдача в 1935 г. почти 800 тысячами рабочих НКТП Государственно-технического экзамена (ГТЭ)⁷ рассматривалась как «победа советского строя». Между тем программа ГТЭ включала в себя только знания технического

³ Доклад А.А. Андреева на Декабрьском (1935 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) // Правда. 1935. 28 дек.

⁴ Резолюции Декабрьского (1935 г.) Пленума ЦК ВКП (б) // Правда. 1935. 26 дек.

⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7297, оп. 7, д. 108, л. 47; д. 217, л. 17–18.

⁶ РГАЭ, ф. 8875, оп. 47, д. 52, л. 73 - 74.

⁷ Правда. 1935. 26 дек.

минимума. Если для руководства НКТП стахановское движение рассматривалось как *начало* поэтапной подготовки и переподготовки квалифицированных и высококвалифицированных рабочих индустриальной эпохи, то для Сталина и его ближайших сподвижников стахановское движение было уже *итоговым результатом* предшествующего «роста культурно-технического уровня рабочих», а вся масса промышленных рабочих была готова работать на уровне стахановских рекордов.

Основная цель стахановского движения в сталинской интерпретации — «максимальное увеличение продукции, снижение себестоимости за счёт внедрения новых технических норм на основе опыта лучших стахановцев» — была на Декабрьском Пленуме ЦК ВКП(б) дополнена и конкретизирована секретарем ЦК А.А. Андреевым: «досрочное выполнение планов Второй пятилетки» за счёт «выжимания из техники всего возможного»⁸. Не оставляла сомнений в авторстве и резолюция Пленума ЦК, недвусмысленно призывавшая «сломать сопротивление стахановскому движению со стороны консервативной части инженерно-технических работников»⁹.

Масштаб увеличения капиталовложений, начиная с июля 1935 г., по справедливой оценке Р. Дэвиса и О. В. Хлевнюка, свидетельствовал об очередном повороте «генеральной линии»: ставке на новый производственный скачок [Дэвис, Хлевнюк, 1992. С. 104]. В рамках этого «скачка» Сталин рассматривал стахановское движение с чисто утилитарных позиций. Для него это виделось как возможность без существенных капиталовложений резко повысить производительность труда рабочих, главным образом, за счёт интенсификации их труда, а также веры в то, что освоение новых технологий само по себе может творить чудеса [Грегори, 2006. С. 134-135].

Созданный искусственно культ относительно небольшой группы высокооплачиваемых «знатных стахановцев» пропагандистской машиной приравнялся к социальному облику всех стахановцев. Слой высокооплачиваемых рабочих-стахановцев был невелик — и это тоже было естественно в условиях регламентации фондов заработной платы. В то же время произвольное установление норм и расценок, несоблюдение тарифной дисциплины во второй половине 1935 — первой половине 1936 гг. носило общесоюзный характер [Фирин, 1937], вызывая законное недовольство рабочих.

Таким образом, в документах Декабрьского (1935г.) Пленума ЦК ВКП(б) оказались переплетены обе тенденции экономического курса СССР, проводимого на протяжении 1933 — 1935 гг.: рациональная, опирающаяся на научные знания, и волюнтаристская, основанная на мифологической вере во всемогущество государственного принуждения.

Судьба стахановского движения в промышленности была во многом решена в январе 1936 г. По инициативе Сталина с первого дня этого года набирала силу кампания за проведение «Стахановских суток» на каждом рабочем месте. Вера в магическую силу приказа вновь давала о себе знать. 20 января 1936 г. газеты страны сообщили о начале «Стахановской пятидневки» на всех предприятиях как о свершившемся факте.

Анализ материалов позволяет сделать вывод: «штурм рекордов» начался без учёта материальных стимулов для основной массы рабочих, а также вне соответствующей механизации производственных процессов. Газеты января 1936 г. печатали диаграммы роста ежедневного выпуска промышленной продукции. Но в конце января кривая показателей устремилась вниз. Однако, вопреки здравому смыслу, тут же последовал призыв высшего руководства страны к «стахановскому году»¹⁰.

За счёт чего же намечалось превзойти плановые рубежи? Исследование архивных источников 1936 г. даёт ответ: прежде всего за счёт усиления интенсивности труда

⁸ Правда. 1935. 28 дек.

⁹ Резолюция Декабрьского (1935 г.) Пленума ЦК ВКП (б) // Правда. 1935. 26 дек.

¹⁰ За индустриализацию. 1936. 26.январь; 4 февр.

советских рабочих. Так, на Мотовилихинском (Молотовском) орудийном заводе рабочие в январе 1936 г. вместо положенных 150 часов отработали 250 — 300 часов. На предприятиях треста «Востоксталь» в 1936 г. сверхурочно было отработано 996 тыс. часов. Это привело к увеличению травматизма металлургов на 20% в сравнении с 1935 г. Более чем на треть вырос травматизм на военных заводах Урала; заметно увеличился удельный вес бракованной продукции. Например, в январе 1936 г. бракованными оказались 77% снарядов, произведённых на Серовском механическом заводе¹¹.

Итоги января 1936 г. — «месяца рекордов» — были ошеломляющими: не только не произошло ожидаемого рывка в экономике, но, напротив, в ряде отраслей был зафиксирован спад промышленного производства¹². Общество нуждалось в анализе происходящего. Но с февраля 1936 г. тема стахановского движения, пусть на время, на страницах газет и журналов становится приглушённой. Неудовольствие руководства ВКП(б) было очевидным: плоды патерналистской политики государства оказались отличными от замыслов. Руководство промышленных наркоматов искало выход из сложившейся ситуации.

Второй Пленум Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР 25 — 29 июня 1936 г.

Как и на Первом Пленуме Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР, состоявшемся в мае 1935 г. [*Совет...*, 1935], год спустя, на Второй Пленум Совета [*Совет...*, 1936] в Москве 25 — 29 июня 1936 г. вновь собралась хозяйственная элита советской промышленности. Заседание Совета было важным событием в жизни страны уже в силу состава присутствующих. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 марта 1934 г. были ликвидированы коллегии при Наркоматах, а вместо них образованы Советы из 50-70 ведущих отраслевых работников, что должно было расширить круг коллективного обсуждения и коллективной ответственности.

В мае 1935 г. в работе Первого Пленума приняли участие 104 члена Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности, утверждённых Постановлением СНК СССР от 20 апреля 1935 г. [*Совет...*, 1935. С. 3–8]. Менялись названия мероприятий («Конференция», «Совещание», «Совет», «Пленум»), но оставалась сущность проводимых форумов — взаимодействие политической и хозяйственной элит Советской страны.

В газете «Правда» короткое сообщение об открытии Пленума Совета в зале профсоюзов Дворца труда содержало лишь упоминание о том, что половина из присутствующих (в зале находились более 300 человек) была награждена орденами¹³. Официальный термин 1930-х гг. — орденосец — означал определённое признание заслуг управленца. В зале профсоюзов собралась та часть хозяйственной элиты, труд которой был признан и высоко оценён.

Интересен и состав *выступивших* на Пленуме: народный комиссар тяжёлой промышленности СССР Г.К. Орджоникидзе; три его заместителя; 11 начальников главков; 18 начальников (управляющих) трестов; 25 директоров крупнейших предприятий отрасли. Среди выступавших оказались 11 рабочих-стахановцев и четверо инструкторов стахановских методов труда [*Совет...*, 1936. С. 425–438]. Декорум был соблюден: взаимодействие взглядов стахановцев и «красных командиров производства» должно было снять все помехи на пути повышения производительности труда.

¹¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО) Ф. 841. Оп. 1. Д. 36. Л. 123 - 125; Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 13. Д. 329. Л 2 — 3; Оп. 14. Д. 445. Л. 7, 17 - 18.

¹² Правда. 1936. 29 апр.; 21 мая.

¹³ Правда. 1936. 26 июня.

Весь предшествующий опыт Орджоникидзе, в частности практика проведения Всесоюзных Совецаний высшего и среднего звена управленцев советской промышленности («хозяйственников» в терминологии того времени) в 1931-1934 гг.; Первого Пленума Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР мая 1935 г. [Фельдман, 2022], свидетельствовал о возможности определённого воздействия на Сталина силой доводов рациональной практики, опирающейся на коллективный опыт хозяйственников и мнения директорского корпуса. Созыв Второго Пленума Совета в июне 1936 г. преследовал те же цели, а увеличение втрое числа его участников должно было стать дополнительным аргументом дискуссии в руководстве страны о выборе приоритетов экономического курса [Хлевнюк, 1996. С.174].

В немногочисленных публикациях, посвящённых работе Второго Пленума Совета рассматривались и анализировались некоторые выступления участников [Хлевнюк, 1991, С.16; Хлевнюк, 1996, С.174; Фельдман, 2011], однако отсутствовала комплексная оценка характера взаимодействия взглядов представителей различных профессиональных групп; нет понимания роли Второго Пленума и в разработке экономического курса Советского государства. Неизученные проблемы, связанные с пятидневной работой Пленума, составили предмет предлагаемой статьи.

Издание 1936 г. [Совет..., 1936] открывают два фотопортрета: И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе. По общепринятому мнению того времени, народный комиссар тяжёлой промышленности СССР Г. К. Орджоникидзе являлся лучшим другом генерального секретаря ЦК ВКП(б), близким сподвижником советского лидера. Однако в тоталитарном государстве у руководителя, претендующего на единоличную власть, могут быть только такие люди, кто готов выполнять указания вождя.

Открывая 25 июня 1936 г. Первое заседание Совета, Орджоникидзе максимально корректно обозначил задачу: «...на повестке дня — один вопрос: ход выполнения решения Декабрьского Пленума ЦК ВКП(б) о развертывании стахановского движения» [Совет..., 1936. С. 3]. Тема стахановского движения действительно пронизывала всю работу Второго Пленума. Однако, как отмечалось выше, различные подходы к пониманию целей и сущности стахановского движения, методам его развития были только «верхушкой айсберга» — частным проявлением расхождения двух тенденций экономической политики в СССР первой половины 1930-х гг. — курса «миниреформ» [Davies R.W., 1996. P. 104] и ставки на принудительные методы воздействия.

Результаты Стахановского движения в первые пять месяцев 1936 г. существенно отличались от планируемых. Наблюдалось падение выпуска промышленной продукции в ряде отраслей; масштабное возрастание доли бракованной продукции; медленные (даже по официальным данным) темпы роста производительности труда [Фельдман, 2015]. Раздражение Сталина нарастало и признаки грозы были очевидны: если в номерах газет за 29 июня 1936 г. упоминалось выступление на Втором Пленуме заместителя наркома тяжёлой промышленности Г.Л. Пятакова, то в Стенографическом отчёте, сданном в набор 25 августа 1936 г., оно уже отсутствовало: до ареста Пятакова 12 сентября 1936 г. оставались недели. До ареста брата Г.К. Орджоникидзе — П. К. Орджоникидзе в ноябре 1936 г. оставались месяцы. Современные исследователи зафиксировали отчётливое ощущение Г.К. Орджоникидзе приближения трагедии [Хлевнюк, 1996. С. 176-178]. Проведение Второго Пленума могло стать последним сражением за рациональный курс социалистической индустриализации.

Продуманная руководством НКТП структура заседаний Второго Пленума должна была предотвратить потенциальную вспышку сталинского гнева. Из девяти заседаний первые четыре были заполнены выступлениями руководителей главков, начальников нефтяных и угольных трестов. Они изобиловали техническими терминами и количественными показателями; обещаниями повысить производительность труда рабочих за счёт

произвольного увеличения норм выработки и столь же произвольного повышения скорости бурения; преодоления сопротивления «противников стахановского движения» среди инженерно-технического персонала.

Однако уже в конце первого заседания, *вечером 25 июня* отрезвляюще прозвучали слова о том, что на шахтах Донбасса «большая группа инженеров и техников была незаслуженно обвинена в саботаже» [Совет..., 1936. С. 38]. В устах начальника треста «Донбассуголь» В.М. Бажанова такое признание звучало особенно впечатляюще: Донбасс считался центром стахановского движения, а основная критика противников движения также была адресована специалистам этого региона.

Статистические данные, приведённые Бажановым (8% инженеров и техников на шахтах Донбасса «не могут обеспечить необходимое руководство стахановским движением» и «должны быть сняты и переведены на низшие должности», а ещё 8% «прекрасно справляются с этой работой... и должны быть выдвинуты на более высокие должности» [Совет..., 1936. С.38]), были трудно проверяемы. Но они носили явно символический характер — в них просматривается вывод о недопустимости огульных обвинений в адрес специалистов.

Бажанов первым связал проблемы, стоящие на пути стахановского движения, с высокой текучестью кадров, являющейся следствием неудовлетворительных жилищных условий [Совет..., 1936. С.39]. О других причинах этих проблем руководитель треста «Донбассуголь» не говорил, но увеличение на треть ухода с шахт рабочих за первые пять месяцев 1936 г., объявленных на высшем уровне «стахановскими», наводило на размышления.

Разъяснение не заставило себя долго ждать: *утром 26 июня* сущность стахановских методов труда (в косвенной форме) была раскрыта в выступлении управляющего трестом «Карагандауголь» М.И. Смирнова: «...у нас были стахановские дни, пятидневки. Они очень часто превращались в штурмовщину. В стахановские дни мы добывали по 13 тыс. тонн, а потом спускались до 8–9 тыс. тонн» [Совет..., 1936. С.71]. Близость понятий «штурмовщина» и «стахановские дни» не вызывала сомнений!

Высокая текучесть касалась не только рабочих. За те же первые пять месяцев 1936 г. из треста «Каднеуголь», объединяющего преимущественно новые шахты, ушли 41,2% представителей инженерно-технического персонала [Совет..., 1936. С.82]. Как видно, условия труда для специалистов в «стахановские месяцы» стали трудно выносимыми. «Были попытки огульно обвинять инженерно-технических работников в саботаже» (стахановского движения), — заявил управляющий трестом «Шахтантрацит» А.М.Непомнящий. — Это внесло в их среду известную неуверенность. Сейчас мы резко выправляем дело» [Совет..., 1936. С.89]. Аналогичные оценки прозвучали и в выступлении А.М. Хачатурьянца — управляющего трестом «Сталинуголь» [Совет..., 1936. С.94].

В этой связи вопрос Г.К. Орджоникидзе управляющему трестом «Каднеуголь» Л.Я. Высоцкому: «...скажите, чем объясняется высокая текучесть инженеров?» [Совет..., 1936. С.82], — носил, как представляется, риторический характер: волны гонений на специалистов в годы первых пятилеток были хорошо известны руководителям Советского государства.

Куда более интересен ответ Л.Я. Высоцкого: «...в большинстве случаев тресты и шахты шли по старому пути: снимали с работы старых людей и брали новых людей, полагая, по-видимому, что новых учить не нужно» [Совет..., 1936. С. 82]. Формально, выражение по «старому пути» отсылало к событиям конца 1920-х гг. (делу «Промпартии») [Красильников, Савин, Ушакова, 2011. С. 66]. Однако пренебрежение к труду специалистов имело устойчивую практику в работе партийных комитетов всех уровней не только Донбасса, и не только в начале Первой пятилетки [Красильников, 2016. С. 3].

Реплика М.Д. Дюканова — кандидата в члены ЦК ВКП(б), парторга шахты имени Сталина — о недостаточной численности инженерно-технического персонала на шахтах Донбасса [Совет..., 1936. С.68] носила, скорее, констатирующий характер. Нехватка ква-

лифцированных специалистов, наряду с их социальной незащищённостью, объясняла многие жалобы выступающих. Они говорили об отсутствии должного обучения работе на новых технических устройствах и механизмах, о низком уровне планирования и организации труда, об игнорировании графика планово-предупредительного ремонта [Совет..., 1936. С.57,60, 61, 71, 80]. Следствием такого положения, по мнению выступавших, стал выход из строя значительной части производственного оборудования [Совет..., 1936. С. 81]. Как видно, уже первые два заседания Второго Пленума выявили масштаб критических настроений советской хозяйственной элиты.

Вечернее заседание 26 июня началось с выступления К.К. Карташёва — управляющего треста «Первомайскуголь», связавшего причины медленного роста добычи угля с вполне объективными трудностями — низким уровнем механизации подготовительных работ, а также с «неразберихой в оплате труда инженерно-технических работников». Достаточно смело прозвучал тезис Карташёва о повсеместной порочной практике нарушения принципа единоначалия: «...в распоряжения начальника участка вмешивается кто угодно» (!) [Совет..., 1936. С. 100].

С.Я. Каплан — редактор газеты «Кадневский пролетарий» — отметил, что никто не обучал инженерно-технических работников методике преподавания передовых форм организации труда. Такая методика должна быть направлена не на организацию отдельных рекордов, а на «стахановскую работу целых участков, смен и всей шахты» [Совет..., 1936. С. 104].

А.И. Гуревич — начальник Главного управления металлургической промышленности (ГУМП), проследив практику пересмотра проектных мощностей заводов и агрегатов, новых технических норм, «исходя из опыта лучших стахановцев», попытался «отчётливо сформулировать, в чём заключаются задачи организации стахановского движения в чёрной металлургии» [Совет..., 1936. С. 114–115].

Однако текст пространного выступления начальника ГУМП, содержавший набор производственных задач, нацеленных на изучение причин брака, на улучшение межцехового взаимодействия, на максимальное использование контрольно-измерительной аппаратуры для повышения качества продукции, на внедрение эффективной сдельной системы оплаты труда, на отказ от непродуманных экспериментов [Совет..., 1936. С. 115–118], приводил к своеобразному выводу: к категории стахановцев причислялись обычные квалифицированные рабочие, способные работать без брака на сложных агрегатах и механизмах. Успех работы стахановцев зависел от системы организации труда, где определяющую роль играли специалисты, поскольку «без технической инициативы инженерства нельзя по-настоящему организовать, возглавить стахановское движение» [Совет..., 1936. С. 118].

Все выступления участников Пленума содержали обещания достичь более высоких количественных показателей. Вопрос, однако, заключался в том, какими методами это будет достигнуто. Звучали и весьма примитивные предложения: «сломать сопротивление консерваторов»; сократить время на плановые ремонты и т.д. [Совет..., 1936. С. 124].

Наиболее ярким событием *утреннего заседания 27 июня* стало выступление Е.М. Альперовича — начальника Главстанкоинструма. Он заявил о принципиальной недопустимости выпуска некачественной продукции и *допустимости сокращения объёмов производства ради выхода на установленные стандарты качества*. Определённым выходом из ситуации должны были стать сквозные бригады качества, сформированные из рабочих, технологов и инженеров, а также создание условий для самостоятельного кооперирования предприятий и цехов для решения возникающих проблем [Совет..., 1936. С. 140–142].

Д.А. Петровский — начальник Главного управления учебных заведений (ГУУЗ) НКТП — дал определение стахановского движения как «зачатка гармонического сочетания труда физического с трудом умственным» [Совет..., 1936. С. 178]. Это означало, что рост квалификационного умения рабочего напрямую связывался с повышением производ-

ственно-технических знаний. Важна обязательность прохождения *всеми рабочими* отрасли трёх ступеней технической подготовки (курсов техминимума; стахановских курсов и курсом мастеров социалистического труда). При этом начальник ГУУЗа предупредил о недопустимости перескакивания через стадии обучения [Совет..., 1936. С. 179].

Своеобразными были выступления на утреннем заседании 27 июня 1936 г. трёх рабочих-стахановцев [Совет..., 1936. С.174-179, 184-188]. Они содержали стандартизированный рассказ о совершении стахановских рекордов с помощью отдельных технических приспособлений, сообщения о «счастливой и радостной жизни», личные благодарности Сталину, «который создал нам счастливую жизнь».

Диссонансом «лакированной» действительности стали слова «знатного стахановца» фрезеровщика И. И. Гудова: при выполнении дневной нормы на 1 430% («я заготовил тогда деталей на целых восемь месяцев») стахановская продукция оказалась никому не нужна, и сверхплановые «детали лежали на складе мёртвым капиталом») [Совет..., 1936. С.187]. Поскольку Гудов сообщил о случае на передовом столичном станкостроительном заводе им. Орджоникидзе, *разрыв между потребностями заказчиков и наращиванием сверхплановой продукции* можно считать достаточно типичным явлением.

Отмечу, что Гудов — один из зачинателей стахановского движения в станкостроении, награждённый 9 декабря 1935 г. орденом Трудового Красного Знамени. Средствами пропаганды он был причислен к разряду культовых советских героев¹⁴. Слова «знатного стахановца» о судьбе стахановского рекорда не могли остаться незамеченными. Понимали это и руководители НКТП.

Показательно, что за пять дней работы Второго Пленума Сталин единственный раз официально отреагировал на его работу: 27 июня 1936 г. было получено Приветствие Сталина... работникам золотопромышленности. Вот его полный текст. «Приветствую по случаю досрочного окончания полугодового плана. Надеюсь, что с успехом закончите план всего года и дадите наилучшие показатели. Сталин»¹⁵. На мой взгляд, столь лаконичное послание носило издевательский характер. Обращённое только к одной, малочисленной, группе хозяйственников — участников Второго Пленума приветствие ни словом не упоминало о задачах, проблемах работы столь высокого экономического форума; не содержало даже формального приветствия со стороны политического руководства. Сталин подчёркнуто дистанцировался от проходящего в Москве Второго Пленума Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР.

Вероятно, после утреннего заседания 27 июня с участниками Второго Пленума была проведена «разъяснительная работа»: содержание выступлений на вечернем заседании 27 июня; на утреннем и вечернем заседаниях 28 июня стало заметно более «пресным»: критические и самокритические нотки у хозяйственников исчезли. Редкие примеры сравнения технических характеристик советского и американского оборудования и механизмов не меняли характер чисто технократических сообщений. Это касалось заметно сокращённых выступлений ряда директоров заводов, сообщений учёных и, в наибольшей степени, докладов двух заместителей наркома тяжёлой промышленности — М.Л. Рухимовича и М.М.Кагановича.

Заявление М.М. Кагановича о необходимости «нам, хозяйственникам учиться у стахановцев, как надо уничтожать брак» [Совет..., 1936. С.225] выглядело пропагандистским штампом. А слова директора Карабашского медеплавильного завода Д. Ф. Ковалева, что «медеплавильная промышленность к Совету (т.е. за первые пять месяцев 1936 г.) приходит с позорными показателями» [Совет..., 1936. С.255], носили характер показного самобичевания.

¹⁴ В 1939 г. на советские экраны вышел художественно-документальный фильм «Иван Гудов» (режиссёр П.А. Зиновьев), в котором Гудов и его товарищи по работе вынуждены были играть самих себя.

¹⁵ Правда. 1936. 28 июня.

Понимал ли начальник Прибалхашстроя В.И.Иванов, насколько анекдотично звучат слова: «у нас установлены три календарных стахановских дня в месяц, (когда) всю руководящую верхушку мы посылаем в цеха на отдельные участки» [*Совет...*, 1936. С.263]. Помимо прямого указания на приказной, управляемый сверху, характер стахановского движения, это было и признание о пределах работы в соответствии со стандартами.

Редким исключением стала реплика члена Бюро Комитета советского контроля при СНК СССР М.И. Ульяновой. Она говорила о случаях безосновательного увольнения рабочих с предприятий [*Совет...*, 1936. С. 290].

Три заседания (вечернее 27 июня и утреннее и вечернее заседания 28 июня) должны были показать высокую степень лояльности хозяйственной элиты, её готовности к выполнению указаний сверху. Тем не менее события завершающих двух заседаний (утреннее и вечернее заседания 29 июня) наглядно показали, что критический настрой директорского корпуса сохранился. В выступлении С.П. Бирмана — директора металлургического завода им. Петровского — впервые отчётливо прозвучало, что в погоне за стахановскими рекордами были грубо нарушены правила ухода за мартеновскими печами, что привело к «целому ряду безобразных аварий... Одна печь за другой начали выходить из строя. В конце концов, создалось такое положение, что весь мартеновский цех оказался неработоспособным»(!). [*Совет...*, 1936. С. 307].

Между тем, подчеркнул Бирман, в основе стахановских экспериментов лежал «проверенный американский опыт». Однако подвели организация производства и квалификация рабочих. Во многом это было связано с тем, что в советских вузах студентов не обучают дисциплине «организация производства»... «Мы имеем дело с известной односторонностью образования, направленности и всей психологии нашего инженерно-технического персонала». В силу этого, обвинять наших инженерно-технических работников в саботаже стахановского движения было бы неправильно» [*Совет...*, 1936. С. 308]. Такие выводы директора одного из крупнейших металлургических заводов страны выходили далеко за пределы одного предприятия.

Короткое выступление И.А. Лихачева — директора автозавода им. Сталина было построено на противопоставлении успехов стахановцев в основных цехах автозавода за счет автоматизации производства и научного обоснования скорости резания на станках. Он указывал и на доминирование поставок металла низкого качества, на «ставки на тоннаж, а не ассортимент продукции» [*Совет...*, 1936. С. 311].

Прорывным стало сообщение директора Харьковского тракторного завода (ХТЗ) П.И. Свистуна о создании при заводе научно-технической станции для повышения квалификации инженерно-технических работников. Группы специалистов ХТЗ последовательно освобождались на два дня в месяц для обязательного изучения организации производства и технических новинок [*Совет...*, 1936. С. 320].

Речь ещё одного знатного стахановца, известного всей стране кузнеца Горьковского автозавода А.Х. Бусыгина оказалась далека от пропагандистских штампов о жизни стахановцев. Его слова о выходе из строя оборудования на долгие месяцы после «стахановских рекордов», длительность ремонтов изношенных агрегатов подтверждали аналогичную оценку С.П. Бирмана. Однако Бусыгин высказал идеологически «верное» заключение: скоро «весь завод заработает по-стахановски. Страна живет счастливо. За это спасибо товарищу Сталину» [*Совет...*, 1936. С. 325].

Факт использования «знатного» стахановца Бусыгина в качестве толкача для обеспечения завода необходимым металлом вызвал возмущение Орджоникидзе [*Совет...*, 1936. С. 323, 384]. Картина обычной жизни советского промышленного предприятия явно не совпадала с мифами о социалистической индустриализации.

Отвечая на критику Бусыгина, А.С. Иванов — технический директор Горьковского автозавода — обратил внимание на систематические срывы плана поставок нужных дета-

лей и металла со стороны смежников. Правилком, подчеркнул Иванов, стали поставки металла не тех сортов, и не отвечающих стандартам. На самом предприятии внутризаводские перевозки были организованы примитивно, в них были задействованы 6 тыс. человек, однако средств на механизации перевозок НКТП не выделял. Выход, по мнению Иванова, заключался в праве директора свободно распоряжаться средствами, отпущенными на капитальное строительство [*Совет...*, 1936. С. 336].

Претензии машиностроителей к металлургам конкретизировал директор Уралмаша Л.С. Владимиров. За первые пять («стахановских») месяцев 1936 г. 14% поставок металла на Уралмаш оказались бракованными. Низкое качество металла вынудило Уралмаш затрачивать много средств на его доработку. А это усугубляло нелёгкое финансовое положение завода [*Совет...*, 1936. С. 349]. По оценке директора Уралмаша, «стахановское движение в промышленности охватило только самую верхушку рабочих. Как правило, стахановцами у нас являются члены партии, комсомольцы и передовая часть рабочих, — это в лучшем случае», отметил Владимиров [*Совет...*, 1936. С. 347]. Такое высказывание резко отличалось от общепринятого парадного освещения стахановского движения.

«Существующее у некоторых товарищей мнение, что инженерно-технический персонал не хочет идти в ногу со стахановским движением, — продолжал Владимиров, — неправильно. Беда заключается в том, что мы ещё до сих пор не переключили инженерно-технический персонал на творческую плодотворную работу. Инженер и техник часто работают не головой, а ногами». Поясняя последнее предложение, Владимиров отметил: «...мы недостаточно разгрузили инженерно-технический персонал и не поставили его в такие условия, чтобы он мог более плодотворно работать» [*Совет...*, 1936. С. 348]. Кого же Владимиров имел в виду, применяя собирательное «Мы»? Думается, для участников Совета, для внимательных читателей Стенографического отчёта о работе Совета было ясно: под видом самокритики, речь шла о высшем партийном руководстве.

Поздним вечером 29 июня состоялось заключительное выступление Г.К.Орджоникидзе. Он назвал обвинения в адрес инженерно-технический персонала за вымышленное саботирование стахановского движения чепухой. «Какие там саботажники! — возмутился нарком. — За 19 лет существования Советской власти мы воспитывали в наших школах и вузах инженеров и техников, выпустили сто с лишним тысяч инженеров и такое же количество техников. Если все они, а также старые инженеры, которых мы перевоспитывали, оказались в 1936 г. саботажниками, то поздравьте себя с таким успехом. Какие там саботажники! Не саботажники, а хорошие люди — наши сыновья, наши братья, наши товарищи, которые целиком и полностью за Советскую власть. Умирать будут на фронтах за советскую власть, если это потребуется». Как фиксирует Стенографический отчет, участники Второго Пленума встретили слова «бурными продолжительными аплодисментами» [*Совет...*, 1936. С. 390]. Как видно, вечером 29 июня осуждение гонений на специалистов получило полную поддержку от представителей советской хозяйственной элиты.

В выступлении Орджоникидзе подчёркивалось, что развитие стахановского движения зависит от научного подхода к организации рабочего труда; оно «не терпит рывков, ни перебоев, ни кустарщины». Сложность решения этой проблемы обострялась тем, что, по словам наркома, «наши вузы выпускают технологов, а не организаторов производства» [*Совет...*, 1936. С. 391, 398]. Орджоникидзе (на примере цветной металлургии) высмеял утверждения отдельных директоров о близости производительности труда советских и американских рабочих. На одном и том же оборудовании, по его словам, американский рабочий выпускал продукции в разы больше, чем наш. Аналогичное положение было и на предприятиях в других отраслях советской промышленности [*Совет...*, 1936. С. 406].

Обратившись к известному лозунгу 1930-х гг. «Догнать и перегнать», нарком предупредил о сложности его выполнения: в США «производительность труда в 2 — 3 раза выше,

и металл по качеству выше, чем у нас, и машины лучше» [Совет..., 1936. С. 406]. Такой вывод явно противоречил тезису о «перманентном загнивании капитализма». Пророчески прозвучал вывод наркома: «...если хотите перегнать Америку, изучите её каждый по своей отрасли, поставьте перед собой эту задачу и перегоняйте по-честному, чтобы по количеству было больше, по качеству было лучше, и чтобы по цене было дешевле, чем у них» [Совет..., 1936. С. 406-407].

И всё-таки главный посыл прозвучал у Орджоникидзе в конце его доклада. Нарком поддержал предложения участников Второго Пленума о недопустимости выпуска некачественной продукции. По утверждению Орджоникидзе, предприятие должно считаться не выполнившим государственную программу (заказ), при выполнении плана по количественным показателям, но при условии срыва плана по ассортименту продукции, и недопущении положенных стандартов [Совет..., 1936. С. 410].

«Пора нам отказаться от планирования выполнения плана по валовой продукции», — заявил нарком. «Надо планировать выполнение программы не по валовой продукции, а по товарной — сколько *готовой* продукции мы выпустили для нашего населения, для нашего народного хозяйства» [Совет..., 1936. С. 410]. Внимательный читатель сразу вспомнит: подобный тезис будет содержать «косыгинская» экономическая реформа 1965 г. Кто знает, насколько лет раньше была бы реализована реформа, если бы предложение Орджоникидзе было бы реализовано!

Таким образом, если на Первом Пленуме в мае 1935 г. Орджоникидзе только частично поддержал мнения директорского корпуса [Совет..., 1935. С. 111], то 29 июня 1936. нарком активно и эмоционально заявил о совпадении взглядов руководства НКТП и представителей хозяйственной элиты. Пространства для маневрирования фактически уже не оставалось.

Участники Второго Пленума, включая наркома, фактически осудили целый ряд мифов, окружающих экономическую политику государства: о массовом саботаже инженерами и техниками дела развития стахановского движения; о самой практике постановки «стахановских рекордов»; о тяжести их последствий. Развенчивался миф о самом стахановском движении как «высшей форме организации труда». Указывалось на масштаб беспорядочности в промышленности СССР, на низкое качество выпускаемой продукции, что не имело ничего общего с тезисом о заведомом превосходстве «социалистической индустрии над капиталистической».

Ставку на стабилизацию планирования и производственной деятельности, на приоритет качественных показателей делали и на Первом пленуме в мае 1935 г. Подтвердилась она и на Втором Пленуме.

Вывод Орджоникидзе на Втором Пленуме о необходимости планирования выполнения программы не по валовой продукции, а по товарной означал выход советской экономической мысли на принципиально иной уровень. Коллективный опыт директорского корпуса вывел Орджоникидзе в последний час работы Совета на понимание *качества* распоряжения ресурсами как наиболее надежного показателя учёта общенациональных интересов. В свою очередь, параметрами этого показателя объективно должны были выступать соразмерность объявленных мер и имеющихся ресурсов, социально-приоритетное, целевое и подконтрольное их использование.

О реакции Сталина можно судить по степени освещения работы Второго Пленума в центральных газетах. Читатель не мог не отметить, что газеты давали весьма скудную информацию о его работе. Бросалось в глаза стремление редакторов сузить тематику выступлений участников. Так, первое заседание Второго Пленума, судя по печатным публикациям, было посвящено главным образом проблеме *добычи нефти*. Последующие заседания, опять-таки исходя из газетных публикаций, — посвящены задачам стахановского движения. Газеты *более чем выборочно* публиковали сами выступления участников

форума. Со страниц июньских газет можно было услышать только выступления «лучших стахановцев», повторявших знакомые слова о «неумении инженеров руководить стахановским движением»¹⁶. Назывались фамилии выступавших — руководители главков и заводов-гигантов, но смысл докладов не раскрывался. Выступлениями стахановцев (а точнее — выдержками из них) газеты ограничивали информацию о работе Пленума¹⁷. Отмечался тот факт, что он «работает по-деловому; все речи насыщены фактическим материалом», а характерной чертой большинства выступлений выступала «ясность перспектив и возросшая требовательность к себе». Но все критические высказывания выступивших были изъятые¹⁸.

«Правда» 29 июня 1936 г. в несколько ироничной манере отмечала: «Четыре дня заседает Совет. Уже выступил седьмой десяток присутствующих». Двусмысленно звучало сообщение о том, что «на вечернем заседании с яркой речью выступил Пятаков, которого зал встретил и проводил продолжительными аплодисментами»¹⁹. Известно, что к этому времени положение Пятакова было более чем шаткое [Хлевнюк, 1996. С. 88]. Только через шесть дней после закрытия заседания Второго Пленума в газетах было опубликовано заключительное слово Г.К.Орджоникидзе²⁰.

Практика более поздней публикации выступлений управленцев сложилась в СССР ещё с начала 1930-х гг.: на Втором Пленуме уже произнесённое слово подвергалось цензуре и в печатном виде представало в ином облики. Мифологическое поле «страны социализма» пыталось блокировать реалистическую информацию. Однако в данном случае текст доклада Орджоникидзе в газетном изложении и в Стенографическом отчёте совпадал: конфликты с членами Политбюро должны были идти по сталинскому расписанию.

Передовая газеты «Правда» за 10 июля 1936 г. «Не зазнаваться» приводила главные мысли доклада Орджоникидзе, но они приписывались Сталину! («Сталин предложил...»). Глупостью назывались утверждения о саботаже «противников стахановского движения» среди инженерно-технического персонала. Однако воспоминания о масштабных репрессиях против хозяйственников и аресте практически всех участников Второго Пленума в 1937 -1938 гг. превращают текст передовой «Правды» в тактический манёвр.

Анализ кадровых перемещений представителей директорского корпуса между Первым и Вторым Пленумами (12 мая 1935 г. — 25 июня 1936 г.) показывает сохранение основной массы управленцев на своих должностях. Из 28 директоров, по нашим подсчётам, за истекший период на повышение пошёл только Е.Л. Бродов, директор Березниковского химического комбината, ставший начальником Главзота. Это означало, что, благодаря защите со стороны члена Политбюро ЦК ВКП(Б) Г.К. Орджоникидзе, критические и остро-критические замечания, высказанные на Первом Пленуме, оказались учтены соответствующими инстанциями, но остались без организационных выводов.

Изменился состав выступавших: из 28 директоров — членов Совета, бравших слово на Первом Пленуме, на Втором Пленуме не получили слова директора таких гигантов, как ГАЗ (С.С. Дьяконов); Кировский завод (К.М. Отс); директора авиационных заводов; Пермского оружейного завода. В определённой степени это было связано с развёртыванием обширных оборонных программ на этих предприятиях: завеса секретности всё в большей степени сужала доступную информацию.

Представительство директоров среди выступавших на Втором Пленуме (25 из 86 — вместо 17 из 59 на Первом Пленуме) практически не изменилось, но степень само-

¹⁶ Правда. 1936. 27, 30 июня.

¹⁷ Правда. 1936. 30 июня; Известия, 1936. 30 июня

¹⁸ Правда. 1936. 29 июня. «С заседания Совета при народном комиссаре тяжелой промышленности».

¹⁹ Там же.

²⁰ Правда. 1936. 5 июля.

стоятельности «красных командиров производства» всё больше раздражала партийные комитеты [Хлевнюк, 1996. С. 175-176]. Значительное представительство среди выступавших на Втором Пленуме получили управляющие трестами; представляющие каменноугольную, нефтяную отрасли и медеплавильную промышленность, где число стахановцев было наиболее велико. Показательно, что в этой категории лиц преобладали управленцы (17 из 18), не являющиеся членами Совета при наркомате тяжёлой промышленности. Как отмечалось выше, в выступлениях управляющих трестами преобладали технократические мотивы и утверждения идеологического характера. В то же время руководители главков, за исключением И.И. Павлуновского, начальника Главного управления военной промышленности НКТП СССР, в основном поддерживали предложения директорского корпуса. Как видно, подбор выступавших на форуме хозяйственников превращался в сложный политический манёвр, включающий учёт и рациональных предложений управленцев, и идеологических установок партийного руководства.

Выводы

12 мая 1935 г., завершая работу Первого Пленума, Г.К. Орджоникидзе говорил о *росте управленческой квалификации* представителей директорского корпуса. Такой же вывод нарком мог сделать и 29 июня 1936 г. Коллективный опыт привёл участников Второго Пленума к пониманию принципиальной недопустимости выпуска некачественной продукции и допустимости сокращения объёмов производства ради выхода на установленные стандарты качества; к осознанию верхушечного характера стахановского движения; к пониманию роли технического образования для промышленных рабочих; к осуждению попыток необоснованных обвинений специалистов в саботаже стахановского движения.

Если на Первом Пленуме предложения девяти директоров крупнейших предприятий изменить существующие методы планирования, а десяти — в качестве главной задачи рассматривать проблему рентабельности, включая введение системы балансов во внутриотраслевых и межзаводских отношениях, не получили прямой поддержки Орджоникидзе, то на Втором Пленуме картина принципиально изменилась. Так, высказанная 10 мая 1935 г. мысль директора Харьковского тракторного завода П.И. Свистуна о необходимости перехода к «другой системе планирования», в основе которой «должно было быть положено сокращение числа спускаемых сверху плановых показателей; а в ряду немногих оставшихся предлагались данные по выпуску основной продукции, а также качественные индикаторы — себестоимость и фондоотдачу» [Совет..., 1935. С. 111], стала центральной в заключительном выступлении наркомата тяжёлой промышленности 29 июня 1936 г.

Резко негативное отношение Сталина к работе Второго Пленума стало очевидным. Возможности для компромисса оказались иллюзорными.

Второй Пленум Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР стал последним мероприятием подобного типа, поскольку нарастающее прозрение хозяйственников разрушало многие мифы сталинской пропаганды. Работа Первого и Второго Пленумов Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР показала глубину расхождения подходов к осуществлению экономической политики у хозяйственной элиты и политического руководства Советского государства.

Трагическая гибель практически всех участников Второго Пленума в годы массовых репрессий стала тяжёлым ударом, но не сокрушительной катастрофой для тяжёлой промышленности СССР. Рациональная, опирающаяся на научные знания, тенденция экономического курса Советского государства, получила мощную «подпитку». Относительно сбалансированная экономическая политика 1933-1936 гг. способствовала достижению значительных результатов: «размораживанию» строительных объектов, вводу в строй

производственных мощностей; выполнению основных производственных заданий Второй пятилетки. В экономическом отношении 1935-1936 гг. стали одним из наиболее успешных периодов предвоенных пятилеток [Хлевнюк, 1996. С.156]. В этом была немалая роль членов Совета при наркомате тяжёлой промышленности. Можно только глубоко сожалеть, что 1937 г. для экономики СССР стал шагом назад, а не движением вперёд.

В экономическую теорию были внесены положения, ставшие основой будущих реформ в промышленности. Государственная программа обязательного технического обучения рабочих, стартовавшая в 1936 г., обрела отчётливые очертания в предвоенные годы. По данным ЦУНХУ СССР за 1936-1940 гг. в промышленности и строительстве различными видами технического обучения были охвачены около 10 млн человек (9 772,4 тыс.)²¹. Однако пренебрежение к человеческому фактору и, в частности, недостаточное понимание высшим руководством СССР значения последовательного прохождения всех промышленных рабочих через стадии технической подготовки привели к тому, что число выпускников КМСТ в промышленности к июню 1941 г. было невелико — порядка 100 тыс. человек [Постников, Фельдман, 2004. С. 104], или 1% от всех промышленных рабочих.

Расширился социум квалифицированных и высококвалифицированных рабочих [Постников, Фельдман, 2004. С. 142-144;153-156]. Новое поколение директорского корпуса в конце 1930-х гг. и в годы Великой Отечественной войны смогло опираться на опыт своих предшественников.

ЛИТЕРАТУРА

- Грегори П. (2006). Политическая экономия сталинизма. — М.: РОССПЭН.
- Дэвис Р., Хлевнюк О. В. (1994). Вторая пятилетка: механизм смены экономического курса // Отечественная история. № 3. С. 92 — 108.
- Козлов В. А., Хлевнюк О. В. (1988). Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов. — М.: Политиздат.
- Красильников С.А. (2016). Отечественная интеллигенция в постреволюционный и раннесталинский периоды: старое и новое в исследовательских подходах // Культура и власть в СССР. 1920–1950 годы: Материалы девятой международной научной конференции. Санкт-Петербург, 24–26 октября. — М.:РОССПЭН. С. 28-38.
- Красильников С.А., Савин А.И., Ушакова С.Н. (2011). Шахтинский политический процесс 1928 года: источники в контексте эпохи // Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. Кн. 1. М.:РОССПЭН. С. 10-70.
- Постников С.П., Фельдман М.А. (2004). Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900-1940 гг. — Екатеринбург: УРО РАН.
- Совет при народном комиссаре тяжёлой промышленности Союза ССР. (1935). Первый Пленум. — М.-Л.: ОНТИ НКТП.
- Совет при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР. 25-29 июня 1936 г. (1936). — М.: ОНТИ НКТП.
- Фельдман М.А. (2011). Две тенденции государственной политики в середине 30-х гг.: пять дней из жизни Г. К. Орджоникидзе // Экономическая история. Обзорение. Вып. 15 МГУ. С. 86–95.
- Фельдман М.А. (2015). Стахановское движение: место в мифической и реальной предвоенной советской истории // Вопросы истории. № 8. С. 3–19.
- Фельдман М.А. (2022). Первый Пленум: к вопросу о значении Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР в мае 1935 г.// Вопросы теоретической экономики. № 2. С.128–138.
- Фирин М. (1937). Организация заработной платы в тяжёлой промышленности // Плановое хозяйство. № 1. С. 107 — 120.
- Хлевнюк О.В. (1991). 1937 год: противостояние. — М.: Знание.
- Хлевнюк О.В. (1996). Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг. — М.: РОССПЭН.
- Davies R. W. (1996). Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. — Basingstoke: Palgrave Macmillan.

²¹ РГАЭ. Ф.1562.Оп. 17. Д. 833. Л.3.

Фельдман Михаил Аркадьевич

feldman-mih@yandex.ru

Mikhail Feldman

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ural Institute of Institute of management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg)

feldman-mih@yandex.ru

THE SECOND PLENUM (COUNCIL UNDER THE PEOPLE'S COMMISSAR OF HEAVY INDUSTRY OF THE USSR): RETROSPECTIVE (JUNE 25-29, 1936)

Abstract. The article analyzes the work of the Second Plenum (Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR on June 25-29, 1936). Various approaches of representatives of the Soviet leadership to the Stakhanov movement are considered. It is concluded that if for the leadership of the NKTP the Stakhanov movement was the beginning of a phased training and retraining of skilled and highly skilled workers of the industrial era, then for Stalin and his closest associates the Stakhanov movement was already the final result of the previous "growth of the cultural and technical level of workers, and the whole mass of industrial workers is obliged to work at the level of Stakhanov records.

The participants of the Second Plenum, including the People's Commissar, actually condemned a number of myths surrounding the economic policy of the state: about the mass sabotage of engineers and technicians in the development of the Stakhanov movement; about the very practice of setting «Stakhanov records»; about the severity of their consequences. The myth of the Stakhanov movement itself — as the «highest form of labor organization» — was debunked: the indication of the scale of mismanagement in the USSR industry, the low quality of products — had nothing to do with the myth of the notorious superiority of «socialist industry over capitalist».

Keywords: *Stakhanov movement, workers, specialists, party, plenum, industry, directors.*

JEL: B24, N44.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Фельдман М.А. Второй пленум Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР: ретроспектива (25-29 июня 1936 г.) // Вопросы теоретической экономики. 2022. №4. С. 177–192. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_177_192.

FOR CITATION: *Feldman M.* The Second Plenum (Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR): Retrospective (June 25-29, 1936) // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2022. No. 4. Pp. 177–192. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_177_192.

REFERENCES

- Davies R. W.* (1996). *Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933*. — Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Davis R., Khlevnyuk O. V.* (1994). Vtoraya pyatiletka: mekhanizm smeny ekonomicheskogo kursa [The Second five-year plan: the mechanism of changing the economic course] // *Otechestvennaya istoriya*. No. 3. pp.92 — 108. (In Russ.).
- Feldman M.A.* (2011). Dve tendencii gosudarstvennoj politiki v seredine 30-h gg.: pyat' dnejj iz zhizni G. K. Ordzhonikidze [Two Trends of state Policy in the Mid-30s: Five Days from the Life of G. K. Ordzhonikidze] // *Ekonomicheskaya istoriya. Obzrenie*. Pp. 86–95. (In Russ.).
- Feldman M.A.* (2015). Stahanovskoe dvizhenie: mesto v mificheskoy i real'noj predvoennoj sovetskoj istorii [The Stakhanov Movement: a place in the Mythical and Real Pre-War Soviet History] // *Voprosy istorii*. No. 8. Pp. 3–19. (In Russ.).
- Feldman M.A.* (2022). Pervyj Plenum: k voprosu o znachenii Soveta pri narodnom komissare tyazheloj promyshlennosti SSSR v mae 1935 [The First Plenum: on the question of the significance of the Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR in May 1935] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 2. pp. 128 — 138. (In Russ.).
- Firin M.* (1937). Organizatsiya zarabotnoj platy v tyazheloj promyshlennosti [Organization of wages in heavy industry] // *Planovoe hozyajstvo*. No. 1. pp. 107 — 120. (In Russ.).
- Gregory P.* (2006). *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The political economy of Stalinism]. — Moscow: ROSSPEN. (In Russ.).
- Khlevnyuk O. V.* (1991). 1937 god: protivostoyanie [1937: confrontation] M.. Knowledge. (In Russ.).
- Khlevnyuk O. V.* (1996). *Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoy vlasti v 30-e gg.* [Politburo. Mechanisms of political power in the 30s.]. — Moscow: ROSSPEN. (In Russ.).
- Kozlov V. A., Khlevnyuk O. V.* (1988). *Nachinaetsya s cheloveka. CHElovecheskij faktor v socialisticheskom stroitel'stve: itogi i uroki 30-h godov.* [It starts with a person. The human factor in Socialist construction: results and lessons of the 30s.]. — Moscow.: Politizdat. (In Russ.).

- Krasilnikov S. A.* (2016). Otechestvennaya intelligenciya v postrevolyucionnyj i rannestaliniskij periody: staroe i novoe v issledovatel'skih podhodah // Kul'tura i vlast' v SSSR. 1920–1950 gody [The Russian intelligentsia in the post-revolutionary and early Stalin periods: old and new in research approaches] // *Kul'tura I vlast' v SSSR. 1920-1950 gg.*: Materialy mejdunarodnoy nauchnoy konferentsii. St Petersburg, Oktyabr' 24-26. [Culture and power in the USSR. 1920-1950 years. Proceedings of the Ninth International Scientific Conference St. Petersburg, October 24-26.]. — Moscow: ROSSPEN. Pp.28-38. (In Russ.).
- Krasilnikov S. A., Savin A. I., Ushakova C. H.* (2011). *Shahtinskij politicheskij process 1928 goda: istochniki v kontekste epohi* [Shakhty political process of 1928: sources in the context of the epoch] // *Shakhty process of 1928: preparation, conduct, results: in 2 books. Book 1.* — Moscow: ROSSPEN. Pp. 10-70. (In Russ.).
- Postnikov S.P., Feldman M.A.* (2004). *Gosudarstvo i professional'naya podgotovka rabochih kadrov promyshlennosti Urala v 1900-1940 gg.* [The state and professional training of industrial workers in the Urals in 1900-1940]. — Ekaterinburg: URO RAS. (In Russ.).
- Sovet pri narodnom komissare tyazhëloy promyshlennosti Soyuza SSR.* (1935). Pervyy Plenum [Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR. First Plenum]. — Moscow.-Leningrad: ONTI NKTP. (In Russ.).
- Sovet pri narodnom komissare tyazhëloy promyshlennosti SSSR. 25-29 iyunya 1936 g.* (1936). Vtoroy Plenum. [Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR. June 25-29, 1936. Second Plenum]. — Moscow.: ONTI NKTP. (In Russ.).

Ю.В. Латов

*д.соц.н., к.э.н., доцент, главный научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)*

СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНЕННЫХ ШАНСОВ И РИСКОВ КАК ВКЛАД В «ЭКОНОМИКУ СЧАСТЬЯ» (размышления над книгой «Общество неравных возможностей: социальная структура современной России»)

Аннотация. Анализируется коллективная монография сотрудников Института социологии ФНИСЦ РАН и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» под редакцией Н.Е. Тихоновой о социальной стратификации современного (2010–2020-х гг.) российского общества. Главной методологической инновацией её авторов является комплексное использование в качестве критерия классификации наличия/отсутствия у людей определённого набора жизненных шансов и рисков. Такой подход, предложенный в общей форме ещё М. Вебером, лучше традиционной структурализации «по доходам», поскольку помогает выявлять ресурсы, которые формируются и реализуются в долгосрочном периоде, а не в статике, как размер доходов на какую-то дату. На основе этого подхода авторам коллективной монографии удалось сделать многие важные выводы о специфике современного развития России, продолжающей догоняющее развитие. Ими выявлено деление современных россиян на верхнюю (позитивно-привилегированную), среднюю (нормальную) и нижнюю (негативно-привилегированную) страты в пропорции примерно 10:65:25 по состоянию на рубеж 2010–2020-х гг. При этом, хотя до $\frac{2}{3}$ россиян относятся к средней страте, однако от рисков бедности избавлена лишь примерно четверть всех россиян, а остальные $\frac{3}{4}$, включая большую часть средней страты, если не бедны, то живут в условиях рисков обеднения. Определённая «недоразвитость» современной России проявляется также в высоком эффекте «липкого пола», в то время как эффект «липкого потолка» заметен в массовых слоях гораздо слабее. Хотя сами авторы коллективной монографии презентуют свой подход как выходящий за рамки экономического подхода к благосостоянию, объективно их аналитическая разработка является элементом перехода обществоведов к более широкому пониманию благосостояния, который в экономической науке начался с 1970-х гг. Разработанный авторами книги Индекс жизненных шансов и рисков фактически основан на тех же предпосылках, что и Индекс человеческого развития, но включает заметно большее количество элементов, характеризующих как монетарные, так и немонетарные аспекты благосостояния людей XXI в.

Ключевые слова: *транзитивная экономика, социальная структура, неравенство, жизненные шансы, экономика счастья, экономический и социологический империализм.*

JEL: B41, D63, I31, P20, Y30, Z13.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_193_201.

В последние десятилетия обществоведы всё чаще отмечают, что характерное для XIX–XX вв. разграничение сфер разных общественных наук постепенно стирается. На поверхностном уровне это стирание проявляется в различных «империализмах», когда какая-то из общественных наук (прежде всего экономическая теория) пытается «навязать» свои дискурсы «соседним» наукам. Но кроме поверхностной «борьбы империализмов», главным образом экономического и социологического [Автономов, 2010], есть более глубокие уровни взаимовлияния. Это происходит, когда обществоведы, не претендуя на

универсальный подход, «просто» начинают решать конкретные исследовательские проблемы, объективно находящиеся на стыке нескольких общественных наук, и тем самым обогащают не только свою науку, но и «соседние», формируя «обществознание без границ» [Розов, 2009].

Одной из таких пограничных проблем является проблема социальной стратификации — деления общества на качественно различные социальные группы. Сама эта проблема относится главным образом к социологии, однако её значимость для экономической теории не подлежит сомнению со времен К. Маркса и Т. Веблена. В условиях современной России понимание стратификации общества имеет не только научно-академическое, но и практическое значение, важное для мониторинга социальной напряжённости. В частности, давно обсуждается, между какими социальными группами россиян наблюдаются наиболее острые конфликты — между бедными и богатыми или между властью и имущими и обычными гражданами? Стабилизация ситуации в России с 1990-х гг. связывается с формированием среднего класса. Однако до сих пор продолжаются дискуссии, насколько этот класс в современной России многочислен и в какой степени он выполняет ожидаемую роль стабилизатора. Много неясного и с современной бедностью. Если в официальном дискурсе подчёркивается изживание в России XXI в. массовой бедности, то в оппозиционных кругах давно сформировалась традиция обвинения власти в сохранении бедности большинства россиян. Все эти вопросы выводят в конечном счёте на «рамочный» мега-вопрос, насколько модернизирована современная Россия: удалось ли ей хотя бы в самых общих чертах сформировать современное общество или она по-прежнему осуществляет догоняющее развитие от архаики к модерну?

Коллектив московских социологов под руководством Н.Е. Тихоновой, участвуя в этих обсуждениях, уже два десятилетия разрабатывает новые подходы к анализу социальных структур современной России (см., например, [Тихонова, 2006; Тихонова, 2018; Лежнина, 2019; Аникин, 2020; Каравай, 2020]). Новая коллективная монография «Общество неравных возможностей» [Тихонова, Мареева, Аникин, Лежнина, Каравай, Слобободенюк, 2022]¹ стала важной вехой развития этой научной школы, предлагая в целостном виде не только новое описание современного российского социума, но и существенно новый теоретический подход, значимый не только для транзитивной России.

Участники проекта под руководством Н.Е. Тихоновой используют подход, восходящий к идеям М. Вебера о большом значении стратификации не просто по материальному благополучию, но по жизненным шансам. Материальное благополучие (доход, имущество) характеризует благосостояние индивида в статике, на конкретный момент времени, в то время как жизненные шансы — в динамике, на многолетнюю перспективу вперед. Например, свежеспечённый выпускник вуза может казаться бедным, поскольку имеет на первых порах невысокий доход, неустойчивую занятость, а часто и долги. Однако на самом деле он не воспринимается «отверженным» ни им самим, ни окружающими, поскольку запас вузовских компетенций и здоровья с очень высокой вероятностью обеспечат ему в ближайшие годы и зарплату, и карьеру. Как указывают авторы «Общества неравных возможностей», жизненные шансы определяются, прежде всего, наличием, объёмом и характером возможностей имеющих у них ресурсов, необходимых для преобразования в доход в рамках существующего экономического порядка. Прежде всего, это накопленные навыки и компетенции, но также и имущество (с. 19). Антитезой жизненным шансам являются жизненные риски — наличие определённых ограничений (нездоровья, обремененности иждивенцами, низкого образования...), которые, как и жизненные шансы, рассматриваются в качестве отклонения от существующей в российском обществе нормы. Для интегральной оценки наличия жизненных шансов/рисков авторами используется набор из 24-х

¹ Далее в круглых скобках в тексте приводятся ссылки на страницы данного издания.

показателей — 12-ти индикаторов позитивной привилегированности (наличие второго жилья, развитых навыков жизни в цифровой среде...) и зеркальных по отношению к ним 12-ти индикаторов негативной привилегированности (наличие крупных долгов, отсутствие повседневного доступа к IT-технологиям...) (с. 52). В результате появляется возможность, используя данные общероссийских социологических опросов последних лет, вычислить для каждого респондента величину Индекса жизненных шансов и рисков (ИЖШИР), а затем иерархизировать россиян по величине этого интегрального индекса.

Используя такой подход, авторы книги делят российское общество на три стандартные части — верхнюю, среднюю и нижнюю страты. Предложенный ими подход кажется похожим на стандартную триаду классов, выделяемых по критериям благосостояния, — верхний, средний и нижний. Подход школы Н.Е. Тихоновой, однако, существенно предпочтительнее, поскольку фиксирует *длительную* предрасположенность входящих в выделенные три группы людей быть и чувствовать себя привилегированными, нормальными или депривированными. Деление на страты по жизненным шансам имеет, как и следовало ожидать, высокую корреляцию с делением на традиционные классы «по доходам» (практически все 24 показателя жизненных шансов/рисков существенно связаны с наличием/отсутствием средств в *долгосрочном* периоде), но характеризует социальную структуру россиян более многоаспектно и точно.

Какие же оригинальные характеристики современной России удалось выявить авторам «Общества неравных возможностей», используя этот оригинальный метод стратификации? Прежде всего, удаётся в значительной степени дать ответ на каверзный вопрос, есть ли в нынешней России пресловутый средний класс, который в развитых странах составляет подавляющее большинство. В России средняя страта — та, которая образует национальную норму с точки зрения соотношения жизненных шансов/рисков, — тоже составляет большинство, точнее 64% по состоянию на 2020 г. (с. 73). Другое дело, что эта средняя страта имеет некоторые признаки, сближающие Россию скорее со странами догоняющего развития, чем с развитыми. Прежде всего, сам этот средний слой асимметричен: его нижняя часть, сближающаяся с нижними слоями, превосходит его верхнюю часть (с. 142). Кроме того, в формировании сложившейся в России социальной дифференциации слишком большую роль играют факторы, мало зависящие от конкретного человека. Авторы книги специально посвятили целую главу «территориально-поселенческим особенностям стратификации российского общества», поскольку между столичными и сельскими жителями обнаруживаются существенные различия в пользу первых (с. 122, 392).

Исследование стратификации россиян по жизненным шансам/рискам проливает дополнительный свет и на проблему бедности. Доля нижней страты в 2020 г. составляла целых 24%, что почти вдвое выше «официальной» российской бедности. «Эта зона оказывается не только заметно шире бедности “по доходам”, но и имеет специфический характер, определяющийся далеко не только недостаточностью текущих доходов. Несмотря на то, что часть представителей нижней страты характеризуется уровнем доходов, который не позволяет формально отнести их к бедным, именно эта группа отличается целым рядом особенностей, позволяющих рассматривать её в качестве реальных социальных “низов” в общей структуре современного российского общества» (с. 174). Авторы книги обращают внимание на то, что большинство представителей нижней страты — это незанятые пенсионеры (почти 2/3 этих «низов») и безработные, а у остальных преобладает прекарная занятость. Таким образом, принцип «кто не работает, тот не ест» остаётся печальной (в условиях вынужденности отказа от работы) жизненной реальностью россиян.

Наиболее важны выводы авторов «Общества неравных возможностей» о динамике социальной стратификации — о сильном эффекте «липкого пола» при гораздо более слабом «липком потолке». «Подавляющее большинство представителей нижней страты имеют очень мало шансов качественно улучшить своё положение и выйти из её состава... Так, в 2018 г.

нижняя страта более чем на $\frac{3}{4}$ состояла из людей, входивших в нижнюю страту и в 2013 г. В то же время в верхней страте этот показатель составлял менее половины, что говорит о гораздо менее устойчивом положении её членов, непрочности их благополучия и быстром обновлении состава этой страты на микроуровне. Таким образом, в отличие от эффекта «липкого пола», эффект «липкого потолка» в современном российском обществе для представителей массовых слоёв населения выражен весьма умеренно» (с. 340). Сползание по социальной лестнице вниз наблюдается в нашей стране гораздо чаще, чем подъём вверх; социальные лифты и эскалаторы чаще опускают, чем поднимают. Россия оказывается обществом не просто неравных, но *стабильно* неравных возможностей, что типично для стран, которые пока не смогли реально стать современными социальными государствами.

Общая оценка авторами современной ситуации в России заключается в том, что «российское население всё ещё находится в большинстве своем в состоянии борьбы за выживание» (с. 342). Современный мир движется к постиндустриальному обществу с качественно новыми постматериалистическими ценностями [Инглхарт, Вельцель, 2011], когда люди больше думают не о том, как обеспечить себя, а о самореализации, но большинству россиян о таком образе жизни можно пока только мечтать. Участники проекта Н.Е. Тихоновой помимо выделения трёх страт по жизненным шансам/рискам выделили также пять групп «эмпирических классов» по типичным для них наборам жизненных шансов/рисков: в результате нижняя страта раскалывается на имеющих и не имеющих занятость, а средняя — на две группы по уровню благосостояния. К россиянам, освобождённым от борьбы за выживание, относится в рамках этой модели верхний средний класс (около 13% в 2018 г. — работодатели, управленцы и специалисты), плюс такой же по размерам «средний» средний класс (благополучные работающие и неработающие). Остальные 73% (по данным за 2018 г., но после событий 2020–2022 гг. их доля выросла) — это если и не бедные, то живущие под постоянной угрозой бедности как под дамкловым мечом. Конечно, эти пропорции существенно различаются по регионам (две столицы гораздо более благополучны и «постиндустриальны», в то время как село остаётся социальным арьергардом), но понятно, что к обществу с постматериалистическими ценностями Россия придёт вряд ли раньше, чем через поколение. Такой вывод из «Общества неравных возможностей» тем более основателен, поскольку, напомню, исследователи работали с информацией не столько о самом благосостоянии, сколько о *возможностях* его наращивать.

Несомненно, что эта коллективная монография будет важной вехой развития российской социологии. Однако она имеет высокую значимость и для отечественных экономистов, хотя авторы книги *экономическую* значимость своего исследования определённо склонны недооценивать.

В тексте книги постоянно подчёркивается, что различия по стратам сильно отличаются от экономических различий. На самом же деле это противопоставление «не совсем» верно: наоборот, проведённая авторами книги стратификация россиян по жизненным шансам/рискам (деление на верхнюю, среднюю и нижнюю страты в пропорции примерно 10:65:25) отражает *именно* экономические различия, но не в традиционном (типичном для обществоведения XIX–XX вв.) понимании, а в современном.

Если рассмотреть, что именно авторы понимают под «экономическим», то оказывается, что под ним везде и всюду понимается монетарное/денежное. Так, на первой же странице Введения сразу заявлено: «чисто экономические неравенства постепенно уступают место неравенствам жизненных шансов в различных областях жизни. Одновременно с этим трансформируется и само пространство немонетарных возможностей и лишений...» (с. 9). Но «экономические» преимущества/доходы/факторы в современной экономической науке категорически не сводимы к «денежным».

Как известно, обсуждение обобщающих показателей благосостояния прошло длительный путь, и даже на заре политической экономии, примерно 350 лет назад, один из

основоположников этой науки — У. Петти — указывал, что при исчислении национального благосостояния надо учитывать не только материальное имущество и товарное производство, но также здоровье граждан и квалификацию работников. Эта креативная идея оказалась сильным забеганием вперед, поскольку в дальнейшем развитие пошло по пути снижения значения качеств работника при росте значения материальных факторов его труда. Соответственно, примерно до последней трети XX в. обобщающие экономические показатели (ВВП, национальный доход и др.) действительно были исключительно монетарными/денежными. Но ещё в первой половине XX в. стало приходить понимание (оно отразилось уже в концепции школы человеческих отношений Э. Мэйо), что при сложной работе качества работников не менее важны, чем характеристики предметов и средств труда. Формирование в 1950-1960-е гг. теории человеческого капитала [Беккер, 2003] стало закономерным результатом этой научной революции — качественного обновления «рамочных» представлений об основных ресурсах развития. В дальнейшем внимание экономистов всё больше привлекали не только человеческий капитал в самом широком смысле слова (включая социальный капитал), но и вообще те ресурсы (прежде всего институциональные «правила игры»), которые принципиально нельзя монетизировать (купить/продать), хотя их наличие/отсутствие *очень* влияет на поток денежных доходов.

Таким образом, экономические преимущества в современном понимании — это преимущества в благосостоянии во *всех* его аспектах. «Жизненные шансы» — это фактически «благосостояние» в широком смысле слова, включая не только денежные доходы, но и всё то, что лишь частично может ими компенсироваться, — здоровье, культурная «наследственность», стабильность положения и т.д. Так что используемая в «Обществе неравных возможностей» стратификация по жизненным шансам фактически является вполне экономической, но именно в комплексном понимании «экономичности».

Такая уточняющая интерпретация не противоречит взглядам авторов коллективной монографии, но позволяет лучше понять, что именно они объективно изучили. Автор данной рецензии специально обсуждал с некоторыми авторами коллективной монографии правомерность сведения «экономического» только к «монетарному». Обсуждение показало, что широкая интерпретация «экономического» как всего, связанного с благосостоянием, им кажется в принципе возможной, но всё же вызывает отторжение как «экономический экспансионизм» (синоним «экономического империализма»). Как полагает, например, научный руководитель проекта Н.Е. Тихонова, разработанная стратификация учитывает отнюдь не только даже расширительно трактуемые экономические аспекты жизни. Например, у представителей различных страт — разная доля имеющих счастливую семью, у них разное демографическое поведение, разные по активности поведенческие стратегии в сфере досуга и т.д. Это, в принципе, хотя и можно «впихнуть» в понятие «благосостояние» (точнее, «качество жизни»), но всё же нельзя назвать «экономическими отношениями» как таковыми. А «чрезмерное расширение экономических отношений на имеющие другую природу сферы» авторы не поддерживают.

В конечном счёте всё сводится к вопросу: могут ли какие-либо характеристики человеческих качеств влиять на благосостояние/благополучие людей, но при этом выходить за рамки предмета экономической науки? Современные российские социологи чаще всего понимают своё размежевание с экономистами так, что экономисты изучают материальные условия поведения, в то время как социологи — нематериальные условия, связанные с общественным сознанием. Конечно, такое понимание грани «экономического» и «социологического» устарело, поскольку не учитывает институциональный сдвиг, который привёл к формированию «экономики счастья». Между тем социология жизненных шансов/рисков одновременно объективно является именно «экономикой счастья». Правда, и современные российские экономисты об этом новейшем направлении экономической науки пишут пока не часто [Антипина, 2012].

Между тем уже в конце XX в. экономисты с уклоном в старый институционализм («наследники Веблена») пришли к новому пониманию благосостояния, которое выходит за рамки традиционных представлений об «экономическом» как о чисто материальном (к тому же преимущественно монетарном) благосостоянии. Речь идёт об «экономике счастья», которая зародилась в 1970-е гг. с парадокса Р. Истерлина (доходы растут, а счастливых людей больше не становится [Easterlin, 1974]) и первоначально рассматривала в основном по-прежнему материальное благополучие в широком смысле слова (не только денежное). Но с 1980-х гг. понимание «благополучия» начало меняться: под ним стали понимать не только материальное благосостояние, но и многие другие факторы социального, психического и исторического характера, которые оказывают влияние на мироощущение людей. Новое понимание благополучия отражено и в новых статистических методах [Флербе, 2012; Стиглиц, Сен, Фитусси, 2016]. В частности, с 1990 г. ООН ведёт мониторинг разработанного под руководством пакистанского экономиста М. уль-Хака Индекса человеческого развития (ИЧР), включающего не только среднедушевой ВВП, но также продолжительность жизни (как индикатор здоровья) и характеристики уровня образования. Помимо ИЧР есть немало других интегральных индексов — от тривиальных индексов качества жизни² до пока ещё экзотического Индекса счастья. Используемый авторами «Общества неравных возможностей» Индекс жизненных шансов и рисков находится именно в этом ряду.

Таким образом, в современном понимании «экономическое» — это, по существу, всё, связанное с изучением роста благосостояния, повышающее качество жизни. С такой точки зрения место в производственных отношениях, характер занятости и прочие критерии, которые лежали в основе традиционно-экономических подходов, можно трактовать как частные примеры современных комплексных подходов. Ведь эти характеристики являются одновременно и «инструментами» для роста «благосостояния»/«счастья», и их проявлениями. Ведь «счастье» («полезность» на языке экономической науки XIX–XX вв.) от обладания собственностью, от самореализации в труде, от потребления, от семейной жизни и т.д. вполне сопоставимы. Такой подход действительно объективно имеет черты «империализма», но не экономического, а скорее наоборот, социологического (как у традиционных институционалистов, начиная с Веблена). «Социологизацию» экономических подходов можно рассматривать как один из результатов постепенного глобального сдвига к постэкономическому обществу (в терминологии В.Л. Иноземцева).

Та методология, которую применили авторы «Общества неравных возможностей», разрабатывая и используя ИЖШИР, — шаг вперёд в сравнении с ИЧР М. уль-Хака. Формально они измеряли не само «благосостояние»/«счастье», а «жизненные шансы», но ведь в общечеловеческом понимании счастье (свобода) — это и есть наличие возможностей (позитивная «свобода для...») плюс отсутствие ограничений (негативная «свобода от...»). Тем самым решена — конечно, в самом первом приближении — проблема измерения счастья. Ведь «экономика счастья» в противоположность «экономике благосостояния» оперирует преимущественно субъективными оценками людей (их опрашивают, насколько они удовлетворены своей жизнью). Но ощущения счастья очень субъективны и трудно

² Например, экономисты Финансового университета при Правительстве Российской Федерации предлагают строить Индекс качества жизни (ИКЖ) из следующих показателей: продолжительность здоровой жизни; приемлемый объём потребления товаров и услуг; удовлетворительные социальные отношения, отсутствие серьёзных общественных конфликтов и угроз; благополучие семьи; наличие возможностей для познания мира и развития — доступ к знаниям, образованию и культурным ценностям; учёт мнения индивида при решении общественных проблем, участие в создании правил поведения человека; социальная принадлежность, полноправное участие в общественной и культурной жизни; доступ к разнообразной информации; комфортные условия труда, относительно короткий рабочий день [Гусков, 2019. С. 6]. Из перечисленных 10 элементов лишь 3 (отсутствие конфликтов/угроз, благополучие семьи и социальное участие) не находят явного соответствия среди 24-х показателей жизненных шансов/угроз, использованных авторами «Общества неравных возможностей».

сопоставимы. Поэтому наряду с измерением «удовлетворённости жизнью в целом» (это социологи давно делают в ходе опросов) лучше использовать разработанную школой Н.Е. Тихоновой «батарею» критериев. В сравнении с ИЧР разработанный авторами ИЖШИР учитывает гораздо большее количество различных факторов, влияющих в современных условиях на благополучие.

Итак, хотя авторы «Общества неравных возможностей» вряд ли рассчитывали на сильный резонанс их разработок в среде экономистов, но, по моему мнению, они вполне могут претендовать на «Премиию имени Махбуба уль-Хака», присуждаемую ООН за выдающийся вклад в изучение и развитие человеческого потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С. (2010). «Экономический империализм» как научная парадигма // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 173–176.
- Аникин В.А. (2020). Социальные классы новой России: неравные и разные // *Социологические исследования*. № 2. С. 31–42.
- Антипина О. (2012). Экономическая теория счастья как направление научных исследований // *Вопросы экономики*. № 2. С. 94–107.
- Беккер Г.С. (2003). *Человеческое поведение: экономический подход*. — М.: ГУ ВШЭ.
- Гусков В. (2019). Экономика счастья: мифы и реальность // *Наука и инновации*. № 9. С. 4–10.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. — М.: Новое издательство.
- Каравай А.В. (2020). Факторы неравенства жизненных шансов россиян (опыт эмпирического анализа) // *Социологическая наука и социальная практика*. № 1. С. 63–78.
- Лежнина Ю.П. (2019). Риски и возможности россиян как база социальной динамики // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 17. № 2. С. 207–222.
- Розов Н.С. (2009). От дисциплинарного империализма — к Обществензнанию Без Границ! // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 132–141.
- Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. (2016). *Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла?: Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса*. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Тихонова Н.Е. (2006). Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *Социологические исследования*. № 9. С. 28–40.
- Тихонова Н.Е. (2018). Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // *Социологические исследования*. № 6. С. 53–65.
- Тихонова Н.Е., Мареева С.В., Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. (2022). *Общество неравных возможностей: социальная структура современной России*. Под ред. Н.Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир.
- Флербе М. (2012). За пределами ВВП: в поисках меры общественного благосостояния // *Вопросы экономики*. № 2. С. 67–93; № 3. С. 32–51.
- Easterlin R.A. (1974). Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence // *Nations and Households in Economic Growth*. Vol. 89. P. 89–125.

Латов Юрий Валерьевич

latov@mail.ru

Yuri Latov

Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Research Center of Science and Technology of the Russian Academy of Science (Moscow)

latov@mail.ru

SOCIOLOGY OF LIFE CHANCES AND RISKS AS A CONTRIBUTE TO THE «ECONOMY OF HAPPINESS» (REFLECTIONS ON «UNEQUAL OPPORTUNITY SOCIETY: SOCIAL STRUCTURE OF MODERN RUSSIA»)

Abstract. The article analyzes the collective monograph of the staff of the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences and the Higher School of Economics, edited by N.E. Tikhonova on the social stratification of modern (2010-2020s) Russian society. The main methodological innovation of its authors is the complex use of a certain set of life chances and risks as a classification criterion. This approach, proposed in a general form by M. Weber, is better than the traditional “income” structuring, because it helps to capture resources that are formed and realized in the long term, and not instantly, like a stream of income. Based on this approach, the authors of the collective monograph managed to draw many important conclusions about the specifics of the modern development of Russia, which continues to catch up. They revealed the division of modern Russians into the upper (positively privileged), middle (normal) and lower (negatively privileged) strata in a proportion of approximately 10:65:25 as of the end of the 2010s. At the same time, although up to 2/3 of Russians belong to the middle stratum, only about a quarter of all Russians are free from the risks of poverty, and the remaining 3/4, including most of the middle stratum, if not poor, then live in conditions of impoverishment risks. A certain “underdevelopment” of modern Russia is also manifested in the high effect of the “sticky floor”, while the effect of the “sticky ceiling” is much less noticeable. Although the authors of the collective monograph themselves present their approach as going beyond the economic approach to welfare, objectively their analytical development is an element of the transition of social scientists to a broader understanding of welfare, which began in economics in the 1970s. The Life Chances and Risks Index developed by the authors of the book is actually based on the same premises as the Human Development Index, but includes a much larger number of elements that characterize both monetary and non-monetary aspects of the well-being of people in the 21st century.

Keywords: *transitive economy, social structure, inequality, life chances, economics of happiness, economic and sociological imperialism.*

JEL: B41; D63; I31; P20; Y30; Z13.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Латов Ю.В. Социология жизненных шансов и рисков как вклад в «экономику счастья» (Размышления над книгой «Общество неравных возможностей: социальная структура современной России») // Вопросы теоретической экономики. 2022. №4. С. 193–201. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_193_201.

FOR CITATION: Latov Y. Sociology of Life Chances and Risks as a Contribute to the «Economy of Happiness» (Reflections on «Unequal Opportunity Society: Social Structure of Modern Russia») // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2022. No. 4. Pp. 193–201. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_193_201.

REFERENCES

- Anikin V.A. (2020). Sotsial'nyye klassy novoy Rossii: neravnyye i raznyye [Social classes of the new Russia: unequal and different] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 2. Pp. 31–42. (In Russ.).
- Antipina O. (2012). Ekonomicheskaya teoriya schast'ya kak napravleniye nauchnykh issledovaniy [The economic theory of happiness as a direction of scientific research] // *Voprosy ekonomiki*. No. 2. Pp. 94–107. (In Russ.).
- Avtonomov V.S. (2010). «Ekonomicheskiy imperializm» kak nauchnaya paradigma [«Economic imperialism» as a scientific paradigm] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 3. Pp.173–176. (In Russ.).
- Becker G.S. (2003). *Chelovecheskoye povedeniye: ekonomicheskiy podkhod* [Comportement humain : une approche économique]. — М.: GU HSE. (In Russ.).
- Easterlin R.A. (1974). Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence // *Nations and Households in Economic Growth*. Vol. 89. Pp. 89–125.
- Guskov V. (2019). Ekonomika schast'ya: mify i real'nost' [Economics of Happiness: Myths and Reality] // *Nauka i innovatsii*. No. 9. Pp. 4–10. (In Russ.).
- Flerbe M. (2012). Za predelami VVP: v poiskakh mery obshchestvennogo blagosostoyaniya [Beyond GDP: in search of a measure of social welfare] // *Voprosy ekonomiki*. No. 2. Pp. 67–93; No. 3. Pp. 32–51. (In Russ.).

- Inglehart R., Welzel K. (2011). *Modernizatsiya, kul'turnyye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence]. — Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.).
- Karavay A.V. (2020). Faktory neravenstva zhiznennykh shansov rossiyan (opyt empiricheskogo analiza) [Factors of inequality of life chances of Russians (experimental analysis)] // *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. No. 1. Pp. 63–78. (In Russ.).
- Lezhnina Yu.P. (2019). Riski i vozmozhnosti rossiyan kak baza sotsial'noy dinamiki [Risks and opportunities of Russians as the basis of social dynamics] // *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. V. 17. No. 2. Pp. 207–222. (In Russ.).
- Rozov N.S. (2009). Ot distsiplinarnogo imperializma — k Obshchestvoznaniyu Bez Granits! [From Disciplinary Imperialism to Social Science Without Borders!] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 3. Pp. 132–141. (In Russ.).
- Stiglitz D., Sen A., Fitoussi J.-P. (2016). *Neverno otsenivaya nashu zhizn': Pochemu VVP ne imeyet smysla?: Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki i sotsial'nogo progressa*. [Misjudging Our Lives: Why GDP Doesn't Make Sense? Report of the Commission for Measuring Economic Performance and Social Progress]. — Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. (In Russ.).
- Tikhonova N.E. (2006). Resursnyy podkhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikatsionnykh issledovaniyakh [Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 9. Pp. 28–40. (In Russ.).
- Tikhonova N.E. (2018). Stratifikatsiya po zhiznennym shansam massovykh sloyev sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Stratification by life chances of the mass strata of modern Russian society] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 6. Pp. 53–65. (In Russ.).
- Tikhonova N.E., Mareeva S.V., Anikin V.A., Lezhnina Yu.P., Karavay A.V., Slobodenyuk E.D. (2022). *Obshchestvo neravnykh vozmozhnostey: sotsial'naya struktura sovremennoy Rossii*. [A society of unequal opportunities: the social structure of modern Russia.] Ed. by N.E. Tikhonova. — M.: Ves' Mir. (In Russ.).